WARHAMMER

DOUBLE EAGLE

'War-torn tales of loyalty and honour.' – SFX

DAN ABNETT

Annotation

Новый роман Дэна Абнетта из цикла Warhammer 40000 - это захватывающее повествование о героических судьбах военных летчиков, оказавшихся перед лицом почти неминуемого поражения. Новый крестовый поход, охвативший несколько планетных систем, потребовал неисчислимых жертв от обитателей Миров Саббат. Имперская планета Энозис поставлена на грань полного уничтожения, так как ее собственные вооруженные силы оказались не в состоянии противостоять натиску мутантов Хаоса, устроивших кровавую резню во имя своих ужасных богов.

Летчики-истребители элитных подразделений планеты Фэнтайн отлично понимают, что выполнение союзнического долга может стоить им жизни. Эскадрильи Энозиса несут тяжелые потери, и деморализованные местные жители перед лицом наступающих сил Хаоса возлагают на пилотов последние надежды. Смогут ли летчики оправдать

их и, выигрывая драгоценное время, сдержать наступление темных сил до подхода подкрепления из других миров? Могут ли они надеяться на победу в изматывающих душу и тело воздушных сражениях, где им противостоит враг, ведомый демонами?

- Дэн Абнетт
  -
  - Цель обнаружена
    - День 252
    - День 253
    - День 254
    - День 255
    - День 256
    - День 257
    - День 258
    - День 259
    - День 260
  - Последний оазис
    - День 260
    - День 262
    - День 263
  - Колесо судьбы

- День 264
- День 265
- День 266

- Операции противодействия
  - День 267
  - День 268
- Высший пилотаж
  - День 270
- Эпилог

Дэн Абнетт
Двуглавый орел

Моему отцу, с любовью и пластическим цементом.

Особая благодарность Тони Котреллу за его советы, предложения и проявленное терпение.

Сильные люди завоевали господство на планете. Смелые люди завоевали господство в Космосе. Но между планетой и Космосом пролегает воздушное пространство, и лишь отважнейшим дано завоевать там господство.

Из посвящения на здании Хессенвиллъского сколата авиаторов планеты Фантин

Я приказываю вам захватить господство в воздухе. И это не мое дело, как вы с этим справитесь.

Военмейстер
Макароф, из депеши адмиралу Орноффу, 773.M41

У нас были самолеты. Мы на них летали. У них были самолеты. Они на них летали. Все это к тому же сопровождалось стрельбой. Но главное здесь — это кто после этого все еще продолжал летать.

Майор Август Каминский
(73 сбитых самолета противника)
за шесть недель до своей гибели, 812.M41

Я постараюсь выйти из этой переделки живой, если уже

больше ничего нельзя будет сделать.

Командир Бри Джагди в Ауренберге

Цель обнаружена

Тэда

773. M41 по имперскому летоисчислению, дни 252–260

День 252

В небе над Маканайтским хребтом, 06.32

Солнце вышло из-за горизонта, ярко осветив борт самолета и окрасив заснеженные горные вершины далеко внизу в нежно-розовый цвет, неожиданно сделав их похожими на праздничный торт с кремом, в то время как впадины в скалах заполнили черные как чернила тени. Еще тремя тысячами метров ниже, в легкой дымке морозного воздуха, протянулась бесконечная пелена белых перистых облаков.

Самолет ведущего «Охоты» при свете дня казался крошечной клинообразной фигуркой, мелькающей далеко впереди. Он начал выполнять поворот на десять градусов к северо-западу, и Дэрроу тут же отвернул рычаг управления в сторону, строго повторяя его маневр. Горизонт скакнул вверх, и весь мир стал медленно поворачиваться вокруг кабины пилота. Сразу послышалось какое-то странное

постукивание, но он не придал этому особого значения.

По крайней мере, уклонометр все еще работал. Как только Дэрроу осуществил поворот и выровнял свое положение в строю самолетов, он потянулся вперед и в который раз щелкнул кнопкой индикатора горючего.

Медный, точно откалиброванный циферблат все еще показывал полные баки, чего никак не могло быть в действительности, ведь они находились в воздухе уже сорок восемь минут.

Дэрроу снял летную перчатку и попробовал нажать еще раз, полагая, что плотный утепленный материал не позволяет сделать это как следует.

Индикатор упорно настаивал на своем.

Почувствовав, как быстро коченеют пальцы, пилот быстро натянул перчатку обратно. В герметичном костюме было вполне комфортно, но термометр в кабине показывал минус восемь.

Не было слышно ничего, кроме монотонного гула реактивных двигателей.

Дэрроу огляделся по сторонам, не забывая, что нужно поддерживать режим визуального наблюдения. Ничего. Только небо вокруг да отблески солнца на визоре. Силуэт «Охоты Три», как и положено, маячит впереди, оставляя за собой след отработанного топлива.

Пилот направил самолет вверх, выжимая из двигателя максимально возможную скорость. «Волчонок» недовольно взбрыкнул и возобновил свое раздражающее постукивание.

Трон Земли! Он-то думал, что его стальная птица неисправна, а дело совсем не в этом. Они уже тогда были подбиты.

Натянув до отказа ремни снаряжения, Дэрроу наклонился вперед и выглянул из кабины. Так и есть! Алюминоидная обшивка его правого крыла была пробита и разорвана в нескольких местах. Адские зубы! Его подстрелили, как куропатку!

Он надавил рычаг скорости, чтобы получить дополнительное ускорение, и ушел влево, стремительно набирая высоту.

Небо, такое безмятежное на рассвете, всего несколько минут назад, теперь

заволокло дымом, который местами напоминал длинные серые волокна, местами — искусственные цветки из закопченной ваты. Боевой строй звена «Охота» был безнадежно нарушен, и теперь их самолеты беспорядочно рассеялись по всему небу. Дэрроу даже не мог засечь их противников, пресловутых «летучих мышей».

Хотя нет, одного он заметил. Тот явно заходил в хвост «Охоты Пять», выпуская трассирующие снаряды из своих орудий.

Дэрроу тут же направил туда свой самолет, привычным движением приведя оптический прицел отражателя в нужное положение, после чего большой палец сам собой лег на кнопку активатора счетверенных зениток, установленных на носовой части «Волчонка».

«Летучая мышь» бешено металась в оптической сетке прицела, никак не позволяя поймать себя в перекрестье.

Дэрроу проклял все на свете и уже начал молиться Богу-Императору всего Человечества, чтобы тот поддержал его

крылья и хотя бы на одно мгновение, необходимое для удачного выстрела, задержал неуловимую мишень. Он выкручивал штурвал в разные стороны, уводя машину то вверх, то вбок, стараясь скорректировать прицел, но на каждый его маневр «летучая мышь» отвечала своим, все время ускользая из зоны поражения.

Внезапно прямо по курсу что-то вспыхнуло, образовав небольшое облачко густого дыма, и Дэрроу неожиданно оказался в области черного дождя, который яростно хлестал по кабине его «Волчонка».

Но это был вовсе не дождь, а капли машинного масла. За ними последовали обломки самолета: сверкающие куски металла, покореженные части фюзеляжа, обрывки алюминоидной обшивки. Летчик вскрикнул от неожиданности, когда густое черное горючее залепило купол кабины и закрыло ему весь обзор. Он слышал, как стучат обломки, попадая по носовой части корпуса и внешней стороне крыльев. «Летучая мышь» пополнила число своих жертв, и Дэрроу пролетал сейчас сквозь грязную кучу мусора — все, что осталось

от «Охоты Пять». Любая сколько-нибудь значительная болванка из этого лома могла пробить обшивку самолета не хуже артиллерийского снаряда и убить его. А если даже крошечный, в одну десятую миллиметра, кусочек металла попадет в сопло его пульс-реактивного двигателя...

Дэрроу вытянул штурвал на себя и едва не вырвал его, заставляя «Волчонок» уйти вверх и покинуть зону. задымления. Солнце вновь осветило самолет, и стало видно, как из-за перепада давления липкий, густой, как кровь, конденсат дрожащими струйками медленно стекает со стекла кабины пилота.

Почти тут же летчику пришлось совершить головокружительный маневр влево, едва избежав столкновения еще с одним «Волчонком». Дэрроу услышал сдавленный крик по воксу, и, на мгновение заслонив собой все пространство, маленький темно-зеленый перехватчик пронесся почти над самым его плечом.

Этот последний сумасшедший вираж, пожалуй, был слишком крутым. На какой-то миг самолет перевернуло, и пилоту

потребовалось немало усилий, чтобы выправить положение, в то время как горная гряда уже опасно возвышалась над ним. Опять началось постукивание. Это проклятое постукивание. Теперь он заметно терял скорость, а старые импульсные двигатели серии К4Т имели отвратительную привычку воспламеняться, если скорость воздушного потока вдруг резко падала. Стараясь избежать всякого риска, Дэрроу включил двигатель на предельно допустимую мощность. Два самолета пронеслись мимо так быстро, что он не успел определить их тип, но следующие три определенно были «Волчатами». Они летели перпендикулярно его курсу, причем один из них оставлял за собой протяженный след из клубов темно-синего дыма.

— Ведущий «Охоты»! Ведущий «Охоты»! — тщетно вызывал Дэрроу.

Солнце слепило ему глаза, и, когда два «Волчонка» взмыли вверх, он уже не мог удержать их в поле зрения, но третий, как подраненная птица, медленно терял высоту, своим дымом выписывая

причудливые узоры в небе.

И тогда Дэрроу ясно увидел «летучую мышь». В пятистах метрах, на два часа от него, она пикировала на «Волчонок», который, вероятнее всего, был уже безнадежно выведен из строя. В первый раз за четыре недели боевых вылетов пилот получил возможность как следует рассмотреть своего неуловимого врага. Неприятельский самолет формой напоминал вытянутый двусторонний топор, причем кабина пилота была отодвинута назад и возвышалась на месте соединения отточенных лезвий. Перехватчик класса «Адская бритва» — цвет военно-воздушных сил Архенеми. Во время краткого инструктажа перед боевым распределением им говорили, что эти воздушные убийцы бывают или кроваво-красного, или матово-черного цвета, но этот поражал своей жемчужной белизной — как снег, как алебастр, — в то время как купол его кабины был зловеще выделен черной краской, напоминая темную глазную впадину на гладком сверкающем черепе.

Дэрроу должен был почувствовать страх, но, напротив, ощутил лишь прилив адреналина в крови. Он рванулся к приборам и, согнувшись в бронированной кабине, включил дополнительное ускорение, устремив свою машину к противнику, все время держась на пять часов к нему, предполагая с этой стороны остаться незамеченным. Казалось, его план сработал, и ничего не подозревающий враг продолжал неспешно преследовать уже подбитый «Волчонок», не совершая никаких дополнительных маневров.

Летчик щелкнул продолговатой кнопкой. Орудия пришли в боевую готовность.

Подойдя на расстояние в триста метров, Дэрроу стал лихорадочно рассчитывать угол наводки и пришел к неутешительному выводу, что будет вынужден вести огонь под углом примерно пять градусов. Бог-Император, он сейчас получит...

Пилот положил большой палец на активатор зенитной стрельбы. «Волчонок» слегка вздрогнул, когда орудия

изрыгнули пламя, которое вырвалось из-за изогнутого конуса носовой части машины. Дэрроу отчетливо услышал и даже ощутил, как щелкнули затворы.

«Летучая мышь» исчезла.

Он беспрепятственно пролетел дальше, выполняя широкий разворот на скорости свыше двухсот семидесяти километров в час. Воздушный бой закончился в одно мгновение. Но уничтожил ли он противника? Дэрроу сидел в прозрачном куполе кабины и, как зверь, выглядывающий из норы, тревожно озирался по сторонам. Если он попал, то ведь должен же был появиться дым?

Но, кроме клубов густого дыма вдали — километром выше, где все еще продолжалось главное сражение, — он ничего не заметил.

И тогда он повернул назад... Первое правило воздушного боя: стреляй и уходи в сторону. Никогда не привязывайся к одной цели и никогда не возвращайся. Иначе сам станешь целью.

Но все же он должен был знать. Должен.

Дав крен на правое крыло, Дэрроу заложил вираж над горной цепью в надежде увидеть огненный след от падения самолета.

Опять ничего.

Летчик вновь выровнял положение своей машины.

И вдруг обнаружил то, что искал, — совсем рядом, буквально под боком.

Он невольно вскрикнул от неожиданности, когда понял, что «летучая мышь» все это время следовала за ним, точно повторяя движения «Волчонка», на расстоянии, не превышающем ширину его крыла, причем на ее отполированном до блеска белом фюзеляже не было ни царапины.

Она играла с ним как кошка с мышкой!

Паника охватила курсанта летного колледжа Энрика Дэрроу. Он прекрасно понимал, что его доблестный малыш «Волчонок» не сможет ни убежать, ни спрятаться на большой высоте от такого самолета, как «Адская бритва». Летчик максимально убавил газ и произвел резкое

торможение в надежде, что этот неожиданный маневр заставит большой самолет по инерции пролететь дальше, — это бы дало его машине шанс оторваться.

На какой-то момент его преследователь исчез, но вскоре появился вновь, уже с другой стороны, полностью повторив его трюк с торможением. Дэрроу смачно выругался. Самолеты класса «Адская бритва» имели направляемый вектор тяги. Сейчас пилот был так близко, что даже мог видеть вращающиеся сопла реактивных двигателей, располагающиеся на самом брюхе «летучей мыши», под ее крыльями-лезвиями. Это давало ей возможность превосходить в маневренности любой обычный реактивный самолет, а в таких элементах пилотирования, как вертикальный взлет, торможение и даже переход в режим неподвижного зависания, ей просто не было равных.

Тем не менее Дэрроу отказывался признать себя побежденным — ему еще рано умирать. Сильным движением он почти согнул рычаг управления и, тут же

рванув штурвал в сторону, бросил самолет в самое крутое пике, на какое только мог отважиться. Возьми он еще чуть круче — и у его «Волчонка» наверняка бы сорвало крылья.

Весь обзор мгновенно заполнил скалистый пейзаж. Раздался визг пульс-реактивных турбин. Горы во всем своем великолепии предстали перед ним, выстроившись в цепь, словно для торжественной встречи. Его горы. Его мир. Тот мир, который, давая присягу, он обещал защищать.

Ни на миг не отпуская его от себя, невидимый враг в белоснежной машине, без труда повторив опасный маневр, теперь продолжал свое преследование среди горных вершин...

Тэда. Северная ВВБ, 07.02

Иногда выдавались минуты, как, например, в это чудесное утро, когда Август Каминский любил играть в игру, которую он сам же и придумал. Она называлась «Представь себе, что нет никакой войны». В некотором отношении

это было не так уж и трудно. Сейчас ничто не нарушало тишины рассвета, а холодный воздух, всю ночь заставлявший его поеживаться, теперь, в лучах восходящего над городом солнца, дарил ощущение приятной прохлады. С места, где он сидел, хорошо была видна широкая панорама залива в легкой дымке утреннего тумана, а за ним — бескрайняя гладь сверкающего голубой сталью моря. Сам город Тэда — причудливая смесь бесцветных башен из камне-бетона, малоэтажных жилых построек и устремленных ввысь пирамидальных зданий, — выстроенный в стиле, некогда популярном в течение целых двадцати девяти веков, казалось, еще спал, уютно устроившись на широком выступе побережья. Общее впечатление немного портили кружащие над головой чайки, потому что Каминский невольно завидовал их ничем не ограниченной свободе, их удивительной способности летать, но в целом в такие минуты развлекать себя этой игрой было одно удовольствие.

Хотя Тэда и не была местом его рождения (он родился тихим, кротким ребенком сорок два года назад в трех тысячах километрах к северу, в Великом Улье Энотополис, на противоположном берегу Зофонианского моря), Каминский безоговорочно принял этот город как свой родной. Заметно уступая Великому Улью по площади и числу населения, Тэда производила впечатление очень уютного для проживания места, пользующегося всеми преимуществами приморского города, а благодаря своему университариату и множеству сколатов она также получила широкую известность как культурно-образовательный центр. К тому же она была древнее Великого Улья. Старый Квартал Тэды стоял уже около трехсот лет, когда первые технократы принялись складывать свои громады из адамантина на полуострове Урсбонд, что и явилось основанием Энотополиса. Именно Тэда, старая добрая Тэда была одним из первых городов Энозиса.

Каминскому пришелся по душе этот город: отчасти из-за его великого

прошлого, но в основном потому, что Август уже свыкся с ним, ведь прошло долгих шесть лет с тех пор, как он был сюда откомандирован. Теперь Каминский уже хорошо освоился и знал все — от местных закусочных, пирсов и прибрежных павильонов до библиотек и музеев. Это было то место, куда каждый раз хотелось вернуться, как только он закрывал кабину своей машины и привычным жестом прощался с механиками. И это было то место, куда он каждый раз возвращался.

Даже в прошлый раз...

— Вон он где! Шофер!

Знакомый голос нарушил плавное течение его мыслей. Он приподнялся на потертом кожаном сиденье своего грузового транспорта и выглянул в окно. Сениор Пинчон, диспетчер Муниторума, шел сюда по твердой, как бетон, площадке, а трое его помощников, следуя за ним, словно неопытные курсанты за летчиком-асом, почтительно держались чуть сзади. Длиннополый плащ Пинчона развевался за ним в такт шагам, а тяжелые сапоги поднимали пыль с каменистой, выжженной

солнцем почвы. Он обладал очень высоким голосом, своей пронзительностью почти не уступавшим крику чаек.

Каминский недолюбливал Пинчона. Теперь, когда появление начальства заставило его опустить взор с небес на землю, любимая игра была окончательно испорчена. Трудно не замечать войну на военном аэродроме.

Каминский открыл дверь кабины и вылез из машины, чтобы приветствовать сениора. Он с пяти утра не спал и теперь, потягивая кофеин из фляги и не спеша закусывая рулетом из слоеного теста, ожидал получения нового задания.

— Сениор, — произнес он, отдавая честь.

Это было лишнее — диспетчер, прошедший обряд помазания, не имел воинского звания, — но старые привычки, как и самого Каминского, трудно было изменить. Держа в руках планшет со всей необходимой информацией, Пинчон окинул взглядом водителя и давно не мытый транспорт за его спиной.

— Шофер Каминский, категория A?

Транспорт номер сто шестьдесят семь?

— Как вам хорошо известно, сеньор, — ответил Каминский.

Пинчон поставил отметку в какую-то графу своей таблицы.

— Полностью заправлен и готов к отправке? — Каминский кивнул:

— В пять ноль-ноль мне были выданы купоны на шестьдесят литров горючего второго сорта, и на выезде из депо, перед самым дежурством, я залил полные баки.

Пинчон поставил отметку в другую графу.

— Сохранили квитанцию?

Каминский достал сложенный листок из кармана куртки, разгладил его и протянул сеньору. Пинчон внимательно изучил бумагу:

— Шестьдесят литров и три миллилитра, не так ли, шофер?

Каминский пожал плечами:

— Насадки шлангов автозаправщика не очень точно регулируются, сеньор. Я остановил заправку, когда стрелка индикатора была на шестидесяти, но, может быть, несколько капель...

— Вам следует быть более внимательным! — резко произнес Пинчон.

Один из его помощников тут же подобострастно закивал.

— Вы когда-нибудь сами заправлялись из цистерн в депо, сеньор? — не подумав, спросил Каминский.

— Конечно нет!

— Вот тогда бы вы знали, как это непросто — перекрыть струю так, чтобы с точностью до капли набрать горючего.

— Не перекладывайте свою вину на меня, шофер! — взорвался Пинчон. — Стратегические ресурсы, такие как горючее, должны распределяться и расходоваться крайне экономно — с точностью до миллилитра! В этом и состоит задача Святого Муниторума. Идет война, вы что, не знаете?

— Да, я слышал...

Больше не обращая на него внимания, сеньор Пинчон повернулся к кивающему помощнику:

— Сколько стоит три миллилитра горючего второго сорта по официально утвержденной цене?

Помощник произвел быстрые вычисления в своем карманном планшете.

— Округляя в сторону уменьшения — десять с половиной кредитов, сениор.

— Округлите в сторону увеличения. И вычтите эту сумму из следующей зарплаты шофера Каминского, категория А.

— Записано, сениор.

Пинчон опять повернулся к Каминскому:

— Перевозка. Личный состав. Заберете их в ближайшие тридцать минут от здания отеля «Империал» по адресу...

— Я знаю, где это.

— Хорошо. Доставите их к пункту распределения Южной ВАБ. Задание понятно? Прекрасно. Тогда распишитесь здесь.

Неумело сжимая пальцами стилус для письма, Каминский вывел свое имя, но снова не смог удержаться от вопроса:

— Это, наконец, летчики? Летчики Космического флота?

Пинчон вскипел:

— Я не уполномочен отвечать на такие вопросы. Идет война.

— Вы думаете, я не знаю этого, сеньор? — спросил Каминский.

Забирая планшет и стилус, Пинчон взглянул шоферу в лицо. В первый раз за время всего разговора их взгляды встретились. То, что он там увидел, заставило его содрогнуться.

— Выполняйте задание, шофер, — сухо произнес Пинчон и поспешно зашагал прочь.

Каминский забрался в кабину своего побитого транспорта и включил двигатель. Торчащие вверх выхлопные трубы зачихали и стали небольшими порциями выплевывать густой синий дым. Сняв машину с тормозов, шофер по пологому спуску вывел десятико-лесный транспорт с территории авиабазы и, далее следуя вдоль цепного ограждения, повел его по грунтовой окружной дороге в сторону города.

Об уводящей от реальности игре теперь можно было забыть. Здесь уже ничто не напоминало о мирной жизни. Вдоль дороги, куда ни бросишь взгляд,

можно было видеть мрачные приметы военного времени: валяющиеся шланги для подачи горючего, измазанные в вязком черном прометии; обшитые металлом ангары; ветхие мастерские, дрожащие от гула работающих станков; ряды пусковых запалов зажигания, установленных на специальные тележки; товарные составы подвозящих боеприпасы поездов — уже разгруженные и теперь простаивающие на запасных путях, поросших буйными зарослями осоки...

И взлетные полосы. В утреннем свете их поверхность из растрескавшегося камнебетона напоминала кожу, изъеденную псориазом. Гнетущую картину дополняли восьмимоторные бомбардировщики, которые застыли на своих пусковых установках, чьи опоры, как клинки сабель, грозно возвышались над ними. Несколько пикирующих бомбардировщиков класса «Сорокопут», легко узнаваемые по своим изогнутым крыльям, были укрыты брезентом, и вокруг беспрестанно сновали команды оружейников и механиков.

Еще дальше, по ту сторону взлетных

полос, уже на самом морском побережье, вытянулись реактивные катапульты для запуска «Волчат»: сверкая в лучах восходящего солнца, они лежали как скелеты выброшенных на берег морских чудовищ.

Пять «Волчат» располагались на своих стоянках прямо перед пусковыми установками. Выкрашенные в болотно-зеленый цвет, за исключением серого низа, они казались крошечными одноместными самолетами с непропорционально короткими крыльями и хвостовой частью. Их реактивные двигатели приподнимались над фюзеляжем, а дула зенитных орудий спереди кабины были плотно зачехлены. Вообще здесь, на земле, они производили впечатление довольно неповоротливых, тяжеловесных машин.

Но Каминский знал, каковы они в деле. Как при запуске они поднимаются по реактивным катапультам: газ перекрыт и пульс-моторы пыхтят и подрагивают в ожидании, когда воздушный поток позволит им набрать необходимую для взлета мощность. Как щелкает нижний

люк в самый момент отрыва от пусковой установки и как, так и не уняв волнующей дрожи, они легко и свободно взмывают в бесконечную, манящую синеву. А тот ни с чем не сравнимый воздух в кабине, в котором одновременно угадываются запахи стали и резины, прометия и фицелина! И чувство высоты... Когда ты летишь, когда ты живешь...

Бог-Император, как же ему не хватало всего этого!

Чтобы попасть в город, необходимо было миновать ворота в системе укреплений, которые представляли собой груды привалённых к частоколу мешков с песком и высокие насыпи, служащие укрытиями от взрывной волны. Перед тем как проехать, Каминский был вынужден свернуть на обочину, пропуская вперед конвой с боеприпасами. Бросив взгляд в зеркало заднего вида, он мельком успел увидеть свое отражение.

Более, чем что-либо еще, более, чем даже вид готовящихся к бою самолетов, заполнивших аэродром, его собственный вид в зеркале безжалостно напомнил

Августу Каминскому, что его любимая игра — лишь притворство.

От войны, как и от себя, никуда не убежишь.

Тэда. Старый Квартал, 07.09

Он никак не мог заснуть. В основном из-за предчувствия новых сражений не на жизнь, а на смерть, но также и потому, что его внутренние часы все еще соответствовали времени космического корабля, и сейчас для его организма время было далеко за полдень.

Когда хронограф на столике у его изголовья показал без нескольких минут шесть, он рывком сбросил одеяло и поднялся с постели.

Было еще темно и очень холодно. В смежных с ним номерах спали ребята из команды «Г как Грета», что соответствовало литере «Г» в официальном реестре команд. Оттуда непрерывно доносился храп, причем в общем хоре особенно выделялся голос бомбардира Джад-да, временами не уступавший грохоту вулкана. Чиновники

Мунитория выписали для них ордера на постой в некогда роскошном пансионе на набережной канала Казергат, и когда они прибыли вчера во второй половине дня, то первым делом, бросив вещевые мешки в холле внизу, устремились наверх, стараясь захватить себе номера получше. Затем те, кто помоложе, открыли ликер и предались обильным возлияниям, стараясь напиться, чтобы пораньше лечь спать и тем самым облегчить себе переход на местное время. Он и сам пропустил один или два стакана, но такой дешевый способ ухода от действительности никогда особенно не прельщал его.

Он, как и другие старшие офицеры летного состава, воспользовался своим положением, чтобы занять лучшее помещение. Для этого ему пришлось приказать раздосадованному Орсону освободить уже занятый им номер. «Найдешь себе какую-нибудь другую комнату», — сказал он молодому стрелку, чье орудие размещалось в хвостовой части истребителя. Но и таким апартаментам вряд ли можно было позавидовать: давно

протертый ковер на полу; осыпающаяся со стен штукатурка; выкрашенные дегтем простыни, прибитые над окнами вместо занавесок; потолок, от сырости, словно язвами, покрытый темными пятнами, — все здесь навевало уныние и печаль об утрате былого великолепия. Годы войны наложили свой отпечаток на эту страну — то же, несомненно, произошло и с душами населявших ее людей. Пожилая хозяйка пансиона говорила вчера, что горячей воды не будет до восьми, а он не для того проделал путь во столько парсеков, чтобы первый день на новой планете начать под тонкой струей ледяного душа. В полутьме комнаты он оделся — сапоги, бриджи, нательная фуфайка из овечьей шерсти. Уже влезая в куртку пилота, нащупал знаки отличия, вшитые в плотную набивную ткань, — капитанские плашки, значок эскадрильи и именную нашивку, на которой можно было прочесть: «Вилтри Оскар». Немного подумав, он отложил эту слишком официальную часть формы в сторону, предпочтя ей, как более анонимный вариант, обычную кожаную

куртку бежевого цвета.

На лестничной площадке было совсем темно. Все номера следующего этажа занимали парни из команды «Привет преисподней», в то время как команды «Трон Терры» и «Время вдов» разместились еще выше. Ребята из «У как Убойный» и «Отправь Их Обратно В Ад» расквартировались в оставшихся комнатах первого этажа. Еще шесть команд, принадлежащие Двадцать первой авиабригаде «Ореол» Имперских ВВС фантина, нашли себе приют в другом пансионе на той же улице.

Вилтри включил лестничный фонарь с абажуром в виде шара. Свет оказался тусклым, но и его было достаточно, чтобы спуститься вниз по скрипучим ступеням. В холле неожиданно оказалось множество древних книг, сложенных на полке некогда роскошного камина. Время не пощадило его, и с богатого узорами орнамента слой за слоем сходило декоративное покрытие, безобразно обнажая каменную кладку. К несчастью, эта судьба не минула и книг, которые стали рассыпаться, как только

Вилтри попробовал вытащить некоторые из них в надежде скоротать часок-другой за чтением.

Не зная, чем занять себя, он вышел на улицу. Холодный воздух заставил пилота слегка поежиться, но более всего его поразила та удивительная тишина, в которой можно было уловить чуть слышное журчание воды в канале. Вилтри постоял немного, но из задумчивости его вывел грузовой фургон, который прогромыхал на другом берегу. От опытного взгляда не укрылись щитки над фарами, установленные как одна из мер по затемнению города. Сделав несколько шагов, он также заметил равноудаленные металлические стояки, пеньками торчащие вдоль всего бульвара, — прежде на них держались чугунные фонарные столбы, которые, видимо, пошли на переплавку для нужд военной промышленности. Можно было только представлять, как это место выглядело в мирное время: изящные уличные фонари в стеклянных абажурах; негромко урчащие прогулочные электроходы на Гранд-Канале;

холеные горожане, подданные Империума, неспешно идущие по своим делам, иногда останавливающиеся, чтобы поприветствовать друг друга и, возможно, поговорить за чашкой кофе на террасе какой-нибудь давно закрытой теперь таверны. И наверное, еще были студенты. Ведь в кратких ознакомительных материалах о Тэде говорилось как о городе сколатов.

Честно говоря, Вилтри вполне отдавал себе отчет, что, в сущности, почти ничего не знает об Энозисе.

Почти ничего, за исключением трех вещей: он знал, что это древний самодостаточный мир Империума, что он занимает стратегически важное положение в этой части миров Саббат и что тысячи летчиков вроде него самого были в спешном порядке стянуты сюда со всех концов Вселенной, чтобы защитить его от полного уничтожения.

Неожиданно в предрассветном сумраке он сумел разглядеть множество неясных фигур — других прохожих, которые были одеты в темное и спешили куда-то в

одном направлении. Глухой мерный бой колокола местной часовни напомнил жителям, что уже семь часов и что пришло время для утреннего богослужения. Решив последовать за ними, Вилтри, немного поотстав, перешел по мосту на ту сторону канала.

Ко времени, когда он дошел до часовни Министору-ма, которая, как оказалось, стояла на противоположной от пансиона набережной, заутреня уже началась. В нерешительности он простоял некоторое время у входа, прислушиваясь к монотонным церковным песнопениям. Прямо над ним, на фасаде собора, в холодном рассеянном свете раннего утра возвышался барельеф с фигурой Бога-Императора, пристально взирающего на представителей человеческого рода внизу.

Вилтри пристыженно опустил голову. Когда восемь лет назад он поклялся отдать свою жизнь в сражениях на службе у Бога-Императора, он и понятия не имел, как это чертовски трудно будет сделать. Конечно, он всегда хотел быть летчиком — благодаря необычной топографии

фантина все сыновья и дочери этого мира рождались с таким инстинктом. Но цена оказалась слишком высокой. Два года назад, во время последнего освободительного наступления на армии Архенеми, который наложил свои мерзкие лапы на его родной мир, он сражался плечом к плечу с крестоносцами Империума под командованием военмейстера Макарофа и дважды чуть не погиб. Сначала — когда его самолет накрыла взрывная волна над Скальдом, затем — когда попал в плен к подлому варлорду Саггитару Слей-ту в Ауренберге.

Все последующие два года Вилтри не мог отделаться от мысли, что уже должен был погибнуть, что он уже дважды взял жизнь взаймы. За время обучения в ско-ламе его наставник крепко вбил ему в голову концепцию Колеса Судьбы. Она заключалась в том, что Колесо Судьбы находится в правой руке Императора и, вращаясь, оно должно поддерживать равновесие, симметрию своего движения. Все, что человек получил в этой жизни, как и взятый долг, обязательно придется

отдавать. Любая спасенная жизнь уже не вполне принадлежит человеку, а лишь оставлена ему на хранение. Его жизнь спасли дважды. Неминуемо должно было прийти время платить по счетам. И вот он здесь, на другой планете, связанный долгом военного сражаться за этот чужой, невероятно далекий от его дома мир. Окончательный расчет произойдет здесь — он был уверен в этом. Колесо Судьбы теперь совершит свой оборот. Ему дважды сохранили жизнь, так чтобы он смог дожить до дня победы и вновь увидеть свой родной мир свободным. Теперь он сражается за родную планету каких-то других, совсем незнакомых ему людей. Именно здесь, несомненно, Судьба и сведет с ним счеты.

Все летчики «Г как Грета» почти в каждом его действии чувствовали приближение неминуемого рока — в этом у него не было никаких сомнений. Они знали, что их стальная птица обречена на гибель — обречена и проклята одним лишь его присутствием. Он уже потерял одну команду над Скальдом, и на этот раз

пришел их черед. Теперь Колесо Судьбы приведет в действие великий закон равновесия и заберет его из этого мира, а он утянет с собой и всех остальных.

Он просил о переводе, получил отказ, написал рапорт с просьбой о назначении его на должность, не связанную с боевыми действиями, но вновь безрезультатно. «Ты чертовски хороший летчик и офицер, Вилтри, — напрямик сказал ему Орнофф. — Выкинь из головы весь этот вздор о предопределении. Нам теперь нужен любой сукин сын с мало-мальским боевым опытом и летным стажем за плечами. Все говорит за то, что Энозис окажется крепким орешком. Наши сухопутные силы сейчас с боями отступают под натиском легионов Сека. Дело идет к полномасштабной воздушной войне, попомни мои слова. Рапорт отклонен. Твой транспорт с летчиками космических ВВС покидает свою орбиту завтра в шесть ноль-ноль».

Вилтри взглянул вверх на высеченный в камне образ Бога-Императора, который уже стал

отбрасывать глубокие тени в лучах медленно восходящего солнца. Каменный лик, казалось, нахмурился и смотрел на него неодобрительно, словно читая в смятенной душе все сомнения, порожденные робостью его сердца.

— Прости меня! — невольно вырвалось у Вилтри.

Какая-то женщина в длинном черном пальто, опаздывая на службу, с испугом оглянулась на него. При-стыженно вжав голову в плечи, он услужливо открыл перед ней дверь на входе.

Единая волна яркого света и звуков торжественного гимна, посвященного Золотому Трону Земли, разом обрушилась на них, заполняя все пространство вокруг. Женщина поспешно прошла под высокие своды храма.

Он последовал за ней и закрыл за собой тяжелую дверь.

В небе над Маканайтским хребтом, 07.11

Да, этот хорош. Сорвиголова. Наверняка молодой и отчаянно борется за

жизнь. Неужели они все такие?

Последнее пике было просто великолепным — головокружительным и безрассудно-смелым. Небесный Бо ин Крел Кае Обаркон, предводитель пятого летного эшелона, присягнувший Анарху, с тех пор как им стал великий Сек, решил про себя, что был бы не прочь иметь в своем эшелоне побольше таких лихих летчиков. Парень летал, как говорят, вцепившись в небо. Какое роскошное пике! Обаркон не думал, что короткие, маломощные реактивные двигатели противника позволяют совершать такие маневры.

Ему было почти жаль уничтожать такого пилота.

Экипированный герметичным гравитационным скафандром со специальными автоматическими насосами и кардиоцентрифугами для правильной регуляции кровообращения, Обаркон, сориентировав угол продольного наклона почти на восемь часов, направил свою «Адскую бритву» по еще более крутой траектории. Как отточенный клинок,

рассекая воздух, его самолет скользнул вниз, вслед за удаляющейся машиной врага. В кабине Обаркона было темно, и лишь мерцающие огоньки на панели приборов временами отражались от летных перчаток из выделанной черной кожи, которые как влитые облегали его руки. Продолжающий снижаться «Волчонок» оставался яркой оранжевой отметкой на дисплее его ауспекса.

И как только ему удалось спастись? Это что, мастерство пилота или слепое везение? Молодость редко имеет избыток первого, но зачастую выезжает на втором. Такое пикирование, безусловно, подвергло фюзеляж вражеского самолета предельной нагрузке. Была бы траектория еще на один градус круче, и его крылья наверняка бы снесло с фюзеляжа. Или бы взорвался индукционный мотор.

Скрытый за матово-черным стеклом солнцезащитного визора, встроенного в летный шлем, покрывающий всю его голову, Обаркон довольно улыбался. Его лицо, которое редко кто видел, было обтянуто выцветшей искусственной кожей

из синтетического материала с добавлением многочисленных дающих укрепляющий эффект соединений, а специальные оптоволоконные кабели через позвоночник напрямую соединяли его аугметические глаза с электронными прицелами боевого самолета. На высоте трехсот метров «Волчонок» неожиданно отклонился от движения по прямой и, изрыгнув огонь из сопел своего и так уже работающего на пределе реактивного двигателя, ушел вверх и в сторону, огибая по длинной дуге остроконечные пики горной гряды.

Еще один сюрприз. Еще одно проявление поразительного мастерства. Или поразительной удачи.

Обаркон отклонил в сторону рычаг управления и, пихнув локтем активатор дополнительного ускорения, вопреки законам баллистики, легко вывел свою машину из пике, в душе насмехаясь над натужными попытками гораздо меньшего по размерам самолета уйти от погони. «Волчонок» уже две минуты как был пойман в прицел. Система наведения

сообщала снова и снова: Внимание... Цель обнаружена. Цель обнаружена. Цель обнаружена.

— Почему же он до сих пор не убил его? «Я хочу посмотреть, что ты еще умеешь», — думал Обаркон.

«Волчонок» облетел горную вершину настолько близко от нее, что можно было видеть, как большая крестообразная тень скользнула по ослепительно-белому заснеженному склону. Затем он дал большой крен на крыло, готовясь обогнуть еще одну скалу. Машина же Обаркона, напоминая в своем полете самонаводящуюся ракету, шла на высоте, достаточной для свободного пролета по прямой. «Волчонок» все еще оставался в перекрестье его прицела.

Внезапно, совершая облет очередного пика, он куда-то исчез. Обаркон нахмурился и стал нервно оглядываться по сторонам, полагая, что от лихого парня наконец отвернулась удача и его самолет врезался в отрог горного хребта. Первый раз за последние три минуты система наведения пропищала: «Захвата цели

нет... Захвата цели нет... Захвата цели нет...»

Нет, он не погиб. Вот он! Маленький паршивец. Он как-то умудрился провести самолет вокруг выступающей из гряды скалы и теперь на бреющем полете гнал свой «Волчонок» обратно с максимально возможной скоростью.

Обаркон оторвал затянутые в блестящую черную кожу руки от штурвала и хлопнул в ладоши. Нет, это и в самом деле было здорово.

Неожиданно в кабине заработала система предупреждения, и Обаркон с проклятиями отключил датчик счетчика горючего. Дело в том, что, увлекшись охотой, он не заметил, как истощил почти все свои резервы и теперь оказался у критической черты. Это значило, что у него осталось не более двух минут, чтобы завершить преследование и повернуть домой, на базу. Стоит только чуть замешкаться — и ему недотянуть до родного гнезда эшелона Натраб.

— Все, игры кончились! — прошипел он, почти не разжимая растрескавшихся

губ.

Полный решимости, Обаркон направил в погоню свою «Адскую бритву», и та, подчиняясь малейшему движению рук пилота, с грацией и уверенностью акулы устремилась за жертвой.

— Взять его! — приказал Небесный Воин автоматической системе наведения.

Обаркон уже сбил пять самолетов сегодня — обычная норма аса, но этим парнем он доведет свой счет до красивой ровной шестерки. Хватит валять дурака. Глупая игра сильно затянулась.

Датчик системы наведения вновь подал голос. «Волчонок», закладывая широкие виражи на предельно низкой высоте, все время прятался от охотника за изрезанными вершинами горного хребта, так что поймать его в автоматический прицел не было никакой возможности.

Цель потеряна...

Цель потеряна...

Цель потеряна...

Обаркон изрыгал проклятия от имени самого мерзкого из своих богов. Маленький

ублюдок ускользал от него, выжав из своего самолета все, что только возможно. Вцепившись в небо. Обаркон позволил себе недопустимо много благородства. И вот теперь враг смеется над ним.

На мгновение Обаркон поймал его в прицел, но не успел зафиксировать, потому что неуловимый беглец тут же дал крен на крыло и на предельно опасном вираже скрылся за выступом одиноко возвышающейся скалы. Оба самолета пролетели так близко от ее заснеженной вершины, что подняли настоящий вихрь на склоне.

«Волчонок» опять мелькнул в прицеле. Обаркон выстрелил. Ослепительные трассирующие очереди, с треском рассекая холодный воздух высокогорья, вырвались из орудий его самолета. Промах.

Еще один разворот, еще раз «Волчонок» мелькнул в прицеле, еще один неудачный залп. Обаркон добавил газу и взмыл вверх, используя двигатели дополнительного ускорения, чтобы удобно зависнуть над вражеской машиной на

восемь часов от нее.

Неуловимый самолет летел с максимально возможной для его двигателей скоростью, включив все ускорения, но Обаркон все же получил наконец необходимый ему сигнал.

Захват цели...

Захват цели...

Захват цели...

— Спокойной ночи, — пробормотал он, чувствуя, что эта игра ему уже порядком надоела.

Сильные пальцы надавили на гашетку.

Залповый огонь вырвался из орудий и, рассекая воздух, устремился вниз от его самолета. Но тут же он почувствовал легкую вибрацию в корпусе, а на дисплее вдруг появилось сообщение, что одно из его крыльев прострелено.

Это откуда-то сверху, с солнечной стороны, неожиданно появился второй «Волчонок», который уже сел ему на хвост и его передние орудия все еще выбрасывали снопы огня. С первого взгляда опытному предводителю было понятно, что этим

вторым «Волчонком» управляет какой-то идиот — пилот несравненно менее искусный, чем тот поистине вдохновенный летчик, за которым он так долго охотился. Этот же проводит совершенно неподготовленную атаку — его самолет болтает в разные стороны, да и захват цели он, конечно, не произвел.

Однако он у него на хвосте и стреляет без остановки.

Предупредительный сигнал прозвучал повторно, и на этот раз его уже никак нельзя было игнорировать.

Все, пора остановиться. На сегодня хватит. Обаркон повернул сопла реактивного двигателя и, задействовав всю его мощь, почти вертикально вывел свой самолет из изнурительной погони. Второй «Волчонок» прошел прямо под ним, когда он резко набирал высоту, видимо совершенно ошеломив атакующего пилота столь неожиданным выходом из боя.

Обаркон же, все время ускоряясь, сначала стремительно взмыл в сторону солнца, а затем повернул свою любимую «Адскую бритву» на юг.

Эта раскаляющая небо война только начинается. Придет новый день, а с ним и новые победы.

Тэда. Отель «Империал», 07.23

Каминский без приключений пересек северные районы и подъехал к парадному входу отеля «Империал», точно уложившись в сроки, отведенные сеньором Пинчоном. Небольшая задержка случилась лишь по причинебольшого скопления маречников — мелких торговцев, которые выстроились в очередь, чтобы попасть на Плазу Конгресса в день еженедельного собрания горожан, проходящего по средам. Вообще в последнее время, как успел заметить Каминский, жители Старого Квартала старались не вылезать из постелей раньше восьми утра, как будто опасаясь чего-то ужасного, что может бродить по городу в темное время суток.

Он подкатил свой транспорт под тентовый навес перед парадными дверями, про себя удивляясь, что железный каркас, на который тот натянут, все еще на своем месте, а не отправлен в

сталелитейный цех как необходимое сырье для оборонной промышленности. Оглядываясь по сторонам, Каминский заметил лишь убеленного сединами носильщика, который мирно дремал на складном стуле посреди полудюжины отключенных сервиторов, да в стороне, у служебного входа, несколько человек из штата прислуги, вышедших посудачить и покурить палочки лхо.

Он собирался уже вылезти из кабины, когда двери отеля из стекла и отполированного до блеска дерева вдруг сверкнули, отражая восходящее солнце, и множество темных фигур единой толпой вышли из здания, уверенно направляясь прямо к нему.

Они были летчиками — он понял это сразу по развинченной походке, весьма отличающей их от местного населения. Но, несмотря на это, они не носили черно-серые куртки и доспехи пилотов космических ВВС. Их было не менее дюжины, все одеты в стеганые темно-серые летные костюмы и коричневые кожаные куртки, а на плече у каждого

свободно болтался объемистый мешок со снаряжением. Они были необычно высокого роста, хорошо сложены, хотя и немного худощавы, и все как один темноволосы, тогда как известно, что среднестатистический житель Энозиса — невысокий, крепко сбитый блондин. Среди них были не только мужчины. Шофер разглядел по меньшей мере трех женщин, од на из которых, как оказалось, шла впереди, возглавляя всю группу.

Каминский выбрался из кабины транспорта и, обойдя его, опустил задник кузова для новых пассажиров. Он приветственно кивнул первому, кто подошел к машине, стараясь получше разглядеть на его рукаве знаки различия, но молодой человек даже не посмотрел на него, а просто запихнул в кузов свой вещевой мешок и тут же сам запрыгнул следом.

Лишь женщина задержала на нем свое внимание. Она смотрела холодным, испытующим взглядом и словно все время сжимала зубы, что придавало ее довольно изящным чертам лица какое-то

напряженное выражение. Ее красивые черные волосы были безжалостно острижены.

— Транспорт до Южной ВАВ Тэды? — спросила она Каминского.

Она говорила немного в нос, с заметным инопланетным акцентом, и это звучало здесь очень необычно.

— Да, мамзель. К станции распределения.

— Следует говорить «командир», — поправила она его и, опершись руками о край кузова, легко втянула наверх гибкое тело. — Поехали!

Каминский подождал, пока последний из них заберется в машину, и закрепил задник кузова. После этого он, прихрамывая, вернулся в кабину и завел мотор.

Фантин — вот что бросалось в глаза при взгляде на наплечный серебряный знак у женщины-командира. «Фантин XX» было выбито на эмблеме на фоне двуглавого орла, держащего в когтях стрелы молний.

Каминский еще в ранней юности, студентом, изучал историю авиации, но,

хотя он и слышал о мире фантин, не имел ни малейшего представления, почему авиабригада военных летчиков носит такое название.

Он повез их через квартал Вилберг, а потом повернул на юг, в сторону базы. Когда они проезжали по улице Схоластов, пара «Циклонов» Содружества пролетела над ними на высоте около пятисот метров, взявкурс на северо-запад. Каминский, задрав голову, проводил их взглядом и через зеркало заднего вида успел заметить, что летчики, расположившиеся в кузове, делают то же самое.

Тэда. Старый Квартал, 07.35

Служба закончилась, и прихожане дружными рядами потянулись к выходу, в большинстве своем останавливаясь перед всеми почитаемой усыпальницей, чтобы поставить свечу за тех, кто уже погиб и кто, возможно, скоро погибнет в жестоких сражениях этой войны.

Сегодня утром, как и все последние дни, Бека Мей-ер поставила три свечи:

первую за Гарта, вторую за своего брата Эйдо и третью за кого-то неизвестного, кому, быть может, это сейчас крайне необходимо.

Она, конечно, очень устала. Ночная смена на мануфактуре забрала у нее последние силы. Всю проповедь церковного иерарха она боролась со сном. Будь в храме чуть теплее, она, согревшись, наверняка бы задремала, но ее приобретенное в секонд-хенде летнее пальто, даже без подкладки, едва ли могло защитить от холода этим утром. Возможно, через месяц, добавив из следующей зарплаты к тому, что ей уже удалось отложить, она будет в состоянии подобрать себе на распродаже в богадельне Мунитория какую-нибудь термическую, непродуваемую куртку, а может быть, даже что и получше.

Когда она отходила от аналоя с подсвечником, то нечаянно натолкнулась на кого-то, кто ожидал своей очереди, чтобы зажечь свечу. Это оказался мужчина, которого она уже видела у церковных дверей, когда еще только шла на службу. Высокого роста, брюнет — сразу

видно, что из другого мира. У него грустное лицо, одет как солдат, и, куда бы ни пошел, всюду его сопровождает запах машинного масла и фицелина.

— Прошу прощения, мамзель, — извинился он тут же. Она вежливо кивнула и сказала: «Ничего», но максимально отстранилась, когда проходила мимо.

Он разговаривал сам с собой, когда она его увидела в первый раз. Странный человек, возможно с травмированной на войне психикой. Такого рода переживания ей были совсем ни к чему.

На самом деле единственное, что ей сейчас было нужно, — это отдых. Она сможет добраться до дому не раньше четверти первого, и, значит, на сон тогда останется не более трех часов, после чего она должна будет одеться и снова идти — теперь уже на свою дневную работу на пирсе. Когда, с вечерним колоколом, рабочий день там закончится, у нее будет только час, чтобы подремать до начала ночной смены на мануфактуре.

Она поспешно вышла из дверей храма на холодную улицу, где, однако, уже вовсю

светило солнце, и быстрым шагом направилась к району своего постоянного проживания, до которого ей предстояло пройти еще долгий и утомительный путь.

Над Полуостровом Тэды, 07.37

— «Охота Два», ваш самолет сильно дымит! — внезапно вырвался из вокса встревоженный голос ведущего летного звена.

«Охота Два» сразу не отозвалась. Дэрроу приподнялся на сиденье и огляделся по сторонам, стараясь при ярком свете утреннего солнца оценить обстановку. С высоты двух тысяч метров он видел, как безбрежные заросли колючего кустарника Полуострова Тэды протянулись под ним, перемежаясь узкими полосками травы, что с самолета представлялось как комбинация се рых и белых пятен с незначительными вкраплениями зеленого цвета.

Внизу, на четыре часа от него, летели «Охота Восемь» и «Охота Одиннадцать». Они, как и ведущий «Охоты», на той же высоте, что и он сам,

держались по правому борту от него. «Охота Два» и «Охота Шестнадцать», по левому борту, отбились от остальных и сейчас находились немного ниже.

Шесть самолетов. Только шесть. Все, что осталось после этого воздушного боя. Остальные погребальными кострами усеяли заснеженные вершины Маканайтских гор. И их вполне могло остаться пять. Дэрроу прекрасно понимал, что тот белый как снег убийца наверняка бы пополнил свой счет сбитых самолетов, если бы ведущий «Охоты» в отчаянной попытке собрать немногие уцелевшие машины в последний момент не пришел бы к нему на помощь и беспорядочной стрельбой из всех орудий не отогнал бы «летучую мышь».

Майор Хекель, ведущий «Охоты», пока они вместе пытались стянуть то, что осталось от летного звена в единый строй, не переставая запрашивал, все ли у него в порядке. Его голос звучал крайне обеспокоенно, как будто он думал, что эта отчаянная гонка могла довести Дэрроу до сердечного приступа. Но, вероятно, это

были всего лишь последствия шока и осознание личной ответственности. Так много курсантов погибло! Один из черных дней эскадрильи.

И их было так много за последние несколько месяцев! Как только такие офицеры, как майор, выдерживают? Кроме того, Хекель был всего на три года старше Дэрроу и получил свое звание лишь в результате стремительного продвижения по службе, когда офицерский корпус нес ужасные потери.

— «Охота Два», отвечайте!

Даже искажения звука в поломанном воксе не могли скрыть очевидную тревогу в голосе Хекеля.

— Ведущий «Охоты», со мной все нормально.

С ним не все было нормально. Дэрроу находился под выгодным углом и прекрасно видел, что происходит. Помимо того что из «Охоты Два», как из трубы, уже тянуло грязным дымом, этот самолет к тому же терял высоту и скорость.

Что с ним случилось? Воспламенилась смазочно-охлаждающая

эмульсия или заткнуло электроприборы? А может, какое-нибудь другое роковое стечение обстоятельств, о котором Дэрроу даже не мог подумать?

Как далеко их занесло? Судя по его карте и навигационным приборам, они сейчас были в сорока шести минутах лета от Северной ВВВ Тэды, может быть, больше, если «Охота Два» продолжит в таком же темпе терять скорость. Счетчик горючего все еще показывал полные баки, но, по расчетам Хекеля, ни у кого из них, скорее всего, не могло быть топлива больше чем на пятьдесят минут. Особенно у Дэрроу — из-за его воздушной акробатики.

— Звено «Охота»... — донесся голос Хекеля через коммуникационное устройство. Тут он осекся, как будто майору потребовались усилия, чтобы принять решение. — Звено «Охота», мы меняем курс и идем на Южную ВВВ. Так мы сократим пятнадцать, может быть, двадцать минут полета. Подтвердите получение информации, а затем держите равнение на меня.

Дэрроу подтвердил и услышал, как остальные сделали то же самое. Это было хорошее решение. Командование Полетами скорее согласилось бы вернуть своих шесть «Волчат» не на ту ВВБ, чем не получить вообще ничего.

Дэрроу переключил коммуникационные каналы, и ему стало слышно, как Хекель перебрасывался шутками с наземными диспетчерами, пока решение о перенаправлении самолетов на другой аэродром утверждалось командованием.

Тут до него опять донеслось постукивание в корпусе.

Дэрроу уже собрался сообщить об этом, когда «Охота Восемь» вдруг пронзительно закричал по воксу:

— «Охота Два»! Посмотрите на «Охоту Два»!

Пилот вытянул шею, стараясь разглядеть, что происходит вокруг. Поврежденный «Волчонок» выбился из общего строя группы и теперь снижался по пологой дуге. Хвост дыма, который тянулся за ним, стал еще темнее и гуще.

Самолет выглядел тяжелым и медлительным, как будто гравитация действовала на него намного сильнее, чем на другие машины.

— «Охота Два»! Отвечайте! — услышал Дэрроу ведущего «Охоты». — «Охота Два»! Отвечайте!

Слабое потрескивание в воксе:

...думаю, я смогу удержать...

«Охота Два»! Ради Трона Земли, катапультируйся! Эдри! Курсант Эдри... немедленно покиньте самолет, пока вы еще на достаточной высоте!

Никакого ответа. «Волчонок» Эдри теперь казался лишь точкой на конце линии дыма, далеко позади и уже значительно ниже их.

— Эдри! Курсант Эдри!

«Давай, Эдри! Выбирайся оттуда, — подумал Дэрроу, напрягая зрение. С такими запасами горючего никто из них, конечно, не рискнет повернуть назад. — Ну же, Эдри! Давай! Раскрой парашют! Раскрой парашют, Эдри, пока...»

Маленькая вспышка далеко внизу, посреди лоскутного серо-зеленого одеяла

Полуострова. Маленькая огненная вспышка — и ничего больше.

Тэда. Южная ВВБ, 07.40

Ко времени, когда транспорт с летчиками свернул с главной дороги на подъездной путь к авиабазе, он уже двигался в колонне из четырех машин. Все они по очереди были проверены у западных ворот изможденными стражниками НСО и затем с грохотом съехали по пологому спуску на поле аэродрома.

Командир Бри Джагди приподнялась на жестком, неудобном сиденье транспорта, который уже успел утомить их всех своей беспрерывной тряской, и огляделась по сторонам. Южная военно-воздушная база Тэды располагалась на каменистой равнине и занимала более двадцати квадратных километров к юго-западу от города. Здесь уже можно было почувствовать запах моря, идущий от побережья, всего в нескольких километрах к северу, и теперь, когда солнце еще только начинало медленно поджаривать поле аэродрома, легкая дымка морского

воздуха слоями нависала над его поверхностью.

Сложная система фортификационных сооружений окружала аэродром: рвы и траншеи, частоколы и насыпи, укрепленные гнезда для батареи «Гидр» и специальные дзоты для цилиндрических реактивных установок. По самому периметру шла залатанная во многих местах новым асфальтом дорога, и в этот час множество военных грузовиков и транспортеров создавали там оживленное движение в обе стороны. К внутренней стороне дороги прилегало уже более узкое кольцо батарей противовоздушной обороны. На южной оконечности аэродрома располагались внушительные крытые ангары и камнебетонные укрытия, а на северной — бункер Командования Полетами и неподвижные вышки и пирамиды воксовой, ауспексной и модарной систем связи.

Запутанный рисунок пересекающих друг друга под разными углами взлетных полос заполнял всю внутреннюю часть Южной авиабазы, и наиболее значительные

из них, очевидно, предназначались для тяжелых поршнемоторных бомбардировщиков, все еще стоящих на вооружении местных ВВС. Их Джагди заметила несколько. «Магогов» — больших, устаревших и безобразных — нетрудно было узнать даже издали, стоящих на заплатках на месте долговременной стоянки. На Фан-тине их использовали только во время последнего ре шительного наступления, когда в воздух подняли все, что могло хоть как-то летать и сражаться. Здесь же они представляли собой главную ударную силу парка бомбардировщиков. Неудивительно, что Энозис был так жестоко наказан.

Однако большинство местных самолетов сейчас было перебазировано, чтобы освободить аэродром для прибывающего подкрепления союзников.

Джагди со всем своим летным звеном прибыла поздно ночью, когда уже совсем стемнело, и только теперь пилоты получили возможность как следует разглядеть авиабазу. Что ж, она еще вполне может послужить. Ей придется...

Бригады рабочих Мунитория уже принялись за дело, преобразуя аэродром для новых машин. Они дополнительно возводили твердостенные стартовые шахты, а одну из взлетных полос начали демонтировать, чтобы построить на ее месте еще несколько бункеров для авиапарковки. Между тем вся прибывшая авиационная техника союзников — уже свыше семидесяти единиц — в условиях строжайшей секретности была доставлена на восточную часть аэродрома, и теперь там в каждом укрытии, под маскировочной сеткой, угадывались очертания самолета. Работа кипела на всей внутренней территории сектора. Кругом, куда ни посмотришь, пыхтящие генераторы, лязгающие металлом ковши экскаваторов, голые по пояс люди с отбойными молотками в руках, и всюду — стремительно растущие горы грунта.

Джагди бросила взгляд на хронограф, закрепленный на обшлаге ее летного костюма, который сидел на ней как влитой. Они прибыли точно в срок.

Транспорт уже свернул с дорожного периметра и теперь то и дело подбрасывал их на малейшей неровности, приближаясь к одному из нескольких громадных ангаров аэродрома.

— Звено «Умбра», встать и приготовиться! — звонко отдала она приказ.

Все одиннадцать летчиков под ее началом взяли в руки свои вещевые мешки, и транспорт, как следует тряхнув их в последний раз, остановился.

Джагди спрыгнула и глубоко выдохнула.

— Ну, кажется, приехали, — пробормотала она в сторону Милана Бланшера — номера два летного звена.

Бланшеру уже перевалило за сорок. Это был поседевший в боях ветеран с лучшим в группе послужным списком из двадцати двух сбитых самолетов противника. Он не отличался многословием, но Джагди не задумываясь доверила бы ему в бою свою жизнь. Внешне его отличали необычайная бледность кожи, пронзительные глаза, что не так уж

часто бывает у жителей Фантина, и, конечно, густые серые усы, которые он отпустил, отчасти чтобы придать своему лицу черты добродушного дядюшки, но в основном, чтобы скрыть тот ужасный коллоидный белый шрам, который он получил после того, как осколком снаряда ему рассекло лицо от правой ноздри, через губы, до самого подбородка.

— Да, и в самом деле приехали, — пробурчал он себе под нос и закинул вещевой мешок на плечо.

Остальные один за другим стали выбираться из кузова: Ван Тул, Эспир, Парис Асче, с не по уставу стянутыми в пучок волосами, Дель Рут, Кловин; совсем еще мальчик Марквол; Уолдон, все время насвистывающий себе под нос что-то невнятное, Земмик, с шеи которого гроздьями свисали разного рода обереги и талисманы, Кордиаль, Ранфре. И почти все они сделали традиционное глубокое приседание после прыжка, что, согласно старому поверью пилотов, должно было обезопасить их во время будущих посадок.

Кроме Ванд ера Марквола. Он был

всецело поглощен зрелищем того, как на противоположной стороне аэродрома три самолета ВВС Энозианского Содружества вручную заводились на запуск. Это были мощные, двухмоторные дельтообразные перехватчики, более известные как «Циклоны». Заработавшие от пусковых запалов зажигания, которые были пригнаны на специальных тележках, их массивные поршневые двигатели вдруг зашипели, всасывая воздух, и, загрохотав, вернули тяжелые машины к жизни. Огромные самолеты начали выбрасывать языки голубого пламени из выхлопных отверстий, а их тяжелые пропеллеры, придя в бешеное вращение, почти исчезли из виду, превратившись в нечто размытое и неуловимо мелькающее. Тяжелые машины уже нетерпеливо подпрыгивали на пусковых площадках, когда команды наземного обслуживания еще только отгоняли вагонетки с запалами подальше в сторону. Марквол удалось разглядеть через стекло носовой кабины команду из двух летчиков, проводящих последние тестовые проверки приборов перед

взлетом. Несмотря на то что воздушные силы Содружества были перебазированы таким образом, чтобы освободить место для союзников из другого мира, одно звено «Циклонов» все же решено было оставить для прикрытия с воздуха на время, пока вновь прибывшие имперские части не освоятся на новом месте.

— Вы идете, Марквол? — окликнула его Джагди. Он повернулся и кивнул:

— Так точно, командир.

Марквол был самым юным пилотом «Умбры» — года на четыре моложе самого молодого из прочих летчиков звена. К тому же единственным, кто совсем не имел боевого опыта. Все остальные если сами не принимали участия в воздушных сражениях, то, по крайней мере, имели возможность наблюдать за ними при освобождении Фантина. Марквол в то время все еще проходил курс обучения летному мастерству по ускоренной программе в Хессенвилле и окончил его, лишь когда уже все боевые действия были прекращены. Сейчас Вандер рвался в бой, желая поскорее проявить себя, да и сама

Джагди полагала, что он не без способностей, хотя только время могло показать, на что он действительно годен. Его приятные, хотя и немного хмурые черты лица на Фантине считались классическими для мужчины, а ослепительно белозубая улыбка могла как привлечь собеседника открытостью, так и ненароком оттолкнуть своей кажущейся дерзостью.

Пилоты «Умбры» зашагали через бетонированную площадку перед ангаром, и следом потянулись летчики другого звена, приехавшие на втором транспорте сразу после них. Напоследок Джагди бросила взгляд на их перевозчика. Сидящий в кабине шофер Мунитория чуть заметно кивнул ей на прощание. Было хорошо видно, что половина лица у него обезображена ожогом, который, словно нежно-розовыми лепестками, сплошь покрывал его кожу.

Летчики прошли в огромный ангар аэродрома. Внутри было довольно прохладно, а сырой воздух будто пропитался запахом прометия. Все

пространство ангара уже освободили от техники, если не считать длинный «Сорокопут» под брезентом в углу и платформу от зенитной установки, водруженную вдоль западной стены на ряды пустых ящиков из-под боеприпасов. На этой импровизированной трибуне были установлены гололитический дисплей и стенд с картой военных действий.

Не менее двадцати летчиков уже стояли у платформы, в ожидании сложив к ногам вещевые мешки. Как и те, кто приехал на втором транспорте, они носили серые доспехи и черные куртки пилотов космических ВВС. Некоторым из них были имплантированы аугметические глаза. Они приветствовали коллег из второго грузовика, но и те и другие с подозрением смотрели, как летчики Фантина подошли к платформе и встали поодаль несколькими группами. Джагди постаралась рассмотреть незнакомцев украдкой, когда пилоты «Умбры» сбросили на пол снаряжение и столпились тесной группкой. Космические летчики просто не сводили с них взглядов. Джагди, конечно,

знала, что представите ли вооруженных сил фантина — большая редкость в этой части Вселенной и неизбежно будут выделяться на фоне регулярных воздушных войск Империума. Еще она понимала, что это, несомненно, означает в будущем соперничество и установление неофициальной иерархии в отношениях между их летными отрядами.

Незнакомые летчики — все как один крепкие и коренастые, с удивительно бледной кожей и короткой стрижкой — выглядели крайне свирепо. Большинство из них носили летные костюмы, усиленные металлическими пластинами или даже кольчугой, а их тяжелые кожаные куртки зачастую были отделаны мехом. У многих лица были обезображены рубцами. На некоторых же красовались орденские ленты и другие награды.

— Шестьдесят третья Имперская истребительная авиабригада, — тихо прошептал Бланшер на ухо Джагди. — «Солнечные псы», как они любят себя называть. Думаю, тот здоровый парень со значками командира звена — Лександр

Годель. Сорок сбитых самолетов, по последним данным.

— Да, я слышала о нем, — отозвалась та довольно беспечно.

— Другая бригада, я полагаю, — Четыреста девятая, «Рапторы», — продолжал Бланшер. — И из этого следует, что вон тот непритязательный парень — лидер авиабригады Орто Блэгуер.

— Что, такие же внушительные показатели?

— Да уж никак не менее внушительные — сто десять сбитых самолетов. Осторожно, он смотрит на нас.

— Давай-ка тогда посмотрим в другую сторону, — благоразумно заметила Джагди и отвернулась.

— «Орбис» на шесть часов! — неожиданно громко выкрикнул офицер авиации Земмик, и звук его голоса эхом разнесся по аэродрому.

Как раз в эту минуту, выбравшись из очередного транспорта, который только что остановился у входа, еще одна дюжина летчиков с фантина строем входила в

ангар. Джагди сразу почувствовала облегчение при виде знакомых лиц. Звено «Орбис» — товарищи по оружию и просто друзья. И во главе шагал их командир Уилхет Хейес.

Две авиабригады слились воедино и приветствовали друг друга.

— Как любезно с вашей стороны было присоединиться к нам, — улыбнулась Джагди, пожимая руку Хейесу.

— Как любезно с вашей стороны было дождаться нас, — ответил тот. — Я уверен, что здесь еще достаточно много «летучих мышей», чтобы мы могли как следует поохотиться.

Неожиданно все затихли. Последняя группа летчиков — все из космического ведомства — вступила в ангар с весьма заметным опозданием, что показалось Джагди довольно театральным и рассчитанным на внешний эффект. Их было только восемь. Все носили матово-черные летные костюмы с дополнительной защитой и белоснежные куртки из замши. На их форме отсутствовали какие бы то ни было знаки отличия, не считая

серебряных имперских орлов на воротниках.

— Срань господня! — услышала Джагди шепот Дель Рут. — Апостолы!

Это и в самом деле были «Апостолы» — прославленная авиабригада асов, цвет элиты. Джагди гадала про себя, кто из них Квинт, ас из асов, кто Геттеринг. А тот высокий? Это Сикан или Харлссон? А кто Сехр?

Уже не было времени спросить у Бланшера. В сопровождении дюжины адъютантов и офицеров штаба в ворота ангара вошел какой-то очень представительный человек в форме адмирала Космического Флота и немедля взошел на трибуну. Это был сам Орнофф.

Все взоры тут же устремились на него.

— Летчики! — начал он негромким, но сразу увлекающим аудиторию голосом. — Вчера вечером, в восемнадцать ноль-ноль, в военном министерстве Энотополиса я встречался с лорд-милитантом Хьюмелом. Лорд-милитант, как вам всем должно быть известно, в течение девяти

последних месяцев руководит военными операциями на Энотополисе от имени военнейстера Макарофа и нашего Бога-Императора.

— Император да хранит нас! — выкрикнул один из Апостолов, и дружный хор голосов эхом повторил его слова.

Орнофф одобрительно кивнул:

— Я надеюсь на это, капитан Геттеринг, но пока нам придется позаботиться о себе самим. Я привез официальный письменный приказ лорд-милитанту Хьюмелу от военнейстера Макарофа, и ровно в восемнадцать тридцать лорд-милитант официально передал мне командование Энозианским театром военных действий.

Взрыв бурных аплодисментов разразился под сводами ангара.

— Итак, стадия наземной войны на Энозисе завершена. Теперь начинается война в воздухе.

Тэда. Южная ВВВ, 07.46

Майор Франц Скальтер бросил взгляд на напарника, который сидел рядом

с ним в тесной сферической кабине громыхающего «Циклона», и в знак того, что все в порядке, поднял большой палец. Затем он повернулся, чтобы махнуть на прощание наземной команде механиков.

Надев маску пилота, он передал по воксу:

— Командный Центр, Командный Центр. Говорит «Искатель Один». Звено «Искатель» готово к взлету. Ждем вашего разрешения.

Скальтер положил руку на руль-тормозной рычаг.

Искатель Один, говорит Командный Центр. Выводите машины на взлет. Главная полоса свободна. Счастливого пути, и да хранит вас Император.

Спасибо, Командный Центр. Вывожу звено «Искатель» на взлет.

Скальтер снял самолет с тормозов и слегка добавил газу. Двухмоторный самолет взбрыкнул и начал медленно выползать со стоянки в направлении главной взлетной полосы. Его товарищи по авиабригаде вывели свои машины сразу вслед за ним. Одновременный рев шести

моторов оглушительно разнесся по всему аэродрому.

Скальтер выводил самолет на стартовую позицию и уже настраивал угол его продольного наклона, делая его оптимальным для взлета. На своем месте Артон приоткрыл радиаторы и сделал состав горючего более насыщенным для уверенного отрыва «Циклона» от земли.

— Звено «Искатель»... — начал Скальтер. Неожиданно Артон поднял руку.

— Что такое?

— Красный флажок! — взволнованно отозвался тот, указывая на что-то в поле аэродрома.

— Трон Земли! Что на этот раз? — огрызнулся Скальтер. — Командный Центр, это «Искатель Один». У нас красный флажок. Пожалуйста, подтвердите разрешение на взлет.

Последовала пауза. Затем из вокса донеслось шипение:

В разрешении на взлет отказываю, в разрешении отказываю. «Искатель Один», прекратите взлет и освободите главную полосу. Уводите машины в укрытия с

пятнадцатого по семнадцатое и глушите двигатели. Повторяю: в разрешении на взлет отказываю, прекратите взлет и освободите главную полосу.

— Что, черт возьми, происходит? — потребовал объяснений Скальтер.

— Подранки, — последовал ответ. — Подранки на подлете.

В двадцати километрах от Южной ВВБ Тэды, 07.46

Они уже видели поле аэродрома. В ярких лучах солнца оно раскинулось на многие километры и было слегка подернуто дымкой утреннего тумана. Линии наземного ориентирования постепенно исчезли, но они были уже и не нужны. Постукивание же позади кресла Дэрроу теперь не прекращалось ни на минуту.

Майор Хекель по очереди запросил всех «Волчат» о запасах горючего. У всех его оставалось ничтожно мало. Дэрроу мог лишь сообщить о своих якобы полных баках, потому что показания счетчика горючего так и не изменились. «Охота

Шестнадцать» последние десять минут оставляла за собой тонкую струйку дыма, и ее пилот сообщал о стремительном падении гидравлического давления. В днище корпуса «Охоты Шестнадцать» попали как минимум два раза за время отчаянного сражения над Маканайтскими горами.

— Звено «Охота», говорит ведущий «Охоты». Шестнадцатый и Четвертый получают приоритет при приземлении. Пропустите их вперед, и мы последуем за ними, как только они сядут. Подтвердите получение информации.

Дэрроу весь подался вперед и почувствовал, как ремни снаряжения впиваются ему в плечи. Хекель хотел, чтобы Шестнадцатый успел сесть до того, как погибнет, и он также хотел, чтобы Дэрроу сел как можно быстрее, потому что, скорее всего, его «Волчонок» сжигал последние капли горючего.

— «Охота Шестнадцать», иду за тобой, — передал Дэрроу по воксу, пропуская другой «Волчонок» вперед.

Струя дыма, которую тот испускал,

казалась то прозрачной, то белой, то снова прозрачной, чем-то напоминая праздничный серпантин.

Между тем постукивание в корпусе звучало теперь все более тревожно. Дэррон пошел на посадку...

Тэда. Южная ВВБ, 07.47

— Ваши авиабригады истребителей, — говорил Орнофф, — первыми прибыли сюда, на главную базу Юга. Их пока только пять, но в ближайшие семьдесят два часа группировка из пятидесяти восьми бригад космических ВВС Империума... и их союзников, — добавил он, кивнув в сторону летчиков Фантина, — будет развернута по всем аэродромам побережья. Сорок две бригады истребителей и шестнадцать звеньев бомбардировщиков. Было бы недостаточно сказать, что вы будете поддерживать здесь местные эскадрильи Содружества.

На самом деле вы образуете новую линию фронта, которая будет проходить по воздуху. Доблестные силы Содружества, которые, позвольте вам напомнить, уже

многие месяцы сражаются на этом театре военных действий, теперь будут играть подчиненную роль, осуществляя поддержку с земли. Да поможет им Бог-Император, так они получат драгоценное время для передышки, чтобы починить вышедшую из строя технику и перекомплектовать личный состав.

Он повернулся к карте за спиной:

— Мне не нужно, конечно, напоминать вам о необходимости ознакомиться с местной топографией, правилами пользования каналом связи и расположением дружеских аэродромов. Шифры и коды будут меняться ежедневно — Архенеми не дремлет.

Орнофф сделал паузу и в задумчивости скользнул раскрытой ладонью по карте.

— Ситуация здесь очень серьезна. Сухопутным силам лорд-милитанта, при умелой поддержке армий Содружества, почти удалось очистить Энозис от полчищ Архенеми. Однако в последние два месяца военная удача самым драматичным образом отвернулась от

нас. Архенеми, чьим уже немногочисленным наземным силам удалось закрепиться вокруг Южных Ульев Тринити — вот здесь, — получил очень серьезное подкрепление, ко торое нужно расценивать как часть большого контрнаступления, организованного скоплением Хана. Совершенно измотанные сухопутные силы лорд-милитанта теперь с боями отступают по пескам Внутренней пустыни... сюда, в этом направлении. Некоторым частям уже удалось достичь Маканайтского хребта, где они сейчас через горные перевалы стараются пробиться к своим. Наша задача — ваша задача — способствовать тому, чтобы до Зофонианского побережья, где они будут в безопасности, их добралось как можно больше. Мы должны обеспечить всестороннюю поддержку с воздуха отступающим колоннам бронетехники и пехотным частям. Это означает полное превосходство над противником в воздухе и подавление его наземных сил постоянными авиаударами. Энозис возможно будет спасти, если только

достаточное число боеспособных сухопутных частей Содружества будет выведено на побережье. Там, получив подкрепление, они смогут закрепиться и затем нанести контрудар по наступающей армии Архенеми.

Орнофф отвернулся от карты и окинул взглядом аудиторию:

— Я жду от вас круглосуточных вылетов на позиции противника. В полном объеме наш стратегический план будет выполняться, как только все авиабригады прибудут на базу. Тогда, возможно, ваши бригады будут перенаправлены на другие аэродромы. До тех пор покамы не развернем все силы, вы будете действовать по обстановке, выполняя задания Командования Полетами и осуществляя прикрытие с воздуха.

Орнофф поднял руку и дал знак одному из штабных офицеров взойти на платформу. Этот уже не молодой человек в форме летного офицера Содружества был одним из тех, кто сопровождал его, когда он входил в ангар.

— Я пригласил сюда командира

Парвуда, чтобы он вкратце ознакомил вас с особенностями местного рельефа и климата. Но пока он еще не начал, может быть, у вас есть какие-то вопросы? Годель — командир звена «Солнечные псы» — поднял руку в перчатке:

— С чем мы тут будем иметь дело, адмирал?

— С превосходной авиацией, — ответил Орнофф без утайки. — Истребители класса «Адская бритва» и «Саранча», истребители-бомбардировщики класса «Мучитель» и «Адский коготь». У Архенеми на вооружении также много машин местного производства. Кроме того, поступают сообщения о появлении у противника тяжелых бомбардировщиков, тип которых пока не установлен. Многие из их самолетов демонстрируют поразительную дальность полета, что, возможно, указывает на наличие у противника в пустыне многочисленных передвижных пусковых установок, постоянно меняющих свою дислокацию.

Когда мы окажемся в зоне их досягаемости? — спросил один из

Апостолов.

Если вы не остановите их, майор Сехр, то, учитывая их нынешнюю скорость продвижения, уже в течение этого месяца армии Архенеми подойдут достаточно близко, чтобы начать авианалеты на наши базы на побережье. Я бы не хотел увидеть, как осуществляется такая возможность.

Вы и не увидите, адмирал, — заявил Сехр, — потому что мы остановим их.

Гул всеобщего одобрения сопроводил его слова.

— Теперь, если командир Парвуд будет столь любезен, что...

Орнофф не успел договорить, прерванный сигналом тревоги, вдруг раздавшимся за стенами ангара. В одно мгновение его подхватили десятки сирен по всему аэродрому. Зловещий, заунывный вой теперь, казалось, доносился со всех сторон.

Пилоты тревожно переглянулись. Орнофф посмотрел на своих адъютантов и, поспешно сойдя с трибуны, стремительно направился к выходу. Все до

единого последовали за ним.

Летчики высыпали на залитую солнцем камнебетонную площадку перед ангаром и, собравшись в группы, стали напряженно вглядываться в прозрачную синеву безоблачного неба. Вдоль всей главной посадочной полосы зажглись сигнальные огни, и множество машин аварийной службы, ревя моторами, уже выезжали из ангаров, расположенных по северному периметру аэродрома.

— Кто-то попал в беду, — пробормотал Бланшер.

— Смотрите! — закричал один из летчиков, указывая куда-то в небо.

На юге, у самого горизонта, показались крошечные точки. Джагди издалека узнала чихающий звук пульсреактивных двигателей.

— Очень низко, — заметила Асче.

Несколько точек заметно отставали, но первые две уже пошли на снижение. Можно было видеть, как сверкают их кабины в лучах утреннего солнца. Ведущий самолет — небольшая однототорная модель темно-зеленого

цвета — оставлял за собой тонкий след белого пара.

— Скверно, — произнесла Джагди, напрягая зрение.

— Что? — не расслышал стоящий рядом Маркволл.

— Если он собирается приземляться, то давай скрестим пальцы, чтобы ему удалось выпустить шасси.

Тэда. В небе над Южной ВВБ, 07.51

Клубы дыма, которые оставлял за собой «Охота Шестнадцать», по мере того как самолет сбрасывал скорость, становились все гуще, иногда приобретая тяжелый, багровый оттенок. Дэрроу пришлось скорректировать высоту полета, чтобы уйти из полосы задымления с практически нулевой видимостью. Таким образом, «Охота Шестнадцать», снижаясь, задерживала его на высоте, которая была значительно больше, чем ему хотелось бы для оптимального захода на посадку.

Дэрроу чувствовал, что небольшой

встречный ветер слегка заносит хвостовую часть его «Волчонка», и, чтобы скомпенсировать это влияние, внес некоторые изменения в положение самолета. Согласно индикатору скорости, он опасно приблизился к критической отметке, когда двигатель мог запросто заглохнуть.

— Давай, «Охота Шестнадцать»! — закричал он, проклиная все на свете. — Давай же, Фрайс! Посади свою птичку!

— Освободи их, Фрайс! — услышал Дэрроу, как по воксу чего-то требует ведущий «Охоты».

— Не могу... Эту чертову штуку заклинило... Заело рычаг управления. Согнуло, я думаю.

Сигнал предупреждения запищал в кабине Дэрроу. Все. Горючее кончилось... Даже если этот проклятый счетчик все еще показывает полные баки.

— Я должен сесть немедленно! — крикнул он.

— Хорошо-хорошо! Все в порядке, Энрик. Я уже справился. Вытянул рычаг. Шасси выпущено.

Тэда. Южная ВВВ, 07.51

Двигатели «Циклона» еще не совсем утолкли, продолжая издавать затихающий свист, а Скальтер уже отпихнул в сторону скользящее стекло кабины и, высунув голову наружу, стал пристально вглядываться в небо.

— Командный пункт! — вдруг вскричал он, но тут же сообразил, что, сделав такое опрометчивое телодвижение, тем самым до упора натянул провода микрофона и выдернул штекер из панели вокса. — Черт побери! — заорал Скальтер, втягивая голову обратно в кабину и больно ударившись при этом затылком. — Черт побери! — Он лихорадочно пытался нащупать конец провода.

— Есть! — крикнул Артон, подключая штекер обратно.

— Командный пункт! Поднимайте флаг! Дайте сигнал! Этот «Волчонок» идет на посадку с невыпущенными шасси!

— Не засоряйте канал связи, «Искатель».

Скальтер отстегнул ремни

снаряжения пилота и, распахнув боковой люк, буквально выпал из самолета на землю. Артон последовал за ним, но устоял на ногах после прыжка. Команды других «Циклонов», которые уже завели свои машины в укрепленные бункеры по соседству, также сыпались из люков.

Скальтер взбежал по насыпи и, отчаянно размахивая руками, кинулся к главной взлетно-посадочной полосе аэродрома. Красные сигнальные ракеты взметнулись над полем авиабазы. Как кровью, истекая дымом, тяжело накренив крыло, «Волчонок» уже заходил на посадку. Шум его пульс-реактивного двигателя стал каким-то прерывистым, с небольшим хлопком в конце каждого цикла.

Шасси же все еще оставались плотно прижатыми к его днищу.

— Вверх! Вверх! — кричал Скальтер что было сил.

Он выскочил бы на камнебетонное покрытие, если бы не рванувшийся за ним Артон, который в последний момент успел схватить его и повалить лицом вниз всего в нескольких шагах от взлетно-посадочной

полосы.

«Волчонок» уже спустился к самой земле и пролетел прямо над их головами. Почти заглушив двигатель, он начал опускать хвостовую часть так, чтобы приземлиться на колеса шасси, которых там в действительности не было.

Низ хвостовой части принял на себя первый удар. Раздался пронзительный визг стачиваемого о камень металла. Вместе с искрами вверх полетели куски обшивки и частицы камнебетона. Тут же хвост машины подбросило, и «Волчонок», перевернувшись в воздухе, со всего маху ударился носовой частью о землю. Перехватчик буквально развалился от столкновения, срывая со своего фюзеляжа алюминоидное покрытие. Левое крыло сначала смялось, а затем и вовсе отлетело в сторону. Этим ударом снесло сопла пульс-реактивного двигателя, и, теперь, извергая из себя огонь, он окончательно смял и так уже покореженную кабину. Наконец, оторвавшись от фюзеляжа, двигатель сдетонировал, и кипящий поток жидкого

пламени, устремившись за ударной волной, мгновенно разлился по взлетной полосе.

Наблюдая все это сверху, на шесть часов от места крушения, Дэрроу не мог поверить своим глазам. Он только что выпустил свои шасси, и это действие, совершенное в обратном направлении к ходу самолета, еще более снизило его скорость. Но теперь вместо посадочной полосы перед ним предстали озеро огня и разбросанная куча железных обломков.

— «Охота Четыре», прекратите посадку!

Дэрроу ударил по ручке аварийного ускорения и направил свой «Волчонок» максимально вверх. Самолет вздрогнул, но подчинился приказу, хотя казалось, что даже техника уже смертельно устала от этого затянувшегося полета. Пилот потянул на себя рычаг управления.

Послышался визг реактивных турбин, и «Охота Четыре», пройдя всего в нескольких метрах над чернеющими внизу обломками, на несколько мгновений оказалась в полыхающем пламени пожара, который бушевал на поле аэродрома.

Кабина Дэрроу мгновенно почернела от копоти. Когда же самолет вынырнул из клубов дыма, пилот увидел пляшущие языки огня на его крыльях.

— Прошу запасную полосу! — закричал он.

— Полоса свободна! — откликнулся вокс.

Дэрроу выполнил разворот, набрав высоту и заложив настолько крутой вираж, насколько это было возможно. Двигатель не заглохнет. Нет. Только не сейчас. Рычаг управления словно налился свинцом. Пилот заходил на запасную посадочную полосу. Быстро, но уверенно. Он сделает это сейчас.

Красные огоньки побежали по панели приборов. Дэрроу почувствовал, как самолет дал легкий крен, — мотор загорелся. То ли из-за отсутствия топлива, то ли из-за недостаточно высокой скорости — он не мог знать наверняка. Не было времени разбираться. Да и не все ли теперь равно?

«Волчонок», наконец покинув воздушную стихию, коснулся колесами

шасси неровной поверхности аэродрома. Колеса выдержали первый толчок, но, после того как самолет немного подпрыгнул, второй удар о землю оказался для него роковым. Хромированные части шасси и куски порванной резины с треском разлетелись в разные стороны. В третий раз машина приземлилась уже на днище, высекая при этом фейерверки искр. Срывая с себя обшивку, самолет еще долго скользил по полосе, но затем его носовой конус занесло вправо, и, завертевшись волчком и стяв одно из крыльев, точно оно было из бумаги, «Охота Четыре» потеряла равновесие и завалилась набок. Все это время Дэрроу, чья кабина неожиданно превратилась в бешено вращающуюся центрифугу, кричал как безумный, инстинктивно закрыв лицо руками.

Со всех концов аэродрома — от пусковых шахт, от гаражей механиков, от главного ангара — к самолету бежали люди. Аварийные машины техпомощи, включив сирены и сверкая сигнальными огнями, поднимали тучи пыли и камни гравия, когда на полном ходу въезжали по

насыпи на взлетную полосу.

Джагди и Бланшер одними из первых подбежали к месту крушения.

— Назад! Немедленно назад! — закричал на них какой-то очень молодой шофер.

— Ну так вытаскивай его сам! — крикнула в ответ Джагди и с раздражением оттолкнула в сторону его руку, которую он вытянул, чтобы преградить им путь.

Верх кабины лежащего на земле самолета толчком изнутри открылся, и изможденный пилот, ухватившись руками за борт «Волчонка», с заметным усилием вылез оттуда. Окруженный кучей обломков, его самолет почти что лежал на боку, придавив собой сломанное крыло. Бессмысленно мотая головой, пилот сделал несколько нетвердых шагов в сторону подбегавших к нему людей, в то время как уже показались аварийные команды с пожарными шлангами.

Его совсем еще юное лицо за время полета почернело от копоти и машинного масла, и когда он снял с себя дыхательную

маску, то чистая, розовая кожа под ней стала казаться причудливым пятном. Еще не совсем придя в себя, он рассеянно взглянул на Джагди и Бланшера.

— Вот дерьмо! — только и смог произнести он.

— Поздравляю с удачным приземлением, — сказал Бланшер, протягивая ему руку для поддержки.

У молодого летчика вдруг подкосились ноги, и он, весь дрожа, буквально повис на предложенной ему руке.

— Удачное... приземление?.. — переспросил он, закашлявшись.

— Ты ведь вышел из самолета, не так ли? — улыбнулся Бланшер.

День 253

Один из районов Внутренней пустыни, 10.10

«Ярость Пардуса» теперь уже не подавала никаких признаков жизни. Последние сто километров подозрительное чихание в работе мотора то и дело сопровождало естественный шум бронемашины, а игольчатые кристаллы охлаждения двигателя еще километров за двадцать до его окончательной остановки покрылись слоем раскаленного красного песка. Водителю удалось увести машину немного в сторону от главной дороги конвоя, прежде чем мотор издал последний предсмертный хрип и покрытый неувядаемой славой боевой танк типа «Завоеватель» тяжело накренился и замер, будто решив немного передохнуть после тяжелого перехода.

Бархан из мельчайшего сухого песка под тяжестью шестидесяти двух тонн стал медленно оседать, заставляя накренившийся танк все глубже

зарываться левой гусеницей в свою толщу.

Ле Гуин обошел машину, чувствуя на лице жар, исходящий от громады бронированного корпуса. Внутри несколько раз звякнули гаечные ключи, и из заднего люка показалось красное, мокрое от пота лицо полкового аварийного механика.

— Ну?.. — спросил Ле Гуин.

— Охладительная эмульсия вся высохла, и блок главного цилиндра просто расплавился. Слишком быстрые и долгие переходы. А тут еще этот песок кругом...

Ле Гуин кивнул:

— Снимите с танка все, что подлежит перевозке и можно как-то употребить: боеприпасы, электрические батареи, вокс, вращающиеся зенитные установки. Не забудьте также остатки воды и горючего. Снимите все это и перенесите на наши транспорты. И смотрите не мешкайте, рядовой!

— Есть, капитан.

Ле Гуин взглянул на лейтенанта Клодаса, командира «Ярости». Его водитель, стрелки и заряжающий, сняв шлемы, стояли рядом как на похоронах —

одной притихшей, скорбной группой. Было видно, что Клодас с трудом сдерживает слезы.

— Пожалуйста, Клодас, не расходуйте воду понапрасну, — язвительно заметил Ле Гуин. — У нас ведь еще чертовски долгий путь впереди.

Клодас лишь шмыгнул носом и молча кивнул в ответ. Ле Гуин сразу пожалел, что так сурово обошелся с младшим офицером, ведь утрата стального коня — а он это хорошо знал — для танкиста равносильна потере лучшего друга, брата, родителя и верного пса, вместе взятых. Танкисты жили в своей машине, сражались в ней, из нее они убивали врагов, а в минуты опасности только на нее была последняя надежда. Как правило, они чувствовали себя в неоплатном долгу перед своим стальным другом и, даже зная его слабые места, никогда не сомневались в его колоссальных возможностях. Оставить свой родной танк вот так, на обочине дороги в пустыне, должно было им казаться почти что преступлением.

Кроме того, просто как образцы

военной технологии, эти танки были бесценны. Из тех подлинных, оригинальных моделей прежних времен в боевом строю осталось всего лишь несколько единиц. Великие миры, славные своим кузнечным промыслом, конечно, производили бронемашины современного типа, причем так быстро, как только были способны, но оружейное искусство далекого прошлого казалось теперь уже безвозвратно утраченным в силу того, что технические секреты, обычно никем не записываемые и передаваемые от мастера к мастеру, со временем неизбежно забывались. Ле Гуин на собственном горьком опыте убедился, что уже никто на мирах-кузницах не может изготовить сдвоенную лазерную пушку для истребителя танков.

«Ярость Пардуса» принадлежала к одному из восьми типов старейших тяжелых танков «Легана Расе», каждый из которых в течение долгих двадцати трех столетий заботливо поддерживался в состоянии боевой готовности. Даже в том плачевном состоянии, в каком он находился теперь, когда у него заело

подшипники и полностью выгорело топливо, он все равно заслуживал того, чтобы его вытащили из песка и отбуксировали для последующей эвакуации и ремонта.

Но по многим причинам это никак не могло произойти. Не было времени, не было необходимых ресурсов, а если бы отступающая группировка задержалась тут подольше, то и в живых, вероятно, никого не осталось бы.

Ле Гуин оглянулся назад, пытаясь разглядеть сквозь дрожащий от невыносимой жары воздух и поднимаемые техникой тучи песка и пыли, где заканчивается вьющаяся по выжженной равнине колонна людей и машин. Находясь долгие часы под немилосердно палящим солнцем, она тем не менее неуклонно продвигалась к своей цели. Каждые десять секунд мимо него с грохотом проходил еще один танк или бронетранспортер, выбрасывая из-под гусениц пыльные облака грязного песка и гравия. Ле Гуин невольно скашивал глаза, провожая взглядом каждую машину. Отступающая колонна

растянулась так далеко, насколько хватало взгляда, а ведь это была лишь одна сотая, а может, и того меньше, от всех тех разрозненных частей, что теперь отчаянно стремились пробраться через опаленные солнцем равнины и песчаные дюны северо-западного предгорья. Такая вот судьба была уготована великой «наземной армаде» лорд-милитанта Хьюмела — освобождая Энозис, почти достичь Ворот Ульев Тринити, чтобы затем бесславно повернуть назад, уступая свирепой ярости армий Архене-ти, внезапно получивших подкрепление.

Жалкие обломки «Ярости Пардуса» показались Ле Гуину вполне подходящим символом для всего этого катастрофического отступления — сильное, гордое животное доисторических времен погибло в неравной борьбе с неблагоприятным климатом и новыми, доселе неизвестными врагами, и теперь его останки, брошенные гнить в зыбучих песках, возможно, будут обнаружены лишь археологами грядущих эпох, которые с удивлением извлекут из земли его

иссохшие кости.

Ле Гуин посмотрел на север, куда, вздымая облака пыли, уже проследовали машины, идущие в авангарде колонны. Измученные невыносимой жарой, люди, вода которым была так же необходима для движения, как горючее — машинам, брели, еле переставляя ноги, вслед за медленно ползущим транспортом. Некоторым удавалось вскочить на броню проезжающей мимо техники, где кто-то затем удобно устраивался на надгусеничных крыльях, а кто-то, принимая немыслимые позы, плотно прижимался к башенной обшивке. Даже нескольких километров пути не обходилось без помощи аварийных команд «Атласа», которые то чинили какой-нибудь вышедший из строя бронетранспортер, то выкапывали или вытягивали на буксире из вязкого песка какой-нибудь танк... Случай с «Яростью» был далеко не первым, и отступающие войска уже давно начали оставлять свою бронетехнику на обочине. От самых Ульев Тринити весь этот злосчастный путь был теперь отмечен покореженными

каркасами боевых машин, вышедших из строя по дороге.

Вышедших или выведенных из строя. За все это время Архенеми ни дня не давал им возможности отступать без помех.

Клодас махнул флажком, дав сигнал проезжающему вездеходу остановиться, и тут же вся его команда выстроилась в живую цепь, готовая приступить к переносу с «Завоевателя» всего, что только можно было спасти.

— Не задерживайтесь слишком долго, — предупредил его Ле Гуин.

Он пошел обратно к своему собственному стальному коню, попутно отирая мокрый от испарины лоб, после чего его рука стала черной от налипающей пыли. Подходя к машине, Ле Гуин бросил взгляд в безжалостное к отступающим раскаленное небо пустыни. Откуда ждать следующей атаки? С воздуха? Или, как докладывали по воксу командиры идущих в арьергарде машин, сухопутные силы противника уже наступают им на пятки?

«Линия смерти» спокойно дожидалась

своего командира. Взбираясь на нее, Ле Гуин не удержался и несколько раз дружески похлопал ее по бронированной обшивке, несмотря на то что перегретый на солнце металл больно обжигал ему ладони. «Линия» была штурмовым танком модели «Искоренитель» с ходовой частью того же типа, что и у «Завоевателя». Две ее башенные автоматические пушки могли накрыть своим скорострельным огнем поразительно обширную площадь. Хотя танк и был окрашен в бледно-красный цвет песка пустыни, тонкий слой краски под палящим солнцем постепенно истерся, и во многих местах появились пятна хромированного металла. Его имя красовалось на щите башни, а название дивизии — «Пардус», Восьмая бронетанковая, — было выбито над спонсонами, рядом с эмблемой имперского двуглавого орла.

Ле Гуин перелез через ящики с запасным снаряжением, крепко привязанные к заднему обтекателю, и привычным движением запрыгнул в один из башенных люков. Матредес, его стрелок,

высунувшись из верхнего люка, давно уже поджидал его.

— Ну что? Едем?

— Едем.

Матредес прокричал что-то вниз Эмдину, водителю, и двигатель V12 тут же завелся. Машину качнуло вперед, загремели гусеницы, и танк вновь занял место в движущейся колонне бронетехники.

Ле Гуин не так давно стал командиром «Линии», и, хотя он всячески старался привыкнуть к ней, их отношения, пожалуй, не очень складывались. Большую часть своей карьеры Ле Гуин провел на истребителе танков типа «Разрушитель», называвшемся «Серый мститель». Тридцать четыре славные победы над вражескими танками удалось ему одержать с этой машиной, пока три года назад, в боях за священный древний мир Хагию, «Мститель» не попал под ураганный огонь противника. Ле Гуин наверняка сгорел бы вместе со своим стальным конем, если бы не самоотверженные действия некоего

разведчика-пехотинца по имени Мколл, который, рискуя жизнью, вытащил его из горящей машины и которого Ле Гуин всегда вспоминал с большим уважением, хоть тот и лишил его почетной возможности умереть героем.

Вот когда после госпиталя он пришел в штаб полка, его и назначили командиром этой консервной банки. Он, естественно, хотел получить другой «Разрушитель», поскольку весь его боевой опыт и навыки были связаны с этой машиной, но ни одного свободного в то время не нашлось. Только в редких случаях знатока столь древнего вооружения вынуждали сменить военную специальность или перейти на совершенно новый для него вид боевой техники. Обычно предлагали какую-нибудь модернизированную старую громадину со второсортными подшипниками, расточенными двигателями и довольно бесполезной артиллерией, годной разве что для устройства фейерверков. Где уж тут найтись высокотехнологичной сдвоенной лазерной пушке!

Так, скрыв разочарование, Ле Гуину пришлось стать командиром экипажа штурмового танка и вместе со своим новым железным конем принять участие в злосчастной Энозианской кампании Хьюмела.

«Линия» мчалась вперед. Принимая во внимание нынешнее положение вещей, воспоминания о былых терзаниях казались по меньшей мере смехотворными. Ле Гуин не мог не улыбнуться при мысли об этом. Подумаешь, назначили не на тот танк! Как только не стыдно было переживать из-за этого! Если бы это было наихудшим из того, с чем ему еще придется теперь столкнуться!

На данный момент вопрос был лишь в том, кто первый их уничтожит — раскаленная пустыня или злобный враг.

Несмотря на плотную теплоизоляцию в кабинах экипажа, внутри «Ускорителя» было жарко как в печке. Ле Гуин побоялся использовать кондиционер, решив экономить каждую каплю горючего. Матредес при свете красной электрической лампочки над головой

внимательно изучал карты и говорил ему что-то. Ле Гуин уже надел наушники и теперь включил канал внутренней связи.

— Не расслышал, повтори еще раз.

— Еще сорок километров — и мы выходим на гористую местность... карстовую равнину. С нее начинается ущелье.

Ле Гуин кивнул. Ущелье и горный хребет по ту ее сторону представляли собой два других труднейших препятствия на пути колонны, которые необходимо преодолеть, чтобы оказаться в безопасности. Переход через пустыню был еще только началом. Но этот локальный успех все же оставлял им некоторую надежду. Сейчас должны были уже показаться какие-то заметные ориентиры, местоположение которых можно было бы затем сверить по карте.

Ле Гуин распахнул люк и, взяв протянутый ему Матредесом электроскоп, высунулся из танка, готовясь осмотреть новый открывающийся горизонт.

«Линия смерти» шла в первой

четверти отступающей колонны. Согласно одним непроверенным слухам, некоторые имперские части уже достигли горных перевалов Маканайтского хребта и, следовательно, стояли на пороге спасения. Согласно другим, быстрые штурмовые отряды Архенети также достигли перевалов и теперь готовятся перерезать им путь.

Командир напряженно вглядывался в электроскоп, стараясь держаться ровно вопреки непрекращающейся дорожной тряске. В какую бы сторону он ни посмотрел — все было в мареве раскаленного воздуха и клубах песчаной пыли, которые своей полупрозрачной пеленой закрывали обзор дальних пределов. Но вот, кажется, что-то показалось далеко впереди. Неясная бледно-голубая линия на горизонте.

Что это? Горная гряда или оптическая иллюзия?

По воксу передали что-то, что Ле Гуин не вполне расслышал. Через мгновение ему уже не нужно было ничего повторять. Какие-то неуловимые тени, как молнии

мелькнув над головами отступающих, устремились на север, а идущий сверху мощный звук дожигателей топлива заглушил на время рев танкового двигателя.

Две темно-красные фигуры в безоблачном небе, как две стрелы, скользнули вниз, к головным машинам колонны. Ле Гуин сначала увидел слепящие вспышки и фонтаны вздымаемого песка впереди и только потом услышал оглушительные раскаты взрывающихся боеприпасов. В километре от его танка что-то загорелось и испустило столб густого черного дыма, который на фоне чистого неба казался особенно отвратительным.

— Тревога! Тревога! — закричал Ле Гуин в вокс.

Башенные орудия «Линии» уже были подняты под предельно допустимым углом, но стрелять с такого расстояния означало лишь попусту растрачивать боеприпасы. Вдали он увидел прерывистые вспышки трассирующих ракет, выпущенных из «Гидр», идущих в первых рядах колонны.

Между тем появились еще две «летучие мыши», использовавшие длинный пылевой след, оставляемый конвоем, как удобный ориентир для захода на цель. Матредес принялся разворачивать башню танка, стараясь навести на них пушку, но Ле Гуин, глядя на это, лишь неодобрительно покачал головой. Армейский грузовик, всего тремя машинами впереди них, был поднят в воздух настоящим извержением пламени и опустился на землю уже в сопровождении дождя горящих обломков.

Они даже не увидели, с какой стороны пришел удар.

Машины, идущие впереди, в беспорядке съехали с дороги. Подбитый грузовик, весь охваченный пламенем, сейчас казался бесформенной массой покореженного металла. Обгорелые тела — одежду с некоторых сорвало взрывом — разбросало по песку вокруг.

Следующий грузовик с солдатами резко свернул в сторону, чтобы избежать столкновения с обломками, но тут же заехал колесом на обочину и крепко увяз.

Взревел мотор, грузовик отчаянно рванулся, но бешено вращающиеся колеса только глубже закапывались в толщу песка. Пехотинцы с цепями и лопатами в руках гурьбой повыскакивали из его кузова.

— Стоп машина! Тащи трос! — заорал Ле Гуин Мат-редесу, который уже вылезал из танка вместе с Мерг-соном, одним из спонсонных стрелков. — Привязывай его! Привязывай! — прокричал он пехотинцам на земле, когда Матредес со стрелком достали из закрепленной на правом борту танка корзины мотки стального троса.

И им стоило поторопиться. Вражеские самолеты имели обыкновение сбрасывать большую часть бомбового запаса на головную часть колонны, чтобы замедлить ее продвижение, а затем, словно в издевку, на высоте бреющего полета возвращаться домой прямо над линией отступающего конвоя.

— Быстрее!

Впереди над колонной взвилась ракета класса «земля — воздух». За этим последовала беспорядочная пальба из пушек, трассирующих пулеметов и прочих

видов стрелкового оружия. Какой-то идиот даже запустил ракету с ручной установки. Взмыв вверх, она произвела пользы не больше, чем осветительная среди бела дня. Но где же они? Где, черт их возьми...

Бу-ум! Один из них пролетел прямо над ними и, атаковав с нулевой высоты, почти перевернул танк мощной взрывной волной. Взрыв еще только прогремел в двух шагах от них, а вражеский самолет уже стремительно удалялся от места события. В пятистах метрах дорога была окутана дымом горящего фицелина после ураганного орудийного огня, который обрушился на автоколонну. Все новые языки пламени вырывались то здесь, то там. Оглушительный взрыв очень большой мощности — скорее всего, сдетониро-вал боекомплект снарядов в танке — раздался невдалеке.

— Быстрее, Матредес! — надрывался Ле Гуин.

Большинство рядовых пехотинцев попадали плашмя наземь, когда «летучая мышь» пролетала над ними, но подопечным Ле Гуина все же удалось

закрепить трос на армейском грузовике.

— Потрави немного! Скажи ему, чтобы потравил трос! — крикнул Ле Гуин Матредесу, указывая на шофера грузовика, балбеса из Мунитория, который все еще пыхтел над осью колеса, тщетно стараясь выправить положение.

— Эмдин? — Ле Гуин связался с водителем по вок-су. — Как можно нежнее, один шаг назад. Никаких рывков — не то оторвешь ему кузов.

— Понял, капитан, — донесся из вокса голос Эмдина. — Пятнадцать сегов, не забывайте.

Пятнадцать сегов. Несмотря на тяжелую ситуацию, Ле Гуин не мог не рассмеяться. Танкистам «Пардуса» разрешалось за каждый год службы нашивать маленький сегмент ткани, стилизованный под трак танковой гусеницы, на воротник формы. Таким образом, Эмдин напомнил своему капитану, что он — ветеран с пятнадцатью годами примерной службы за плечами и не нуждается ни в чьих советах, как успешно отбуксировать

грузовик «Карго-10».

У самого Ле Гуина было только тринадцать сегов.

Его смех утолк, когда он увидел еще одну «летучую мышь», стремительно приближающуюся на бреющем полете, багровую, как открытая рана. Было видно, как еще на подлете ослепительным огнем вспыхнули ее пулеметные гнезда. «Класс "Мучитель", — подумал Ле Гуин, — а может, "Адский коготь"». Да не все ли равно. Он разбирался в танках. Все самолеты были для него одинаковы. Да будь это хоть даже чертов эльф, решивший полетать над пустыней, эта тварь все равно нацелена на убийство.

Со скоростью и точностью конвейерного станка пулеметная очередь «летучей мыши» прошлась по автоколонне, разрывами пуль вздымая пыль выше человеческого роста. БТеБ — бронированная машина, перевозящая пыльную армейскую форму для энозианского НСО, — треснув как яйцо, тут же завалилась набок, а передняя часть автоцистерны с драгоценными

запасами воды была просто разнесена вдребезги.

Затем пули прошили пространство в непосредственной близости от танка Ле Гуина. С полудюжины пехотинцев, выскочивших из увязшего грузовика, скосило одним ударом; их тела были разбросаны, подняты на воздух, разорваны на части. Клубы мелкого песка и пыли окутали все вокруг. Ле Гуин потерял из виду Матредеса, но на его глазах был застрелен Мерсон, чье тело ниже пояса буквально испарилось, в одно мгновение превратившись в сгусток пылающих органических волокон.

— Нет! — вскричал Ле Гуин и пригнул голову, уходя под защиту башенной брони танка, в то время как по меньшей мере три пули со звоном отскочили от обшивки «Линии».

Шум моторов «летучей мыши» уже удалялся, но, до того как укрыться в башне танка, Ле Гуин краем глаза успел заметить второй самолет, строго следующий за первым. Вне себя от гнева, он схватил ручки сдвоенной орудийной

установки, рывком привел в действие автозарядное устройство и тут же открыл бешеный огонь.

Танковая башня вздрогнула. Сквозь призматический прицел трудно было вообще что-либо увидеть — и уж точно не цель.

«Пустая растрата боеприпасов? Подождите, пока я промахнусь, — думал Ле Гуин, — вот тогда и скажете мне все это».

В небе над Маканайтским хребтом, 12.01

Полет длился уже около часа. Внизу — двадцать тысяч километров чистого неба вплоть до обледенелых горных вершин. Три десятых обычной облачности. Видимость отличная, более сорока.

Обтянутый ремнями летного снаряжения, вдыхая дозированную кислородную смесь через маску пилота, Вилтри из полутрака кабины своего «Мародера» вглядывался в то царство света, которое сегодня, казалось, простиралось на все небо. Впереди и чуть выше уверенно летел «Привет

преисподней», оставляя за собой длинный, ровный, поражающий своей белизной след отработанного топлива. Солнечные лучи отражались, слепя глаза, от его отполированной до блеска посеребренной обшивки.

Ничто не нарушало безмятежной тишины, не считая монотонного постукивания четырех прямоточных реактивных двигателей «Г как Грета». Если верить ауспек-су, сейчас в воздухе, кроме их стройной группы из шести самолетов, никого не было не менее чем на сто километров.

Вилтри щелкнул кнопкой своего интеркома:

— «Гравитация», проверка связи.

Это было еще одно прозвище «Г как Грета» — «Сила G Грета», «Гравитация Грета». Орсон как-то прозвал ее так, и с тех пор название прочно прилипло.

— Бомбометатель.

— Стрелок носового орудия.

— Стрелок хвостового орудия.

— Стрелок турели.

Лакомб, штурман Вилтри,

осмотрелся со своего места и сделал знак «о'кей» пальцами правой руки, затянутой в летную перчатку.

— Долго еще? — спросил Вилтри у навигатора.

— Подлетаем к заданному ориентиру, сэр. Нам нужно будет поменять курс на десять градусов к востоку в ближайшие пять минут.

— Повтори еще раз, как он называется?

— Перевал Ираке. Полагаю, назван по имени одного местного высокогорного травоядного, которое...

— Спасибо, Лакомб. Сначала война — история потом.

— Так точно, сэр.

Вилтри переключил канал связи:

— Звено «Ореол», говорит ведущий «Ореола». Приготовьтесь по моей команде произвести поворот к востоку на десять градусов. Три, два, один... Поворот!

Солнце качнулось и изменило свое положение к горизонту — тактические бомбардировщики осуществили поворот. «Г как Грета», «Привет преисподней»,

«Трон Терры», «Мамзель Месть», «Отправь Их Обратно В Ад» и «Считай, Ты Труп». Исключая операции повышенной сложности, «Ореол» редко поднимал в воздух все две надцать своих стальных птиц на одно задание. Шесть было обычным числом самолетов в группе. И эта шестерка выбиралась по жребию. Жребий выпал на «Время вдов», но из-за проблемы с трубкой векторного двигателя он был исключен из списка. Его место заняла «Мамзель Месть». Это был самолет Киркланa из отряда «Ореол-2». Как заместитель командира, Вассимир Киркланобычно вел на задание другую половину звена, в очередь с группой Вилтри. Для них было довольно необычно лететь вместе.

— Снижаемся на пять тысяч, — сказал Лакомб Вилтри.

— Звено, слушай, снижаемся на пять тысяч. Двигатель стал звучать по-иному, когда они резко ушли вниз. Теперь горные ледники казались ужасно близкими.

— Лакомб?

Острые глаза штурмана то и дело

переключались с визуального наблюдения на данные ауспекса.

— Ищу заданную точку поворота. Пик Якоба. В наших кратких инструкциях говорится, что он находится у самого входа в ущелье.

Мучительно медленно протекла еще одна минута.

— Ну же, Лакомб!

— Вот он! Еще двенадцать километров — и затем снижение на цель. Сейчас нам нужно сбросить еще две тысячи метров высоты. Краткая инструкция предупреждает о сильном встречном ветре, как только мы войдем в ущелье.

Вилтри кивнул, медленно отворачивая от себя рычаг управления.

— Звено «Ореол», звено «Ореол». Заданный ориентир в двенадцати километрах. Затем снижение на цель. Пикируем группами по три. Примите во внимание встречный ветер.

— Говорит «Ореол Два». Ведущий «Ореола», вас понял, следую за вами.

Проводящий фотосъемку самолет-

разведчик класса «Молния» из Тысяча двести шестьдесят седьмой бригады Космического Флота (разведка) уже пролетал по этому маршруту на рассвете и обнаружил на полпути вверх по перевалу скопление единиц имперской бронетехники и артиллерии, которые буквально по пятам преследовались тяжелыми механизированными частями Архенети. Очевидно, днем раньше именно это место обнаружила местная эскадрилья незадолго до того, как была атакована авиацией противника, осуществляющей прикрытие своих сил с воздуха.

— Звено «Ореол», объявляю повышенную готовность, — передал Вилтри по воксу, а затем переключился на интерком: — Стрелки? Приготовиться открыть огонь. Смотреть внимательно: так, как если бы от этого зависела ваша жизнь. Тем более что это наверняка так и есть. Джадд?

Сдавленное хихиканье.

— Слушаю, капитан.

— Поцелуй за меня детей, бомбометатель. Еще один смешок.

— Я передам, что вы им пожелали спокойной ночи, сэр.

Сидя в бомбовом отсеке, находящемся под кабиной Вилтри, Джадд нежно зарядил боекомплект и затем, улегшись поудобнее на живот, приник к оптическому прицелу.

Изрезанный силуэт пика Якоба вырастал на их пути — одинокая отвесная скала с заснеженной вершиной. Вилтри теперь уже мог видеть открывающееся перед ними ущелье. Его сердце начало биться быстрее. Задание обещало быть не из легких.

— Звено «Ореол», звено «Ореол». Мы у цели. — Он пытался сохранить спокойствие в голосе. — Заходим заданный ориентир и пикируем друг за другом в последовательности присвоенных нам номеров. Да хранит нас Император!

Все самолеты тут же откликнулись, повторив его слова, будто заклинание.

Три... два... один...

Все шесть «Мародеров», выстроившись в линию, миновав горный пик, заложили резкий вираж и, ведомые

«Гравитацией», устремились вниз, в ущелье, все время набирая скорость, но при этом сохраняя строй. Обещанный встречный ветер жестоко трепал их и порой заглушал шум моторов. Несколько мгновений стены каньона казались настолько близкими, что летчики с ужасом ожидали увидеть искры от их соприкосновения с кончиками крыльев. Но вот расщелина стала расширяться, и горный перевал постепенно пошел вниз. Замелькали картины заснеженных узких долин, как в гигантском колодце окруженных черными стенами скал с нависающими над ними шапками льда. Теперь ущелье расширилось уже более чем на пятьсот метров. Резким движением руки Вилтри добавил газу и довел и так пугающе низкую высоту «Гравитации» до утопотрачительных пятидесяти метров. Сидящий за штурвалом «Мамзель Мести», которая шла сразу за «Гравитацией», Кирклан ухмыльнулся. Сбросить высоту до пятидесяти метров на «Мародере», на скорости четыреста километров в час, когда вокруг тебя

гранитные скалы каньона... Только у Оскара Вилтри могло хватить мужества пойти на такое.

Киркланлетал на «Мародерах» всего на год меньше Вилтри и последние шесть лет был его заместителем в «Ореоле». Он любил этого человека и пошел бы за ним куда угодно. По мнению Вассимира Киркланна, никто не умел так управляться с четырехмоторной реактивной птичкой, как это делал Вилтри. В его вождении было что-то спонтанное, природное — как будто он уже родился с этим. Когда Вилтри пропал без вести над Скальдом в 771-м и все считали его погибшим, Киркланн горевал не только о потере друга, но и о тех будущих поколениях пилотов Фантина, которые, как он думал, теперь уже никогда не увидят, как летал Вилтри, никогда не постигнут секретов его мастерства. То, что Киркланну было тогда доверено командовать боевыми вылетами, никоим образом не смягчило боль утраты. Хотя ему и пришлось вести авиабригаду в тот памятный рейд на Ауренберг, он знал, что Вилтри справился

бы с этим лучше. Ну ладно, теперь, когда капитан снова в строю, все будет на четыре-А.

Кирклэнд прижал свою болтающуюся маску к лицу.

— Никак сбрасываешь скорость, а, Оск? — рассмеялся он в вокс.

— «Ореол Два»? Не расслышал, повторите еще раз.

— Ничего, ведущий «Ореола». Все нормально, продолжаем полет.

А в это время в сильно вибрирующей кабине ведущего «Ореола» сам командир Вилтри никак не мог унять дрожь. Суставы его пальцев побелели даже под стальным панцирем летных перчаток.

Вот оно. Тот самый момент. Это чертово Колесо Судьбы. Пришел час расплаты. Смерть. Смерть прямо сейчас. Смерть...

— Вижу цель! — раздался ликующий голос Джадда.

Они только что пронеслись над нестройными рядами имперской бронетехники и над двумя сотнями машин, скопившихся на небольшом плато

горного перевала. Выше по ущелью мобильные батареи и тяжелая артиллерия Архенети принялись обстреливать воздух из всех своих орудий.

Руки у Вилтри затряслись на рычагах управления.

— Я не могу... — начал он.

— Капитан? — не понял Лакомб, в недоумении обернувшись к нему.

Святой Трон! Просто сделай это. Да сделай же это немедленно! Вилтри встряхнулся и дико закричал в свой микрофон:

— Передние орудия, огонь! Огонь! Джадд! Всыпь им! Наксол — стрелок из носовой башни — тут же открыл огонь, сметая наземные позиции противника, и бы ло видно, как выброшенное из орудия пламя облизало всю носовую часть самолета.

— Груз отправлен! — доложил Джадд. «Гравитация» сразу же подскочила на несколько метров, как только ее фюзеляж и крылья избавились от лишней тяжести.

Сплошное море пламени внизу разлилось широкими волнами по каньону.

Затем «Мамзель Месть» нанесла свой удар, затем «Привет преисподней»... Внизу разыгрался настоящий огненный шторм. Остальные самолеты группы быстрой чередой завершили начатое.

К тому времени «Г как Грета» на широком вираже уже выходила из ущелья, пролетая над удивительным по красоте горным ландшафтом. Вдавленные в свои кресла и летчицкое снаряжение из-за перегрузки в несколько G, все члены экипажа тем не менее не могли сдержать своего ликования.

На высоте пяти километров над горной грядой Вилтри выправил положение самолета и, переводя дух, на мгновение неподвижно согнулся над панелью приборов.

— Мы поджарили их! Мы поджарили этих ублюдков, как... — раздался пронзительный голос стрелка верхней турели Гейза.

— Молчать! Молчать! — взревел Вилтри. — Во имя Святого Трона, молчать! Всем поддерживать режим визуального наблюдения — или мы никогда

не увидит нашей базы! Все меня слышали! Или мы никогда не увидим нашей чертовой базы!

Тэда. Южная ВВВ, 12.12

Сейчас на небе не было ничего, что могло бы представлять какой-то интерес для летчика, но офицер летного состава Вандер Марквол туда и не смотрел. Он смотрел и не мог насмотреться на свою стальную птицу.

«Громовая стрела J-XXJ» стояла на тормозных башмаках в специальном бронированном укрытии на восточной стороне Южного аэродрома Тэды. Это был настоящий монстр: четырнадцать тонн собственного веса (и это с пустыми баками!) — грозная батарея носовых орудий и корпус, который, утолщаясь, переходил в устремленные вперед крылья вокруг выхлопных труб турбовентиляционных двигателей. Вытянутая назад кабина располагалась посредине, что придавало всей «Стреле» лучеобразную форму. Она была выкрашена в матово-серый цвет, с маркировками «фантин XX» на хвостовой

и носовой частях. Выставленные сопла двигателей сверкали медью.

Из одного из орудийных гнезд показалась голова Рэкли, главного механика Марквола.

— Будет как новый, я обещаю, — заявил он. Марквол усмехнулся. Подручные Рэкливс всего лишь докрашивали носовую часть стальной птицы. А точнее, вырисовывали стилизованного двуглавого орла, держащего изломанные молнии, с надписью «Двуглавый орел» внизу.

Вдруг Марквол почувствовал, что у него за спиной кто-то стоит. Он повернулся и оцепенел в изумлении.

Это был капитан Гюйс Геттеринг, один из Апостолов. Его белая замшевая куртка почти сверкала в ярком свете полуденного солнца.

— Сэр, я... — начал было Марквол.

Геттеринг с холодной невозмутимостью снял одну из своих бронированных перчаток и наотмашь ударил ею Марквола по лицу, да так сильно, что молодой человек потерял равновесие и упал на одно колено.

Ошеломленный, с ободранным лицом, Марквол растерянно поднял голову.

Гюйс Геттеринг уже шагал к стоянке своего самолета.

— За что... — задохнулся от возмущения Марквол, с помощью своих механиков поднимаясь с колена. — За что, черт его побери, он меня ударил?!

Тэда. Северная ВВВ, 12.26

Когда Дэрроу приехал обратно на свою родную базу, то был просто потрясен теми изменениями, которые успели произойти в его отсутствие.

База будто вымерла и теперь производила впечатление давно покинутого места. Он постоял несколько минут на залитой солнцем площадке для устройства торжественных мероприятий, окидывая взглядом поле главного аэродрома. Примерно в километре вдоль западной границы авиабазы он разглядел ряды каких-то больших, спрятанных под тентом машин. «Имперские птички, "Мародеры"», — подумал Дэрроу. Ему даже удалось рассмотреть, как суетятся

команды механиков вокруг одного из этих тяжелых бомбардировщиков. К северу от него команды Мунитория демонтировали шесть из двенадцати реактивных установок, которые использовались при запуске «Волчат». Проявление активной деятельности, конечно, но все это далеко, на окраинах.

А вот комплекс зданий Командования Полетами и барачные постройки позади него казались совсем безлюдными и заброшенными. Дэрроу повернулся и, взойдя по парадной лестнице, оказался в прохладном полумраке главного холла. Сейчас пилот был одет в одолженный старый комбинезон, поскольку почти вся его одежда пришла в негодность после крушения. Ему удалось сохранить лишь свои летчицкие ботинки и тяжелую кожаную куртку, пусть и со здорово порванным рукавом. Дэрроу наотрез отказался отдать ее медикам, которые хотели ее выкинуть.

Они настояли, чтобы он остался на ночь в лазарете аэродрома Южной Тэды для всестороннего медицинского

обследования, хотя каждому было ясно, что он в полном порядке, не считая нескольких царапин и ушибов. А на следующее утро, несмотря на нестерпимое желание убраться оттуда поскорее, его заставили заполнить бесконечные медицинские анкеты и протоколы касательно случившегося в воздухе инцидента. Только затем Дэрроу наконец выписали, и он поймал первый попавшийся транспорт, идущий на север.

Все, что он тогда хотел, — вернуться в строй, вернуться к повседневной рутине своей профессии и побыстрее забыть, оставить в прошлом этот ужасный вчерашний день.

Однако все вокруг, как нарочно, не давали ему возможности отвлечься. Медицинские анкеты, осмотры, протоколы об инциденте... Даже шофер транспорта, который подвозил его из Южной Тэды, и тот выглядел как злая усмешка судьбы. Все его лицо было обезображено розовыми рубцами от ожога.

В вестибюле никого не было. Никто из офицеров уже не пробегал, как прежде, с

депешей по его начищенному паркету. Дэрроу прошел мимо свитков славы на стеллажах, один на каждую эскадрилью Содружества, включая и его Тридцать четвертую — Перехватчиков Общего Назначения, куда золотыми буквами были вписаны имена всех военных летчиков Энозиса. Затем он прошел мимо мрачного гололитического изображения бывшего главнокомандующего ВВС Тентиса Белкса. Вообще-то, существовал старый, освященный временем обычай, который предписывал всем пилотам отдавать честь портрету этого старца, когда они проходили мимо, но Дэрроу сегодня был определенно не в том настроении, чтобы следовать всем этим претенциозным формальностям.

Никого не было ни в комнате дежурного офицера, ни в приемной. Дэрроу спустился в зал распределения, но и там никого не встретил. Тем не менее в воздухе тут чувствовался сильный запах табачного дыма и переваренного кофеина, а на одном из маленьких столиков стояло большое блюдо с недоеденной дичью.

Дэрроу вернулся обратно в зал и пошел к помещению домовой церкви при авиабазе. На стене, рядом с двойными дверями в молельню, висела грифельная доска, на которой мелом были выписаны имена всех недавних погибших и пропавших без вести для их поминания на утренней службе. Он немного задержался у дверей, пробежав взглядом весь список. Погибшие курсанты из звена «Охота». Чертовски длинный список. За исключением пяти имен, это был полный список летчиков для переклички бригады.

Он открыл двери и заглянул внутрь. Там было тихо и очень темно, если не считать дальнего края помещения, освещенного разноцветными лучами, падающими из стрельчатого витражного окна. В помещении стоял терпкий запах вощеного дерева и паркетного лака, который заглушал нежное благоухание увядающих цветов из траурных букетов. Несколько человек сидели у самого амвона, на краю первого ряда. Так и не разглядев, кто это, Дэрроу, не желая никого тревожить, тихонько отступил обратно в

холл.

Тут он впервые заметил какое-то печатное объявление, вывешенное на настенном стенде возле дверей комнаты дежурного офицера.

Предчувствуя недоброе, Дэрроу подошел, чтобы прочесть.

Неожиданно в дверях домовой церкви появился майор Хекель и сразу же направился в его сторону:

— Дэрроу!

— Что... Что это такое? — растерянно пробормотал тот.

Хекель почувствовал гневные нотки в голосе летчика-курсанта.

— Ты как? Только что приехал? Тебя выписали? У тебя все нормально?

— Что все это значит? — огрызнулся Дэрроу, указывая рукой на объявление.

Хекель побледнел, и его лицо перекосилось как от зубной боли. Казалось, он весь вжался в себя от такой внезапной вспышки раздражения своего пилота.

— Это значит, что дела приняли такой оборот, Дэрроу.

— Где уже поставил свою подпись?

— Это как раз была его идея, он...

— Он сейчас здесь?

— Да, здесь.

— Я хочу повидаться с ним.

Хекель закусил нижнюю губу, но затем, подумав, кивнул:

— Пошли.

Майор провел его по главной лестнице, ведущей наверх, на этаж, отведенный под помещения Командования Полетами. Их тяжелые ботинки громко стучали по жесткому паркету коридора. Однако Хекелю, казалось, хотелось немного поговорить.

— Все получили один день отпуска, — рассказывал он почти весело. — А сегодня утром... Понимаешь, вчерашние события у всех нас выбили почву из-под ног.

А поскольку мы все равно должны были отдохнуть и к тому же освободить место для имперских частей, то... Ну, нам и показалось, что это будет наилучший выход, если главнокомандующий Иде выпишет краткосрочные увольнительные и...

Дэрроу почти его не слушал. Дверь в

главную комнату Командования Полетами оказалась открытой настежь, и он видел, как незнакомый персонал в форме Имперского Космического Флота с удивлением оборачивался на них, когда они проходили мимо.

Они подошли к внешнему кабинету главнокомандующего, и Хекель предупредительно открыл дверь перед пилотом. Про себя Дэрроу отметил, как сильно у того дрожит рука. Просто удивительно, как сильно.

Внешний кабинет главнокомандующего был пуст. С рабочих столов все было убрано, и кипы недавно доставленных папок со знаком двуглавого орла на обложке лежали на истертом паркете посреди помещения. Хекель негромко постучал в дверь внутреннего кабинета. Что-то нечленораздельное донеслось ему в ответ.

Они вошли внутрь. Там было темно — хоть глаз выколи.

— Сэр... — начал Хекель.

— Что такое? О, тысяча извинений. Послышался щелчок, и стальные шторы на

окнах открылись, позволив дневному свету проникнуть в помещение.

— Я иногда совсем забываю об этом, — сказал Иде.

При свете дня стала видна фигура главнокомандующего Гельвина Идса, сидящего за своим штабным столом, который располагался в нише кабинета, у самого окна. Стены помещения были сплошь увешаны голо-литами — групповыми парадными снимками эскадрильи, персональными портретами пилотов, изображениями «Циклонов» и «Волчат», веселых сцен на официальных торжествах, среди которых особенно выделялся совместный снимок Идса со старым Белксом. Потрепанный флаг Содружества, гордость эскадрильи, был установлен на самом видном и почетном месте — над камином.

Иде разбирал военные карты и планшеты с информацией, раскладывая их по ящикам стола. Ему было уже за шестьдесят. Это был невысокий, жилистый мужчина, чьи коротко остриженные седые волосы напоминали

металлическую стружку, покрывающую голову. Маленькие круглые стекла черных очков плотно закрывали его глаза.

— Назовите себя, — произнес он, вопросительно подняв голову. — Это вы, Хекель, я не ошибся?

Хотя Иде уже девятнадцать лет как потерял зрение, он отказался от аугметической оптики. В ходе специальной операции ему вживили сенсорный контактный порт в кожу за левым ухом, так чтобы он мог подключать себя к системам слежения и «видеть» то, что показывают мониторы во время выполнения самолетами своих заданий. Но это была единственная компенсация, которую он получил за свое увечье. Сейчас сенсорный штекер был подключен к специальному декодеру на его столе, позволяя ему считывать информацию с планшетов, которые он раскладывал по ящикам.

— Это я, сэр, — отозвался Хекель. — И курсант летного склада Дэрроу.

Оба летчика отдали честь со всеми необходимыми по уставу формальностями.

Иде уже давно вообразил, что подчиненные по причине его слепоты, вероятно, не очень утруждают себя как следует отдавать честь при встрече с ним, и потому взял себе привычку спрашивать каждого своего посетителя: «Что, теперь так отдают честь?» Зная это, теперь каждый отдавал ему честь с гораздо большей щепетильностью, чем даже любому зрячему офицеру.

— Что, теперь так отдают честь? — спросил Иде, улыбаясь. — Располагайтесь поудобнее. Привет, Дэрроу. Уже выписался из госпиталя?

— Так точно, командир.

— Рад это слышать. В штабе хотят, чтобы я поскорее собирался и освобождал кабинет. Космический флот. Наверное, нужно быть благодарным, что они пришли, но все это так угнетает...

Иде поднялся, отключил себя от декодера и вышел из-за стола. В руке он держал сенсорную трость с потертым серебряным набалдашником в виде энозианского герба, который тут же начинал вибрировать в его ладони, как

только главнокомандующий приближался к какому-либо препятствию. Вряд ли это было нужно ему здесь, в его собственном кабинете, расположение предметов в котором он знал наизусть. Иде подошел к камину и прикоснулся рукой к краю старого флага.

Затем он указал рукой на несколько гололитических изображений, заботливо помещенных в рамку:

— Зима семьсот пятьдесят первого, торжественный обед по случаю приема гостей. Уэснер тогда особенно надрался. На снимке это видно, не правда ли? Его галстук здорово съехал на сторону. А это... Это Джейхан Ноквист. Стоит рядом со своим «Магогом» в окружении команды механиков. Старина Гризи Барвел — это его команда, Император да благословит их. Дальше... Это «Колибри», мой первый «Волчонок». Никчемная старая развалина. В семьсот сорок втором бросил меня в море Эзры, после того как внезапно загорелся. Полагаю, он до сих пор лежит там, на дне, обросший кораллами... — Иде повернулся к ним. — Я нигде не ошибся?

— Никак нет, командир, — ответил Хекель. — Все точно.

Иде кивнул:

— Я только потому все это помню, что точно знаю, где я их сам повесил.

Он снял со стены одно из изображений, взвесил его на руках и отнес к себе на стол. Потом оно отправилось в один из его ящиков.

— Не думаю, что я повешу их в своем новом кабинете, где бы он, в конце концов, ни оказался. Едва ли в этом есть хоть какой-то смысл. Я не смогу видеть их. Я хочу сказать, я не буду помнить, куда я каждое из них повесил. С тем же успехом я мог бы приколотить к стене пустые рамы. И все же я не могу не взять их с собой.

Иде умолк на мгновение, глубоко задумавшись. Затем темные стекла его очков вновь повернулись к пилотам.

— Как я понимаю, речь пойдет о вашем переназначении, Дэрроу.

— Так точно, сэр. Я разочарован, если не сказать больше...

— Не сомневаюсь, что это так, курсант. Будь я проклят, если это не так.

Но я не изменю своего решения. С учетом вчерашних потерь, у нас едва ли теперь наберется достаточно «Волчат» в исправном состоянии, чтобы поднять в воздух хотя бы двадцать самолетов Тридцать четвертой бригады, и это когда несколько пилотов по очереди летают на одной машине. Мы собираемся сократить авиабригаду. Мы просто вынуждены это сделать. Раз нас переводят на другой аэродром, нам необходимо сократить численность пилотов. Кое-кто останется в строю... В основном из звеньев «Вектор» и «Добыча». Остальные до поры до времени будут находиться в запасе. Предпочтение отдается опытным летчикам, Дэрроу. Сожалею, но звено «Охота» было секцией курсантов. И — прости меня за прямоту, Хекель, — слишком уж мало что от «Охоты» осталось. Так что, Дэрроу, ты будешь переназначен на должность, связанную с выполнением важных обязанностей на земле, и, находясь в резерве, вероятно, отправишься обратно в Энтополис или на аэродром Зофоса.

— Так точно, сэр. — Зубы Дэрроу заскрежетали.

— Находиться в резерве не так уж плохо, Дэрроу, — добавил Иде. — Ты будешь загружен серьезной, достойной уважения работой. А если все сложится удачно, то уже в конце года снова будешь летать.

Дэрроу кивнул.

— Дэрроу?

— Так точно, сэр. Я... Я кивнул, сэр.

— Кивки для меня ничего не значат, пилот.

— Виноват. Прошу прощения, сэр.

Иде обошел стол и вновь сел в рабочее кресло.

— Знаешь что, Дэрроу, — сказал он, — давай-ка начистоту.

— Не понял, сэр.

— Скажи, что у тебя на сердце, сынок, и покончим с этим.

Дэрроу взглянул на Хекеля. Лицо майора, казалось, стало даже бледнее, чем прежде, и руки его заметно дрожали. Тем не менее он ободряюще взглянул на Дэрроу.

Дэрроу сделал глубокий вдох:

— Я понимаю, что я еще только

четыре недели как принимаю участие в боевых вылетах. Я пока еще всего лишь курсант. Но вчера...

Он взглянул на Хекеля. Хекель нахмурился и покачал головой.

— Как бы то ни было, я считаю, что я могу летать, командир. Я хочу сказать, что я могу хорошо летать. Я, конечно, вряд ли теперь могу надеяться, и я терпеть не могу трезвонить о себе, но вчера я действительно почувствовал, что я... Короче, там была «летучая мышь» и...

— Так, Дэрроу. И что?

Дэрроу почувствовал, что выглядит глупо, начав этот разговор.

— Не важно, сэр.

Иде выпрямился в кресле и достал какой-то планшет с информацией из кипы бумаг слева. Он положил его перед собой.

— Твоя скромность делает тебе честь, курсант. Вот у меня на столе доклад Хекеля. Так... Как там это было названо? Блистательный, феерический полет, не правда ли, майор?

— Это всего лишь доклад, сэр, — стушился Хекель.

— Ты обстрелял «летучую мышь» и безнаказанно смылся. Прирожденный пилот, самородок. Майор не скупился на яркие эпитеты, расхваливая тебя. Вот дьявол, если бы мне только можно было увидеть воочию все то, что там о тебе написано... Я бы, наверное, рекомендовал тебя к награде.

— Вы действительно говорили все это? — пробормотал Дэрроу.

Хекель внимательно рассматривал что-то на паркете.

— Я доложил только о том, что видел сам, курсант.

— И отлично сделал, — похвалил Иде. Дэрроу растерянно заморгал:

— Сэр... Но если я заслужил такую похвалу... Если я показал, на что я способен... Зачем же меня отправлять в запас?

— Это мое решение, Дэрроу. Не обвиняй в этом Хекеля. Он рекомендовал перевести тебя в звено «Добыча», но есть одно маленькое обстоятельство...

— Не понял, сэр.

— Это было твое боевое крещение.

Твой первый воздушный бой. Ты отлично справился, но с первыми сражениями всегда так — новички или погибают, что происходит чаще всего, или прыгают выше своей головы. Дальше почти всегда следует спад, удача отворачивается от них. Ты был великолепен в одном вылете на задание, Дэрроу, но одним вылетом нельзя сделать себе карьеры. По этой причине я и решил отправить тебя в запас.

— Но, командир...

— Удача, курсант. Я полагаю, вчера ты использовал весь свой запас удачи. То, что тебе было дано на всю жизнь, ты использовал в одной схватке. Если я оставлю тебя в боевом строю, ты погибнешь во время первого же вылета.

Дэрроу не знал, что сказать. Во рту у него пересохло, он растерянно моргал.

— Так мы покончили с этим вопросом? — спросил Иде.

— Так точно, сэр, — в один голос ответили оба летчика и вышли из кабинета.

Дэрроу хотелось побыстрее покинуть

здание, но Хекель догнал его на лестнице.

— Я должен извиниться! — выпалил он.

Дэрроу обернулся.

— Бог-Император! Вам не нужно извиняться, сэр, — сказал курсант. — Только зря вы написали такой отчет.

— Я лишь написал, что видел, Дэрроу. Твой пилотаж был поистине фантас...

— Вы спасли мне жизнь, сэр. Если бы не та отчаянная стрельба... Я был уже на прицеле. Вы спасли мне жизнь.

Хекель остановился на лестнице, попав в яркий свет оконного проема.

— Я сделал все, что мог, — произнес он.

— Вы спасли мне жизнь. Я был уже на прицеле, — повторил Дэрроу.

— Но...

— Спасибо вам.

Курсант спустился по лестнице и вышел в главный холл. Направляясь к выходу, он вновь прошел мимо домовой церкви и только тут заметил затертую строку.

На грифельной доске, там, где был

перечень погибших, уже приготовленный для поминания на богослужении, среди знакомых ему имен пилотов из звена «Охота», в самом низу списка, можно было разобрать имя, написанное мелом, но впоследствии стертое сухой тряпкой...

Его имя.

Тэда. Южная ВВВ, 13.01

Тяжелая кольчужная рукавица с грохотом упала на стол.

— Я одолжила ее на складе, — сказала Бри Джагди. — Так что или вы объяснитесь, или я буду вынуждена ударить вас ею по лицу.

Лидер авиабригады Этц Сикан некоторое время задумчиво смотрел на рукавицу. Его пальцы с наманикюренными ногтями выбили быструю дробь о край стола.

— Подождите, дайте подумать... — произнес он вкрадчиво.

Это был прекрасно сложенный, красивый мужчина с пленительной улыбкой и блестящими голубыми глазами. Его темные набриолиненные волосы были

идеально уложены, что, наряду с неторопливой, расслабленной манерой общения, могло как очаровывать, так и раздражать. Он поднял взгляд на Джагди:

— Какая-то часть меня хочет, чтобы вы... Как вы это сказали? Ударили меня по лицу. Просто чтобы посмотреть на физиономию Орноффа, когда он начнет разбирать жалобы. Но я не думаю, что это нас куда-нибудь приведет. Кстати, почему бы вам не присесть?

Он широким жестом указал на кресло напротив его стола.

— Я лучше постою, — огрызнулась Джагди.

Сикан пожал плечами:

— Примерно в это время я обычно выпиваю стаканчик джолика. Не составите мне компанию?

— Я бы вас попросила... Нет, черт возьми, нет!

Сикан еще раз пожал плечами и встал из-за стола.

Он подошел к секретеру и налил себе в бокал очень небольшую дозу ликера.

— Вообще-то, я о вас слышал, — сказал

он.

Джагди напряглась. Что, черт возьми, это значит?

Одна ее часть хотела тут же выплеснуть все, что было у нее на уме. «И я тоже слышала о вас, о вас обо всех... — хотелось ей сказать. — Обо всех Апостолах — лучших летчиках западного Космического флота. О Квинте, асе из асов, Геттеринге, Сехре... И больше всего — о Сикане. О ведущем авиабригады Сикане, первом среди Апостолов, кто, однако, более известен не за фантастически большой счет сбитых самолетов, а за непревзойденные качества лидера и тактика воздушного боя. О Сикане, которого беззаветно любят его подчиненные и которого повсеместно считают героем Империума».

Но вместо этого она лишь закусила губу и переспросила:

— Обо мне?

— Не о вас лично, — уточнил Сикан.

На секунду он задумался о том, что уже сказал, и нахмурился:

— Трон! Я не имел в виду ничего для

вас обидного. Я имел в виду гвардейцев Фантина. Ведь во всей Имперской Гвардии нет другого такого полка летчиков. Полагаю, это из-за особенностей природы вашего мира, не так ли?

— Да, это правда.

Сикан кивнул. Он поднял бокал и не спеша взболтнул его содержимое несколько раз.

— Все авиабригады напрямую подчиняются Командованию Имперского Космического Флота. Все — кроме вас. Это делает нас скорее союзниками, чем солдатами одной армии.

— Полагаю, что так.

Сикан улыбнулся:

— И у вас женщины-пилоты ценятся не меньше, чем мужчины. Женщин в Космическом Флоте совсем немного. Их появление — это довольно редкое...

— Удовольствие? — перебила его своим вопросом Джагди.

— Событие. Я собирался сказать «событие».

— На Фантине совсем нет пригодной для жизни земли, — решила пояснить

Джагди. — У нас все учатся пилотированию — и мужчины и женщины. Нашу способность к полету называют прирожденной и исключительной.

— То же говорят и об Апостолах.

— Вам нет нужды расписывать ваши достоинства. Репутация Апостолов общеизвестна.

— Благодарю вас.

— Ну так... не хотите ли вы все-таки объяснить, почему ваш человек ударил моего пилота?

— Потому что он был рассержен.

— Рассержен? Рассержен?!

— Вы уверены, что не хотите присесть, командир?

— Черт возьми, да ответьте же наконец на вопрос!

— Дело в том, что машина капитана Гюйса Геттеринга, на чьем счету шестьдесят два сбитых самолета противника, носит название «Двуглавый орел». Он почувствовал себя оскорбленным из-за того, что ваш человек пожелал скопировать это название на свой собственный самолет.

— Это все?

— Что я еще могу сказать? — пожал плечами Сикан.

— Мой пилот сменит название своего самолета. Оскорбление было неумышленным. Со своей стороны, я настоятельно советую капитану Геттерингу принести все формальные, включая письменные, извинения офицеру авиации Маркволу. В этом случае инцидент может быть улажен без обращения к вышестоящему командованию.

— И к моему удовольствию, — заключил Сикан. Джагди повернулась и зашагала к двери.

— Командир! — позвал Сикан. Уже стоя в дверях, она обернулась.

— Мягкой посадки! — пожелал он на прощание.

В небе над долиной Лиды, 15.16

Их первый боевой вылет с самого начала складывался неблагоприятно. Погода, которая весь день обещала быть ясной и безоблачной, к моменту старта вдруг как-то сразу испортилась. Подняв

свои машины на высоту десять тысяч метров и взяв курс на горную цепь, они были вынуждены лететь при отвратительной облачности в восемь десятых и даже еще более отвратительном боковом ветре, следуя вдоль широкой долины реки Лида.

Обычно идеально управляемая «Громовая стрела», серийный номер Ноль-Два, на этот раз летела неровно и не сразу слушалась Джагди. «Наверное, слишком долго находилась в трюме космического перевозчика», — подумала она. Преданные своему делу команды технического обслуживания делали все от них зависящее, чтобы поддержать все системы самолета в оптимальном состоянии, но ничто не заменит регулярных вылетов, а если не считать незначительного перелета с космодрома до Южной ВАБ Тэды, то за последние три с половиной месяца ни одна «Громовая стрела» из звена «Умбра» ни разу не поднималась в воздух.

«Но, возможно, все дело во мне самой», — не могла не думать Джагди.

Самолеты серии Ноль-Два далеко не единственные машины, которые простаивали три с половиной месяца. Джагди чувствовала себя неловко, если не сказать — глупо. На старте ей не удалось даже как следует оторваться от земли. На космическом транспорте у них, конечно, были специальные тренажеры, где они регулярными упражнениями поддерживали быстроту реакции и другие летные навыки, но имитация остается имитацией, будь то ежедневное профилактическое включение турбовентиляционных двигателей самолета по утрам или физические упражнения на тренажере.

Мягкой посадки! Пожелание Сикана, вероятно сказанное от чистого сердца, теперь казалось злобной насмешкой.

Они летели в группах по четыре машины. В ее команде были Ван Тул, Эспир и Марквол. Бланшер возглавлял вторую четверку, шедшую следом, примерно в сорока километрах позади них, а третья, под командованием Асче, в это время осуществляла широкоохватный

патрульный пролет над побережьем. Существенным моментом операции являлось то, что звено «Умбра» было разбито на три независимые группы перехватчиков, что считалось оптимальным для воздушного преследования самолетов противника или выполнения каких-либо других боевых задач истребителей. Если бы более трех-четырех «Громовых стрел» попробовали работать на одной высоте, то они неизбежно начали бы мешать друг другу.

Как бы то ни было, это ведь еще не боевое преследование. Это, скорее, пробный полет, генеральная репетиция, дающая пилотам возможность почувствовать свою машину, наладить взаимодействие между собой... Звено «Умбра» в прошлом летало на самолетах класса «Молния», но после освобождения Фантина они пересели на более тяжелые «Громовые стрелы», которые явно пришлись им по душе в воздушных боях за небо Малого Урдеша. Иногда, правда, Джагди казалось, что ее новому самолету не хватает легкости «Молнии III-IX», ее захватывающих дух

взлетов и пике, ее изящных, стремительных виражей... «Громовая стрела» была почти вдвое тяжелее, и на небольших скоростях, особенно когда требовалось быстро набрать высоту, у многих создавалось впечатление, что мощности ее двигателей едва хватает, чтобы поднять такой массивный бронированный корпус. Однако это была не только тяжелая, но и на редкость сильная машина, способная обрушить на врага такую огневую мощь, что самолет класса «Молния», оказавшись в зоне досягаемости ее пушек, имел не больше шансов на выживание, чем мотылек. Она также отличалась длинными опорами и множеством орудийных гнезд в носовой части. Если «Молнию» можно было назвать игривой кошкой, нападающей из засады, то «Громовая стрела» была настоящим саблезубым тигром. Бланшер сказал однажды, что пилот летает на «Молнии», желая получить удовольствие от полета, а на «Громовой стреле» — ради удовольствия от убийства. Что-то подобное чувствовала и Джагди. Как бы то

ни было, она просто обожала свою «Стрелу». За ее мощь, за тот ужас, который она внушала врагам, за надежность в управлении.

Но не в такие дни, как сегодня. Левый турбовентиляционный двигатель совершенно очевидно работал с перебоями. На дисплее систем контроля не было никакой информации относительно этого, но Джагди не могла не почувствовать: что-то неладное стало происходить с ритмом работы моторов.

Она проверила запасы горючего. Они были израсходованы примерно на треть, и не возникало никакой нужды использовать запасные баки. Джагди включила вокс.

— Ведущий «Умбры Четыре-Один» вызывает ведомых. Проверка связи.

— Говорит «Умбра Три», у меня все на четыре-А.

Ну конечно. У Ван Тула всегда все на четыре-А.

— Говорит «Умбра Пять», у меня все будет в порядке, как только вспомню, как работают приборы.

— Вас поняла, Пятый, — чувство

знакомое, — отозвалась Джагди.

— Говорит «Умбра Восемь», все отлично.

В голосе Марквола все еще звучала обида. Этот идиотский случай с Геттерингом выбил его из колеи. Последнее дело для новичка — отправляться на свой первый боевой вылет с таким настроением. Перед стартом он пробовал шутить, говоря, что теперь его «Стрела» называется «Пятно», потому что у Рэкли хватило времени только на то, чтобы стереть свои художества с ее носовой части при помощи антикоррозийной жидкости. Но Джагди-то знала, как глубоко он был оскорблен.

— Звено, мы меняем порядок самолетов в строю, — сказала она. — Восьмой, вы переходите на ведущую позицию, Пятый и Третий меняются местами, а я временно становлюсь «подвеской».

Все пилоты подтвердили получение приказа командира. Это маленькое упражнение на маневрирование должно было, по замыслу Джагди, способствовать

раскрепощению пилотов, а то, что Марквол с формальной точки зрения теперь оказывался на позиции ведущего, несомненно, могло придать ему больше уверенности в собственных силах.

— Итак, по моему сигналу... Три, два, один... Выполняем!

Боевые группы из четырех перехватчиков, как правило летали в развернутом строю, когда одна машина держалась впереди, две другие — справа и слева — чуть сзади, а четвертая, или «подвеска», могла следовать как за одним, так и за другим фланговым самолетом, формируя вместе с ними асимметричную литеру «V». Это был превосходный строй, при котором каждого летчика прикрывал с тыла его товарищ, так как «подвеска» в случае необходимости могла легко перемещаться с фланга на фланг. До сих пор самолет Джагди всегда шел на позиции ведущего, тогда как Ван Тул и Эспир занимали соответственно места слева и справа, с Марволом в роли «подвески», прикрывающим «Умбру Пять» Эспира.

По ее сигналу они приступили к задуманной перетасовке. Джагди убавила газ и сразу стала плавно отходить назад, выходя из угла литеры «V». Ван Тул ушел вверх и к центру под углом три шестьдесят, и одновременно с ним Эспир совершил тот же маневр, но только в его сторону и вниз, так что фланговые самолеты вскоре поменялись местами. Марквол же скользнул вниз и, набрав дополнительную скорость, пролетел под воображаемой литерой «V», после чего, заняв уже положение ведущего, сбавил скорость до прежней величины и направил свой самолет слегка вверх, чтобы оказаться во главе группы. Оба фланговых самолета, скорректировав скорость, пристроились за ним на пять и на семь часов, в то время как Джагди, еще раз убавив газ — на этот раз совсем чуть-чуть, — оказалась на хвосте «Умбры Пять» Эспира.

Как по учебнику. Первый раз за сегодняшний день все прошло хорошо.

— Неплохая работа, звено. Все проделано очень гладко. Сохраняем этот

строй следующие пять минут. Густые облака под ними стали постепенно рассеиваться. Приборы показывали, что облачность здесь уже не превышает шести десятых, и темные пятна пахотных земель долины Лиды, а вскоре за ними и все пестрые заплаты из засеянных полей, ирригационных систем, гидропонных плотов начали медленно проявляться сквозь туман далеко внизу.

— Вызываю ведущего «Умбры». — Это был Ван Тул.

— Говорите, Третий.

— Проверьте свой ауспекс. Я зафиксировал восемь или девять объектов. Ниже нас, на высоте двадцать тысяч метров. Приближаются с юга, видимо возвращаются.

Да, никаких сомнений. На мониторе Джагди появилось семь мигающих точек, движущихся в северо-восточном направлении, примерно на три тысячи метров ниже их. Не восемь и не девять, но, возможно, они приняли меры, чтобы скрыть свой отход.

— Ведущий «Умбры Четыре-Один»

вызывает Командование Полетами. Командование Полетами, подтвердите получение вызова.

— Ведущий «Умбры Четыре-Один», ваш вызов принят.

— Говорит ведущий «Умбры Четыре-Один», кто-нибудь еще может находиться сейчас в воздухе?

— Очень многие, но не в вашем районе.

— Вас поняла, Командование Полетами. Сейчас мы это проверим.

Джагди подвинулась на сиденье и слегка отвернула рычажок подачи кислорода, сделав воздушную смесь более насыщенной.

— Ведущий вызывает звено. Я собираюсь выяснить ситуацию.

Это считалось обязанностью «подвески» — в случае необходимости выйти из общей группы, чтобы совершить разведывательный облет широкого охвата.

— Держите строй и поверните на три градуса к югу. Сейчас уже не было времени для обратной перетасовки, и это значило, что Марквол остается на позиции ведущего. Было ли это удачной

идеей? Уже нет времени даже думать об этом.

— «Умбра Восемь», вы остаетесь за ведущего. Будьте готовы пикировать, если мне понадобится ваша помощь.

— Вас понял, ведущий. Будет сделано!

Ну наконец! В голосе парня послышался азарт. Это ему не помешает. Кроме того, рядом всегда Ван Тул, опытный и надежный, а Эспир так просто прирожденный фланговый пилот.

Джагди слегка пихнула в сторону рычаг дожигателя топлива и, заложив широкий вираж вниз и влево, не обращая при этом внимания на мягкое давление небольшой перегрузки, вывела свой самолет из группы, которая теперь уже стала представлять собой V-образное трио. Долгое пике придало дополнительную мощь крыльям ее машины, и ко времени, когда она стала приближаться к своей цели, стрелка спидометра уже коснулась отметки две тысячи километров в час. Вполне приемлемая скорость, чтобы изящно отклониться от опасного сближения, если это дружественные

самолеты, и вполне достаточная, чтобы пойти наперехват, если это враги.

Пять километров до сближения...

Четыре...

Небо неожиданно стало очень ясным — судя по приборам, не более четырех десятых облачности, — и впервые, вместе с протянувшейся под ней обширной зеленой долиной реки Лида, Джагди смогла увидеть далеко вдали подернутую дымкой гряду Маканайтских гор.

Три километра... А вот и они. Все еще ниже ее, но приближаются с пугающей быстротой. Неудивительно, ведь они летят ей навстречу и их скорости складываются. Девять машин. Держатся вместе, хотя строем это не назовешь.

С расстояния два километра она определила их тип. «Циклоны». Звено «Циклонов» энозианских ПСО.

Двойные турбовентиляционные двигатели на дельтовидных крыльях, окрашенные в блестящий металлический цвет, гнали самолеты на север, по-видимому, на пределе своих возможностей.

Какого черта они делают здесь? Они

что, бегут?

Инстинкт летчика заставил Джагди нажатием кнопки убрать красные заслонки безопасности с ее главных пушек.

— Нарушители «Циклоны», нарушители «Циклоны», говорит ведущий «Умбры Четыре-Один»... — начала она говорить в вокс, но тут же остановилась.

Один из замыкающих группу «Циклонов» внезапно задрожал и взорвался. Сразу после короткой огненной вспышки в виде ослепительного шара, по которой можно было понять, что воспламенились огромные запасы горючего, из эпицентра вырвалось несколько вихреобразных клубов белого дыма, причудливо извивающихся и постепенно рассеивающихся на фоне безоблачного неба. В то же время пылающие обломки самолета стремительно полетели вниз, чтобы усеять собой просторные поля долины.

Что-то неуловимое малинового цвета и изогнутой формы на бешеной скорости пронеслось мимо. Прежде чем Джагди сообразила, что это, оно уже стремительно взмыло вверх и вышло из

зоны видимости.

— «Летучие мыши»! «Летучие мыши»! — закричала она в вокс.

Морская набережная Тэды, 15.20

Они хотели отпраздновать. Понятное дело — первый боевой вылет на новом театре военных действий, к тому же успешный... Но у Вилтри сейчас было совсем другое настроение. Обратная дорога на базу потребовала от него слишком большого нервного напряжения. Последние полчаса полета, когда горючее было на исходе, все бомбы сброшены, а боеприпасов почти не осталось, их группа находилась в крайне уязвимом положении. Хотя командование и уверяло его, что вражеская авиация не в состоянии достичь побережья и прилегающих к аэродрому районов, весь последний отрезок пути Вилтри был сильно взвинчен: ладони вспотели так, что летные перчатки можно было выжимать (он обнаружил это уже на земле).

Даже когда в поле зрения появилась авиабаза Северного сектора и

бомбардировщики, взяв за ориентир сигнальные огни аэродрома, уже пошли на посадку, он все равно никак не мог отделаться от непонятной уверенности, что им грозит какая-то смертельная опасность, что что-то ужасное может возникнуть в любой момент из ниоткуда и тут же всех их уничтожить.

Аэродром. Внешний периметр. Повсюду синие флаги. Двигатели работают в минимум своих мощностей, а скорость огромного корпуса «Греты» уже почти достигла точки полного торможения.

В этот переходный момент, чтобы его «Мародер» сохранил равновесие, Вилтри повернул сопла векторных двигателей, переводя самолет из горизонтального в вертикальный режим полета. Теперь только пару раз слегка надавить на газ — небольшой подъем, зависание, снова вниз, касание! Все. Цел и невредим.

Остальные самолеты звена «Ореол» уверенно приземлились вокруг.

Вилтри знал, что Джадд и другие

парни уже приглядели себе таверну близ пансиона, где их расквартировали. Шумной ватагой они повылезали из бомбардировщика, сбрасывая снаряжение на бетонную площадку и приветствуя успешное приземление дикими воплями и хлопками.

— Я подойду попозже, — сказал им Вилтри, — мне еще нужно написать отчет.

Пройдя в душевые за комнатой распределения, он сбросил одежду и принял самый долгий в истории Империума душ, безмолвно простояв в воняющей камнебетоном кабинке под чуть теплой струей воды. Затем он переоделся в запасной комплект формы, которую, несмотря ни на что, не забыл положить перед вылетом в вещевой мешок. Когда он надевал бежевую кожаную куртку, то отметил, что руки у него все еще дрожат.

Его команда уже уехала. После недолгих поисков Вилтри поймал транспорт, который шел в центр города, чтобы подобрать там команду космических ВВС. Он высадился на углу,

там, где дорога, ведущая к старому храму, выходила на рынок, который обычно занимали торговцы свежей рыбой.

Вокруг не было ни души. Немного подумав, Вилтри пошел на север — в сторону побережья и подальше от темных, тощенных досками улиц. Ветер уже доносил до него йодистый запах моря.

В данную минуту у него были весьма смутные представления, где он находится и как пройти к зданию пансиона. Ничего, всегда найдется кто-нибудь, кто подскажет, если уж действительно будет необходимо.

Когда Вилтри вышел к пирсам, это оказалось для него полной неожиданностью. Он лишь свернул за угол какой-то тесной, изобилующей, казалось, никогда не просыхающими лужами улицы, как тут же оказался на ярко освещенном, открытом всем ветрам приморском бульваре. Прямо перед ним — по ту сторону чугунной балюстрады, железобетонной дамбы и узкой полоски серой гальки — раскинулось бескрайнее море. Вокруг, насколько хватало глаз,

никого не было. Лишь тяжелый грузовик прогрохотал мимо. Вилтри перешел широкую дорогу и подошел к самой балюстраде. Вид моря не мог не поразить его. На Фантине не было морей — жидких морей, во всяком случае. Между тем небо уже пожелтело и солнце все быстрее соскальзывало вниз, в неторопливую предвечернюю часть дня. Бескрайнее скопление воды вдруг показалось ему гигантским живым существом, которое в вялом ритме лениво перекатывает складки своего аморфного тела и с шипением трется ими о прибрежный песок. Только у самого берега волны немного поднимались и начинали пениться, но уже чуть дальше необозримая морская гладь принимала ровную изогнутую форму вздымающейся поверхности расплавленного металла, сохраняя такое состояние до почти не различимой глазом линии горизонта. Это немного напомнило Вилтри планету Скальд.

Прямо от морской набережной в сторону моря выступало три длинных

пирса, каждый из которых был оснащен узорчатыми коваными стояками и перилами, выкрашенными в белый цвет. Несмотря на то что в этот день Вилтри был порядком измотан, он сообразил, что когда-то это были общие для всех горожан места развлечений. Вдоль набережной стояли шеренги магазинов с опущенными ставнями, закрытые залы для танцев, на стенах которых висели полустертые, порванные ветром афиши с приглашениями на еженедельные танцевальные вечера и прочие праздничные мероприятия. Неожиданно Вилтри полностью захватила идея пройти по ведущему в никуда металлодеревянному мосту, в то время как незнакомая ему морская стихия будет грозно колебаться под ним.

Вилтри пришлось немного пройтись по набережной, пока он не подошел к арке входа на ближайший пирс. Большая грифельная доска была приставлена к решетчатым воротам. Мелом на ней было жирно написано: «Дворец изысканных закусок. Сервировка стола. Живописные

морские виды».

Что ж, это ему подойдет. Это, пожалуй, то, что нужно.

Он осторожно ступил под узорчатые своды кованой арки и затем проследовал по пирсу дальше. Теперь шум моря стал намного громче, а между досками настила можно было видеть, как прямо под его ногами колышутся волны. Это вызывало легкое головокружение и даже волнение, помогая заглушить тот постоянный страх, который Вилтри носил в своем сердце.

Кафе располагалось на самом конце пирса. Все остальные постройки были закрыты и находились в совсем запущенном состоянии.

Еще на подходе Вилтри почувствовал запах кофеина и сахарных леденцов. Никогда еще в жизни он не находился так далеко от твердой земли, никогда еще ему не доводилось вот так прогуливаться над океанской гладью.

Зал кафе оказался огромным, что, возможно, являлось свидетельством широкой популярности этого заведения в

недавнем прошлом, когда в поисках развлечений толпы горожан заполняли морскую набережную Тэды и заходили сюда, привлеченные живописными морскими видами и изысканной кухней. Широкие зарешеченные окна кафе выходили на все стороны, хорошо освещая столики, расставленные кругами по всему залу. Некоторые из них занимали пожилые мужчины и женщины, видимо не в первый раз зашедшие сюда перекусить. Чуть в стороне от них сидели двое рядовых Содружества, которые выглядели крайне уставшими и измотанными. Из кухни, где готовилась пища, доносились звуки великолепного тресианского вальса.

Вилтри занял столик недалеко от окна, чтобы лишний раз иметь возможность полюбоваться морским видом.

— Что будете заказывать?

Он поднял голову. Девушка в платье в синюю полоску и белом переднике появилась словно из ниоткуда. Он поспешно раскрыл лежащее на столе меню:

— Э... Кувшин кофеина, пожалуйста.

— Желаете что-нибудь закусить?

Вилтри все еще внимательно изучал предложенное меню. Только очень немногие наименования блюд говорили ему о чем-то.

— Копченый окорок с...

— Окорока нет, к сожалению, — сказала девушка. — Также нет блюд с жареной птицей.

— Но я здорово проголодался, — пожаловался Вилтри, который сам только что это осознал.

— Может вам предложить хороший лорикс. С хлебом.

— Что ж, значит, сегодня у меня будет такой обед.

Девушка исчезла. Он вновь взглянул на море — огромное, подвижное, цвета стали. Раньше только небо ему доводилось видеть таким. Между тем погода начала меняться.

Официантка вернулась с подносом. Она поставила на столик пилота кувшин с кофеином, маленькую чашечку, сахарницу, блюдо с нарезанными ломтиками хлеба, а также тарелку с чем-то непонятным. Как

только она отошла, Вилтри налил немного кофеина и исследовал незнакомое блюдо. Оно вкусно пахло и выглядело довольно сносно, хотя он и не мог с уверенностью сказать, что же это такое и как это полагается есть. Вилтри попробовал кусочек, но нашел такую пищу немного соленой и слишком тяжелой на его вкус. Все же он съел немного, но затем отставил тарелку. Он решил, что местный хлеб, который оказался вполне съедобным, заменит ему основное блюдо.

— Там, за шестнадцатым, клевый парень, — сообщила Летрис. — Думаю, из другого мира.

Бека взглянула в указанную сторону и перестала вытирать прилавок.

— Я обслужу его. Ты ведь уже идешь, не так ли?

— У меня свидание, — нахально улыбнулась Летрис — Шикарный летчик из NCO. Его зовут Эдри. Довольно симпатичный.

— Желаю весело провести время. Смотри не делай ничего такого, чего я бы не делала на твоем месте.

— Ну уж нет, спасибо. В этом случае мне не останется ничего интересного, — хихикнула Летрис и стала развязывать свой передник.

Бека протерла несколько столиков, прежде чем подошла к тому, что стоял у окна.

Да, это был он. Тот самый печальный, прилетевший из другого мира незнакомец, которого она днем раньше уже видела в храме. Который еще разговаривал сам с собой.

Она подумала, что хорошо бы, чтобы сейчас он был в уравновешенном состоянии. Ведь ее дневная смена уже подходила к концу, и это давало ей возможность хотя бы часок поспать до начала ночной.

— У вас все в порядке, сэр? — спросила она.

— Да-да. Все замечательно, — ответил Вилтри, не поднимая взгляда.

Трон Земли! Какое же несчастное выражение лица!

— Вам не понравился лорикс? Не привыкли к такой еде? — поинтересовалась Бека, забирая на поднос та релку с

недоеденным блюдом.

Он поднял голову и, немного стушевавшись, ответил:

— Э... Да нет, я уверен, что блюдо было великолепно, но... Это ведь была рыба, не правда ли?

— Краб.

Вилтри кивнул:

— Дело в том, что, боюсь, я... Я никогда прежде не ел рыбы. Или крабов, какими бы они ни были. Это немного... Немного неожиданный вкус.

— Вы никогда раньше не ели рыбы?

— Я... Я имел в виду, что мой мир... Там, понимаете ли, совсем нет морей...

— О! Так вы, должно быть, так ничего и не ели!

— Нет-нет, спасибо. Я поел хлеба, так что теперь я сыт.

— Что ж, хорошо, — согласилась Бека, убирая все со столика.

Вилтри все еще продолжал сидеть в кафе, завороженно глядя на море, когда смена Беки закончилась и на ночное дежурство пришла Полля, чтобы сменить свою напарницу. Солнце к тому времени

зашло, и цвет моря изменился. Вода в нем стала черной, как авиационное топливо.

Вилтри заказал еще одну чашку кофеина и стал медленно потягивать его, не отрывая взгляда от монотонной череды волн, мерно накатывающих на берег, чтобы там разбиться о гальку.

В небе над долиной Лиды, 15.29

Раздались залпы зенитных орудий, и Джагди, развернув свою «Громовую стрелу», которая вся дрожала от работающих на полную мощь двигателей, тут же устремилась на место сражения. Шесть малиновых и розово-лимонных «летучих мышей» класса «Саранча» — класса, к которому принадлежали самые легкие и маневренные из всех вектор-реактивных самолетов Архенети, — атаковали с тыла группу «Циклонов», отчаянно пытающихся уйти от преследования.

Их судьба была предрешена. Она увидела, как слева от нее взорвался еще один «Циклон», а другой резко ушел куда-то влево и теперь, оставляя за собой след

черного дыма, выписывал в небе широкую дугу, которая неизбежно должна была закончиться на земле.

Две «Саранчи» пронеслись прямо под самолетом Джагди, но третья сбросила скорость и заложила вираж, готовясь атаковать очередной «Циклон». Тут она попала в перекрестье, прицела Джагди, и система наведения мгновенно отреагировала короткими позывными.

Большой палец Джагди автоматически нажал на пусковую кнопку зенитного орудия.

Истребитель серии Ноль-Два даже дал крен, когда сдвоенные лазерные пушки на его носовой части изрыгнули пучок смертоносных молний.

Сверкающие снопы зигзагообразных острых лучей вылетели из орудийных гнезд боевой машины и, пронзая пространство, устремились вниз к «летучей мыши». Пораженный вражеский самолет развернуло в воздухе и отнесло в сторону, после чего он начал испускать клубы белого дыма, все более удаляясь по пологой траектории от места сражения и

все быстрее и быстрее теряя при этом высоту.

— Начало положено, — устехнулась в летную маску Джагди. — Лидер Четыре-Один вызывает звено. Я вступила в бой. Повторяю: я вступила в бой.

Краем уха она услышала ответ Марквола, но смысл его не дошел, так как в голове помутилось от тех многократных перегрузок, которые возникли, когда ей пришлось буквально положить на спину свой самолет и дополнительно включить сопла вертикального взлета, чтобы круто развернуться и уйти в сторону от приближающейся «Саранчи». Вражескую машину удалось рассмотреть только мельком: мерцающий блеск орудийных гнезд, розово-лимонные пятна изогнутых крыльев...

Вывернув до предела рычаг подачи газа, Джагди устремила свой самолет, слегка задравший носовую часть, в самую гущу сражения и увидела, как два «Циклона» с грохотом проносятся мимо, а преследующая их «Саранча», готовясь к

атаке, уже закладывает вираж. Не прошло и секунды, как все это промелькнуло мимо нее.

Ни один из самолетов звена «Умбра» не был оснащен на этот вылет дополнительным ракетным вооружением — не было ни самонаводящихся ракет, ни ракет класса «воздух — воздух». Джагди приходилось полностью полагаться на точную, прицельную стрельбу из своих орудий.

Она бросила самолет вниз и рванула вправо руль управления, ловко развернув таким образом тяжелую машину. Горизонт бешено завертелся перед ее глазами. Один из «Циклонов» прошел прямо под ней, время от времени оставляя за собой след бурого дыма. Пикирующая на цель «Саранча» уже исчезла из виду, но появилась другая, кроваво-алая, которая, без сомнения, взяла курс на терпящую бедствие энозианскую машину.

Джагди направила свой визжащий турбовинтовыми моторами самолет в очередное глубокое пике, так что перегрузка буквально вдавила летную

маску ей в лицо. В глазах у пилота помутилось, но все же она успела заметить, что на мгновение красная «Саранча» попала в перекрестье прицела. Включив дополнительные реактивные двигатели, вражеский самолет тотчас рванулся в сторону, вильнув вбок вопреки законам баллистики, но Джагди, повинуясь своему безошибочному чутью летчика, поступила так же и тем самым свела на нет его маневр. Она бы и сама не смогла объяснить свои действия, но решение оказалось абсолютно верным: «Саранча» ушла в ту же сторону, что и «Громовая стрела».

Джагди ударила из всех своих лазерных пушек и, кажется, куда-то попала, потому что за вражеской машиной потянулся хвост из черного дыма и металлических кусков обшивки крыльев. Затем «Саранча» исчезла из поля ее зрения, но когда пилот заложила очередной вираж, то увидела, как красный самолет уходит на восток. Был ли он серьезно подбит или просто бежал? Кто знает? Старое проверенное правило

истребителей: не привязывайся к одной цели!

Джагди снова развернула «Громовую стрелу» и направила ее немного вверх, таким образом проскользнув меж двух несущихся на север «Циклонов». Послышались позывные ауспекса. Кто-то поймал ее в прицел. Джагди заложила крутой вираж, оглядываясь через плечо и нервно озираясь по сторонам. Где он, черт возьми?

Выстрел лазерной пушки прожег небо слева, здорово тряхнув ее машину. Неожиданно на левом крыле появились дымящиеся полосы. Джагди опять заложила вираж и развернула самолет. Она все еще в чьем-то прицеле. На этот раз выстрелы прошили пространство справа. Она накренила крыло и, бросив машину в крутой вираж и не сбавляя скорости, открыла сопла реактивного двигателя, так что у нее получилось два поворота подряд. «Саранча», которая все это время держалась сзади, по инерции пролетела мимо. Пилот успела заметить множество знаков воздушных побед,

отмеченных белой краской под нижней панелью кабины вражеского самолета.

Марквол, который находился тремя тысячами метров выше и производил разворот всей группы, в это время, положив свой самолет на левое крыло, уже напряженно вглядывался вниз, стараясь рассмотреть сквозь пелену облаков те невероятные спирали, которые выписывали сражающиеся машины. Ван Тул и Эспир, не нарушая боевого порядка, следовали за ним.

— Пикируем и сразу стреляем, — дал последние указания Марквол.

Бог-Император, он ведь всю жизнь мечтал произнести эти слова в настоящем сражении.

— Следуем за вами, Восьмой, — спокойно отозвался Ван Тул.

— Только скажи когда, — добавил Эспир.

— По моему сигналу... Три, два... Сигнал!

Все три «Стрелы» разом скользнули вниз, набирая скорость по мере снижения. Классическое пикирование перехватчиков.

Марквол увидел самолет Джагди и две «летучие мыши». Еще две, с устаревшими, поршневыми двигателями, очевидно, принадлежали местным ВВС. Он пикировал на них так быстро...

Орудия! Трон Земли! В волнении он напрочь забыл подключить электропитание к активатору орудий. Пилот сорвал крышку с панели выключателя. Одна из «летучих мышей» метнулась под его левое крыло. Наверняка они увидели, что три «Стрелы» пикируют на них. Ну и что? Какая теперь разница?

Марволу показалось, что что-то попало в прицел, и он изо всех сил вдавил кнопку. Машина затряслась, когда орудия выпустили заряд, и пилот тут же во весь голос проклял все на свете. Дело в том, что он намеревался привести в действие активатор автоматической пушки, но эта кнопка, как назло, оказалась на одной линии с кнопкой лазерного орудия. В результате он одним залпом совершенно напрасно растратил почти половину боеприпасов своей батареи и при этом даже никуда не попал.

Если не считать... вон тот «Циклон», который покинул своего товарища и теперь стремительно падал, объятый пламенем. Марквол, обливаясь потом в своей летной маске, только бессмысленно моргал глазами. Дерьмо! Не может быть! Пожалуйста, скажите, что он не делал этого! Пожалуйста!

Восьмой! У вас какие-то неполадки? Марквол, ты слышишь меня? — Голос Ван Тула ворвался в его кабину через динамики.

Марквол сразу очнулся. Одну или две секунды он бессмысленно таращился на подбитый им «Циклон», но и этого было более чем достаточно, чтобы проскочить высоту, на которой велось сражение. Глупейшая ошибка!

— У меня все в порядке! Все в порядке! — закричал он и инстинктивно потянул на себя рычаг управления.

Это была еще одна ошибка, достойная новичка. Марквол направил самолет вверх слишком круто и растерял ту скорость, которую машина набрала за время пикирования. Теперь его «Стрела» вновь

тяжело набирала высоту, и ее скорость стала опасно низкой.

— Ты тупой придурок! — вскричал Марквол.

— Восьмой, я вас не понял, повторите!

— У меня все в порядке! — огрызнулся юный летчик и стал по широкой дуге разворачиваться, надеясь, что таким образом вновь обретет скорость.

Не успел он это сделать, как прямо по его курсу мимо него пронеслась вражеская «Саранча». Рванувшись к активатору орудий, Марквол тут же открыл по ней бешеный огонь. Все мимо.

Он лишь увидел, как растворяется в небе жемчужный след от выстрела лазерной пушки. В кабине зазвучали позывные системы оповещения, которые сообщили, что батареи его орудий полностью истощены. Юноша опять сглупил. Он впустую израсходовал весь заряд и теперь остался без своего основного оружия. Все тридцать выстрелов были растрачены за два бессмысленных залпа.

Задрав голову, Джагди видела, как все три самолета ее группы, спикировав, сразу

вступили в бой. Машина Ван Тула, оказавшись на несколько сотен метров выше, на два часа от нее, умело атаковала заходящую на вираж «Саранчу». «Летучая мышь» мгновенно превратилась в огненный шар, и «Громовая стрела» Ван Тула, пролетая по дуге сквозь волну огня от подбитой машины, неожиданным образом увлекла за собой настоящий вихрь из объятых пламенем обломков. Эспир совершил образцовый подлет на цель, но выбранная им жертва в последний момент взмыла вверх и затем на широком вираже ушла далеко в сторону. Оставленный не у дел, Эспир аккуратно выровнял самолет и, развернувшись, бросился в погоню за другой «летучей мышью».

Джагди не совсем понимала, что происходит с Маркволом. Парень пронесся как наскипидаренный и сразу разрядил невероятное количество энергии лазерной пушки. Что это? Нервный срыв, который иногда случается во время первого вылета? Может быть. Может быть, это также объясняло, почему он пролетел нужную высоту и потом, теряя скорость и

впустую расходуя топливо, стал осуществлять самый нелепый выход из пике, который она когда-либо видела с момента окончания летной школы.

Джагди даже хотела выйти из боя, чтобы прикрыть его, но «Саранча» успела вновь сесть ей на хвост, и, несмотря на все уловки и ухищрения, Джагди то и дело попадала во вражеский прицел.

— Ведущий Четыре-Один вызывает «Умбру Пять».

— Говорите, ведущий!

— Эспир! Во имя Трона, прикрой парня!

— Уже выполняю!

Эспир быстро развернул свою «Стрелу» и бросился на помощь «Умбре Восемь», которая теперь виляла из стороны в сторону, неумело исполняя серию обманных маневров.

— Восьмой, говорит Пятый. Ты в порядке?

— Да. У меня... все...

— Восьмой, у тебя что, какие-то неполадки с орудиями?

— Никак нет, Восьмой.

— Ты так грохнул по небу, что, казалось, разрядил всю батарею.

— Нет-нет, Восьмой. У меня все отлично.

Эспир только покачал головой. Сейчас он был напряжен. Очень напряжен. И не только из-за этого воздушного боя. Пожалуй, Перс Эспир — единственный из всех пилотов «Умбры» — недолюбливал «Громовые стрелы». Он скучал по своей старой «Молнии» гораздо больше, чем мог себе признаться. В комнатах распределения другие пилоты, собираясь вместе, обычно расхваливали свои «Стрелы» и говорили о них так, как будто речь идет о подругах, женах, мужьях... Эспир никогда ничего подобного к этим самолетам не испытывал. Его машина, бортовой номер Девять-Девять, совсем ему не подходила. Она была очень старая — настоящий ветеран среди перехватчиков, хотя заботливые руки механиков и поддерживали ее во вполне приличном состоянии. То ли «Громовые стрелы» вообще ему не соответствовали, то ли все дело было в этом конкретном Девять-

Девять — Эспир не знал, но каждый раз, когда он садился за штурвал, ему приходилось бороться с самолетом, заставлять делать то, что нужно. Дошло до того, что он теперь с опаской ожидал каждого приближающегося вылета.

В Империуме, где тщательно оберегаемые и постоянно ремонтируемые боевые машины могли быть в десять, двадцать, пятьдесят раз старше своих пилотов или водителей, были широко распространены легенды о проклятых самолетах и танках, якобы приносящих несчастье своим владельцам. Говорили, что эти машины обречены отбирать жизни у своих хозяев до тех пор, пока сами не будут уничтожены. У «Громовой стрелы», бортовой номер Девять-Девять, и до Эспира была уже длинная и непростая история. В разное время шестеро летчиков погибли или были покалечены в ее кабине. Также было два неудачных приземления и три серьезных ремонта. Эспир как-то спросил Хетмена, своего главного механика, действительно ли Девять-Девять проклят. Хетмен

рассмеялся, хоть и не совсем по-доброму, и ответил, что нет. Однако уже на следующее утро при заправке произошел несчастный случай. Младший механик, работая с горелкой, так обжег себе руки, что буквально припаял кожу к фюзеляжу.

Эспир старался не думать ни о чем плохом, хотя трудно было забыть, что на своей старой «Молнии» он сбил четыре вражеских самолета, а на новой машине пока ни одного. Мало того, теперь почти каждый раз, когда он возвращался с задания, его механики должны были думать, как залатать очередные пробоины в обшивке «Громовой стрелы».

Эспир умело пристроил свой самолет к движению машины Марквола, и сейчас они летели параллельными курсами. Как-никак, а он был опытным командным летчиком. Знал, как нужно осуществлять прикрытие и защищать спину своего товарища по группе. Вот почему именно ему Джагди поручила такое задание, и он, конечно, его выполнил. И все же Эспир был напряжен. Марквол здорово тревожил его своими неумелыми маневрами.

Неожиданно на панели приборов зажглась лампочка, говорящая о резком падении давления в баке машинного масла. Что это значит? Неужели его подстрелили, а он даже не заметил?

«Не отвлекайся от игры, Перс. Не отвлекайся от игры», — подумал Эспир. Парень попал в беду, и сейчас ему нужна была его помощь.

— Разворачивайся, Восьмой. Давай-ка посмотрим, не сможешь ли ты еще быть здесь полезным.

Он окинул взглядом летящую рядом машину и увидел, как Марквол в красном шлеме энергично кивнул и поднял вверх большой палец. Солнце блеснуло, отразившись от его кабины.

Затем блеснуло еще раз... отразившись уже от чего-то другого.

— В отрыв! В отрыв! — заорал Эспир.

Обе «Стрелы» рванулись вверх и в разные стороны, поскольку мимо, почти невидимый глазу, промелькнул розово-лимонный объект. В кабине Эспира зазвучали позывные о получении повреждений.

— Восьмой, ты где? — уже почти прохрипел он, стараясь управиться с непослушным рычагом, не позволявшим выровнять самолет.

— Я не вижу его! Я не вижу его! — раздалось из вокса.

Эспир уже нашел «Утбру Восемь» в небе и теперь прекрасно видел, что, находясь справа и выше его, Марквол собирается взмыть под неимоверно острым углом. Перс резко добавил газу и начал подъем.

— Восьмой, остановись! Мотор заглохнет, если взять вверх так круто!

Тишина в ответ. Из-за колоссальных перегрузок юный летчик, видимо, не мог произнести ни звука.

«Только не отключайся... Не отключайся...» — молил про себя Эспир. Вот дерьмо! С востока, выбрасывая огонь из всех орудий, на Марквола вновь пикировала «летучая мышь». При попадании «Стрелу» здорово тряхнуло, что, возможно, сослужило ее пилоту добрую службу, потому что вывело самолет из этого самоубийственного

подъема, а может быть, и привело летчика в чувство.

Эспир ударил по кнопке разогрева двигателя и, круто развернув самолет влево, так что его мощный корпус заходил ходуном, заставил его плавно взмыть на несколько десятков метров, чтобы оказаться на пути у стремительно приближающейся «Саранчи». Будь он проклят, если позволит угробить парня в первый же его боевой вылет.

Эспир открыл активатор орудий. Выбор пал на автоматические пушки. Последовал точно рассчитанный залп под очень удобным для стрелка углом. «Саранча» задрожала и с уже простреленным корпусом резко ушла куда-то влево.

Тут откуда ни возьмись вдруг появилась еще одна «летучая мышь», которая стремительно шла прямо на них. Эспир рванул штурвал и, слегка опустив носовую часть самолета, направил его наперерез атакующей «Саранче», стараясь закрыть машину Марквола своей собственной.

Секундой позже Маркволл увидел, что происходит, но было уже слишком поздно. Сразу несколько точных попаданий сотрясли самолет Эспира. Полетели куски снесенной обшивки, части штурвала, выхлопной трубы двигателя. Кабина сильно пострадала, но удивительным образом выстояла. Атакующая «Саранча» пронеслась под ними как комета — на скорости никак не менее пятисот километров в час.

— «Умбра Пять»! «Умбра Пять»! Вы в порядке?

«Умбра Пять», теперь постоянно виляя в полете, выпустила из корпуса тонкую струйку серого дыма.

— «Умбра Пять»!

— У меня все в порядке, — отозвался Эспир. — Все в порядке.

Эспира подбили — у Джагди не было в этом никаких сомнений. Когда она кидала свою стальную птицу из стороны в сторону в надежде освободиться от будто приклеившейся «летучей мыши», краем глаза увидела, как тот бросился вражескому истребителю наперерез.

Где он теперь? Поди узнай! Она положила свой самолет на крыло, и мир тут же повернулся вокруг. «Летучая мышь», продолжая преследование, ни на миг не отпускала ее от себя.

Джагди лихо вошла в крутой вираж. Неожиданно на ее ауспексе появился какой-то объект, и система предотвращения столкновений сразу напомнила о себе пронзительным сигналом.

Как оказалось, один из «Циклонов» Содружества летел, точно пересекая ее траекторию.

Чтобы избежать столкновения, Джагди рванула рычаг вперед и в последний момент успела провести самолет под дельтовидным крылом «Циклона». Вентиляционные двигатели «Громовой стрелы» пронзительно завизжали, когда тяжелая машина была брошена в столь крутое пике. Земная поверхность приближалась с пугающей скоростью. Уже стали отчетливо видны причудливый изгиб Лиды, ровно вычерченные прямоугольники сельскохозяйственных полей, широкие

гидропонные сооружения. Выход из такого пике обещал быть очень непростой задачей для пилота.

Внезапно прозвучал сигнал угрозы от системы слежения. Час от часу не легче. «Летучая мышь», которая неотступно следовала за Джагди, теперь снова поймала ее в прицел.

Чтобы выйти из штопора, ей придется вынести перегрузку в три или четыре G. Вообще-то, это возможно — при условии, конечно, что организм пилота достаточно крепок. Джагди напрягла ноги и туловище и дернула рычаг управления.

И вот это началось. Раз! — и она уже весит около тысячи килограммов, чувствуя, как сердце и легкие давят на диафрагму. В глазах у нее помутилось. Обзор постепенно сузился до узкого туннеля. Лишь сжавшись в «замок», как рекомендуют в подобных случаях, ей удалось предотвратить отток крови от головы и неизбежную последующую потерю сознания.

Где-то на высоте пятидесяти метров Джагди все же успела выйти из штопора и

выровнять самолет. Теперь он летел так низко, что даже поднимал ветром небольшую волну в ирригационных каналах, которые орошали близлежащие сельскохозяйственные угодья. Мельком пилот увидела, как стадо болотных зубров внизу бросилось врассыпную по широкому, чем-то засеянному полю. Так... Сейчас маневр вправо, чтобы уйти от столкновения с водонапорной башней, затем опять влево. Поднимаемый «Стрелой» ветер сорвал пленку из пластека, натянутую над посевами болотной свеклы. Между тем «летучая мышь» оказалась точно на шесть часов от Джагди. Цель снова захвачена. Бах! Бах! Бах!

Джагди резко сбросила скорость и тут же почувствовала, как ремни летного снаряжения сначала больно врезаются в подавшиеся вперед плечи, а затем отбрасывают ее обратно на спинку сиденья. В следующее мгновение пилот увидела, как «летучая мышь» проносится прямо над ней, отчаянно пытаясь сразу развернуться и уйти вверх.

Включив сопла вертикального взлета, Джагди прямо на подъеме удобно развернула самолет и в тот же миг ударила по «летучей мыши» тремя мощными залпами из лазерных орудий. Казалось, не получив никаких серьезных повреждений, вражеский истребитель повернул влево, но затем внезапно дал крен на крыло и, совершив несколько витков по спирали, вошел в гибельный штопор. Он с такой силой врезался в самую середину гидропонного плота, что образовавшаяся от столкновения волна выплеснула значительную часть воды за пределы искусственного водохранилища.

Набирая высоту, Джагди развернула самолет на юг, оставив за собой столб густого дыма, который быстро поднимался над горящим фермерским участком.

— Ведущий, вы с нами? — запросил Ван Тул по воксу.

— Все на четыре-А, — ответила она. — «Умбра Пять», вы в порядке?

— Все отлично, — отозвался Эспир.

Остальные «Саранчи» улетели прочь. Джагди приказала группе Четыре-Один

выстроить боевой порядок сопровождения вокруг оставшихся «Циклонов» и так вести их до самой базы. Лично она сбила два самолета (еще один так и остался под вопросом), доведя свой личный счет воздушных побед до девятнадцати. Ван Тул сбил одного и увеличил свой счет до одиннадцати.

Что ж, не так уж и плохо.

Тэда. Южная ВВВ, 16.59

Техническая команда наземного контроля подняла синие флаги и зажгла посадочные огни. День клонился к закату, и пелена облаков окрасилась в розово-лиловый цвет, почти что в цвет истребителей класса «Саранча». Группа Асче уже давно вернулась, а подопечные Бланшера приземлились лишь пятнадцать минут назад. Когда Джагди пошла на посадку, она заметила на поле аэродрома изящные, цвета слоновой кости машины Апостолов, которые стояли на своих долговременных стоянках, заботливо подготавливаемые к будущим полетам бригадами механиков. Их черные носовые части блестели, как

начищенные, а специальные антенны, установленные для ведения боя в ночное время, издали напоминали ветвистые оленьи рога. Все прочие авиабригады Космического флота в данный момент находились в воздухе. Да... Непростой выдался денек.

— Командование Полетами, имейте в виду, — предупредила Джагди, когда подлетала к аэродрому, — вопреки информации, полученной от вас во время краткого инструктажа, воздушные силы Архенеми совершают боевые вылеты по эту сторону Маканайтских гор.

Она отправила четыре таких сообщения, но так и не получила подтверждение получения информации. «Летучие мыши» уже над горным хребтом... Им потребовалось на это намного меньше времени, чем рассчитывал Орнофф.

— Командование Полетами, пожалуйста, подтвердите получение моего сигнала.

— Ваша информация получена, ведущий «Умбры». Она уже отправлена в

штаб Главного Командования Тактических Операций.

Уже в сумерках Джагди разглядела приготовленную для них полосу, ярко отмеченную посадочными огнями, и, включив в работу вращающиеся сопла реактивного двигателя, точно, почти без толчка приземлила свою «Стрелу».

Команды механиков выбежали им навстречу.

Совершил посадку Марквол, который до сих пор не мог унять дрожь, переполняемый чувством, в котором восторга было, пожалуй, не меньше, чем страха. Он выжил, но, Бог-Император, как же он напортачил! В том, что случилось с Эспиром, виноват только он — тут нет сомнений.

Самолет Ван Тула пролетел у него над головой, постепенно замедляясь, до тех пор пока не совершил изумительную по точности вертикальную посадку лишь на работающих соплах.

Наконец сел Эспир.

Не обращая внимания на Рэкли и других механиков, Марквол покинул свою

«Стрелу» и бегом кинулся к машине Эспира.

По мере приближения он невольно замедлил шаг. Вся боковая часть самолета была снесена к чертовой матери, бронированная обшивка смята и порвана, покрытый сажей корпус простелен во многих местах, а руль управления и край крыла обуглены.

Какой-то механик первым подбежал к этой искалеченной стальной птице, но Марквол отпихнул его в сторону и, запрыгнув на крыло, сам сдвинул каркас разбитой кабины:

— Эспир! Эспир, вы в порядке?

Перс Эспир медленно поднял голову. Бронированная обшивка его кабины была разнесена на мелкие части. Не уцелел ни один из множества откалиброванных дисков на панели приборов. Левая рука Эспира превратилась в искромсанный кусок мяса в рваных лохмотьях, а правая в результате попадания лазерной пушки обгорела и действием теплового луча была буквально припаяна к рычагу управления. Левая сторона лица пилота была так

утыкана осколками битого стекла, что стала напоминать подушечку для иголок.

— У меня все отлично, — сказал Эспир.

День 254

Тэда. Южная ВВВ, 04.10

Дежурство Каминского должно было начаться только в шесть утра, но шум, доносящийся с аэродрома, все никак не давал ему уснуть. Он уже привык засыпать под мерный ритм реактивных двигателей местных самолетов, чье тарахтение не прекращалась ни на минуту за последние девять месяцев, но новые звуки, которые принесли с собой машины Космического флота, представляли собой нечто совсем иное. Пронзительные завывания самолетов с направляемым вектором тяги каждый раз раздавались внезапно и чередовались с глухим прерывистым рычанием, так что привыкнуть к ним и заставить себя не обращать на них внимания было крайне сложно.

К тому же... Трон! Не слишком ли они стали активны? Каминский за эту ночь насчитал по меньшей мере три групповых вылета на задание, не считая того сумасшедшего переполоха, который

начался около полуночи, когда, как он предположил, на базу для развертывания прибыли самолеты новой авиабригады.

Судя по всему, наступали горячие деньки. До Каминского дошли слухи — кто-то кому-то сказал, что слышал об этом от механика космофлотчиков, — что уже произошло несколько воздушных сражений по эту сторону горной гряды. Какой-то инцидент произошел вчера над долиной реки Лида, а некоторые даже говорили, что видели «летучих мышей» в небе над Полуостровом. Последнее, впрочем, вряд ли соответствовало действительности. Во всяком случае, Каминскому очень хотелось так думать, потому что иначе это значило бы, что все они уже находятся на краю гибели. Но то, что касалось долины Лиды, вполне могло оказаться правдой. И надо сказать, довольно горькой. Если «летучие мыши» доберутся до побережья, возможно, даже хваленые авиабригады Имперского Космического Флота не смогут остановить их.

Хотя они и стараются, конечно. Каминский встал с койки в казарменной

спальне Мунитору́ма и прошел по тускло освещенному коридору, толстые стены которого, пожалуй, могли бы выдержать любой артобстрел, к расположенному на выходе дежурному посту. Все пятеро парней, которым полагалось сейчас нести дежурную вахту, спали мертвым сном, развалившись в креслах, причем рев реактивных моторов ничуть не мешал им. Все они были прирожденными, потомственными шоферами Мунитору́ма, и незначительные изменения в шумовом фоне аэродрома никак не могли сказаться на них.

Камински́й снял чайник с установленной на вахте плиты и налил себе немного кофеина, после чего вышел в парк техобслуживания. На улице было довольно холодно и все еще очень темно. В дальнем углу парка несколько техножрецов колдовали над грузоперевозчиком «Карго-8», в то время как их сварочные пруты и кадила загадочно мерцали во тьме.

Потягивая кофеин, Камински́й не спеша стал подниматься по насыпи периметра аэродрома, пока все главное

поле не предстало перед ним. Полосы посадочных огней ярко горели в ночи, обволакивая окрестности мягким изумрудным светом. Благодаря такому освещению водитель разглядел на западе ряд горбатых «Гро мовых стрел», укрытых маскировочной сеткой. Его догадка оказалось верной. Вчера их здесь не было. Еще одна авиабригада. Свежее подкрепление.

Громыхающие раскаты донеслись с юга, и, обернувшись, Каминский увидел, как самолеты очередной бригады подлетают к аэродрому, возвращаясь с боевого задания. Опять «Громовые стрелы». Вообще-то, ему нравился вид этих монстров. Интересно, как они ведут себя в воздухе? Все двенадцать машин пошли на снижение, точно опускаясь на отмеченную огнями посадочную полосу. При приземлении они переориентировали сопла векторных реактивных двигателей и перешли с мощного горизонтального движения на легкое парение над специально предназначенными для посадки амортизационными настилами.

Чудовищный вой сразу двенадцати авиамоторов заставил содрогнуться даже Каминского.

— Как дела, ребята? — громко закричал он, как только они сели. — Много сбитых?

В знак приветствия шофер поднял в сторону далеких самолетов чашку с кофеином. Он все еще слишком хорошо помнил удивительное состояние пилота, когда тот возвращается на базу: весь боекомплект уже израсходован и он, не ощущая своего тела, летит домой, прокручивая в голове ход недавнего сражения.

Оглушительный шум мощных вентиляционных турбин стал понемногу стихать, и до Каминского неожиданно донеслись голоса из технопарка. Слегка озадаченный, он той же дорогой побрел обратно и, не доходя нескольких шагов, увидел сениора Пинчона, разговаривающего с каким-то летчиком Космического флота.

Пинчон выглядел немного возбужденным, что ни для кого не

предвещало ничего доброго. Сениор заметил приближающегося Каминского и тут же окликнул его:

— Мне срочно нужен шофер!

— Всегда к вашим услугам, сениор, — ответил тот. Хотя его дежурство еще и не началось, он знал, что все равно теперь не уснет. Кто знает, может быть, это задание позволит ему немного развеяться. Кроме того, он совсем не хотел, чтобы за разговором они подошли к дежурному посту, где Пинчон, конечно, обнаружил бы спящих вахтенных. Бедолаги отрабатывали бы штрафные смены до конца своих дней. Который, с другой стороны, мог наступить уже совсем скоро...

— Я принимаю заказ, — сказал он.

— Хорошо. Перевозка пассажиров. Кое-кого нужно доставить в Старый Квартал и затем вернуться с ним назад. Заполните здесь.

Каминский взял предложенный ему планшет и занес туда номер своего транспорта и прочие данные. Он писал так быстро и аккуратно, как только позволяла ему неумелая рука.

— Мне нужно попасть в бар «Гидра», — сказал летчик космических ВВС. — Вы знаете, где это?

Каминский, услышав этот голос, поднял голову и с изумлением увидел, что высокий пилот — женщина. Та самая женщина, чью группу он доставил сюда два дня назад.

— Так точно, мамзель... простите, командир. Я знаю, где это.

— Хорошо, — сказала она.

Женщина раскланялась с Пинчоном и зашагала вслед за Каминским к его транспорту.

— Вы сядете в кабину? — спросил он.

— Спасибо, не откажусь.

Каминский открыл перед ней дверь кабины, и летчица забралась наверх. Затем он обошел машину и, сев на водительское место, завел мотор.

Сначала они поехали навстречу сияющим фонарям, установленным по периметру аэродрома, а затем, прогрохотав по насыпи, покинули пределы авиабазы и выехали на пустынную в этот час главную магистраль, ведущую в город.

Спутница Каминского ничего не говорила, а лишь молча провожала взглядом затемненные сверху фонари авиабазы, которые теперь удалялись от них.

Это оказалось довольно необычно и забавно — находиться в кабине еще с кем-то. Обычно, когда он перевозил личный состав, пассажиры помещались в кузове и кабина оставалась его личным пространством. Неожиданно Каминский почувствовал некоторую неловкость за россыпи использованных одноразовых чашек на полу кабины. При виде их кое-кто мог бы догадаться, что одна из его рук, крепко вцепившаяся в баранку руля, на самом деле просто протез. Однако предлагать женщине садиться в кузов было бы, наверное, уж слишком неучтиво.

Наконец, когда молчать дальше стало уже неудобно, шофер сделал глубокий вдох и спросил:

— «Гидра», вы сказали?

— Да, на Болдни.

— Понятно.

Узнала ли она его? Одна часть его сознания вполне допускала, что, может

быть, и нет. Так, еще один бездельник из Мунитория. Но другая тут же восставала: «Как! Не узнать такое лицо?»

При этой мысли он не мог не улыбнуться: «Так-так, Август. Ты, кажется, уже гордишься своей внешностью!»

— Вы что-то хотите сказать, шофер? — спросила пилот.

— Никак нет, командир, — ответил Каминский. — Мне подождать вас у «Гидры», не так ли?

— Да, это займет не более пяти минут.

— Значит, это не дружеское застолье?

— Нет, с чего бы это?

— Ну, вы знаете: пилот возвращается с задания, хочет развлечься... «Гидра» — популярное место среди летчиков.

— Да, я слышала.

Сейчас было самое время, чтобы задать вопрос о цели поездки, но водитель сдержался. Он должен помнить свое место. Он уже больше не один из них и не может заходить слишком далеко, задавая

праздные вопросы. Он всего лишь трутень из Мунитория.

Как будто почувствовав его любопытство, женщина вдруг сама все объяснила:

— Я разыскиваю невозвращенца.

— Ах вот, значит, что... — Он понимающе улыбнулся.

Каминскому польстило, что пилот снизошла даже до такого разговора с ним. После этого и до самого момента, когда они припарковались у входа в бар, она уже не проронила ни слова.

— Ждите здесь, — распорядилась женщина и спрыгнула с высокой подножки.

Прошло пять минут. Десять. Троица подвыпивших рядовых Содружества вышла из бара и, шутя и горланя песню, двинулась по мостовой. Шатаясь и поддерживая друг друга, они казались в темноте каким-то странным, шестиногим животным. Ночную узкую улицу освещали лишь фары грузовика Каминского, неоновая вывеска бара да несколько окон, в которых все еще горел свет.

Наконец он увидел, как женщина-

пилот вновь появилась в дверях бара. Одна, с досадой озираясь по сторонам. Она подошла к кабине со стороны шофера, и Каминский опустил боковое стекло:

— Что, не здесь?

— Нет. Не знаете еще каких-нибудь мест вроде этого?

— Знаю еще несколько. Садитесь.

Он повел грузовик через Гиллехал Плаза, а так как улицы в этот час были пусты, то решил срезать угол по однополосному крутому спуску, чтобы сразу выехать на отлогие улицы Заггерханца. Однако коробка передач забарахлила, едва транспорт стал съезжать.

— Куда мы едем? — обеспокоенно спросила женщина.

— Знаю здесь пару мест. «Колыбельная» и «Зимняя стужа». Они частенько бывают открыты дольше положенного времени.

Она согласно кивнула.

— Как давно его нет?

— С двадцати двух ноль-ноль вчерашнего дня.

— И вы не хотите дать этому делу официальный ход?

— Нет, я бы не хотела.

— Как вас зовут? — спросил водитель.

— Джагди, — ответила пилот, немного поколебавшись.

Он ждал ее у «Колыбельной» и «Зимней стужи», но оба раза она вернулась ни с чем.

— Осталась последняя мысль. Есть еще одно местечко на Гранд-Канале.

Он умело повел грузовик по узким улочкам Старого Квартала. К тому времени ночное небо над Тэдой уже слегка посветлело, и с минуты на минуту должен был наступить рассвет. Когда они прибыли на место, Каминский выключил двигатель и вылез вместе с Джагди из машины.

— А вы можете подождать меня в транспорте, шофер. Он решительно замотал головой:

— На этот раз нет, командир Джагди. Без меня вам туда не попасть.

— Это почему?

— «У Зары» — старый питейный

притон с очень сомнительной репутацией. Это не бар в обычном понимании. Женщины туда допускаются только в компании мужчин-клиентов.

Пилот в изумлении воззрилась на водителя.

— Это правда, — заверил он. — Может быть... может быть, как раз поэтому ваш невозвращенец и пришел сюда.

Вместе они подошли к тяжелой двери на чугунных петлях, которую только три небольшие ступени отделяли от мощеной улицы. Каминский постучал, и дверь открылась.

Их встретил охранник — здоровый ингебуржец с жирными мешками под глазами. Он оценивающе смерил парочку взглядом и, отступив в сторону, жестом указал, куда нужно пройти.

Притон оказался почти пустым. Кое-где на столах уже стояли перевернутые стулья. С полудюжины летчиков Содружества — все мужчины — сидели вокруг стола в углу и увлеченно играли в карты. Официантка, зевая, принесла им еще одну бутылку джолика. Двое летчиков

Космического Флота сидели в отдельной кабинке и что-то горячо обсуждали на повышенных тонах. Несколько завсегдатаев заведения сидели за отдельными столиками или проигрывали за игральными автоматами последнюю мелочь.

— Он здесь? — шепотом спросил Каминский.

— Вон он. У бара.

У стойки действительно сидел какой-то паренек. «Красавчик», — подумал Каминский, но тут же отбросил эту мысль. Любого доходягу в этой грязной забегаловке можно было назвать красавцем по сравнению с ним самим.

Но все же этот парень был действительно необыкновенно красив. Темные волосы, белая нежная кожа, высокий... Очевидно, из того же генетического материала, что и эффектная командир Джагди.

Парень был пьян в стельку. Усталый бармен, протирая стакан, с изумлением, в котором было немало отвращения, наблюдал, как упившийся юнец тщетно

старается поднести к губам очередную наполненную рюмку. Промахнувшись и вылив на себя порцию ликера, тот тем не менее поставил рюмку обратно на траморную стойку и, постучав по ней указательным пальцем, заявил:

— Еще одну.

Бармен лишь отрицательно покачал головой.

— Ну, черт тебя побери! Я же сказал: еще одну!

— Нет, — решительно ответил бармен.

— Не пора ли домой, Вандер? — произнесла Джагди. Парень очумело взглянул на нее, моргнул и энергично затопал головой.

— Да, Вандер, пора. Пойдем со мной, и ты забудем обо всем, что произошло.

— Нет. Нет, я не могу. Я еле держусь на ногах.

— Ты здорово выпил, Вандер, но вполне можешь идти. Давай пошли. У входа ждет транспорт.

Парень воззрился на нее неожиданно осмысленным взглядом.

— Эспир! — выпалил он.

— Он в лазарете. Там его сейчас оперируют.

— Эспир. Он больше не сможет летать.

— Да, не сможет. Но это не твоя вина.

— Я искалечил его.

— Нет, совсем не ты.

— Я-а-а! Я! Я искалечил его! Я. Искалечил. Его. Я тогда напортачил.

— Возможно, да, Вандер, возможно, нет. Никто не винит тебя за то, что случилось с Эспиром.

— Еще сбил «Циклон»...

— Что?

Юный летчик в раздражении дернул рукой:

— Сбил «Циклон». Сбил «Циклон». Разнес эту чертову штуковину на куски, как...

— Нет, Вандер. Тогда они были вне зоны нашего обстрела. Его сбила «летучая мышь». Не ты.

— Правда?

— Правда. Не ты.

— Хм... Хорошо, хоть так.

— Да, это так. Теперь давай, пилот. Поднимайся. Мы уходим.

Вандер замотал головой.

— Эспир... — пробормотал он.

Джагди шагнула вперед и положила руку ему на плечо:

— Довольно, Марквол! Хватит жалеть себя! Подними свою задницу и иди за мной!

— Да иди ты...

— Марквол, я сейчас рискую своей головой. Действительно рискую. Я пошла искать тебя, вместо того чтобы написать рапорт командованию о твоем отсутствии. До этой минуты все это пока неофициально... — Она обернулась к Каминскому. — Это ведь все неофициально, не правда ли?

Тот пожал плечами:

— Конечно.

Она как следует тряхнула Марквола:

— Видишь, на что я иду ради тебя? Я не сообщила о тебе в Комиссариат, а ведь я могу лишиться поста, если узнают, что я позволяю тебе такие вещи.

Невозвращенец! Уже четыре часа, как ты должен быть на месте расквартирования. Комиссары расстреляют тебя за такие дела, если узнают. И меня вместе с тобой. Не порти мне послужной список, Марквол. Не дай эскадрилье фантина покрыть себя позором из-за нарушений устава и слабой дисциплины. Сейчас у нас идет негласное соревнование с этим чертовым Космическим флотом! Не позорь меня, Марквол. Ты мне нужен сейчас!

Он поднял на нее взгляд, стараясь сфокусировать зрение:

— Нет, я тебе не нужен...

— Вчера я потеряла пилота. Будь я проклята, если сегодня потеряю еще одного.

Джагди потянула его за руку, но юноша упирался изо всех сил. Каминский поморщился, когда увидел, как тот свалился со своего сиденья. Падая, он увлек за собой Джагди и разбил стакан.

— Ну, это уже слишком! — вскричал бармен. К стойке подошел громила-ингебуржец.

Все в порядке, — сказал ему

Каминский, успокаивающе подняв руку.

Он помог Джагди подняться, но сразу же отстранил ее и встал прямо над лежащим на полу парнем.

— Называешь себя летчиком? — спросил он.

— Что? — пробормотал Марквол.

— Что вы делаете?.. — начала Джагди.

— Не бойтесь, — сказал ей Каминский. — Дайте мне только немного поговорить с пареньком. Я не хочу неприятностей. — Он опять перевел взгляд на валяющегося на полу Марквола. — Так ты пилот? Рожденный летать? Знаешь, что я тебе скажу? Ты... ты — кусок дерьма!

— Что?

— Кусок дерьма. Ты еще презираешь меня. Твоя мамзель из кожи вон лезет, чтобы спасти твою задницу, а ты что делаешь? Ты ведь можешь летать? Ты можешь летать?

— Д-да...

— Ты можешь летать?

— Да!

— Почему же не хочешь?

— Я... Я не знаю...

Каминский сунул руку за пазуху и, вытащив оттуда свой служебный автоматический пистолет, бросил его прямо Маркволу на живот. Удар довольно тяжелого предмета немного привел парня в чувство.

— Давай сделай это.

— Что?

— Сделай это. Сделай это прямо сейчас.

— Что?

— Застрелись из этого долбаного пистолета, ты, никчемный кусок дерьма! Выбей из башки свои тупые мозги. Так получается намного быстрее, чем когда травишь себя алкоголем. Будь любезен, сделай нам одолжение.

Марквол с ужасом глядел на пистолет у себя на животе, как будто это был ядовитый паук.

— Ну, чего же ты ждешь? Не слышу. Ты ведь должен летать, ты, недоносок! Ты должен летать! Почему же ты бежишь от ответственности? Я ведь тоже летал, но

той самолет сожгли! Ты видишь это? Мое лицо, мою руку? Мне сказали, что я не смогу больше летать. Я не гожусь теперь для авиации. Я бы отдал все на свете, чтобы оказаться сейчас на твоем месте! Ты слышишь? Все на свете! Так что возьми этот долбаный пистолет и сделай так, чтобы я больше не завидовал такому молодому тупому ублюдку, как ты.

— Вот дерьмо!.. — наконец произнес Марквол. — Вы ведь не имеете права говорить мне все это...

— Нет, не имеет, — сказала, склонившись над ним, Джагди. — Но, кажется, говорит. Значит, так: или мы идем домой, или я оставляю тебя здесь с ним.

— Домой, — выбрал Марквол и обессиленно закрыл глаза.

Джагди кинула Каминскому его служебный пистолет, который тот поймал на лету.

— Ваш, я надеюсь, — бросила она.

Она положила руку Марквола себе на плечо и потихоньку вывела юношу из бара.

Когда Каминский вышел на улицу, они

уже сидели в кузове грузовика. Он вопросительно взглянул на женщину.

— Будьте любезны, поедем, — сказала она с нажимом.

Каминский забрался в кабину. Снова оставшись в привычном для себя одиночестве, он завел мотор.

К югу от Маканайтского хребта, 08.30

Высота — тридцать тысяч метров. На небе ни облачка, лишь двадцать четыре сверкающих серебром гиганта оставляют за собой в синеве ровные белые следы отработанного топлива.

Этим утром, в этот, уже второй по счету, вылет звена «Ореол», Вилтри чувствовал себя куда более уверенно. Возможно, думал он, это происходило просто в силу того, что самолетов у них было несравненно больше, чем в первый раз. На этот раз звено «Ореол» шло в одном строю с «Мародерами» из Две тысячи двести двенадцатой авиабригады Космического флота, а бригада «Громовых стрел», которая была в этот построении

еще на пять тысяч метров выше, осуществляла прикрытие. Такой боевой порядок считался очень надежным.

Впрочем, может быть, на его настроение также умиротворяюще подействовало вчерашнее долгое сидение на пирсе, когда он до самой темноты наблюдал за переменчивым морем Тэды.

Как бы то ни было, сейчас Вилтри был намного более расслаблен и уверен в себе, чем прежде. «Грета» сегодня будто сама летела и была необыкновенно послушна в управлении. Солнечные лучи, отражаясь от панели приборов, заполнили ее кабину теплым золотистым светом. На этой высоте из-за разреженности воздуха окружающий мир казался почти беззвучным — даже шум моторов едва ощущался. Самым громким было, пожалуй, шипение дыхательной смеси, когда подавалась новая порция кислорода, и следующий за этим звук слегка надуваемой летной маски. Вилтри подумал, что такая же безмятежная тишина, наверное, царит в глубинах того удивительного моря, от которого он вчера

не мог оторвать взгляда.

Лакомб передал ему пачку топографических карт в тонких футлярах из пластека. Он еще раз пробежал взглядом данные воздушной разведки. Не далее как вчера, в семнадцать ноль-ноль, было установлено (ему особенно приятно было узнать, что эти важные сведения получены благодаря действиям авиабригады Фан-тина — группы Джагди, благослови их всех Император), что авиация противника уже в состоянии совершать рейды над районами по эту сторону горного хребта. Это почти наверняка означало, что в районе Внутренней пустыни у них есть авиабазы, а быть может, даже подвижные взлетно-посадочные установки, которые размещаются намного севернее, чем ранее предполагалось во всех стратегических разработках Командования Полетами. Этой ночью воздушная разведка засекла несколько вероятных источников теплового излучения, и теперь их боевое соединение — кодовое название «Стремительный» — и девять других

групп были подняты в воздух с целью найти возможные базы противника и нейтрализовать их. Дело обстояло так: если Архенеми располагает авиабазами на севере пустыни, то или они будут в кратчайшие сроки атакованы и уничтожены, или все шоу, ради которого пилоты прибыли на эту планету, закончится, так и не начавшись.

За время полета Наутек уже обнаружил с полудюжины возможных целей, но все они на поверку оказывались скоплениями бронетехники отступающих имперских частей, тяжело продвигающихся на север.

С той головокружительной высоты, на которой они сейчас находились, Вилтри имел возможность любоваться восхитительной панорамой безбрежной пустыни, на выжженной поверхности которой не было ни дорог, ни каких бы то ни было населенных пунктов. Повсюду выступали скальные породы, и по этой причине с высоты земля казалась похожей на огромный лист истертой наждачной бумаги. Он уже мог разглядеть, где, в

сотнях километрах к западу, начинался Сикатрайс — гигантский скальный разлом, протянувшийся по всему материку. Считалось, что он появился в результате сдвига тектонических плит примерно в тот же древний геологический период, когда образовались Маканайтские горы, гордо возвышающиеся над ним. Поговаривали, что полет над Сикатрайсом, особенно на низких высотах, сопряжен с большими трудностями из-за совершенно непредсказуемых воздушных потоков, возникающих вследствие изрезанного скального рельефа его ущелий.

По данным разведки, они сейчас находились всего лишь в пятидесяти километрах от одного из наиболее вероятных мест дислокации вражеских самолетов. Во всяком случае, из этой точки приборы фиксировали намного более сильное тепловое и магнитное излучение, чем где-либо еще в том песчаном море, которое иногда называли Блюдо Песка.

Один из «Мародеров» Космического флота — «Стремительный Один» летел впереди, километрах в двадцати от

основной группы. Поскольку его бомбовый отсек был совершенно свободен, что давало преимущество в скорости и маневре, а работающий на полную мощность ауспексный передатчик имел дополнительный усилитель, он казался идеальным самолетом наведения.

Вилтри уверенно вел свою машину в едином строю и спокойно ожидал указаний о возможном изменении курса. Все шло как нельзя лучше.

И тут он увидел «летучих мышей».

Однако складывалось странное впечатление, как будто никто, кроме него, не видит вражеских машин. Никакого сигнала тревоги, ни одного предостерегающего крика — ничего. Как завороженный Вилтри глядел на девять малиновых клинков, стремительно приближающихся с востока и уже врывающихся в их строй с левого крыла.

— Тревога! Тревога! Опасность на девять часов и с внутренней стороны! — дико закричал пилот.

Тут же он услышал, как сверху и чуть сзади зашумела, вращаясь, главная

турель, приведенная в действие автоматической системой слежения. Вокс как прорвало, и теперь из него одновременно доносилось сразу несколько перекрикивающих друг друга голосов. «Грету» слегка тряхнуло, когда стрелок турели Гейз открыл огонь из сдвоенных болтерных орудий. Вилтри лишь увидел трассирующий след от выстрела, который рассек пространство и ушел куда-то влево! «Летучие мыши» — «Адские бритвы» — пронеслись через самый центр их построения, сверкая орудийными турелями. Куда, черт возьми, девалось звено прикрытия?

— Немедленно прекратить болтовню в воксе! Немедленно прекратить! — потребовал Вилтри, стараясь утихомирить свою раскричавшуюся команду. — Поддерживать режим визуального наблюдения! Прекратить огонь! Мы идем в едином строю, так что никакой беспорядочной стрельбы. Ловите их в прицел, следите за ними!

«Стремительный» поддерживал построение в виде комбинации ромбов, где

каждая машина находилась под защитой нескольких своих соседей. Это означало, что каждый ромб из самолетов группы мог рассчитывать на поддержку одного или нескольких соседних, примыкающих к нему в этом боевом строю. Вдобавок ко всему отдельное звено, осуществляющее прикрытие сверху, в случае необходимости всегда было готово прийти на помощь. Развернутый таким образом строй «Мародеров», каждый из которых к тому же был оснащен тяжелым оружием бронированных турелей, казалось бы, должен был представлять собой настоящую летающую цитадель, которую просто технически невозможно сокрушить.

Тем не менее «Адские бритвы» уже один раз пронеслись под ними, и две машины Космического флота сообщали о полученных ими повреждениях. Из ведущего «Мародера», который назывался «Священная Терра», велось командование всем боевым построением группы. Вилтри мог слышать, как командир «Священной Терры», по имени Эгсор, яростно отдает приказы, требуя от всех самолетов звена

строго держать строй.

В этот момент Вилтри повернулся, чтобы оценить ситуацию справа. Ведь «летучие мыши» ушли в этом направлении, и логично было бы ожидать их очередной атаки именно с этой стороны. Он чуть не выпрыгнул из снаряжения, когда увидел, как две мощные «Громовые стрелы» спикировали в непосредственной близости, едва не задев кончики его крыльев, и тут же умчались куда-то на запад. «Грету» даже немного повело когда она попала в зону турбулентности, вызванную пролетом чужих машин.

— Куда, черт возьми, вы уходите, прикрытие? — в раздражении запросил Вилтри по воксу.

— Не засоряйте эфир! — рявкнул Эгсор в ответ.

— Шесть! Шесть! Опасность на шесть часов! — послышался голос Орсона в хвостовом отсеке и был тут же подхвачен стрелками хвостовых частей всех других машин.

«Летучие мыши» успели заложить

широкий вираж и теперь, в свой второй заход, решили атаковать с тыла.

— Стрелок хвостовой части, огонь! — пронзительно закричал Орсон по воксу, и Вилтри ощутил, как содрогнулся корпус самолета после этого выстрела.

В следующее мгновение уже развернувшаяся назад верхняя турель вступила в бой. Залп из сдвоенных тяжелых пушек внес небольшое, но все же значимое изменение в траекторию движения «Греты», и Вилтри пришлось умелым маневром нейтрализовать это влияние. Но «летучие мыши» уже неслись на них. Орудия хвостовой части прекратили огонь, так как цель вышла из зоны их обстрела, но верхняя турель все еще продолжала стрелять, вращаясь по мере подлета вражеских машин. А когда промчавшиеся мимо «Адские бритвы», изрытая огонь из сопел, стали удаляться от них, в дело вступила и носовая турель.

— Прекратить! Прекратить огонь! — вскричал Вилтри.

«Летучие мыши» были уже на расстоянии трех километров и, выйдя из

плотного единого строя, оказались практически неуязвимы для его батареи. Он видел, как, выбросив из двигателей еще несколько языков пламени, они, разрывая построение, стали разлетаться веером в разные стороны.

«Вот черт! — подумал Вилтри. — Теперь они станут атаковать каждый по отдельности».

Внезапно в боксе раздался пронзительный крик. Вилтри нервно оглянулся и увидел, как один из «Мародеров» Космического Флота, идущий в соседнем ромбе, начинает выпадать из монолитного строя. Могло показаться, что его моторы просто не могут больше удерживать такой вес в воздухе. Сгусток черного дыма вылетел из сопла одного из двигателей, а затем вырвавшееся изнутри пламя с яростью охватило всю переднюю кромку левого крыла. «Летучим мышам» во время своей второй атаки все же удалось открыть счет.

Оставляя за собой в небе длинный огненный след, «Мародер» все быстрее и быстрее терял высоту.

— Быстрее катапультируйтесь! — услышал Вилтри по воксу отчаянный крик Эгсора, адресованный далекой команде, попавшей в беду.

Вошедший в штопор «Мародер» неожиданно задрожал и взорвался. Взрыв был ужасен. Бомбовый заряд, сдетонировав, образовал в прозрачной синеве неба большое огненное облако, а мелкие обломки самолета разлетались в разные стороны, кружась в каком-то невероятном вихре. Главная же носовая часть, как сгорающая в атмосфере комета, описав в небе широкую дугу, теперь стремительно приближалась к выжженной солнцем поверхности пустыни.

— Они снова здесь! — закричал Наксол.

Стрелок носовой части остался начеку, тогда как все остальные зачарованно смотрели, как погибает соседний «Мародер».

Три «Адские бритвы» летели прямо на них, очевидно собираясь провести фронтальную атаку. Раздался треск ослепительно сверкнувших орудий. Наксол и Гейз открыли ответный огонь по

ближайшей вражеской машине, когда она пересекала курс «Греты». Если мощный залп из лазерной пушки Наксола лишь рассек воздух позади «летучей мыши», то Гейз точно рассчитал угол отклонения. Несясь на огромной скорости, самолет противника попал прямо в траекторию его болтерного выстрела. Его тут же разнесло на мелкие куски охваченного пламенем металла. Оторванные передние крылья разлетелись, бешено вращаясь, как осколки разбитой чашки. Извиваясь под немыслимыми углами, отлетевшее правое крыло чуть было не угодило в хвост «Греты».

Вилтри облегченно выдохнул, когда эта опасность прошла стороной.

— Отличный выстрел, Гейз, — поздравил он стрелка по воксу.

«Отправь Их Обратно В Ад» и один из самолетов Космического Флота также открыли в этом бою свой счет точных попаданий. Одна «Адская бритва» завертелась волчком и, потеряв управление, камнем пошла вниз. Другой противник, которого болтало из стороны в

сторону, развернулся и, оставляя за собой дымовой след, по неровной траектории полетел на запад.

Но расслабляться было рано. Еще один «Мародер», получив повреждение и выбившись из единого построения, уже не смог подняться обратно, а «У как Убойный» сообщил, что у него выведено из строя сопло отклоняемого вектора тяги. «Летучие мыши» уже снова приближались. Мало того, на мониторе ауспекса было хорошо видно, как подходит еще одна волна вражеских самолетов, готовая поддержать эту атаку. Тут Вилтри вздрогнул, увидев высоко в западной части неба ослепительную вспышку, возможную только при взрыве «Громовой стрелы».

Его руки снова предательски задрожали. Колесо Судьбы. Данаверное, это Колесо Судьбы.

С каждой минутой, с каждым мгновением его ход становился все более неотвратимым.

Тэда. Северная ВВВ, 12.01

Летчики, штабные офицеры, рядовые

военнослужащие Содружества шумной, говорливой толпой вытекали из здания авиабазы и направлялись к уже ожидающим их военным транспортам. У всех них за плечами были вещевые мешки, а некоторые, помогая друг другу, несли тяжелые ящики с архивной документацией. Светило солнце, стояла прекрасная погода, и они, казалось пребывая в прекрасном настроении, травили байки, зубоскалили и перебрасывались между собой веселыми шутками.

Все это было фальшью, бравадой. И Дэрроу не мог не понимать этого. Уже через несколько часов все эти люди должны будут отправиться на новое место службы: кого-то оставят на административной работе на побережье, а кому-то предстоит неблизкий путь за море, в глубокий тыл. Все дружеские связи будут разорваны, товарищи по оружию, возможно, больше уже никогда не увидят друг друга. А совсем незнакомые, неизвестные им люди — сотни пилотов и офицеров других служб Космического флота, которые попали сюда вне всякого

конкурса, — теперь молча сидят вокруг военных грузовиков и ждут, лишь когда те увезут прежних хозяев авиабазы, чтобы тут же занять их место. Дэрроу украдкой взглянул на них. Кто-то курил, кто-то, растянувшись на камнебетонном покрытии, грелся на солнце. Многие провожали уезжающих откровенно презрительными взглядами. «Если бы вы делали свою работу как следует — вы знаете, о чем мы: защищали бы свой мир как следует, — нам не пришлось бы прилетать», — легко читалось в их глазах.

Вот почему сослуживцы и товарищи Дэрроу по авиабригаде так самозабвенно смеялись и шутили. Им просто не хотелось смотреть на имперских союзников, которые слетелись сюда, как стервятники на мертвое тело. Дэрроу хотелось бросить вещевой мешок и крикнуть прямо в их самоуверенные лица: «Надменные ублюдки! Вы думаете, мы хотели всего этого? Вы думаете, что мы будем вам благодарны, что вы вот так заявитесь? Да пошли вы!.. Мы сражались

за Энозис, мы проливали свою кровь, мы умирали... Благодаря нам здесь еще осталось что-то, что можно защищать. Мы выполнили тяжелую неблагодарную работу. А теперь пришли вы, чтобы добыть себе славу... Так помогите нам, добудьте себе эту славу! Но если вы ее не добудете, тогда... тогда...»

— Дэрроу! Дэрроу!

Он оглянулся. Майор Хекель сбегал по парадной лестнице авиабазы и махал ему рукой. Проталкиваясь сквозь толпу покидающего авиабазу персонала, Дэрроу двинулся ему навстречу.

— Поздравляю вас, сэр, — сказал он майору.

— С чем же это?

— Я знаю, что вы назначены в звено «Добыча». Мускул под левым глазом у Хекеля слегка дрогнул.

— Да-да. Считайте, что мне повезло. Полагаю, они поняли, что мы, опытные пилоты прежнего состава, еще можем пригодиться.

Тут Хекель звонко рассмеялся, но, как он ни старался, смех все же прозвучал

фальшиво. Его глаз снова дернулся.

— Вы хотели мне что-то сказать, сэр?

— Ах да! — воскликнул Хекель. — Это вам.

Он вытащил из нагрудного кармана куртки официально оформленный конверт, скрепленный сургучной печатью, и протянул его молодому летчику. Фамилия Дэрроу была набрана крупным шрифтом на отрывной стороне конверта. Рука Хекеля заметно дрожала, когда он передавал документ.

Дэрроу взломал печать и вскрыл конверт.

— Это от Идса, — начал объяснять майор. — Я думаю, он понял, насколько все это несправедливо по отношению к вам, и решил... Конечно, такое назначение не вполне соответствует вашему потенциалу, но он сказал, что надеется, вам это подойдет.

— Он... Он назначает меня в Управление Полетами... Пилот-резервист первой очереди...

Дэрроу криво улыбнулся. Да, Хекель

был прав. Не вполне соответствует, но, с другой стороны, это означает, что он остается здесь, в Тэде, где наверняка и произойдут главные события.

— Спасибо, — сказал он.

— Я в этом деле всего лишь посыльный, — пожал плечами Хекель.

— Вы ведь замолвили за меня словечко, я уверен.

Хекель пожал плечами еще раз, но уже улыбаясь.

Затем выражение его лица вновь стало серьезным.

— Только между нами, Дэрроу. Вражеская авиация совершила вчера рейд над долиной Лиды. События развиваются намного стремительнее, чем можно было предположить. Космофлотчики решили, что им пригодятся местные эксперты, которые хорошо знакомы с топографией местности и могут точно направлять с земли их самолеты. Поэтому они попросили Идса остаться и консультировать их в Управлении Полетами. Он сказал мне, что ему, чтобы ассистировать, нужны несколько опытных

парней. Я тут же посоветовал вас и пару других летчиков, которых собирались отправить в резерв.

— Благодарю вас, сэр. Я никогда этого не забуду.

Хекель коротко кивнул:

— Я всего лишь стараюсь хорошо исполнять свои обязанности, Дэрроу.

— Пилот снял с плеча вещевой мешок и отдал честь своему бывшему командиру.

— Дэрроу, — задумчиво произнес Хекель, и на его лице вдруг появилось какое-то странное, никогда раньше невиданное выражение. — Дэрроу, как ты думаешь, они считают меня виновным?

— О ком вы говорите, сэр?

— О курсантах звена «Охота». Император хранит нас, но сколько же их погибло...

— Вы сделали все, что могли, сэр.

Хекель глубоко вздохнул:

— Ты знаешь, Дэрроу, это как раз то, что печалит меня больше всего.

Он поднял вещевой мешок и, хлопнув бывшего подчиненного по плечу, поспешил к ожидающим их военным транспортам.

Тэда. Южная ВВВ, 15.34

— Это правда, что он приносит несчастье? — спросил Милан Бланшер.

— Это вы о ком, сэр? — не сразу понял Хеллмен, главный механик.

Сейчас его команда не покладая рук работала в полутьме большого ангара, стараясь совершить невозможное и все же починить сожженную и разбитую «Громовую стрелу» Эспира. В ангаре стоял невероятный шум от трескотни зубчатых колес мощного храпового механизма.

— А вот он, — пояснила Джагди, указывая на покореженный самолет.

— Серийный номер Девять-Девять? — переспросил Хеллмен и покачал головой. — Если можно, мамзель командир, я бы воздержался от комментариев на эту тему.

Теперь уже Джагди покачала головой и вместе с Бланшером вышла из ремонтного эллинга. Поле аэродрома было свободно, если не считать самолетов звена «Умбра» и нескольких громыхающих перехватчиков Содружества, в данную

минуту выруливающих на взлет.

— Как Эспир? — спросил Бланшер.

— Можешь о нем забыть. Он теперь месяцами будет валяться в госпиталях. Даже если ему поставят аугметику, все равно — как летчику ему конец.

— Так что, значит, одного пилота мы уже потеряли?

— Боюсь, да. Я запросила Космический Флот, чтобы нам откомандировали кого-нибудь из резерва, но они ответили, что у них теперь каждый пилот на счету. Пришлют только в случае, если самолет сбит, а летчик спасся или обнаружены серьезные неполадки в его машине. Бог-Император! Ты понимаешь, Мил, линия фронта ужасно растянута. Вся имеющаяся в наличии техника, весь квалифицированный личный состав брошены в бой. Я думаю, наступают горячие деньки.

— Что ты имеешь в виду?

— Решающее сражение. Архенеми почувствовал, что Крестовый поход выдыхается. Что ударные силы Империума увязли в локальных сражениях, фронт

растянут. И вот — они атакуют здесь и в Геродоре. Таковы последние известия. Если одна из этих планет падет, то элитная группировка попадет в окружение, имперские силы будут обезглавлены. И тогда прощайте, военмейстер Макароф. Прощайте все, кто сюда приехал. Прощай, Крестовый поход! Как только линия фронта будет прорвана, они обложат нас со всех сторон.

— Не пора ли нам тогда уносить ноги? Она улыбнулась:

— Пусть каждый решает за себя.

— Что с Марквелом? Джагди пожала плечами:

— Все еще никак не может прийти в себя. Его весь день выворачивает наизнанку. Сейчас отмокает в душе вой. Я хотела дать ему таблеток для детоксикации, а потом подумала: какого черта! Мучительное похмелье — это то, что наш Император посылает как заслуженно наказание за проступок.

— Он винит себя за то, что случилось с Эспиром?

— Да, винит.

— Думаешь, заслуженно? — спросил Бланшер. Джагди лишь пожала плечами. Винтовые самолеты местной эскадрильи в этот момент отрывались от земли и полностью заглушили ее ответ.

— Извини, не расслышал. Не скажешь еще раз?

— Марквол напортачил. Он вел себя в бою как желторотый новичок и совершил почти все возможные в той ситуации ошибки. Эспир прикрывал его. Так что, пожалуй, да — заслуженно. Но вместе с тем он вполне приличный пилот. Уж я-то знаю это. Как бы то ни было, он нам нужен. Поэтому необходимо привести его в норму. Чтобы он был спокоен, уверен в себе, извлек уроки из прошлых ошибок.

— Ты так мне и не рассказала, как тебе тогда удалось его сюда притащить, — напомнил Бланшер.

— Не важно. Мне помогли. Не совсем так, как я хотела, но... В общем, это сработало.

Бланшер недоуменно пожал плечами.

— Когда-нибудь я тебе обязательно расскажу, — улыбнулась Джагди.

— Я вылетаю в восемнадцать тридцать, если мне память не изменяет, — сказал Бланшер.

— Правильно, а Лэрис выводит свою четверку в двадцать один ноль четыре. Мне же придется подождать, пока Марквола отпустит похмельный синдром.

— Что ж, тогда желаю мягкой посадки, — привычно попрощался Бланшер и трусцой побежал к своей машине, в которой он хотел протестировать еще кое-какие приборы.

«Как же мне надоело это пожелание!» — подумала Джагди.

Морская набережная Тэды. Дворцовый пирс, 15.50

Вечер в этот день наступил необычно рано, и мрачная полумгла опустилась на побережье. Казалось, назревает шторм. Всю эту неделю посетители не особенно жаловали закусочную на пирсе, а сегодня, когда с запада на город двинулись тяжелые тучи, в кафе и вовсе никто не пришел. Бека раньше обычного отослала Лет-рис домой

и уже собиралась закрывать заведение. Что ж, это внесет некоторое разнообразие в ее дневной распорядок. Несколько лишних часов для сна...

Она запирала дверь в кафе, когда вновь появился этот человек. Порывы шквалистого ветра с побережья били ей в лицо, развевали складки ее плаща, так что она даже не услышала, как он подошел.

— Ой! — Официантка подпрыгнула от неожиданности.

Это был тот самый летчик с печальным лицом, который никогда в жизни не пробовал крабов. Сейчас он кутался от ветра в тяжелую кожаную куртку.

— Вы что, уже закрываетесь? — спросил он.

— Вообще-то, да, — сказала она, убирая с глаз растрепанные ветром волосы. — Сожалею, но за сегодняшний день не было ни одного посетителя. Наверное, погода не располагает.

Он посмотрел на небо, как будто еще не успел этого заметить. Первые капли дождя уже падали на пирс.

— Понимаю, — удрученно произнес пилот. — Ну что ж, по крайней мере прогулялся. До свидания, мамзель.

— Подождите! — вдруг крикнула она вслед ему.

Бека укоризненно покачала головой. Она уже не раз обещала себе не быть слишком мягкой к другим людям, если это идет вразрез с ее собственными интересами.

— Вы, наверное, проголодались?

— Есть немного, — признался летчик.

Она снова открыла дверь:

— Заходите, пожалуйста. Я сейчас вам что-нибудь приготовлю.

— Но вы уже там все закрыли.

— Что ж, открою заново.

Бека накрыла Вилтри тот же столик, за которым он сидел вчера, а затем прошла за стойку, где сразу же принялась разогревать воду и просматривать кастрюли. Пилот заметил, что она так и не сняла табличку, которую повесила перед уходом. Для всех остальных кафе оставалось закрытым.

— Не знаю, как и благодарить вас... — начал он.

— Пустяки, мне это совсем не трудно. Вы, кажется, не едите рыбу, не так ли?

— Я даже не знаю...

— Считайте, что вам повезло. У нас сегодня была приготовлена соленая ветчина.

Между тем шторм приближался, и за окном стало темно как ночью. Беке пришлось зажечь масляные лампы, расставленные по углам кафе. Дождь уже вовсю барабанил по окнам и прозрачной крыше, потоки воды скатывались, создавая впечатление, что плавится само стекло. Даже казавшийся несокрушимым пирс стал слегка поскрипывать под натиском бушующих волн.

Беке никогда еще не доводилось оставаться на пирсе в шторм. Это оказалось довольно жутким испытанием, и какая-то ее часть снова пожалела, что она не проявила твердости и не ушла домой. Кафе, представлявшееся прежде таким милым, безмятежным местом, теперь вдруг оказалось в крайне ненадежном,

опасном положении посреди разбушевавшейся стихии. Это было все равно что сидеть в утлом суденышке, застигнутом штормом вдали от берегов.

Ее посетитель, однако, не проявлял никакого видимого беспокойства.

Бека принесла ему еду и напитки, а затем села с ним рядом.

— Вы летчик?

— Угу. — Он уже откусил кусок. — Это действительно очень вкусно. Я даже не представлял, что настолько голоден.

— Имперский Космический флот? — допытывалась она.

Он замотал головой и поднес к губам салфетку.

— Не совсем. Имперские ВВС фантина. Меня зовут Вилтри. Оскар Вилтри.

— Бека Мейер.

Он привстал и учтиво пожал ей руку:

— Благодарю вас за гостеприимство, тамзель, и за ту доброту, которую вы оказываете незнакомцу, прибывшему сюда из другого мира.

— Учитывая, что вы рискуете

жизнью, сражаясь за той мир, я думаю, тарелка ветчины и хлеба — это наименьшее, что вы заслуживаете.

Вдруг он перестал есть и нахмурился:

— Послушайте... Я уже не мог вас где-то видеть?

— Я была здесь вчера.

— Нет, не здесь. Где-нибудь в другом месте.

— В храме, несколько дней назад. Вы придержали для меня дверь.

— Да-да... Теперь я вспоминаю.

В этот момент особенно яростный порыв ветра заставил задрожать окна кафе, а дождь с удвоенной силой забарабанил по стеклу.

— Полагаю, этот пирс может выдержать любой шторм, не правда ли? — спросил Вилтри.

— Ну, думаю, он еще не скоро рухнет, — успокоила его официантка.

Прошло не менее часа, прежде чем шторм начал стихать, и уже можно было подумать о том, чтобы, улучив удобный момент, добежать по пирсу до город ской

набережной. Все время подливая ему в чашку кофеин, Бека болтала без умолку, перескакивая с темы на тему, как будто спешила высказать все, что накопилось у нее внутри за долгое время душевного одиночества. Вилтри же только слушал, словно боясь ее прервать. Сегодня у него был ужасный день: кошмарный воздушный бой, приступы панического страха... «Летучие мыши», казалось, были повсюду. Они беспрерывно атаковали их строй со всех сторон и в конце концов вынудили сбросить впустую весь бомбовый запас и повернуть назад, после чего имперских летчиков ждал долгий и опасный путь обратно на базу. Никаких целей они не поразили. Они их даже не видели. В том районе они вообще ничего не видели, кроме раскаленной, плавящей песок в стекло долины. Блюдо Песка — недаром она так называется. «Ореол» не потерял ни одной машины, но пять самолетов вернулись с серьезными повреждениями, а несколько летчиков были ранены. «У как Убойный» чудом дотянул до базы. Из-за каких-то неполадок с бомболюком он так и не смог

сбросить часть своего боекомплекта, и Вилтри серьезно опасался, что даже если он и долетит, то при первом толчке о землю будет уничтожен своими же бомбами. И все же ребята посадили свою птичку. Однако трем командам из бригады Эгсора, так же как двум другим из сопровождения «Громовых стрел», этого сделать уже никогда не удастся.

Некоторые пилоты, чтобы снять напряжение после воздушного боя, уходят в запой или предаются разного рода телесным удовольствиям, другие отводят душу, в мельчайших деталях расписывая все, что произошло, первому, кто им подвернется в общей комнате экипажа. Ни то ни другое не подходило Вилтри. В такие дни он всегда боялся, что, если он начнет говорить, ему уже будет не остановиться.

Но слушать эту незнакомую женщину оказалось удивительно приятно. Ее слова странным образом успокаивали больную душу, действуя как противоядие против того чудовищного напряжения, которое все никак не оставляло его после боя. Разговор

с ней помогал посмотреть на себя со стороны, напоминая, что Вселенная не замыкается на нем одном, намертво пристегнутом к креслу пилота и ежеминутно ожидающем рокового поворота Колеса Судьбы. Жизнь этой женщины, очевидно, тоже была очень нелегка. Она была вынуждена работать в две смены: днем здесь, а по ночам на военной мануфактуре. Приближение фронта очень тревожило ее. Закупать свежие продукты день ото дня становилось все труднее. Что, если кафе придется закрыть? У нее есть брат по имени Эйдо, который служит в сухопутных армейских частях. Вот уже более трех месяцев прошло после памятного сражения у Ворот Ульев Тринити, и с тех пор от него не было никаких известий. Но он скоро будет дома — она была уверена в этом. Каждый день она зажигала за него свечу в храме.

— Вообще-то, я зажигаю три: одну за Гарта, одну за Эйдо и еще одну за того, кому, быть может, это сейчас необходимо.

Вилтри улыбнулся:

— Я помню это. Извините за

любопытство, но кто такой Гарт?

— Мой муж, командир Вилтри. Он был летным офицером ПСО Содружества. Он не вернулся из полета над пустыней в позапрошлую зиму.

— Примите мои соболезнования, тамзель. Он числится среди пропавших без вести?

Бека отрицательно мотнула головой:

— Я могу убеждать себя, что мой брат все еще жив, потому что никто не может доказать обратное, но Гарта больше нет — это я знаю твердо.

Командование Содружества назначило ей пенсию как вдове летчика, павшего во время боевых действий, но, когда положение на фронте коренным образом изменилось, выплаты прекратились. Отсюда ее две работы, хроническое недосыпание...

Тут Вилтри заметил, что дождь утих и небо немного прояснилось. Они должны обязательно воспользоваться этим затишьем, иначе Бека непременно опоздает на свою смену в мануфактуре.

Официантка заперла двери кафе, и они поспешили по мокрому деревянному настилу в сторону набережной, где город в это время уже зажигал ночные огни.

День 255

Тэда. Южная ВВВ, 08.00

— Прибыл для дальнейшего несения службы, — доложил Дэрроу караульному в форме Космического флота, который преградил ему путь у входа в галерею с колоннами из прочнейшего металла.

Караульный ознакомился с письменным приказом о назначении Дэрроу и кивком дал понять, что тот может следовать дальше.

Глядя со стороны на здание Командного Центра Управления Полетами, можно было подумать, что это часовня Министорума, выполненная в тяжеловесном, причудливом стиле ранних веков. Однако если приглядеться, то многочисленные устремленные в небо шпили и флероны на самом деле оказывались медными радиодетекторными мачтами с электрофитовым покрытием, мощные арочные своды скрывали внутри пневматические глушители, так что

Центр Управления мог функционировать даже при бомбежке, а вместо сияющих многоцветных витражей в окнах можно было увидеть лишь толстые стальные ставни с дополнительным защитным слоем. Комплекс строений, в которых размещался Командный Центр Управления Полетами, занимал самую северную оконечность авиабазы и был окружен с трех сторон настоящим лесом из стальных мачт и башен воксовой, ауспексной и модарной систем связи. Земля там казалась буквально выжженной, а в наэлектризованном воздухе ощущалась опасная концентрация озона.

Войдя в главное здание, посетитель сразу оказывался под высокими сводами огромного атриума, свет в который проникал сквозь зарешеченные застекленные прорези в его куполе. Из этого зала можно было попасть в любой из многочисленных отделов Контроля Полетов. Мужчины и женщины в темной форме Космического Флота и Департаменте Тактикус деловито сновали туда-сюда, так как регулярные

сообщения в воксу с находящихся в воздухе самолетов заставлял их ежеминутно вносить изменения в оперативно-тактические данные. Дэрроу увидел эмалевые указатели на стене и, следуя им, вышел к ведущей вниз лестнице, по которой поднималось и спускалось много народу. Это было неудивительно, ведь главная часть комплекса Командного Центра Управления Полетами располагалась глубоко под землей, в камнебетонных бункерах.

Внизу было сыро и довольно прохладно и даже ощущался небольшой сквозняк из-за мощной системы кондиционирования. Дэрроу почувствовал легкий озноб и сразу пожалел, что не надел свою летную куртку, даже с той нелепой заплаткой на рукаве, которую он второпях поставил сразу после возвращения одежды в госпитале.

Он прошел несколько бронированных дверей и вышел еще к одному проверочному пункту, где ему пришлось выстоять очередь из нескольких человек, а затем под суровым взглядом трех дюжих караульных

терпеливо ждать, когда сервитор Мунитория проверит все его документы, идентифицирует его биометрические характеристики и только затем наконец выдаст служебный пропуск.

К удивлению Дэрроу, Иде встретил его у главной бронированной двери.

— Прибыл по вашему приказанию для дальнейшего несения службы, сэр! — отрапортовал он, отдавая честь.

— Что, теперь так отдают честь? — отозвался Иде. — Добро пожаловать в Командный Центр Управления Полетами, Дэрроу. Держись сегодня ко мне поближе, сынок, пока не поймешь, что к чему. Не стесняйся задавать вопросы: тебе предстоит узнать много нового. Если мне будет нужно, чтобы ты заткнулся, я так и скажу.

— Так точно, сэр.

Иде повернулся и, постукивая сенсорной тростью, прошел в главный зал Центра. Дэрроу последовал за ним.

— Будь готов, что все здесь будут обращаться к тебе «младший», даже я. Здесь ты не курсант летного училища, а

младший ассистент инспектора полетов.

Дэрроу уже открыл рот, чтобы задать вопрос, но Иде протянул руку и крепко сжал его запястье. Они только что вошли в святая святых Командного Центра, и в помещении сразу воцарилась напряженная тишина.

Дэрроу с любопытством оглядывался по сторонам. Командный Центр Управления Полетами оказался обширной подземной ротондой в три этажа глубиной. Ее стены опоясывали два яруса навесных помостов, причем, чтобы попасть на верхний, нужно было подниматься по чугунной лестнице. Консольные этажи были заполнены кабинами операторов Космического флота, а кое-где вместо них работали сервиторы, напрямую подсоединенные к интерфейсным гнездам дисплеев. Еще выше находился специальный помост, с которого старшие офицеры имели возможность наблюдать за тем, что происходит, и держать руку на пульсе событий. В центре зала был установлен огромный гололитический дисплей,

который со своей широкой, медной по краям базовой установки на целых шесть метров в высоту моделировал в пространстве мерцающую в воздухе анимационную картинку тактических операций. Вокруг него кольцом располагались полупрозрачные стеклянные щиты, на которых отображались данные с модарных систем. Возле каждого из них стоял серьезного вида дежурный офицер, держа наготове в правой руке стилус, а в левой — ластик.

Еще дальше от центра располагалось кольцо первичных диспетчерских пультов Контроля Полетов. Эти громоздкие установки для кодирования и декодирования сигналов прямо как надгробные плиты выступали из пола. Каждый пульт, в деревянном корпусе, но с выточенными из латуни деталями приборов, имел свой ламповый экран и небольшой гололитический дисплей, который дублировал большой центральный.

В данную минуту все операторы Командного Центра, кто сидя, кто стоя у

своих рабочих мест, молча склонили головы.

Какой-то представительный пастор, вероятно капеллан Космического Флота, в голубой сутане из голубого селпика, с оторочкой из соболиного меха, торжественно совершал таинство благословения авиабазы. Пока он вдохновенно говорил, одну руку прижав к груди, другую заложив за спину, остальные техножрецы обходили помещение и отправляли обряд помазания пультов управления, попутно окропляя святой водой из золотых ампул всех тех, кто хотел получить персональное благословение. Дэрроу обратил внимание, что за благословением подошли почти все, не исключая и представителей высшего командного состава.

— Да будет этот день благоприятен и успешен, — говорил пастор. — Пусть несгибаемая сила воли и кристальная ясность взгляда, которые подвластны нашему величественнейшему и славнейшему Императору — тому, кто является Богом-Императором всего

Человечества, — не покидают вас сегодня в вашей работе. Да будет Его слава жить в веках, а Он, как светоч, пусть озаряет нам дорогу во тьме! Заклинаю именем предвечного Золотого Трона и именем самого Императора — да исполнится Его святая воля!

Пастор осенил себя знамением аквилы, и каждый, кто находился в зале, повторил его жест.

Старший офицер, тот, кто находился сейчас на верхнем настиле, кивнул пастору и, обращаясь ко всем, громко провозгласил:

— Дневная смена началась! 255, 773.M41.

Все сразу же вернулись к активной деятельности. Перебивающие друг друга голоса диспетчеров и приглушенная перекличка далеких пилотов, доносящаяся из шумных воксов, слились в один неумолкающий гул. Со всех сторон теперь слышался пронзительный стрекот металлических клавиш под проворными пальцами операторов. Иде кивком дал знак Дэрроу следовать за ним.

В распоряжении Идса, как инспектора полетов, был один из первичных диспетчерских пультов. Дэрроу помог ему сесть в кресло с высокой спинкой и поставил его сенсорную трость так, чтобы она всегда находилась под рукой.

— Главный штекер коры головного мозга и контакт техночтеца, пожалуйста, — попросил Иде, как только устроился поудобнее.

Дэрроу обернулся и снял два подводящих кабеля, которые были закреплены на боковой панели деревянного корпуса пульта. Он передал их Идсу. Тот, ощупав кончиками пальцев штекеры, по выступающим идентификационным маркерам разобрался, какой из них к чему относится, и вставил контакт коры головного мозга в специальный разъем, вживленный глубоко под кожу за левым ухом, а второй, с которого свисала иссохшая этикетка из пергамента, скоро оказался уже в другом аналогичном гнезде, которое находилось под самой линией его волос у основания черепа. Дэрроу видел, как Иде слегка поморщился от боли, когда

подключал их.

Пульт управления сразу ожил. Голографический дисплей зажегся и начал вращаться, а на затерцавшем экране появился разворачивающийся список оперативных данных, только что полученных в виде радиосигналов. Дэрроу знал, что его начальник сейчас видит все это внутренним зрением. Иде погрузился в изучение особенностей текущей оперативной ситуации.

Дэрроу еще раз осмотрелся. Рядом с каждым инспектором полетов находился как минимум один младший ассистент. Все другие инспектора были зрячие, хотя один и пользовался довольно громоздкой аугмети-ческой оптикой. Вместе с тем Дэрроу заметил, что многие стимулируют свое зрение, подключив специальный кабель к коре головного мозга.

— Воксовый микрофон, пожалуйста, — попросил Иде.

Дэрроу также нашел его на боковой панели пульта, размотал шнур и помог Идсу надеть комплект так, чтобы наушник располагался точно у уха, а

микрофон у губ.

— Говорит Идс, семь тысяч пятьсот тринадцать, — сообщил тот негромко. — Теперь за диспетчерским пультом буду я.

В ответ из вокса послышался нестройный хор отзывающихся пилотов. Пальцы Идса привычно забегали по механической клавиатуре. Оперативные данные на экране стали меняться, но адаптер, подключенный к коре мозга, точно отображал всю информацию, которая поступала на диспетчерский пульт, так что Иде был постоянно в курсе событий.

— Дайте метеорологическую картинку, пожалуйста, — попросил он по внутренней связи.

Словно из ниоткуда, над гололитическим дисплеем появилось голубоватое трехмерное изображение.

— Теперь схематическое изображение тактической... намечаемой тактической операции.

На объемном изображении появились новые изменения, новые наложения. Жирные желтые линии изображали

планируемый маршрут летного звена, красным пунктиром обозначались возможные варианты развития операции, а мигающие зеленые значки в виде рун указывали на местоположение самих самолетов в настоящее время.

— Если у тебя есть желание послушать, то тут имеется еще один комплект воксовой связи, — заметил Иде.

Дэрроу сразу же воспользовался такой возможностью. Но единственным, что он услышал, когда надел наушник, был бессмысленный набор звуков живого и механического происхождения: шум при переводе радиосигнала в «цифру», бинарные коды, атмосферные свистящие помехи, накладываясь одно на другое, почти полностью заглушали голоса пилотов.

— Можно использовать регулятор, чтобы убрать помехи, — объяснил Иде. — Поначалу это кажется не много хаотичным, но со временем ты научишься дифференцировать шумы и настраиваться на нужную волну. Следующие два часа нам предписано осуществлять контроль над двумя

группами истребителей — звеньями «Умбра Четыре-Один» и «Умбра Четыре-Два». Все параметры боевого задания выведены на экран.

От неожиданности Дэрроу занервничал и стал внимательно изучать детали задания, стараясь ничего не упустить из виду. Итак, две группы перехватчиков, по четыре машины в каждой, собираются пересечь Полуостров в направлении верховьев Лиды. Цель — разведка и преследование возможных нарушителей. Время старта — восемь пятнадцать.

Он бросил взгляд на медный хронометр, вмонтированный в верхнюю панель диспетчерского пульта.

Сейчас он показывал восемь четырнадцать.

Тэда. Южная ВВВ, 08.15

— Ремни затянули? — крикнул Рэкли, стараясь перекричать все усиливающийся гул турбореактивных двигателей.

Марквол кивнул. Тогда Рэкли сделал

пальцами знак «о'кей» и приказал наземной команде механиков удалиться. Они сразу попрыгали с самолета, тут же отсоединяя и складывая последний подававший горючее шланг и отгоняя в сторону пусковую трансформаторную тележку. Один техник уносил с собой большую желтую стремянку, которая служила летчикам для подъема в кабину.

Теперь из-за шума моторов уже совсем ничего нельзя было расслышать, и, склонившись над кабиной, Рэкли, глядя на Марквола, лишь похлопал себя по ушам и губам.

Марквол понимающе кивнул и включил вокс.

— Проверка связи, проверка связи, — вызывал он ведущего группы. — Говорит «Умбра Восемь». «Умбра Восемь». Как меня слышно? Прием.

— «Умбра Восемь», говорит ведущий. Вас слышно хорошо. Марквол, у тебя все в порядке?

— Так точно, мэм. На полосе зеленые огни. Повторяю: зеленые огни. Полностью готов к взлету.

— Ждите команды, Восьмой.

Марквол осенил себя знаком аквилы и повернулся к Рэкли. Он поднял большой палец, и главный механик, довольно улыбаясь, отдал ему честь и закрыл капсулу кабины. Тотчас природа шума изменилась. Стоны реактивных турбин звучали теперь приглушенно, но Марквол сразу же оказался в замкнутом пространстве, где вовсю резонировали ультразвуковые вибрации.

Молодой летчик проверил замки кабины, а затем весь согнулся, встав почти на колени, давая таким образом условный сигнал своему главному механику. В ответ Рэкли кивнул и, спрыгнув с самолета, побежал за обложенную мешками с песком стену укрытия.

— Говорит «Умбра Восемь». Закрыл кабину и готов к взлету.

— Вас поняла, Восьмой.

— «Умбра Десять» готов.

— «Умбра Семь» ждет команды на взлет.

— Всем ждать команды, — повторила

Джагди. — «Четыре Два» взлетает перед нами.

Из вокса донеслась оживленная многоголосица летчиков взлетающей группы. Затем гул реактивных двигателей вновь почти оглушил Марквола, несмотря на то что его кабина была закрыта, а на голову надет плотный летный шлем. Все четыре «Громовых стрелы», стоявшие по соседству, разом вертикально поднялись со своих долговременных стоянок. Пространство под каждой из них после включения направленного ускорения, казалось, буквально раскалилось от бурного реактивного выхлопа. Асче, Кордиаль и Ранфре — соответственно Четвертый, Одиннадцатый и Двенадцатый номера звена — под началом Бланшера входили в боевой состав «Умбры Два».

Ведомые опытным командиром, они взлетали, постепенно набирая горизонтальную составляющую своей скорости. Держась плотной группой и понемногу поворачивая направляющие сопла, они поднимались все выше и летели

все быстрее. Когда же их самолеты вылетели за пределы аэродрома, главные сопла вспыхнули ярким желтым светом, что могло означать только включение максимального ускорения. Теперь самолеты «Умбры Два» стали стремительно уменьшаться в размерах, удаляясь и взмывая в самую высь.

— Вызываю Центр Управления Полетами. Говорит ведущий «Четыре-Один», — услышал Марквол голос Джагди. — Прошу разрешения на взлет.

— Вызываю ведущего «Четыре-Один». Говорит Центр Управления. Ваш коридор свободен, можете взлетать немедленно. Доброй охоты!

— «Четыре-Один», говорит ведущий. Мы взлетаем.

Марквол открыл газ и сразу почувствовал, как его машина задрожала, будто разъяренный зверь. Теперь Ускорение на максимум. Пилот почувствовал легкое колебание корпуса, когда «Пятно» оторвалось от своей стоянки. Даже отдавая себе отчет, что это съедает массу лишнего горючего, Марквол все

равно всегда предпочитал взлетать, используя сопла с направляемым вектором тяги. Он просто терпеть не мог пусковые установки и тот пренеприятнейший толчок, который ощущаешь когда самолет ракетой взлетает со стоянки. Внутренне юноша поблагодарил судьбу, что на аэродроме в Тэде еще не успели возвести ни одной такой установки.

Выравнивая положение своей «Стрелы», которая уже успела взмыть над аэродромом, летчик огляделся по сторонам. Слева от него поднималась «Умбра Десять», и Марквол улыбнулся, представляя, как гремят гирлянды амулетов на шее Земтика. Справа строго вертикально взлетала Джагди, а еще на два корпуса в сторону — Кловин. С высоты сорока метров Маркволу представился превосходный вид всей авиабазы.

— Подождите пока взлетать, — предупредил из вокса голос Джагди.

Если Бланшер любил элегантный, академичный взлет, когда самолет, медленно поднимаясь с аэродрома, постепенно набирал горизонтальную

составляющую скорости, то Джагди предпочитала стремительный, захватывающий дух старт. Команды механиков знали это и уже давно убежали в бункеры.

— Подождите...

Высота — пятьдесят метров.

— Теперь за мной! Цепью! Полное ускорение! — приказала Джагди.

Она только что резко повернула сопла реактивных турбин, настроив их на горизонтальный полет, и теперь ее машина с диким ревом устремилась вперед, пересекая поле аэродрома на высоте не более пятидесяти метров. За ней тут же последовал Кловин. Затем Земтик. Марквол плавно надавил на газ, и его самолет пулей понесся за ними.

Взлетно-посадочные полосы замелькали, словно их показывали в ускоренном изображении на экране. Колоссальная инерция вжала Марквола в кресло. Заставив работать двигатели в полную мощность, звено промчалось над «мертвым пространством» за пределами аэродрома и уже почти достигло скорости

шестисот километров в час, когда самолеты, наконец построившись, начали подъем.

— Говорит ведущий «Четыре-Один». Мы вылетели за пределы авиабазы. Сейчас поднимаемся на высоту пять тысяч. Курс — юго-запад, десять-восемь-четыре.

— Десять-восемь-четыре. Вас понял, ведущий, — отозвался диспетчер Управления Полетами. — Неплохой старт. Посмотрим, может, мы еще простим вас за этот звон в ушах.

— Вас поняла, Центр Управления. Быстро взлетать, быстро улетать — это то, чему нас учили в том мире, откуда мы родом.

— Теперь понятно. Чему еще вас научили в том мире?

— Сбивать «летучих мышей».

— Вас понял, лидер. Рад это слышать. Поднимайтесь на высоту девять тысяч и следуйте курсом на юго-запад, одиннадцать-восемь-пять.

— Одиннадцать-восемь-пять. Все ясно. Четыре-Один, проверка связи.

— Говорит Четыре-Один Седьмой.

Следую строго за вами.

— Десятый Четыре-Один на связи. Нахожусь позади вас с левого крыла. Отличный денек выдался, не правда ли?

— Небо чистое как стеклышко, Земтик. Наверное, благодаря твоим амулетам.

Марквол поправил свою маску пилота с микрофоном:

— Говорит Восьмой «Четыре-Один». Иду справа от вас.

— Держись ближе, Марквол. Скоро поднимется бриз.

Да, в прошлый раз так и было. Он это помнил, но на всякий случай хотел, чтобы командир еще раз сказала об этом.

Он наломал дров в свой первый вылет. Та жуткая картина, где Перс Эспир, весь окровавленный, сидел в своей раскуроченной кабине, никак не шла у него из головы. Этот образ теперь не оставлял его ни днем ни ночью.

Однако Джагди не отказалась от него. Значит, он может летать. Он ведь с фантина...

Сейчас он отдал бы все на свете,

только бы не напортачить во второй раз.

Район Внутренней пустыни. «Орлиное гнездо» летного эшелона Натраб, 08.16

Сверкая на солнце безобразными наростами своих конечностей, рабы-сервиторы вынесли Обаркона на отполированных до блеска, крытых балдахином носилках на передовую площадку мобильного аэродрома. Его уже готовый к вылету жемчужно-белый истребитель стоял рядом в пусковой установке, поблескивая идеальной поверхностью фюзеляжа в палящих лучах солнца пустыни.

Сервиторы жалобно пропели литанию о неотвратимом роке и неутолимой жажде крови. Небесный Воин Крел Кае Обаркон блаженно улыбался. Наконец носилки остановились. Обаркон отсоединил тяжелые золоченые трубки, подключающие его тело к стимулятору жизнедеятельности, с которым он никогда не расставался, и, сняв летный шлем, закрепил его на специальном кронштейне.

Затем он распахнул шелковые драпировки балдахина и сошел на раскаленную солнцем палубную поверхность. Высокий, худой, весь до подбородка закованный в черные, начищенные до блеска гравитационные доспехи, он поднял вверх свои тонкие руки, похожие на паучьи лапки, — и все рабы сразу же попадали на колени.

Солнце стояло еще довольно низко, и поэтому огромный передвижной аэродром до сих пор продолжал медленно перемещаться по дюнам, так что платформа под ногами Обаркона слегка покачивалась.

Небесный Воин взмахнул скелетообразной рукой, и один из сервиторов тут же подбежал к нему с громкоговорителем. Богато украшенный гравировкой, он был выполнен в виде колокола из чистого золота, стоящего на бронзовой подставке. Обаркон поймал свисающий с него контактный кабель и подсоединил к специальному порту, вживленному под гортанью.

— Пятый эшелон! — Его искаженный

переводом в цифровой формат голос прогремел над верхними и нижними пусковыми палубами Натраба. — Вы, кто предан Анарху и присягнули на верность Секу! Слушайте меня!

Вдоль всех начищенных палуб мобильного аэродрома, у своих боевых машин в пусковых установках, стояли по стойке «смирно», затаив дыхание, шеренги небесных воинов пятого эшелона. Их рабы-носильщики в это время уже прятались в бронированные укрытия.

— Анарху было нужно, чтобы мы были здесь, — и вот мы здесь! Кто сегодня найдет свежую кровь в небе?

— Мы найдем! — раздался оглушительный рев.

— Кто сегодня пополнит свой личный счет?

— Мы! — прогремел ответ, так что затряслись палубы аэродрома.

— Кто обагрит кровью врага эту землю?

— Мы!

— Тогда по машинам, верные бойцы своего предводителя!

Поднялся невообразимый шум одобрения, и небесные воины заковыляли к ожидающим их «летучим мышам». Обаркон вырвал из разъема микрофонный кабель и без посторонней помощи направился к своей «Адской бритве». Он намеренно поступал так каждый раз, хотя и знал, что даже десяти минут не сможет прожить без стимулятора жизнедеятельности организма. Тем самым он демонстрировал свою силу воли, что неизменно приводило в восхищение его подчиненных.

Сервиторы подняли Обаркона в кабину самолета; там он сразу же автоматически подключился к разным системам жизнеобеспечения и только тогда вздохнул с облегчением, когда аугметика «Адской бритвы» вновь стала регулировать все жизненно важные функции его организма.

Несколько контактных кабелей были подключены к позвоночнику Обаркона, и теперь заработали системы слежения и оповещения, мгновенно передавая на кору головного мозга всю информацию о

количестве горючего в баках, боезаряда в бомбовом отсеке и энергии в пушечных батареях. Глаза же его стали смотреть сквозь оптические прицелы орудий.

Капсула кабины закрылась, и Обаркон тут же оказался в полной темноте.

Зато дисплеи со всей необходимой информацией зажглись перед его внутренним взором.

— От машины! — раздался его приказ.

Стало слышно, как жалобно завыли турбины. Этот звук становился все более пронзительным, пока вдруг не перерос в громовой раскат.

— Зажигание! — скомандовал Обаркон.

Ионовые катапульты мгновенно пришли в действие, и их мощный разряд потряс платформу аэродрома. Жемчужно-белый самолет, изрыгая огонь, с чудовищной силой был выброшен из пусковой установки в синеву неба. Только благодаря гравитационным доспехам Обаркон не был раздавлен в своем кресле пилота. Следом за ним, словно выпущенные из лука стрелы, полетели над пустыней двадцать изящных разноцветных машин.

Некоторые из них были малиновыми, некоторые розовато-лимонными, но попадались и серебряного, и черного цветов.

Они выстроились в боевой порядок вокруг главного самолета, когда их предводитель повернул на запад, в сторону гор. Обаркон переключил свое внутреннее зрение на дисплей заднего вида, где мобильный аэродром Натраба все быстрее уходил вдаль. Его гигантские размеры всегда восхищали Обаркона. Настоящий левиафан! Не менее километра в длину, весь ощетинившийся орудийными гнездами, он медленно полз по бескрайним песчаным дюнам, перекатываясь на пятиметровых колесах двухосных повозок, которых под ним было не менее сотни.

Таково было могущество Анарха и того мира, которому он, присягая, поклялся служить. Точнее говоря, Верховного Архона этого мира, благословенного Гаура.

— Слушай меня, эшелон! — произнес он, включив систему общей связи. — Пришло время убивать!

Морская набережная Тэды. Дворцовый пирс, 09.12

— Что-то вы рано сегодня, — заметила Бека.

Вилтри пожал плечами:

— Вылет отменили. Нашли какие-то неисправности, всякое такое. Теперь чинят. Может быть, в полдень...

— Позавтракаете?

— Пожалуй.

— У нас сегодня вареные яйца. Вы ведь едите яйца, не правда ли?

— Это не рыбьи яйца?

— Нет-нет, самые обычные, куриные.

— Тогда давайте.

— Садитесь, пожалуйста.

Вилтри прошел к своему любимому столику. В кафе сейчас было довольно много посетителей. Были пожилые люди, пришедшие, по своему обыкновению, из дома позавтракать, но были и группы рабочих мануфактуры, которые теперь налегали на горячие блюда после тяжелой ночной смены.

Пилот уселся и взглянул в окно. На

бледном небе почти не было облаков — сильный ветер с раннего утра разогнал их. Море сегодня выглядело довольно мрачно. На его бегущих к берегу темных волнах то и дело появлялись белые барашки.

Вполне приличная погода для летчика.

— Ты что, уже успела познакомиться с ним? — спросила Летрис, с сомнением глядя на Вилтри.

— С кем?

— Да с тем психом. Летчиком.

— А... Да, — сказала Бека, поворачивая на плите кастрюлю. — С ним все в порядке.

В небе над долиной Лиды, 10.01

Вызов из Командного Центра Управления Полетами поступил, когда Джагди уже собиралась минут через двадцать разворачивать свою группу обратно на базу. «Атакован воздушный транспортный конвой. Срочно требуется поддержка». Согласно электронной диаграмме, вся эта заваруха случилась не далее пятнадцати километров к югу от них. Услышав сообщение Джагди, летчики

сразу же повернули на максимум ручки подачи топлива, и их самолеты на предельной скорости понеслись вдоль долины. Четверка Бланшера также получила задание оказать им поддержку. Его группа в это время осуществляла патрульный облет в сорока километрах к северу.

Марквол нервно сглотнул, стараясь не выбиваться из строя. Сейчас они были на высоте четыре тысячи метров и гнали свои машины на скорости две тысячи сто — две тысячи двести километров в час. Земля стремительно проносилась под ними. Вот они пролетели над группой разбросанных сельскохозяйственных станций, затем над каким-то маленьким городком. А вот показалась цепь заброшенных химических заводов. Долгие годы их функционирования не прошли бесследно, и теперь весь бассейн реки был «украшен» фиолетово-розовыми разводами. Неожиданно прямо по курсу боевых самолетов появился густой столб черного дыма. У Марквола снова пересохло в горле.

— Подготовиться к прицельной

стрельбе! — приказала Джагди по воксу.

Марквол одним ловким движением руки активировал систему наведения и выровнял прицел.

— Основные орудия к бою!

На этот раз он не допустит глупых ошибок. Марквол осторожно щелкнул продолговатой кнопкой активации пушек, которая находилась сразу за панелью управления лазерным вооружением самолета.

Звено транспортного конвоя состояло из шести супертяжелых грузовых самолетов Космического Флота класса «Онеро», совершающих свой рейс под прикрытием шести «Молний». Вся группа летела, чтобы оказать помощь сухопутным силам Содружества, которые теперь отступали через пустыню и отчаянно нуждались в горючем. Заправленные тоннами вязкого прометия и других горюче-смазочных материалов, эти громыхающие шестимоторные транспорты казались удивительно неповоротливыми и представляли собой легкую мишень для авиации Архенеми.

«Умбра Четыре-Один» попала на нечто, что со стороны выглядело как пиршество стервятников. Один из транспортов уже был сбит, и в результате его падения Ужасный огненный смерч охватил огромное пространство долины — никак не менее квадратного километра пахотной земли. Клубы густого черного дыма — вот и все, что можно было рассмотреть, когда они приблизить к месту его падения. Оказалось, что еще у одного грузового самолета горит мотор и теперь он катастрофически теряет высоту. Кроме того, по меньшей мере три «Молнии» из группы сопровождения уже были выведены из боя.

С другой стороны, не менее пятнадцати черных и малиновых «летучих мышей» вились вокруг боевого порядка конвоя, неизменно уходя от трассирующих очередей, которые выпускали из своих турелей воздушные транспорты. «Адские бритвы»... Еще до того, как группа Джагди приблизилась на расстояние выстрела, Марквол стал

свидетелем того, как угольно-черная «Бритва» зашла на атаку и выпустила лазерный разряд в серебристый бок замыкающего строй «Онеро». Транспорт подбросило высоко вверх, и затем ослепительная вспышка белого пламени, по яркости не уступающая блеску солнца, заставила летчика зажмуриться от боли в глазах. Температура взрыва была настолько чудовищной, что не уцелел ни один обломок, ни один кусок обшивки самолета конвоя.

Запищал вокс. Послышался жесткий и уверенный голос Джагди. Всего несколько слов:

— Теперь рассыпайтесь и атакуйте!

Земтик заложил вираж влево. Кловин — вправо. Марквол оставался на семь часов от Джагди, до тех пор пока они шли в самый центр сражения. Затем он резко ушел сторону, и она исчезла из виду. Пространство вокруг, казалось, было наполнено самолетами и тем, что они оставляли после себя: следами инверсий, дыма, выхлопных газов... Слишком много, чтобы за всем уследить. Но нужно было

сфокусироватьвнимание,
сконцентрироваться на «летучих мышах». Причем не на всех, какие попадали в поле зрения, а лишь на тех, чья скорость и угол по отношению к самолету Марквола давали ему возможность приблизиться к ним.

Две «Бритвы» слева неслись встречным курсом... Нечего даже думать о них. А вот еще один вражеский самолет, ярко-красный, круто взмывает вверх. Эх! Его сейчас не перехватишь... Так, какая-то машина на де сять... Нет, это «Молния» — вон как солнце сверкнуло на алюминоидной обшивке, когда она повернулась боком. Только не расслабляться. Нужно все время маневрировать, уходить в стороны, ускоряться... Если ты за пять секунд никуда не свернул, считай, что повесил здоровенную мишень себе на задницу.

Так любил говорить Хексан, его престарелый инструктор, когда Марквол еще учился в сколате. Он тогда заставил ученика повторять эти слова как мантру... Старый черт! Вот и сейчас молодому летчику показалось, что он

слышит хриплый голос учителя у себя за спиной.

Теперь внимание! «Летучая мышь»! Марквол заложил вираж, собираясь начать атаку, но все без толку — противник рванулся в сторону и затем развернулся в противоположном направлении. Ну и ладно! Вот еще одна «Бритва»... Но Кловин уже у него на хвосте. Марквол видел, как носовая часть «Умбры Семь» сверкнула, выпустив разряд лазерной пушки. Интересно, конечно, попал он или нет, но на таких скоростях разве проследишь... Самолет Марквола уже пронесся мимо, и теперь, когда он ушел далеко в сторону, ему пришлось снова разворачивать машину. Выполнив этот маневр, пилот неожиданно оказался прямо под грузовым транспортом, чьи проклятые турели тут же повернулись в его сторону и, открыв по нему огонь, едва не разнесли своими желтыми трассами хвост «Стрелы».

— Свои! Свои! — что было сил заорал Марквол в вокс, прекрасно понимая, что на его крик, скорее всего, никто не обратит

внимания.

Обезумевшие стрелки в транспорте сейчас готовы были палить даже по птицам.

Он положил самолет на крыло, готовясь выполнить очередной разворот, но тут малиновая «летучая мышь» пронеслась прямо по его курсу. Что тут долго думать? Марквол мгновенно надавил большим пальцем кнопку активатора стрельбы и тут же почувствовал, как его машина — «Пятно», как ее теперь называли, — содрогнулась, выбросив языки огня из орудий. Попал ли он? Шансов на это было немного. Но молодой пилот и не расстраивался. Главное — теперь он в игре!

Джагди не могла видеть самолет Марквола. Однако сейчас она не слишком беспокоилась на его счет. В воздушном бою нет места для маменькиных сынков. Они вели сражение со значительно превосходящими силами противника, чьи самолеты ничуть не уступали в скорости и огневой мощи «Громовым стрелам». Как только командир спикировала и произвела

разворот, ее машина оказалась точно на хвосте у «летучей мыши», но, так как та уже набрала значительную скорость, а «Стрела» только выходила из разворота, вражескому самолету с легкостью удалось уйти из зоны обстрела, прежде чем Джагди успела открыть огонь.

Она рванула рычаг управления, чтобы повернуть влево, и в этот момент увидела, как алая «Бритва» молнией мелькнула под ее машиной. Чужак преследовал одну из «Молний», все время держась на шесть часов к ней. Самолет Космического флота делал все возможное, но никак не мог оторваться.

Джагди пришлось почти выполнить мертвую петлю, чтобы пристроиться за ними следом. Угол наводки был крайне мал, и поэтому она, решив пока не растрачивать заряды, положила самолет на крыло и снова развернула так, чтобы можно было удобно сесть на хвост «Бритве».

Наверняка ее заметили, потому что вражеский самолет отчаянно рванулся в сторону. И тут снова сработал

неослабевающий инстинкт боевого летчика. У Джагди был просто прирожденный дар предвидения. Впрочем, она легко находила этому простое логическое объяснение. Обычно она предугадывала действия противника, всего лишь представляя себе, как бы сама поступила на его месте. Бланшер однажды заметил, что если это все так просто, то почему же ни у кого из всей бригады это не выходит так здорово? Как только «Бритва» отклонилась в сторону, туда же под тем же самым углом отклонилась и Джагди. Прогремели два мощных выстрела. Сверкнули четыре лазерных разряда, и все попали в вентиляционные отверстия моторного отсека врага. И вот уже густое облако обломков, возникшее на месте чужого самолета, с шипением разлетелось по сторонам.

Джагди слышала, как мелкие куски металла выбили дробь на корпусе ее машины, когда она пролетала через огненную воронку, образовавшуюся в небе после взрыва. Тотчас же послышался сигнал системы слежения, который

предупредил ее о приближении противника. Похоже, кто-то подлетел сверху. Несколько ярко-розовых трасс прошили небо совсем рядом с бортом «Стрелы». Лишь на мгновение подключив сопла направленного вектора тяги, Джагди отклонилась в сторону, и преследовавшая ее «летучая мышь» на полной скорости пронеслась мимо.

Тут появилась еще одна, нет, даже две: одна — красного, другая — розовато-лилового цвета. Обе помчались к грузовому транспорту, у которого горел двигатель. Тяжеловесный «Онеро» был уже прострелен во многих местах, и из его дыр потоками лилась горючая смесь.

— Ну нет, — прошептала сквозь сжатые зубы Джагди, — этого не будет.

Она круто развернула самолет, ощутив на себе многократную перегрузку, от которой захрустели кости. Сжавшись в позу «замка» и мыча от чудовищного напряжения, она тем не менее уловила момент, когда одна из «летучих мышей» попала в перекрестье ее прицела. Угол для наводки был очень острый, но все же пилот

выпустила несколько разрядов. Длинный пульсирующий след от выстрела лазерной пушки прорезал небо, и Джагди увидела, как красная «Бритва», потеряв кусок крыла, завертелась волчком и круто ушла куда то в сторону, очевидно стремясь выйти из боя. Ее розовато-лиловый напарник рванулся вниз, а затем пошел на разворот, что должно было заставить его пилота перенести предельные нагрузки.

И вдруг он взорвался. Один большой взрыв, который буквально потряс все небо, разнес «Бритву» на неравные части, а два других, поменьше, превратили то, что от него осталось, в мелкую металлическую пыль.

Это уже подоспел истребитель Милана Бланшера, который со свистом пронесся под «Громовой стрелой» Джагди.

Звено «Умбра Четыре-Два» вступило в бой.

Тэда. Южная ВВВ, 10.07

Необычная тишина воцарилась над залом-ротондой Командного Центра Управления Полетами. Где был

единственным инспектором, у которого контролируемые им самолеты вели сражение. Остальные, не покидая своих рабочих мест, в данный момент неотрывно смотрели в его сторону. Дэррой почувствовал, что сейчас они с начальником оказались в центре внимания. Один из старших офицеров подошел к диспетчерскому пульту Идса.

— Доложите обстановку.

— «Умбра Четыре-Один» и «Умбра Четыре-Два» вступили в бой. Получены подтвержденные данные о шестнадцати самолетах противника. Как сообщается, четыре из них уже сбиты.

Эти слова вызвали некоторое оживление в зале Центра.

— А каково положение транспортного конвоя? — спросил старший офицер.

Офицера звали Бэнзи. Он не отличался высоким ростом, в обычное время любил пошутить, а сейчас был затянут в пурпурную имперскую форму с высоким стоячим воротником.

— Два авиатанкера уничтожено. Один получил серьезное повреждение.

Также сбито три самолета сопровождения.

Голос Идса звучал слабо и отстраненно. При этом казалось, что он смотрит куда-то вверх, в пустое пространство, одновременно анализируя все новые данные, которые уже переполняли его голову. Его руки над пультом дисплея ни на секунду не останавливались, постоянно что-то исправляя, переписывая... Сразу перед пультом Идса расположилась дежурная женщина-офицер, которая, стоя со стилусом у стеклянного щита, безостановочно вносила изменения в данные, полученные по модарной связи.

Только теперь Дэрроу понял, почему в Командном Центре поддерживается столь низкая температура. Здесь ни у кого не было ни малейшей возможности задремать или расслабиться. Таким образом, полностью исключалась вероятность ошибки по причине ослабленного внимания.

— Как вы оцениваете ситуацию? — спросил Бэнзи Идса.

— Положение очень тяжелое, —

ответил тот. — В этом районе сейчас есть кто-нибудь?

— Запрашиваю возможные варианты подкрепления! — крикнул Бэнзи в зал. — Быстрее! Дорога каждая минута!

— У меня в воздухе Сорок четвертая авиабригада. Шесть машин, четырнадцать минут лета, — отозвался инспектор с соседнего пульта.

— Нет, старший офицер, — пробормотал Иде. — Слишком долго...

В воздухе Сто первая! Четыре машины сейчас пролетают через северный отрог Маканайтских гор. Три минуты лета, не больше!.. — крикнул какой-то инспектор с другого конца зала.

— В каком они состоянии?

— Они в воздухе двести минут и один раз уже вступали в бой. Но если мы пошлем им вызов, то на пять минут сражения их вполне может хватить.

— Что, больше никого? — спросил Бэнзи, обращаясь к залу.

Как оказалось, никто из находящихся в воздухе бригад не мог достичь места сражения быстрее четырнадцати минут.

— Что скажете, инспектор? — обратился старший офицер к Идсу.

— Только что выведена из строя еще одна «Молния», сэр, — сказал тот. — И... это пока еще не подтверждено, но, возможно, мы также потеряли самолет из звена «Умбра». Все — я запрашиваю подкрепление.

Бэнзи кивнул и, бросив взгляд поверх голов притихших операторов, крикнул на другую сторону зала зычным голосом летного инструктора:

— Посылай вызов! Направь их туда, будь так любезен.

Дэрроу тут же увидел, как сидящий на противоположной стороне инспектор полетов стал лихорадочно вызывать контролируемую им бригаду:

— Сто первая, Сто первая, вызывает Центр Управления. Сейчас вы получите инструкцию, которую надлежит исполнить. Пожалуйста, подтвердите получение электронной диаграммы.

В ответ из вокса послышалось какое-то неясное журчание, и дежурный офицер, стоящий перед инспектором, стал что-то

быстро чертить на стекле демонстрационного щита.

Затем Дэрроу услышал, как инспектор сказал:

— Вас понял, «Апостолы». Уверен, они будут рады увидеть вас.

Апостолы! Святой Трон! Сердце у Дэрроу готово было выпрыгнуть из груди. Он обернулся и увидел, что на лбу Идса выступили капли пота.

Только что получено подтверждение, — объявил слепой инспектор. — Мы действительно потеряли один из самолетов звена «Умбра».

В небе над долиной Лиды, 10.08

— Где Кловин? Где Кловин? — кричала Джагди в вокс, срывая голос.

Она заметила, как какой-то самолет камнем пошел вниз и поднял настоящий огненный смерч среди гидропонных водоемов внизу. Кажется, это была «Громовая стрела»...

— Я его не вижу, — отозвалась Асче.

— Его нигде нет, — вторил ей

Ранфре.

— Трон! Это что за вечеринка такая?! Куда ты нас привела?! — истошно вопил Кордиаль.

Кордиаль находился сейчас несколько левее и ниже, и Джагди видела, как, закладывая сумасшедшие виражи, он отчаянно пытается уйти от севшей ему на хвост «летучей мыши». Все небо вокруг было прошито трассами и нитями лазеров. Ведущий пилот уже израсходовала свой лазерный заряд и теперь переключила активатор стрельбы на тяжелые орудия. Бросив машину в пике, она заметила, как впереди мелькнуло что-то белое и изогнутое. Этот самолет наискось пересек ее курс, устремившись за машиной Зем-мика.

— Видела его? — послышался из вокса голос Бланшера.

— Не расслышала, повтори, — попросила Джагди.

— Жемчужно-белая «Бритва», — объяснил Бланшер. — Это тот самый ублюдок, что подбил Кловина.

«Громовая стрела» Бланшера

рассекла небо следом за Джагди, но затем ушла далеко в сторону. Асче сейчас находилась прямо под ней; Марквол шел следом.

— Вызываю «Умбру Четыре-Один». Говорит Центр Управления. Мы вызвали вам подкрепление. Через три минуты они будут на месте.

— Вас поняла, — ответила Джагди, задыхаясь, так как из-за перегрузки у нее сдавило легкие.

Она увидела, как Землик метнулся в сторону, стараясь запутать своего преследователя. Из-под винта его левого двигателя уже валил дым.

— «Умбра Десять», «Умбра Десять». Говорит ведущий звена. Отрывайтесь и выходите из боя.

— Я еще в состоянии продолжить...

— Не хочу ничего слушать, Десятый. Просто отрывайся и иди на базу.

— Вас понял, ведущий.

Внезапно, вырвавшись из пелены перистых облаков, снова показалась белая «летучая мышь». Она заложила вираж, но Бланшер и Асче не отставали от нее ни

на метр. «Считай, уже сбит», — решила про себя Джагди.

Очевидно, она сейчас была нужнее в другом месте.

Охваченный пламенем «Онеро» долго боролся за жизнь, но теперь с ним все было кончено. Его полностью выгоревшее крыло наконец отвалилось, и он, потеряв управление, как огненный метеор, рухнул посреди долины. Еще одна ослепительно-яркая вспышка внизу. Еще один участок сельскохозяйственных угодий превращен в пылающий костер. Джагди видела, как взрывная волна смяла деревья, разрушила силосные башни и подбросила высоко в небо куски пла-стека, из которого состояли гидропонные плоты долины.

Неожиданно черная «Бритва» промелькнула в сетке прицела Джагди и, развернувшись, открыла огонь по машине Ранфре. Джагди сразу включила торможение и, хотя тут же по инерции уткнулась носом в летное снаряжение, ремни которого крепко держали ее в кресле, все же сумела произвести несколько выстрелов.

Черная «Бритва» дернулась в сторону и повернула, что позволило Ранфре с легкостью уйти от преследования. Тогда Джагди снова направила свой самолет на противника. Вновь поймав его в сетку прицела, она, теперь уже спокойно, зафиксировала цель.

— Бабах! — произнесла пилот, хладнокровно нажимая кнопку активатора орудий.

Фейерверки искр посыпались из «летучей мыши», и она попросту исчезла, оставив после себя в небе лишь какую-то огненную взвесь.

Бланшер не верил собственным глазам. Он уверенно держал убийцу Кловина в перекрестье прицела. Система слежения послала ему сигнал, что цель зафиксирована. И вдруг...

Вражеский самолет словно испарился.

Милан заложил крутой вираж, предполагая какой-то трюк со стороны противника, но тот растворился в воздухе.

— «Умбра Четыре», «Умбра Четыре»... Ты что, сама это сделала?

— Никак нет, «Умбра Два», — отозвалась Лэрис Асче. — Окстись, Мил, он надул тебя. Он прямо под тобой!

Бланшер сначала положил свой самолет «на спину», а затем, продолжая вращение, бросил его в пике. Асче находилась рядом, время от времени выпуская заряды в безжалостную белую «Бритву». Но враг словно прилип к Бланшеру, зеркально повторяя каждый маневр, который выполняла «Умбра Два».

Это было неправильно. Это выглядело нелепым. Бланшер и Асче считались лучшими летчиками Джагди. Настоящими асами. Как же так могло случиться, что вражеский пилот превзошел в мастерстве их обоих?

Асче, вращая свой самолет, бросила его вниз и, казалось, уже зафиксировала цель, но в тот момент, когда она уже была готова нажать на кнопку, «Громовая стрела» Бланшера заслонила «летучую мышь». Да этот негодяй просто играл с ними как кошка с мышкой! Выставлял на посмешище!

Вдруг «Бритва» по довольно сложной

траектории ушла влево и оттуда шквалом очередей прошила крыло Бланшера. Асче же успела произвести только один выстрел, который лишь слегка опалил правое крыло «летучей мыши». Затем противник развернулся и вновь открыл огонь, после чего у Бланшера взорвался левый двигатель.

Оставляя за собой густой темный след, он быстро вышел из боя. «Бритва», казалось, собиралась преследовать его, но в последний момент вдруг ушла в сторону. Горя желанием отомстить, Асче устремилась за ним. Зловещая улыбка появилась на ее лице под дыхательной маской.

И тут... И тут противник опять исчез. Пилот закрутила головой, не понимая, куда же он мог подеваться, и в этот момент лазерный разряд ударил по крылу ее самолета.

Враг был у нее на хвосте. Система слежения уже вовсю сигналила об этом.

К счастью для Асче, с юга стремительно приближались четыре кремовых «Громовых стрелы», каждая из

которых еще на подлете открыла огонь из всех своих носовых орудий.

Один из пилотов мастерски развернулся и, подлетев под самолет Лэрис, произвел несколько выстрелов по жемчужно-белой «Бритве».

Враг рванулся в сторону и на бешеной скорости стал удаляться.

Белая «Громовая стрела», преследуя его, промчалась мимо самолета Асче.

Один из Апостолов... Уже удаляясь, он качнул ей крылом.

— Большое спасибо! — крикнула ему Асче по воксу.

Апостолы ринулись в бой. В каждом маневре их самолетов было столько уверенности, столько силы...

Эти четверо ворвалась в гущу сражения и разметали врагов, как опытные боксеры — пьяных дебоширов в кабацкой драке. Сикан сбил один самолет, его товарищ по бригаде Сехр — другой. А Лэрис спас не кто иной, как легенда Космического Флота, прославленный Квинт — ас из асов.

Самолеты противника в панике

разлетелись по сторонам и один за другим стали покидать пространство воздушного сражения.

Тут Асче увидела, как жемчужно-белая «Бритва» заходит в хвост Марквола, в этот момент увлеченному охотой за одним из самолетов Архенети, который уже был охвачен пламенем и теперь отчаянно стремился выйти из боя.

— «Умбра Восемь»! Отрывайся и уходи! Уходи! — срывая голос, кричала Асче.

Когда она стала поворачивать самолет, то увидела, как мимо на полной скорости проносится машина Джагди.

Тем временем «Бритва» уже удобно расположилась на шесть часов по отношению к Марквола...

В кабине Марквола зазвучал сигнал тревоги — сработала система слежения. Он пойман в прицел. Теперь ему уж точно не вырваться. Крик отчаяния вылетел из груди юного летчика.

Уже не помня себя, Вандер Марквол сделал первое, что ему пришло в голову. Он отстрелил пусковую ракету «Громовой

стрелы»! Вообще-то, она применялась только как вспомогательное средство при запуске самолета, и никто никогда не использовал ее в воздушном бою. Ни один учебник по пилотированию не разрешал делать этого! Ведь ясно же: отстреливаешь ракету — теряешь контроль над машиной.

И тем не менее он это сделал!

В одно мгновение земля и небо слились для него в одно неясное пятно. В глазах потемнело...

Невероятно, но после всего этого юноша все же справился с управлением!

Жемчужно-белая «Бритва» повернула в сторону, словно враг был ошеломлен тем, что его цель так неожиданно отскочила от него.

— Теперь он твой, Харлссон, — прозвучал по воксу спокойный и уверенный голос Сикана.

— Уже лечу, ведущий, — ответил Харлссон.

Майор Вельмед Харлссон. Девяносто семь сбитых самолетов. С благоговейным восторгом наблюдала Джагди за его

безупречной техникой пилотирования. Математически точный угол наклона при заходе на вираж. Никаких рывков и излишних ускорений. Все очень солидно. Направив свой самолет по точно выверенной дуге, он мастерски вышел на цель и даже уже произвел несколько выстрелов из орудий.

Однако каким-то совершенно необъяснимым образом «летучая мышь», включив сопла направляемого вектора тяги, сначала вырвалась из-под атакующего истребителя, а затем уже и сама зашла ему в хвост.

И тут Джагди услышала по воксу Харлссона. Что-то вроде недоумения послышалось ей в его спокойном голосе.

— Я под прицелом. Я... — начал было Харлссон. — Сикан, где...

В этот момент пушки «летучей мыши» одновременным залпом отстрелили почти всю хвостовую часть его самолета. Харлссон отчаянно пытался справиться с управлением разбалансированной машины, когда, неожиданно возникнув у него на пути,

огромный серебристый корпус грузового транспорта перекрыл ему весь обзор.

Покореженная «Громовая стрела» со скоростью пятьсот километров в час врезалась в бок «Онеро».

Море огня, разлившееся в небе, осветило плодородные земли долины.

Тэда. Южная ВВВ, 10.18

— Апостол сбит! — закричал инспектор полетов с другого конца зала Командного Центра Управления.

Все операторы сразу притихли, словно не веря своим ушам.

Дэрроу взглянул на Идса. Тот тяжело вздохнул.

— Силы противника рассеяны... Они улетают, — объявил он.

Бэнзи кивнул. В зале раздались жидкие аплодисменты.

Идс обернулся в сторону Дэрроу:

— Белая «летучая мышь». Жемчужно-белая. Сынок, тебе это ничего не напоминает?

— Звучит знакомо, сэр.

— Это чертовски хороший пилот,

Дэрроу. Сущий дьявол. Запиши все, что ты можешь вспомнить о вашем воздушном бое, а я позабочусь о том, чтобы твой доклад размножили. Все авиабригады должны знать о нем. Все, что можешь вспомнить. Хорошо, младший?

— Так точно, сэр.

День 256

Тэда. Старый Квартал, 00.10

Оказалось, что по тому адресу, который Джагди получила в комендатуре, находится богатый купеческий дом на бульваре Гекнсталь — один из ряда старинных особняков, выстроившихся в ряд вдоль широкой мощеной мостовой. По причине военного положения большинство из них были обшиты деревянными щитами, но и по захудалым блочным кварталам, расположенным по соседству, можно было понять, что район уже давно переживает не лучшие времена.

Джагди остановила взятую на время в штабе машину, заглушила двигатель и вылезла из кабины. Яркий свет пробивался сквозь щели ставен, закрывающих окна дома, который она искала.

Нервно оправляя военную форму, пилот быстро поднялась по парадной лестнице. Странно, но ей показалось, что она слышит какое-то пение. Она заметила колокольчик, висящий над дверью, и

дернула за шнурок. Из глубины дома послышался звон множества служебных колокольчиков. Мгновением позже дверь отворилась, и Джагди увидела слабо освещенный коридор, ведущий внутрь здания. Тотчас перед ней предстал многофункциональный домашний сервитор, серебристый корпус которого был богато украшен витиеватой резьбой.

— О! — удивленно воскликнула Джагди. — Я разыскиваю... Это дом сто тридцать три по бульвару Гекнсталь?

— Так точно, командир, — ответил сервитор через свой вокспондер голосом, оцифрованным под учтивую речь уже пожилого вышколенного дворецкого.

Сервитор, очевидно, распознал ее звание по форменным нашивкам.

— Это здесь расположились на постой «Апостолы»? Сто первая истребительная...

— Входите, пожалуйста, — произнес сервитор.

Теперь Джагди уже определенно слышала раскатистое пение, которое доносилось из дальних апартаментов особняка. Где-то на проигрыватель была

поставлена известная песня Франца Тальфера «Гаудете Терра», и нестройный хор подпевающих мужских голосов эхом раздавался по длинному коридору здания.

— Следуйте за мной, — сказал сервитор. — Не могу ли я узнать ваше имя, командир?

— Джагди, — ответила она.

Сервитор вытянул изящные серебристые руки и плавным движением распахнул створки тяжелых, обшитых панельными досками дверей. Тут же в глаза Джагди ударил яркий свет, а поставленная на полную громкость музыка почти оглушила ее.

— Командир Джагди! — провозгласил сервитор.

Пение сразу прекратилось, но тягучие звуки музыки, слегка искаженные шипением, все еще продолжали звучать из динамика громкоговорителя, который был подключен к проигрывателю и стоял на столе возле самой дальней стены комнаты. Сам Сикан поднялся со своего кресла, чтобы приветствовать ее.

— Добрый вечер, командир, — радушно

произнес он.

Вдоль стен комнаты, развалившись в креслах, сидели остальные шестеро Апостолов. Все они, включая Си-кана, разоделись как на парад, обвешав себя медалями разного достоинства. Джагди заметила у многих из них в руках бокалы. Глядя на их разрумянившиеся щеки и расстегнутые френчи, можно было догадаться, что летчики осушили их уже не один раз.

— Сикан же, напротив, казалось, был трезв как стеклышко.

— Извините, — сказала Джагди, — я, наверное, помешала...

— Нет, совсем нет, — заверил ее Сикан. — Домо, налей командиру!

Сервитор немедленно направился на другую сторону комнаты, туда, где стояла лакированная этажерка с алкогольными напитками.

— Это что, фантинский лидер? — спросил один из Апостолов.

То был здоровенный верзила, который смотрел на Джагди из-под полуопущенных век уже красными от выпитого атасека

глазами.

— В самом деле, Лудо. Командир Джагди, разрешите мне вам представить майора Лудо Рамиа...

— Мамзель, — кивнул верзила.

— А также майора Зинера Крона, майора Джерика Сехра... — продолжал Сикан.

Сехр выделялся среди других пилотов своей худобой и необычайно острыми чертами лица. Он учтиво кивнул Джагди. Крон же был довольно изящного телосложения главианец — если судить по его лоснящейся черной коже. Лицо летчика было сильно обезображено шрамом, который протянулся через всю левую щеку. Он тоже кивнул и затем сразу поднялся, чтобы поменять диск.

— Капитана Гюйса Геттеринга...

Геттеринг был широко известен своим драчливым поведением. С широким, бульдожьим лицом и коротким ежиком белых как лен волос, он сейчас стоял у камина, держа в руках шарообразный хрустальный бокал.

— Мамзель-командир! — прыснул он в

сторону, не удержавшись.

— И майора Дарио Квинта, — закончил Сикан. Квинт. Ас из асов. Держась как-то особняком, он сидел, откинувшись в глубоком кресле, в самом дальнем углу комнаты и, казалось, больше наблюдал, чем принимал участие в этой странной пирушке. Он был на удивление мал ростом, хотя и крепкого, пропорционального телосложения. Его округлое лицо странным образом сохранило мальчишеские черты, несмотря на то что голову покрывали уже сплошь седые, цвета цинка, волосы. Затянутый в форменный френч, он скрестил руки на груди и, не сказав ни слова, буквально уперся взглядом в Джагди, не отводя от нее взгляда, даже когда она пристально посмотрела на него в ответ. Сервитор протянул ей узкий фужер джолика, и пилот приняла его, хотя совсем не была настроена сейчас пить.

— Я... — начала Джагди, но закашлялась. — Я подумала, что будет уместно, если я лично приду сюда, чтобы выразить признательность всей вашей

авиабригаде за ту помощь, которую вы нам оказали. Особенно если принять во внимание, какой ценой...

— Вы ведь тоже потеряли машину, не правда ли? — спросил Рамиа.

— Да, это так, но потеря Апостола...

Рамиа прыснул:

— Харлссон был редким дерьмом. Он и летать-то толком не умел.

Джагди была потрясена:

— Я... не поняла...

— Отвратительный тип, — согласился с товарищем Сехр. — Не смотрите так удивленно, мамзель. Все свои победы Харлссон одержал по наитию, лишь благодаря своему чертовскому везению. Поверьте, у него не было ни грамма мастерства. Просто удивительно, что ему удалось протянуть так долго.

Джагди нахмурилась. Так и не сделав ни одного глотка, она поставила фужер на стол.

— Я лишь хотела выразить признательность и сочувствие. Теперь, когда я сделала это, думаю, я могу уйти, — сказала она.

— Он ведь спас жизнь тому выскочке, не так ли? — неожиданно спросил Геттеринг.

Джагди уже шла к дверям, но этот вопрос остановил ее и заставил повернуться.

— Что вы имеете в виду?

— Я говорю о Харлссоне. Перед тем как его подбили, он ведь отогнал ту «Бритву» от вашего парня, не правда ли, мамзель? От того самого парня, который вообразил, что назвать свой самолет «Двуглавый орел» — отличная мысль.

— Это уже дело прошлое, капитан. Хотя я полагаю, что офицер авиации Марквол все еще ожидает вашего письма с извинениями. Что же касается вашего вопроса, то должна сказать: нет, вы не правы. Марквол к тому времени уже успел освободиться от «Бритвы».

— Как же это?

— Он использовал вспомогательную ракету, — вмешался Сехр.

— В самом деле? — рассмеялся Геттеринг, и вслед за ним захихикал Рамиа. — Он что, уже среди ваших

потерь?

— Нет, — возразила Джагди, — Марквольу удалось справиться с управлением.

Судя по выражению лица Геттеринга, он уже было собрался обвинить ее во лжи, но потом лишь возмущенно покачал головой и отвернулся. Проигрыватель вновь взревел звуками бравурного марша. На этот раз Крон поставил исключительно громкую и бьющую по нервам тему Нунциуса «Сальве Беатус». Более уже не задерживаясь, Джагди вышла из комнаты.

— Командир! — крикнул Сикан, догнав ее уже на выходе, в то время как пьяное мужское пение за его спиной возобновилось с новой силой.

— Вы должны извинить моих людей, командир Джагди. Пусть на свой лад, но они переживают потерю своего товарища.

— Это как? Устроив пьяную вечеринку и понося покойника последними словами?

— Ну, в общем-то, да, — не стал спорить с ней Сикан. — Понимаете,

Джагди, сантименты значат совсем немного в жизни этих людей. Тот, кто близко знаком со смертью, теряет к ней всякое уважение.

— Однако не становится бессмертным, как я успела заметить, — огрызнулась Джагди.

— Нет, я совсем не то хотел сказать. Вот возьмет вашу группу. Я полагаю, у них сейчас траур. Все подавлены. Все скорбят о потере друга...

Джагди кивнула. Именно такое настроение царило в доме, где расквартировалась ее бригада, когда она выходила оттуда несколько часов назад. Некоторые, конечно, выпили немного, чтобы помянуть погибшего Кловина, но даже тогда никто не смел нарушить гнетущего молчания, которое установилось среди пилотов, как только они вернулись с аэродрома.

— Я знаю это, потому что сам был таким, — продолжал Сикан. — Давно, в ранние дни моей юности. Но годы войны не проходят бесследно. Теперь я, очевидно, огрубел, как и все Апостолы. Когда я

сказал, что мы потеряли уважение к смерти, я лишь имел в виду, что мы совсем перестали ощущать ее удары. Мы уже не чувствуем горя, не сожалеем об утрате. Нет никакой грусти, никаких переживаний... Ничего, кроме осознания неизбежности. Когда кто-нибудь из Апостолов погибает, мы одеваемся во все самое лучшее, обвешиваемся до нелепости большим количеством медалей, а затем... грязно напиваемся. Мы поем, буяним, напиваем себе еще и еще. Мы делаем это, чтобы доказать судьбе, фортуне или... — уж не знаю, что там скрывается от нас во мраке, — что нам все равно.

Совершенно ошеломленная, Джагди не знала, что и сказать. Тут Сикан слегка понизил голос:

— Мы ведь все сумасшедшие, Джагди. Знаете, почему мы Апостолы? Совсем не потому, что мы уж такие непревзойденные пилоты. Вовсе нет. Мы Апостолы потому, что нам сопутствует прямо-таки сверхъестественная удача. Мы уже давным-давно должны были бы погибнуть, но, видимо, там, наверху, про нас забыли и

потому не требуют к себе наши души. Вот ты и продолжаешь летать и сбивать другие самолеты. Но в конце концов о нас обязательно вспомнят. О каждом из нас. Сегодня была очередь Харлссона...

— Не слишком ли это мрачный взгляд на вещи? — заметила Джагди. — А что, Харлссон действительно был настолько неприятным человеком?

— Да как вам сказать... Наверное, нет. Он был очень рассудительный летчик. Но понимаете, ни у кого из нас не может быть друзей. Какой в этом смысл? К тому времени, когда тебя берут в «Апостолы», друзья уже становятся чем-то таким, что можно рассматривать как слабость. Никто из нас не может себе этого позволить.

— Мне вас жаль, — сказала Джагди.

— В жалости ты также не видишь никакого смысла, — пожал плечами Сикан. Здесь он умолк, но потом продолжил: — Знаете, что я буду делать завтра утром?

— Нет.

— Мой шофер повезет меня на побережье, в Маденту, где на местной

ВВБ расположилась Пятьсот шестьдесят седьмая истребительная. Там у них есть летчик — Саул Сирксен. Семьдесят два сбитых самолета противника, прекрасный послужной список... Я собираюсь пригласить его на место Харлссона.

— А он согласится? — спросила Джагди.

— Если вас когда-нибудь пригласят в «Апостолы», Джагди, у вас уже не будет возможности отказаться.

Она открыла входную дверь. На улице уже давно было темно. Холодный ночной воздух все еще сохранял в себе влагу недавно прошедшего дождя. Межд тем охрипшие голоса, которые доносились из гостиной, вновь слились в один неистовый хор.

— Спасибо вам за беспокойство, командир, — сказал Сикан. — Поверьте, они не настолько грубы и бессердечны, как вы могли бы подумать.

— Мягкой посадки! — пожелала ему Джагди и, привычным движением отдав честь, направилась к ожидающей ее машине.

Приморское шоссе, 05.50

Сначала он подумал, что видит на горизонте предрассветного неба сполохи далеких зарниц. Так бывает летом, когда приближается гроза.

Понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что это не так.

Он резко надавил на тормоз и со скопом в руке выпрыгнул из машины на камнебетонную поверхность шоссейного покрытия. Остальные семь грузовиков конвоя, которые шли за его транспортом, также с грохотом остановились. Конвой должен был за ночь доставить на ВВБ фетоны груз боеприпасов. Они уже и так выбились из графика, а тут незапланированная остановка... Двое водителей, так и не заглушив моторы, начали изо всех сил сигналить, выпуская из выхлопных труб своих транспортов густой белый дым отработанного газа. В конце концов они тоже спрыгнули на шоссе.

Они нашли Каминского на дальней обочине, недалеко от того места, где дорога, делая крутой поворот, нависала

над руслом пересохшего ручья. Земли этой части Полуострова были давно заброшены. Только редкие заросли тростника, пучки волокнистых сорняков да белые островки солончака усеивали пустошь. Отсюда даже сейчас, в холодной предрассветной полутьме, можно было без помех разглядеть на горизонте обширные поля долины Лиды.

Каминский как раз наводил резкость на своем скопе.

— Что, черт возьми, происходит? — подбежав к нему, спросил Веллиган.

— Каминский! В чем дело? — недоумевал Андерчек, так как тот даже не обернулся.

— Видите это? — Каминский указал на долину. — То сияние? Те огненные узоры? Это может означать только одно: города по всей долине Лиды уже бомбят!

Тэда. Южная ВВВ, 06.17

Теперь уже каждый чувствовал приближение каких-то очень важных событий. Дэрроу плохо спал этой ночью, сознавая, что сейчас технический персонал

аэродрома прилагает огромные усилия, чтобы в кратчайшие сроки запустить в воздух как можно больше авиагрупп. Вчера весь вечер у него заняла работа над докладом, которую поручил ему Иде, и сегодня утром, за полтора часа до начала своей следующей смены в Центре Управления, он отправился на поиски Хекеля, намереваясь к своему докладу приложить его комментарии относительно их недавнего воздушного боя с жемчужной «летучей мышью».

Белая пелена от выхлопных газов недвижно повисла над полем аэродрома. Большинство самолетов авиабазы сейчас были в воздухе, выполняя разного рода задания командования. Дэрроу разговорился с одним механиком Содружества, и тот рассказал ему, что некоторые районы к северу от горной гряды уже подверглись бомбардировкам. Многие города вдоль Лиды разрушены. Горят сельскохозяйственные центры, фабрики... Ходят слухи, что налеты вражеской авиации распространились даже до Эзравиля.

Все, кто шел ему навстречу, казалось, недавно испытали потрясение и имели чрезвычайно озабоченный вид. Все они, без сомнения, думали об одном и том же: это — начало конца.

В этой ситуации даже резервные бригады Содружества, такие как звено «Добыча», находились в состоянии повышенной готовности. Полностью экипированные для вылета, пилоты угрюмо ожидали вызова в комнатах распределения, в то время как их «Волчата» уже заводились на пусковые установки. «Циклоны» также выводились со своих крытых стоянок, и их сопровождали грузовики-заправщики и обозы с вооружением.

Хекель? Никто не видел его, и никто сейчас не был расположен долго болтать. Согласно же спискам, вывешенным на стенде, Хекель должен был быть среди готовящихся к вылету пилотов.

После нескольких неудачных расспросов Дэрроу все же удалось узнать место его проживания и номер комнаты. Оказалось, Хекеля поселили в одном из

укрепленных жилых корпусов, расположенных к западу от самых дальних площадок распределения авиатехники. Когда Дэрроу вошел в это мрачное здание, он сразу попал в тускло освещенный коридор, в который выходило множество дверей из комнат проживающих там военнослужащих. Пройдя немного по этому коридору, Дэрроу нашел нужную дверь и постучал:

— Майор? Майор Хекель? Вы слышите меня, сэр?

Не дождавшись ответа, он постучал снова:

— Майор Хекель? Это Дэрроу. Сэр, у вас не найдется для меня минутки?

Он уже готов был повернуться, чтобы уйти, но в последний момент какое-то недоброе предчувствие заставило его дернуть ручку закрытой двери. Дверь оказалась незапертой.

В углу тесной комнатки стояла незаправленная походная кровать. На стоящий возле нее небольшой столик были в беспорядке свалены какие-то бумаги и личные принадлежности Хекеля. Его

одежда была брошена поверх дорожного чемодана, а складной стул валялся на боку посреди комнаты.

Майор Хекель повесился на ремнях своего летного снаряжения, закрепив их за кронштейн люстры.

— О Бог-Император! — вскричал Дэрроу.

Он кинулся в комнату и схватил майора за ноги, стараясь его немного приподнять, чтобы ослабить петлю.

— Помогите! Кто-нибудь, помогите! — закричал он.

Несмотря на все усилия, ему никак не удавалось снять тело. Между тем Хекель был довольно тяжел. Вопль отчаяния вырвался из груди Дэрроу. Он отпустил безжизненное тело майора и, кинувшись к груде одежды, сваленной на дорожный чемодан, стал лихорадочно рыться в обмундировании Хекеля. Когда наконец удалось отыскать его форменный нож, пилот поставил лежащий на боку стул и, взобравшись на него, стал бешено водить лезвием по плотному синтетическому ремню, на котором висело тело. Ремень

был изготовлен из исключительно прочного материала, специально для летчиков, и перерезать его оказалось совсем не просто. Чувствуя полное бессилие, Дэрроу снова закричал и, потеряв концентрацию, резанул себя по пальцам.

— Не смей умирать! Слышишь? Не смей умирать! — не помня себя, кричал он. — Как ты мог пойти на это, Хекель! Сукин сын! Как ты мог?!

Дэрроу даже не сразу заметил, как на его крик прибежали двое летчиков. Он повернулся, только когда услышал их испуганные голоса у себя за спиной. Они обхватили Хекеля за ноги и немного приподняли его.

— Да режь ты скорее! Режь! — кричал один из них.

— Да я стараюсь... Я...

Наконец ремень был перерезан, и тело Хекеля тяжело осело на руки незнакомых летчиков. Падая, оно толкнуло Дэрроу со стула, и, потеряв равновесие, тот свалился на стоящую у стены походную кровать.

Летчикам не сразу удалось снять

затянутую вокруг шеи петлю. Дэрроу видел, как они вдвоем стараются делать искусственное дыхание. Он поднялся с кровати, и нож Хекеля выпал у него из рук. Со стороны было ясно, что они напрасно теряют время. Багровый след вокруг шеи, бледные как воск щеки, уже посиневшие губы...

— Эх ты, несчастный сукин сын! — тяжело выдохнул Дэрроу. — Несчастный тупой сукин сын.

В бесплодных попытках вернуть майора к жизни один из летчиков стал энергично надавливать ему на грудь и случайно выбил какой-то конверт из его френча. Дэрроу нагнулся и подобрал его с пола. Конверт был без адреса, будто Хекель так и не придумал, кому может оставить свое послание. Внутрь был вложен лист бумаги со всего одним написанным от руки предложением: «Да простит меня Бог-Император, но я уже больше не в силах выносить все это».

День 257

Тэда. Старый Квартал, 07.31

Служба закончилась. В этот раз прихожан было необычно много. Раза в три больше, чем обыкновенно приходило на утреню. Беке пришлось отстоять длинную очередь, чтобы зажечь свои свечи. Все, казалось, были напуганы. На улицах города этот страх ощущался уже почти физически. Все, конечно, и раньше испытывали страх, но за месяцы боевых действий к тому, прежнему, страху люди уже успели привыкнуть и научились жить, совсем не замечая его. А за эти две последние ночи новый, гораздо более сильный страх поселился в их душах.

С западной окраины города можно было видеть, как горит Эзравиль. Тысячи уже погибли во время бомбежек долины Лиды, а ведь налеты все еще продолжались. Сколько времени осталось до того дня, когда бомбы начнут падать и на саму Тэду? А сколько времени осталось, прежде чем все побережье окажется в огне?

Неделя? Две? Сколько вообще продержится Эпозис?

Правда, одну хорошую новость им в сегодняшней проповеди все же сообщили. Поступили официальные подтверждения того, что некоторым отдельным частям отступающей сухопутной армады уже удалось покинуть горные области и выйти к морю. Солдаты возвращаются домой! Она, как всегда, зажгла три свечи: одну за Гарта, другую за Эйдо, а еще одну — за того, кому... Нет. С этого дня она будет за Вилтри.

Над одним из районов Внутренней пустыни, 09.07

— Если бы мне пришлось отступать от самых Ульев Тринити и проделать весь обратный путь через пустыню, не говоря уже о горных ущельях, то, думаю, после всего этого мне вряд ли захотелось бы еще с кем-то сражаться.

— Что ж, здесь ты, пожалуй, прав, Джадд, — согласился Вилтри со своим бомбардиром.

Звено «Ореол» как раз пролетало над

песками нагорного района Внутренней пустыни, по которым сейчас тяжело продвигался растянувшийся на добрых десять километров конвой имперских танков и бронетранспортеров.

— Я вот что хочу сказать, — продолжал Джадд. — Нас посылают отогнать авиацию Архенеми, чтобы позволить наземным частям вернуться домой и перегруппироваться. Перегруппироваться? Не смешите меня. Они уже давно ни на что не годны!

— Возможно, — не стал спорить Вилтри. — Но давай все же выполним нашу работу, а там посмотрим — может быть, отсюда, сверху, не все видно.

«Грета» сейчас вела звено из шести «Мародеров». Они шли на небольшой высоте, почти над самыми барханами бескрайнего песчаного моря, стараясь оставаться вне зоны действия модарных и ауспексных систем слежения, которые могли быть установлены на мобильных аэродромах, спрятанных где-то посреди великой пустыни. Между тем самолеты-разведчики «Молнии» летели тем же

курсом, держась на почти максимальной для них высоте и пытаясь засечь передвижные вражеские установки. В любой момент «Ореол» мог получить координаты возможной цели.

Сверху пустыня представляла собой довольно мрачный, однообразный пейзаж. Низко летящие самолеты отбрасывали на землю резкие тени, которые, скользя по ее поверхности, то и дело подскакивали, когда звено бомбардировщиков проносилось над резко очерченными дюнами или круто выступающими скалами и грудами щебня.

Как ни странно, Вилтри чувствовал себя очень уверенно и спокойно. В глубине души он сам этому удивлялся и уже не раз спрашивал себя, не обязан ли таким позитивным изменениям своему общению с Бекой.

— Кажется, мы получили сигнал, — вдруг произнес Лакомб.

Вилтри слегка напрягся.

— Восемь объектов на высоте семь тысяч, координаты ноль-семь-пять.

Вилтри посмотрел в скоп. Восемь машин. Двигаются точно на юго-запад.

Расстояние — километров двенадцать, не меньше. Определенно не патрулирование: слишком уж строгим курсом идут.

— Лакомб, включи-ка вокс и узнай, нет ли в Центре Управления диаграммы с траекторией их движения.

Сквозь шум двигателей Вилтри услышал, как его штурман говорит по главному воксу. Но вот снова включилась внутренняя связь:

— Их засекли по модарной системе слежения минут пятнадцать назад. Тогда они еще были по ту сторону Маканайтского хребта и поворачивали на юг.

Они возвращаются на базу, — уверенно заявил Вилтри. — Они возвращаются на базу, и они спешат, потому что у них горючее на исходе. Так, звено «Ореол», звено «Ореол», говорит ведущий. Держитесь на прежней высоте, однако готовьтесь по моей команде произвести поворот. Новый курс — ноль-семь-пять.

Все шесть стальных машин по очереди заложили вираж. Первая «Грета», затем «Привет преисподней», «Время

вдов», «Трон Терры», «Считай, Ты Труп» и «Мисс Авантюра». Вилтри приказал всем экипажам проверить орудия, быть готовым к бомбометанию, а также постоянно поддерживать режим наблюдения.

Даже если они не смогут следить за «летучими мышами» невооруженным глазом, им придется делать это через скопы.

Им придется, потому что те выведут их прямиком на свой мобильный аэродром.

В небе над Эзравилем, 09.18

— Атака! — скомандовала Джагди и бросила свой серийный номер Ноль-Два в захватывающее дух пике.

Ранфре, Уолдон и Дель Рут тут же последовали за ней. Там, далеко внизу, четырьмя тысячами метров ниже, за тонкой пеленой облаков, небо было просто переполнено самолетами, которые, как стайки коралловых рыб в тропическом море, постоянно меняя направление, беспрерывно гонялись друг за другом. Все

это великое воздушное сражение разворачивалось на высоте девяти тысяч метров, в то время как под ним, на земле, темной громадой раскинулся Эзравиль, с высоты выглядевший как коллаж из черных и серых пятен, выложенный вдоль зеркальной глади полноводной речной дельты.

Сразу вслед за группой Джагди Лэрис Асче направила в бой вторую половину звена «Умбра», которая сегодня состояла из Кордиаля, Ван Тула и Марквола. Только две трети летного состава эскадрильи смогли подняться в воздух. Кловин погиб, Эспир, возможно, навсегда вышел из строя, а Бланшер и Зеттик вынуждены были дожидаться, когда техники смогут починить их машины.

Их стремительный бросок вниз был поистине впечатляющим. Отрицательное ускорение буквально приклеило пилотов к летным креслам и вдавило их лица в дыхательные маски. Клочья облаков с бешеной скоростью проносились мимо, из-за чего взгляду не на чем было остановиться, а ведь Джагди должна была сфокусировать

зрение, чтобы сориентироваться в той ужасной заварухе, в самом центре которой они вот-вот должны были оказаться.

Они получили задание противостоять чудовищной волне вражеских бомбардировщиков, совершающих налет на побережье. Почти две сотни машин, в основном «Адские когти» и «Мучители», не считая осуществляющих их прикрытие истребителей. Из-за плохих погодных условий аэспексные системы слежения сработали с опозданием, и сигнал тревоги поступил в Центр Управления, когда бомбардировщики были почти над Эзравилем. Теперь они сбрасывали на город свой смертоносный груз.

Другие авиабригады уже вступили с ними в бой. «Громовые стрелы» Две тысячи шестьдесят пятой и Сорок четвертой, «Молнии» Сто тридцать восьмой и эскадрилья модернизированных «Циклонов» Содружества. Всего, вместе с Умброй, в операции было задействовано около шестидесяти имперских самолетов. Ожидались еще несколько групп

подкрепления, но куда более серьезные силы были направлены в район долины Лиды, навстречу еще двум, не менее значительным, штурмовым армадам Архенеми.

Грозные вражеские бомбардировщики — все ярко окрашенные, с характерной для них изогнутой формой — шли курсом в направлении побережья, как мигрирующие перелетные птицы, построившись в вытянутый на полнеба клин и соблюдая этот порядок во все время бомбометания. Истребители Империума, как пчелы, кружились вокруг этих воздушных шеренг, отчаянно пытаясь вырвать из них свою жертву и в то же время не забывая отражать яростные атаки юрких самолетов сопровождения класса «Саранча».

Сбросив все свои бомбы, громадные «Мучители» обычно покидали строй и шли обратно на базу, но «Адские когти» — чрезвычайно мощные истребители-бомбардировщики — и после бомбометания не выходили из боя. Освободившись от лишающей маневра тяжести, они или

пикировали, чтобы уже с помощью ракет и орудий атаковать выбранные ими в городе цели, или же, наоборот, взмывали, чтобы обеспечить более надежное прикрытие остальным самолетам построения.

В данную минуту небо над Эзравилем буквально кишело авиатехникой, которая то здесь, то там сверкала огнем и испускала клубы белого и черного дыма. Целые кварталы города уже были охвачены пламенем.

Джагди чувствовала, как волна ярости поднимается в ее груди. Оказалось, она пикирует точно на «Коготь». Поймав в прицел его носовую часть, она уже не выпускала его из перекрестья до тех пор, пока не нажала кнопку активатора орудий.

Страшной силы взрыв разнес «Коготь», но Джагди уже со скоростью звука пронеслась мимо и, облетая снизу боевой строй противника, разворачивала свой истребитель обратно вверх, ведя его теперь в атаку на «Мучитель». Она разрядила в днище противника сдвоенные лазерные орудия, после чего вражеская машина сначала затряслась, а затем, как

рыба со вспоротым брюхом, стала терять свои потроха. Из подбитого самолета посыпались разного рода искромсанные обломки и части фюзеляжа, полились ручьи смазочных материалов... Оставляя за собой хвост белого дыма, бомбардировщик накренился и стал стремительно терять высоту. Хотя, в сущности, он был уже уничтожен, Джагди не оставляла свою жертву, решив его добить из счетверенных орудий. Поливая корпус «Мучителя» зенитным огнем, она все же дождалась момента, когда чудовищной силы взрыв разорвет огромный самолет на части и превратит его в ничто. Горящие обломки дождем посыпались на погруженный во мрак город, но для его жителей было бы куда хуже, если бы этот гигант со всеми своими бомбами обрушился на один из жилых кварталов.

Следуя строго за командиром и идеально выполнив перехваты, Ранфре и Уолдон также уже уничтожили по «Мучителю», после чего разлетелись в стороны, каждый начав свою охоту. Не

прошло и тридцати секунд, как Уолдон зашел в хвост «Когтя», который сейчас как раз сбрасывал на город свой страшный груз. Открыв огонь из счетверенных зениток, он просто разнес на части кабину вражеского самолета. Из груди пилота вырвался победный крик, когда малиновая машина противника, выписывая в небе крутую спираль, стала удаляться он него в сторону земной поверхности. Летчик был на седьмом небе от счастья. Только что при свидетелях он сбил два самолета противника — четвертый и пятый за свою карьеру. Пять сбитых самолетов! Теперь он ас!

Дель Рут, которая замыкала строй в четверке Джагди, тоже выбрала себе цель, но в последний момент вражеский пилот заметил угрозу и, отчаянно рванув самолет в сторону, все же успел увернуться от выстрела ее пушки. Промахнувшись, Дель Рут выровняла положение своего самолета и тут же переключилась на «Саранчу», которая сейчас преследовала один из самолетов Содружества. Сигнал системы наведения

вскоре сообщил ей, что цель зафиксирована, и летчица поразила ее первой же очередью своих зениток. Поврежденная «Саранча» задрожала, и вторая очередь Дель Рут разнесла ее на части.

Пикируя, четверка Асче развила еще большую скорость, чем группа Джагди. Они вступили в бой всего на каких-то несколько мгновений позже, и Лэрис сразу же отметила это точным попаданием во вражеский «Коготь». Ван Тул же выбрал своей целью «Мучи тель», быстро вывел его из строя и, сделав победную петлю, прикончил одним точным выстрелом из своего главного орудия.

Кордиаль, после того как упустил выгодный для атаки момент, стрелял по выбранному им «Когтю» из уже довольно сложного положения и, промахнувшись, вскоре обнаружил, что сам оказался объектом охоты этого самолета и пришедшей к нему на помощь «Саранчи». Пытаясь от них оторваться, летчик бросил машину в сторону и чуть было не налетел на шедшую навстречу «Молнию».

Совершив невероятный маневр, так что его двигатели чуть было не заглохли, Кордиаль все же сумел уйти от, казалось уже неминуемого, столкновения. «Молния» также собиралась заложить вираж в сторону, но краем крыла задела преследовавший Кордиаля «Коготь». Имперский самолет закрутился волчком и на какое-то время, очевидно, потерял управление. Затем стабилизировал полет, но лишь для того, чтобы попасть под перекрестный огонь двух врагов, которые и разнесли его на части. Столкновение не прошло бесследно и для другого самолета. Оставляя за собой хвост из обломков, поврежденный «Коготь» ушел далеко в сторону и там попал в зону действия пушек Асче. Она не оставила ему ни одного шанса.

Кордиаль же развернул свою машину и начал преследовать «Мучитель», который, сбросив бомбы, теперь развернулся, чтобы идти на родной аэродром. Даже выполнив задание, бомбардировщик оставался первостепенной целью для истребителей, ведь, если не уничтожить его сейчас, он

непременно снова вернется с очередной порцией смертельного груза.

Марквол, который был замыкающим в группе Асче, ни секунды не сомневался, что уже сбил «Адский коготь»: ведь он выпустил две зенитные очереди с убойной позиции. Тем не менее, когда его самолет ракетой пронесся мимо вражеской машины, та оказалась совершенно невредимой.

Юный пилот вышел из пике и снова начал набирать высоту, да так резко, сжигая столько лишнего топлива, что задрожала панель приборов в его кабине. Уже на высокой скорости он вдруг понял, что пролетает между двумя «Мучителями», которые в эту минуту сбрасывали свои комплекты бомб, издали напоминающие клети с куриными яйцами. Тут Марквол проклял все на свете, поняв, что из-за своей глупой спешки упускает прекрасный шанс поразить сразу две легкие цели.

Марквол был вне себя от ярости. Он горел желанием сбить самолет противника, открыть наконец свой личный счет. Мало того, что он был самым

молодым и неопытным в бригаде. Мало того, что Перс Эспир жестоко пострадал, опекая его. Хуже всего было то, что он еще вообще не открыл счет сбитым самолетам. Не записал ни одной воздушной победы на свое имя! После того ужасного первого вылета уверенность стала понемногу возвращаться к Маркволу, и сейчас он был полон решимости наконец проявить себя в деле.

Черт возьми! Небо просто переполнено вражескими машинами! Неужели он не собьет ни одну из них?

— «Умбра Восемь»! «Умбра Восемь»! Немедленно уходите влево!

Это был голос Ван Тула. Марквол не стал переспрашивать. Он дернул в сторону руль управления и выжал полный газ, так что его самолет, рванувшись влево, лег на «спину». Маневр был совершен вовремя, потому что желтый, как язык пламени, «Адский коготь» пронесся совсем рядом.

— Спасибо, Третий, — поблагодарил юноша товарища и, выровняв самолет, вновь начал набирать высоту.

— Ты в порядке, Восьмой? — спросил

Ван Тул.

— На четыре-А, — ответил Марквол.

Они все еще опекают его. Это раздражает. Однако надо признать, что, если бы не предупреждение Ван Тула, его бы уже, наверное, не было в живых.

Он снова направил свою машину в зону наиболее активных боевых действий и почти тут же увидел, как один из «Циклонов» отчаянно пытается уйти от преследующего его «Когтя». Пропеллерный самолет Содружества уже начал оставлять за собой тонкую струйку дыма... Марквол вообще не мог понять, как Управление Полетами разрешает таким машинам, как «Циклоны» и «Волчата», подниматься сейчас в воздух. Это же было равносильно самоубийству — вылетать на них против реактивных истребителей с направляемым вектором тяги!

Пилот повернул рычаг подачи газа и начал закладывать широкий вираж. По пути он выпустил несколько очередей в пролетающий под ним «Мучитель» — скорее чтобы облегчить душу, чем для чего-либо еще, — и зашел в хвост

атакующему «Когтю».

Ну уж на этот раз...

Левый двигатель теперь уже замолк совсем. Так же как и Артон. Франц Скальтер из последних сил пытался управиться с тяжелым рычагом управления «Циклона» и срывающимся от рыданий голосом звал своего напарника и закадычного друга. Несколько страшных зенитных очередей «Когтя» сразу в нескольких местах прошили кабину его самолета, разнесли стекло носовой части и разорвали тело Артона буквально пополам. Летчик слышал, как жутко завывает ветер, врываясь в разбитую капсулу кабины, в которой панель приборов была просто залеплена рваными кусками человеческой плоти. И кровь, кровь повсюду...

— Я доведу тебя до базы! Я доведу тебя до базы! — как заклинание повторял Скальтер, словно не желая замечать весь тот ужас, в котором он сейчас находился, и воображая себе столь желанную картину будущего, где он сажает разбитый «Циклон» на родной аэродром, где команды

наземных служб бегут ему на помощь, где Артона перевязывают и возвращают к жизни...

Скальтер знал, что сейчас он должен постоянно маневрировать, постоянно ускользать из прицела «Адского когтя», который уже давно сел ему на хвост.

— Говорит «Искатель Один»! Говорит «Искатель Один»! Кто-нибудь, пожалуйста...

В этот момент грозные орудия «Когтя» сверкнули огнем...

Продолжая забавляться, играя с ним как кошка с мышкой, гнусный пилот Архенеми вовсе не собирался упускать уже поврежденный им «Циклон». Используя всю мощь своей машины, он шутя перебрасывал ее из стороны в сторону, реагируя на каждый порывистый маневр, предпринимаемый летчиком Содружества.

Воздушный душегуб почувствовал запах крови. Жажда убийства обуяла его. Сейчас он не видел ничего, кроме своей цели.

Старая как мир ошибка.

Марквол вышел на пять часов к

вражескому самолету, имея вагон времени, чтобы точно рассчитать угол наводки.

Затем он открыл огонь из счетверенных зенитных орудий, тут же почувствовав, как отдача от выстрела немного замедлила ход его машины. Пилот услышал, как щелкнули затворы и как затрещали автоматические зарядные устройства, доставляя из вращающихся барабанов в орудия новые снаряды.

Вообще-то, Марквол ожидал, что вражеская машина взорвется. Или вспыхнет ярким пламенем. Или произойдет нечто не менее грандиозное.

Но «Коготь» только затрясся. Часть его узкого вытянутого крыла слегка свернулась, как фольга, и небольшое облачко коричневого дыма вырвалось из двигателей.

Потом он стал стремительно падать. Будто кто-то в один момент отнял у него всю его подъемную силу. Кувыркаясь в воздухе, грозный самолет теперь был похож на игрушку, которую выбросил капризный ребенок.

Марквол лишь проводил взглядом

подбитую машину, которая, не переставая вращаться, камнем летела вниз, становясь все меньше, меньше — Святой Трон! Да ведь он сделал это! Он превратил эту страшную махину в груду железа!

— «Искатель Один», «Искатель Один», — произнес юноша, запинаясь и стараясь взять себя в руки после победной эйфории. — Говорит «Умбра Восемь». Опасность устранена, друг. Полностью. Можешь спокойно лететь на родной аэродром.

— «Умбра Восемь», говорит «Искатель Один». Вас понял.

Что, неужели даже не поблагодарит? Впрочем, Маркволу сейчас было все равно. Его так распирало чувство гордости, что он едва мог усидеть на месте. Все, теперь он уже больше не мальчик, который нуждается в опеке!

Внезапно, будто получив удар по лицу, пилот был отброшен на спинку летного кресла. «Пятно» перевернулось, и все системы оповещения разом взорвались сигналом тревоги. Похолодев от ужаса, еще не понимая, что происходит, Марквол

потянул на себя рычаг управления. Тот свободно ходил из стороны в сторону, не производя никакого эффекта. Пилот увидел, что пламя охватило весь левый борт его самолета и металлическая обшивка, как рыбья чешуя, сползает с фюзеляжа.

Языки пламени уже начали проникать в кабину...

— Нет! — в отчаянии закричал юный летчик. — Нет, нет, нет!

Он стал лихорадочно возиться с летным снаряжением, стараясь достать до ручки катапультирования. Чьи-то чуть слышные голоса донеслись до него из вокса...

Огромные перегрузки из-за ускоренного движения вниз... В глазах Марквола все начало меркнуть. Сейчас у него уже не было сил не только дотянуться до спасительного рычага, но и даже слегка приподнять руку.

Между тем снизу на него, словно расширяющийся в калейдоскопе узор, надвигался незнакомый город...

Над одним из районов Внутренней

пустыни, 09.22

Они пролетели над последним барханом песчаного нагорья, и там перед ними предстало нечто... От его размеров просто захватывало дух. Джадд по этому поводу высказался особенно цветисто.

Гигантский мобильный аэродром. Он был почти километр длиной и представлял собой огромную платформу с начищенными до блеска посадочными площадками и многочисленными пусковыми установками, которые сверкали бронзой в лучах палящего солнца пустыни. Невероятных размеров колесный агрегат приводил в движение этот колосс, постепенно перемещая его по бескрайним белым пескам. Вилтри рассказывали, что этих левиафанов враги называли «орлиными гнездами», будто они действительно были родным домом для их смертоносных «летучих мышей». Это воистину был шедевр неизвестного гения механики, мифическая непобедимая машина войны, гигант среди гигантов!

Ничто не может сокрушить такую громадину. Ничто не...

Тут Вилтри поймал себя на том, что рассуждает как предатель. Они обязаны попробовать. Это как раз та миссия, которую Бог-Император возложил на них.

— Не будем терять время, «Ореол»! — прокричал он в вокс. — Мы вступаем в бой! Выстраиваемся в линию и наносим бомбовые удары. Затем заходим повторно и атакуем ракетами. Да хранит нас Император!

Вилтри увидел, как «Когти», за которыми они неотступно следовали, стали снижаться и заходить на желобообразные посадочные полосы, расположенные на верхней площадке мобильного аэродрома. На фоне такого великана даже крупные истребители выглядели всего лишь маленькими разноцветными фигурками.

Вероятно, с аэродрома заметили приближение «Мародеров», идущих на бреющем полете, потому что сотни противовоздушных зенитных батарей разом, как стая потревоженных скорпионов, подняли и направили на них

свои смертоносные жала. В небе сразу стало тесно от разрывов зенитных снарядов и рассекающих воздух трасс. Ураганный шквал заградительного огня обрушился на звено бомбардировщиков.

— Идем на цель! Что бы ни случилось, идем на цель!.. — приказал экипажам Вилтри.

Внизу оглушительно завыла сирена. Среди бесчисленных зенитных очередей Вилтри заметил дымовой след, оставляемый выпущенными с аэродрома ракетами.

Не сказав ни слова, он ударил по кнопке выпуска дипольных отражателей, и тут же облака резаной блестящей фольги вылетели из пусковой установки «Греты», создавая помехи вражеским системам наведения. Затем из бомбардировщика также было выпущено несколько тепловых отвлекающих ракет. Снаряды рвались совсем рядом, сотрясая корпус самолета, а все пространство между атакующей группой и аэродромом противника заполнили ослепительные вспышки огня, порождающие клубы белого и черного

дыма.

Одна из ракет попала в «Мисс Авантюру» и тут же уничтожила этот самолет. Однако покореженные обломки и целые отсеки его корпуса продолжали лететь с почти звуковой скоростью. Они падали вниз и, подняв тучи песка, потом еще долго катились по земле, устроив настоящий фейерверк в пустыне.

— Стрелки носовой и верхней башни, — передал по воксу Вилтри, — можете стрелять без моей команды, ребята.

Обе башни одновременно открыли огонь, пытаясь подавить зенитные батареи на правой стороне мобильного аэродрома. Вилтри буквально впился глазами в быстро приближающуюся цель, стараясь не упустить ничего, что могло бы представлять угрозу. Так, он заметил, что несколько «летучих мышей» пробуют запуститься с нижних взлетных площадок передвижной авиабазы. Не укрылось это и от Наксола. Лишь одна «Саранча» успела подняться в воздух со своей ионной катапульты, да и то только для того, чтобы тут же вспыхнуть факелом и

рухнуть, подбитой, вниз.

Десять секунд до бомбометания... Пять... Зенитным огнем повреждено левое крыло. Ничего, пока еще держится. Две секунды... Одна...

— Сброс!

Бомбардировщики звена «Ореол» один за другим прошли над гигантским мобильным аэродромом. Каждый бомбометатель с поразительной точностью положил свои бомбы, и чудовищные взрывы сотрясли платформу, разрывая на части бронированные пусковые установки. Взрывные волны вырывали из гнезд и переворачивали целые зенитные батареи, не говоря уже о подъемниках и порталах подъемных кранов. Какой-то бомбардировщик — Вилтри предположил, что это был «Время вдов», — сбросил свой смертоносный груз прямо к подножию шпиля командного пункта, возвышающегося над самой верхней взлетной площадкой. Поднявшийся огненный смерч снес сооружение, превратив его в груду металлолома.

Четырем «Мародерам» без видимого

для себя ущерба удалось покинуть пространство над уже пылающим аэродромом, но «Трон Терры», уже сбросив свой бомбовый комплект, все же попал под прицельный огонь зениток. Вилтри увидел через экран заднего вида, как бомбардировщик сначала завалился на крыло, а потом уже рухнул на песчаные дюны.

Оставшиеся четыре самолета, сохраняя строй, взмыли по широкой дуге и уже сверху начали повторный заход на цель. Даже густые столбы дыма, поднимающиеся с мощной платформы разбитого аэродрома, придавали этому циклопическому сооружению какую-то страшную величественность.

На этот раз бомбардировщики наносили ракетный удар, который сопровождался непрерывным огнем из башенных орудий. Ракеты наведения, выпущенные из гнезд у основания крыльев, зашипев, как змеи, устремились к своим целям, оставляя в небе извилистый дымовой след. Теперь уже не было ничего, что напоминало бы тот град зенитного

огня, который встретил их в первый раз.

Пока «Мародеры» стремительно проносились над дымящейся поверхностью авиабазы, их ракеты вместе со всполохами огня взметали в небо пустыни целые блоки металлических конструкций.

Израсходовав весь свой боекомплект, штурмовая группа стала удаляться, постепенно набирая высоту.

Между тем что-то фатальное и катастрофическое стало происходить с мобильным аэродромом. Скорее всего, одна из ракет все же пробила броню, которая защищала машинное отделение или склад боеприпасов. Как бы то ни было, вся эта громадная платформа вдруг судорожно затряслась, и невероятный, ослепительный взрыв разметал ее на мельчайшие части.

Он был настолько мощным, что чудовищная ударная волна чуть было не сбросила на землю бомбардировщики «Ореола».

Разбросанные в разные стороны, они лишь через некоторое время смогли вновь собраться в строй, в то время как гигантское грибовидное облако постепенно

заполнило собой все небо позади них.

Тэда. Южная ВВВ, 09.30

Атмосфера в Командном Центре Управления Полетами накалилась до предела. Вся ротонда наполнилась взволнованными голосами операторов, ведущих переговоры с командирами поднятых в воздух экипажей. Между тем инспектора полетов напряженно следили за тем, как развиваются четыре серьезных воздушных сражения и девять операций перехватчиков.

Дэрроу!

Тот завороженно глядел на высокие своды купола, откуда через узкие витражные окна просачивались слабые солнечные лучи.

— Младший! — В голосе Идса послышалось раздражение.

Дэрроу очнулся:

— Простите, сэр. Я забылся. Мне нет оправдания. Так что вы сказали, инспектор?

Идс повернулся в сторону своего молодого помощника. Хотя он и был слеп,

сейчас в его взгляде чувствовалась симпатия. Иде протянул Дэрроу какой-то отпечатанный лист.

— Я думаю, что тебе будет приятно зачитать это перед всеми, сынок, — сказал он. — Доказательство того, что не только плохие вещи случаются в этой жизни.

— Что, меня назначили на место Хекеля?

— Мне рассказали о Хекеле, сынок. Жаль, что именно тебе довелось первым войти в его комнату. Не думай сейчас о нем. Зачитай-ка лучше вот это.

Дэрроу пробежал глазами текст, отпечатанный на тончайшей бумаге, и радостно улыбнулся. Он окинул взглядом зал Центра Управления и прокашлялся, готовясь к своему короткому выступлению. Он слышал, что все ассистирующие младшие инспектора гордятся, когда им доверяют зачитывать подобные сообщения. Что ж, теперь пришел его черед выступать. И эта информация по своей значимости перекроет все предыдущие.

— Внимание, внимание! Звено «Ореол»

сообщило, что оно только что полностью уничтожило гигантский мобильный аэродром Архенеми в северной части Внутренней пустыни. Информация проверена. Мобильный аэродром противника действительно уничтожен.

Дэрроу расплылся в широчайшей улыбке, когда вся ротонда Центра взорвалась криками ликования и бурными аплодисментами. Это был первый мобильный аэродром, который удалось обнаружить и уничтожить. Даже Бэнзи хлопал в ладоши от радости.

Иде что-то сказал. Дэрроу наклонился к нему, потому что неутихающие овации заглушали все остальные звуки.

— Инспектор, повторите, пожалуйста, я не расслышал.

— Я сказал, что мы все же можем сделать это, — прошептал Иде. — Мы можем победить, хоть их и намного больше.

Морская набережная Тэды. Дворцовый пирс, 14.02

Сегодня с самого утра было пасмурно и в кафе не пришел ни один посетитель. Едва ли этому нужно было удивляться, ведь еще на рассвете ветер с моря принес на побережье сильный запах гари из Эзравиля.

Неожиданно хлопнула дверь. Бека оторвала голову от планшетов, которые она читала, сидя за стойкой бара, и увидела стоящего в дверях Вилтри. Только тридцать пустых столиков разделяли их сейчас. Медленный мотив тресианского вальса тихо звучал в ресторане.

Пилот улыбнулся и снял фуражку.

— Привет! Какой-то вы сегодня довольный, — сказала женщина, поднявшись ему навстречу.

Он прошел между пустыми столиками и, подойдя к ней, снял с плеча довольно увесистый вещевой мешок.

— Сегодня мы празднуем успех. По-настоящему большой успех. Вся моя команда уехала веселиться. Наверное, выпьют этим вечером все спиртное в Тэде. И горе местным девицам легкого

поведения.

— Так вы что, выпивши?

— Ну... Если только самую малость. В комнате распределения. Я, конечно, извиняюсь.

— Почему вы пришли сюда, Вилтри? С ваших слов получается, что вы сейчас пропускаете много интересного: застолья, вечеринки...

Вилтри развязал вещевой мешок и вытащил оттуда два завернутых в бумагу окорока виры, целую коробку сладких клубней, десертные бисквиты, несколько пучков зелени и бутылку красной сджиры.

Бека глядела на все это, широко открыв глаза и невольно сглатывая слюну. Никогда, даже до введения режима выдачи пайков, она не видела такого изобилия.

— Нам выдали все это. Что-то вроде поощрения. Орнофф прислал огромную корзину со снедью, чтобы наградить наше звено. Ребята, понятное дело, забрали с собой почти всю выпивку, а я взял себе остальное. Я подумал, что вы могли бы лучше меня распорядиться всем этим. Как повар, я имею в виду.

Он посмотрел на нее спокойным, уверенным взглядом и добавил:

— Кроме того, я не знаю здесь никого, с кем бы еще хотел отметить мой успех.

— Правда?

— Да, правда. Надеюсь, я не выгляжу слишком навязчивым?

— Нет, — ответила Бека. — Думаю, нет.

День 258

Эзравиль. Местная ВВБ, 11.31

— Спасибо! — крикнула шоферу Джагди и спрыгнула с военного грузовика.

Она зашагала по жидкой грязи к стоящему на краю аэродрома ветхому бараку, где ей пришлось пригнуть голову, чтобы пройти в низкую дверь. За ее спиной прогрохотало несколько имперских самолетов, взлетающих с пусковых установок в подернутое дымом небо Эзравиля.

Пилот сидел на баке с горючим, тупо уставившись на свои ботинки.

— Ты в порядке? — спросила Джагди.

Он поднял голову и, увидев, кто это, вскочил на ноги и быстрым движением отдал честь.

— Кажется, да, — ответил Марквол.

— Да, попали ты тогда в переделку. Я слышала, ты классно сбил самолет.

— Затем и меня подбили. «Коготь», наверное. Оказался точно у меня на хвосте. Я даже не заметил. Простите меня, мэм.

— Не за что. Ты катапультировался. Ты приземлился живой. Это сейчас самое главное.

— Я еще буду летать?

— Будешь, — заверила Джагди. — Если захочешь, конечно.

— Что вы имеете в виду?

— Единственная оставшаяся для тебя птичка — серийный номер Девять-Девять. Его уже починили. Ты можешь отказаться...

— Девять-Девять? — переспросил Марквол.

— Да.

Марквол горько рассмеялся. Он даже не знал, что хуже: то, что это бывший самолет Эспира, или то, что о нем говорили, будто он приносит несчастье своим пилотам.

Но затем, после недолгого размышления, он решил про себя, что перспектива больше не участвовать в вылетах пугает его куда больше, чем все остальное.

— Я беру Девять-Девять, — сказал Марквол. — Кто знает, может, моя

собственная невезучесть и невезучесть этой машины нейтрализуют друг друга?

Тэда. Южная ВВВ, 16.10

Они заметили их еще с приморского шоссе, и их вид не мог не вселять надежду. Авиабригады самолетов Космического флота, построившись в грозные ряды, летели сейчас над морем в направлении тэдианских полей. Эти подкрепления шли со стороны гигантских космодромов, расположенных на Северных авиабазах Энозиса.

Джагди и Марквол, которые теперь сидели в тряском кузове военного транспорта, при виде их вскочили со своих сидений, указывая руками друг другу на разные модификации самолетов и горячо обсуждая их особенности. Бригады «Громовых стрел» плавно повернули на Северный аэродром Тэды, в то время как два подразделения идущих по морю боевых кораблей — «Коршунов» — направлялись к южному побережью Полуострова. День сегодня был ясный, небо — чистое, и, несмотря на смог от пожаров над только

что покинутым или Эзравилем, настроение у летчиков было приподнятое, так что даже отдаленные звуки сирен, предупреждающих о приближении вражеской авиации, показались им сейчас чем-то вроде приветствия.

На базе, где они наконец высадились с транспорта, царила суета, которая обычно случается при переезде. Множество техников и пилотов, толпящихся в предполетной горячке вокруг пусковых установок, включая установки звена «Умбра», десятки снующих туда-сюда бронетранспортеров и тягачей...

Джагди решила, что теперь самое время немного поспешить. Вместе с Маркволом они побежали по камне-бетонному покрытию аэродрома, то и дело увертываясь от ползущих вереницей автопогрузчиков — «Стражей», подвозящих грузовые отсеки к транспортным самолетам. Бланшер и Асче сейчас стояли и беседовали с некоторыми из главных механиков.

— С возвращением, убийца! — игриво приветствовала Асче Марквола.

Тот слегка покраснел.

— Рад видеть тебя снова в строю, парень, — сказал Бланшер.

— Из-за чего весь этот сыр-бор, Мил? — спросила Джагди.

— Приказ о передислокации, — ответил Бланшер, вынимая планшет с приказом из кармана летной куртки.

Командир пробежала его глазами.

— Сегодня, примерно в восемнадцать ноль-ноль, «Умбра» отправляется на Южную тактическую базу, — продолжал Бланшер. — Я думаю, они хотят освободить место для новых поступающих машин. Мы же будем выполнять срочные задания по перехвату вражеской авиации из пункта, который на топографических картах обозначен на побережье озера Госель.

Джагди взглянула на карту на планшете. Это было довольно уязвимое с военной точки зрения место, где всегда можно ожидать атаки с воздуха, но, с другой стороны, оно также позволяло быстро навязать сражение любым авиагруппам противника,

приближающимся со стороны южных или восточных районов Внутренней пустыни, задолго до того, как они достигнут Полуострова и окажутся над такими большими городами, как Тэда.

— В Командном Центре Управления Полетами говорят, что несколько довольно крупных соединений наших сухопутных сил форсированным маршем сейчас уже проходят ущелья на востоке Маканайтского хребта, — добавил Бланшер. — Думаю, в наши обязанности также войдет и их защита.

— Ведь, наверное, не только в наши? — спросил Марквол.

— Нет, не только, — ответила Джагди, еще раз внимательно просмотрев планшет. — С нами идет Четыреста девятая, а еще одна бригада «Молний» уже прибыла на место.

— Транспортные самолеты уже начинают забирать наши экипажи, — прибавила Асче. — Нас переправят туда легко и быстро.

— Что ж, тогда нам нужно побыстрее идти, — заявила Джагди.

Марквол подошел к одной из пусковых установок и почти с вызовом взглянул на корпус серийного номера Девять-Девять. Механики потрудились на славу. Лишь незначительная помятость обшивки и не очень ровная покраска указывали на то, что самолет недавно побывал в ремонте. Не осталось ничего, что могло бы напомнить о том разбитом состоянии, в каком машина пребывала всего несколько дней назад.

— Теперь ты мой, — тихо произнес Марквол. — Я буду заботиться о тебе, если, конечно, ты не станешь меня подводить.

Темная, довольно жуткого вида «Громовая стрела» ничего ему не ответила.

День 259

В небе над Сикатрайсом, 13.43

Вылеты с целью обнаружения и уничтожения других мобильных аэродромов противника на время пришлось отложить.

На этот раз Вилтри повернул свою бригаду на запад, направив бомбардировщики в сторону продуваемых всеми ветрами каньонов великого горного разлома. Впервые он ощутил эту отвратительную тряску, эти сбивающие с курса, раздражающие пилота заносы самолета из-за тех резких порывов ветра, которыми был так печально славен Сикатрайс.

Километрах в двух прямо по курсу, в выжженном солнцем ущелье, сейчас бушевал настоящий ураган из дыма и огня.

Довольно крупное соединение нескольких изможденных частей сухопутной армады — вереница людей и машин, растянувшаяся на семь-восемь километров, — попало в устроенную

противником засаду, когда пробиралось через один из самых широких горных перевалов. Сразу три «Адских когтя» спикировали на них и буквально разорвали колонну посредине, нанося одновременно бомбовые и ракетные удары, а также открыв пулеметный огонь по наземным целям. Десятки танков и бронетранспортеров были объяты пламенем, которое местами даже охватило целые площади песчаного ущелья, где уже лежали горящие груды покореженного металла и, видимо, пролилось немало горючего. Крошечные фигурки людей далеко внизу бросались врассыпную, стараясь укрыться в беспорядочных нагромождениях скал по краям ущелья. Все воздушное пространство каньона было пронизано вертикальными столбами черного дыма, а белые перистые следы от трассирующих снарядов и реактивных выхлопов рассекали его горизонтально. Проносясь на бреющем полете, штурмовики Архенеми смешивали все эти виды дымовых следов, оставляя после себя причудливые вихревые потоки.

На самую южную оконечность каньона стремительно ворвался дивизион легких танков противника. Своей ярко-желтой окраской напоминающие каких-то ядовитых тварей, они сразу же накрыли огнем арьергард медленно ползущей по перевалу имперской колонны. Неожиданно ослепительный разряд крупнокалиберной лазерной пушки сверкнул из этой части ущелья.

Находящиеся в распоряжении Вилтри «Мародеры» не были приспособлены для отражения подобных воздушных нападений, но он надеялся, что одно только их присутствие сможет обескуражить противника и на время отвлечь его от этих беспрерывных, безжалостных атак. Лакомб уже запросил поддержку истребителей, и они, судя по всему, должны были появиться здесь минут через восемь.

— Идем на цель! Снижаемся! — отдал приказ Вилтри. — Отгоняем их от колонны, не даем им атаковать. А если удастся, сохранив курс, пройти над каньоном к его южной оконечности,

наносим бомбовый удар по легким танкам.

— Вас понял, ведущий.

— Следую за вами.

Вилтри, подавая пример другим бомбардировщикам бригады, на широком вираже подвел «Грету» к головным машинам конвоя и затем направил ее прямо вдоль колонны навстречу штурмовикам противника. Он прижимал свой самолет к земле так низко, как только возможно, и, лихо рассекая поднимающиеся с земли густые струи дыма, в то же время не мог не ощущать, что проклятые воздушные потоки, гуляющие по расщелине, опасно болтают из стороны в стороны корпус его «Мародера».

Как только Вилтри выровнял самолет на новой высоте и начал проход над колонной, он увидел впереди три «Когтя», которые уже заходили на атаку. С земли их тоже заметили и начали палить из болтеров, выпустив несколько очередей, которые, рассекая воздух, устремились в направлении штурмовиков.

— Ну-ка, давайте-ка заставим их

изменить курс! — прорычал Вилтри, стараясь управиться с непослушным, дергающимся туда-сюда рычагом управления.

Стрелки из верхней и носовой башен тут же открыли огонь вверх по уже начавшим снижаться самолетам противника.

Трассирующие снаряды вырвались из орудийных гнезд «Мародера» и с шипением понеслись навстречу трем стремительно приближающимся вражеским машинам.

Этот залп, может быть, и не повредил сами «Когти», но уж точно ошеломил их пилотов. Все три штурмовика сразу заложили виражи в разные стороны, тем самым прервав заход на атаку и покинув удобную позицию над колонной. Гейз повернул свою башню, продолжая вести огонь по тому из них, кто не слишком быстро уступил дорогу тяжелым бомбардировщикам.

Вилтри же удерживал прежний курс. Теперь они подлетали к месту, где горный перевал заканчивался и вот-вот должны были показаться ворота в ущелье.

Неожиданно яркий солнечный луч, отразившись внизу от какого-то желтого металла, заставил Вилтри слегка зажмуриться. Танки-разведчики! Сверху похожие на пауков, эти боевые машины сейчас накрыли огнем лазерных пушек замыкающий эшелон колонны.

— Джадд!

— Готов!

Вилтри вжался в кресло, ожидая, что бомбардировщик немного подбросит, когда он освободится от своего смертоносного груза, но то, что случилось дальше, намного превзошло все его опасения. Внезапный боковой порыв шквалистого ветра, который подул, видимо, из ворот ущелья, со страшной силой отшвырнул их многотонную машину в сторону, так что «Грета» дала крен на крыло, и Вилтри лишь с большим трудом удалось справиться с ее управлением.

Тем не менее бомбы были уже сброшены...

Он слышал:, как вовсю матерится Джадд. Коварные боковые ветры ущелья испортили им все бомбометание.

Боекомплект ушел далеко в сторону, разорвавшись где-то на верхних склонах каньона.

Вилтри направил самолет вверх и, набрав значительную высоту, стал по большой дуге вновь заводить «Грету» на рейд над ущельем. Позади и рядом с ним четыре из пяти «Мародеров» его бригады один за другим курсировали вдоль каньона, таким образом защищая колонну от налетов противника. Только «Считай, Ты Труп», повернув вверх, оторвался от общей группы и, преследуемый сразу тремя «Когтями», летел сейчас над вершинами, окаймляющими горную долину.

Вилтри услышал, как Орсон открыл огонь из хвостового орудия. Значит, сзади появилась еще одна «летучая мышь»! Сверкающие трассы, как искры, пронеслись мимо его кабины. Вилтри бросил машину вниз и тут же развернул ее в сторону солнца, так что тень «Когтя» медленно проползла через всю кабину.

— Оторвались! — крикнул Орсон по воксу.

Теперь снова в окутанную дымом

долину, туда, где сражение разгорелось с новой силой и где порывы шквалистого ветра порой не менее опасны, чем орудия ярко выкрашенных «летучих мышей»!

Вилтри пришлось заложить крутой вираж, когда навстречу ему, как два неясных цветных пятна, пронеслись «Когти». Где же застряли эти чертовы истребители?

Внезапно «Г как Грета» содрогнулась от мощного удара. Взвыли клаксоны на панели приборов. Самолет налетел прямо на разряд лазерной пушки типа «земля — воздух». Танки-разведчики Архенеми на этот раз были готовы к атаке.

— В нас попали! — закричал Лакомб.

Раздался ужасный треск разрываемого на части металла и звон разбитого пластека. В ту же секунду задребезжала система оповещения, указывая на критическое состояние одного из двигателей. Несмотря на отчаянные усилия Вилтри управиться с заклинившими рычагами управления, «Грету» резко занесло в сторону, и она тут же оказалась подхваченной яростным

порывом ветра.

Что-то взорвалось в нижнем отсеке, прямо под кабиной пилота, и оттуда донесся истошный вопль Джадда. Вилтри поразило, что этот здоровенный, как медведь, детина сейчас кричит совсем как малый ребенок.

— Мы теряем высоту! — заорал Лакомб.

Их болтало как в центрифуге, и Вилтри из-за этой дикой тряски даже прикусил кончик языка. Он тщетно пытался выровнять положение машины, но тревожный, бьющий по нервам сигнал оповещения, говорящий о неполадках в работе двигателей, теперь уже звучал не переставая.

Пилот увидел вход в ущелье, желтую броню танков и яркую молнию, которая взметнулась в небо из лазерной пушки и устремилась прямо ему навстречу. Теперь крыло было пробито, хвостовая часть повреждена... На-ксол что-то кричал из верхней башни, но из-за оглушительного шума в кабине ничего нельзя было разобрать.

Вилтри выпустил ракеты из установок на крыльях «Мародера» и увидел, как, издав легкий хлопок, они понеслись к цели, оставляя за собой тонкие следы белого дыма. Снаряды наведения просто разнесли легкие танки противника, подняв в воздух и разбросав по сторонам куски брони. Неожиданно капсула кабины треснула, и в образовавшуюся щель ворвался ветер, занося внутрь бесчисленные осколки битого стекла.

Между тем самолет вылетел из ворот каньона. В этот момент из двигателей, два из которых уже обильно выпускали клубы черного дыма, стали доноситься неровные завывания. Поднять самолет... Сейчас необходимо поднять самолет. Любой ценой — поднять...

Из-за жестоких ударов ветра в лицо Вилтри был вынужден отвернуть голову и оглядеться. Жуткая картина предстала перед ним. Большинство приборов в кабине были выжжены и разбиты. Лакомб буквально висел на ремнях снаряжения, причем одна сторона его головы, так же как и верхняя часть высокой спинки

летного кресла, отсутствовала.

Колесо Судьбы...

Приборы уже не могли ничего сказать, но Вилтри налетал достаточно часов на «Мародерах», чтобы почувствовать момент, начиная с которого уже ничто не может спасти этих стальных птиц.

— Катапультируйтесь! Немедленно катапультируйтесь! — приказал он экипажу, хотя прекрасно знал, что они сейчас уже слишком низко...

Скалистая, изрезанная поверхность предгорья стремительно и неотвратимо надвигалась на них. Узкие полоски песка, выступающие из земли скалы, белые пятна солончаков... Они все увеличивались и увеличивались, пока наконец не стало казаться, что для неба уже совсем не осталось места.

Вилтри закрыл глаза...

День 260

Тэда. Старый Квартал, 00.05

Храм уже почти опустел. Несколько горящих лампад, расставленных в нишах стен вдоль всего его нефа, лишь немного рассеивали мглу, но главный свет в здании исходил от дрожащих свечей, водруженных прихожанами на столик у алтаря в знак духовной поддержки своих близких.

— Вам что-нибудь нужно? — учтиво спросил иерарх церкви.

Бека сидела с краю первого ряда. Будто выведенная из состояния глубокой задумчивости, она подняла на него взгляд:

— Я просто жду одного человека.

— Уже поздно.

— Я знаю. Я знаю, что поздно, но... Можно я посижу здесь еще немного?

— Конечно, дочь моя, — ответил священник. — Оставайся. Я буду в ризнице, если ты захочешь исповедаться.

После того как он ушел, Бека просидела еще несколько минут.

Поздно. Уже слишком поздно. Она

ждала его сразу после окончания своей смены. Затем еще час на набережной, пока на улице не стало совсем темно. Теперь она должна будет писать объяснительную записку начальнику мануфактуры и, вероятно, ей урежут месячную зарплату за то, что она пропустила свою смену.

Она думала пойти на аэродром, но вдруг поняла, что не знает, на какой именно. Кроме того, трамваи так далеко уже не ходили, да и денег на билет у нее не было. Гражданских вообще не пропускали на территорию авиабазы.

Женщина поднялась с церковной скамьи и подошла к столику с поминальными свечами. Положила три мелкие монеты в чашку на столе и вытащила из лежащей рядом коробки три свечки. Она поставила их в подсвечник рядом с десятками других, которые уже давно зажгли, и стала по очереди подносить к ним горящую лучину.

Одна за Гарта, другая за Эйдо...

Еще одна за...

В этот момент кто-то вышел из храма и хлопнул тяжелой дверью, из-за

чего поток холодного воздуха пронесся по
зданию.

Все три ее свечи тут же задуло.

Последний оазис

Озеро Госель

773. М41 по имперскому летоисчислению, дни 261–264

ТБП на озере Госель, 05.32

— Давай вставай! А ну, просыпайся, черт тебя побери совсем! — раздался раздраженный шепот над самым ухом Вандера Марквола.

Он открыл глаза и повернулся на койке. Ван Тул склонился над ним в фиолетовом полумраке палатки и энергично тряс за плечо.

— Что? Что такое?

— Воздушная тревога! — прошептал бывалый летчик и постучал пальцем по алюминоидному браслету у себя на запястье. — Он что, не разбудил тебя?

Марквол широко зевнул и помотал головой. Он поднял руку и взглянул на свой собственный металлический индикатор, который не подавал никаких сигналов, в то время как у Ван Тула на крышке ярко высвечивалась красная руна.

— Я думаю, он у меня сломался, — пробормотал Марквол.

Ван Тул нахмурился и, крепко взяв

юношу за запястье, снял с него неработающий браслет, внимательно осмотрел со всех сторон и затем кинул прибор обратно владельцу.

— Тебе нужно будет получить новый на складе. Не сейчас, конечно. Пошли быстрее.

Ван Тул отстегнул брезентовый полог походного укрытия и вместе с лучами света впустил внутрь теплый, влажный воздух тропического леса. Он был уже одет, тогда как Марквол все еще натягивал бриджи и крутил головой, стараясь отыскать сброшенную вчера обувь.

— Быстрее! — уже удаляясь, крикнул Ван Тул.

Марквол сунул ноги в ботинки, но возиться со шнурками не было времени. Так толком и не приведя себя в порядок, он вылез из палатки и побежал за старшим товарищем.

Вокруг купола укрытия, где они теперь должны были проживать, располагалось не менее ста пятидесяти аналогичных сооружений, укрытых

камуфляжным брезентом, которые теснились под истекающими влагой кронами киндервудовых деревьев. Даже ранним утром влажность в таком лесу была чрезвычайно высокой, а яркие солнечные лучи едва пробивались сквозь густую листву ветвей и паутину из маскировочных сеток, сплошным навесом натянутых между стволами деревьев над лагерем пилотов. Оба летчика бежали сейчас по испещренному причудливыми тенями лесу, стараясь держаться протоптанной тропы, ведущей к дощатому настилу, на котором располагалась мощная зенитная установка и сразу за которым начинались бесчисленные топкие трясины и заболоченные водоемы. Вокруг носились несметные рои скопсов, своим надоедливым жужжанием напоминая помехи в воксе.

Пока они бежали, Марквол успел заметить в полумраке окружающих тропу зарослей темные силуэты каких-то больших, тщательно замаскированных объектов. Кроме многочисленных укрытий, в этих силуэтах угадывались хорошо

замаскированные склады с продовольствием, батареи противовоздушных «Гидр», чьи орудийные расчеты притаились и не издавали сейчас ни звука, а также спрятанные под брезентом и мерцающей маскировочной сеткой боевые самолеты, в любую минуту готовые подняться в воздух.

Наконец они подбежали к заранее условленному для таких случаев укрытию и протиснулись внутрь. Там уже находились все действующие пилоты «Умбры» вместе с прикрепленной к ним командой механиков, так что было почти не протолкнуться.

— Что, проспали? — спросила Джагди.

— Моя вина, командир, — ответил Ван Тул.

— Неужели?

— Оказалось, у Марквола не работает его наручный индикатор, а я слишком поздно начал его будить.

— Полагаю, что это все же вина Марквола, а вовсе не ваша, не правда ли? — заметила Джагди, с неодобрением глядя на незаправленную майку и развязанные

шнурки на ботинках молодого летчика.

— Виноват, мамзель...

— Все, теперь заткнитесь! — прервала его Джагди.

Под куполом укрытия установилась мертвая тишина. Снаружи до них доносились рулады лесных птиц и незнакомые пронзительные крики каких-то местных животных. Марквол уже решил про себя, что ему совершенно не нравится это место. Душно, сыро, повсюду терпкий, неприятный запах гниения... Кожа во многих местах зудела. Ему уже довелось увидеть здешних клопов с палец толщиной, когда они ползали по стенам их общего с Тулом укрытия, а ночью на свет затемненных походных фонарей слетались тысячи мохнатых жуков-кровососов.

Вдруг птицы разом прервали свое пение, и Марквол услышал то характерное негромкое дребезжание, с которым медленно разворачивалась ближайшая к ним платформа для «Гидр». Затем откуда-то сверху послышался шум реактивных выхлопов, который почти сразу же стал затихать, удаляясь.

Летчики «Умбры» не могли не узнать знакомые «трели» реактивных самолетов Ар-хенеми с направляемым вектором тяги. Это длилось всего несколько секунд, не больше. Затем все смолкло.

В укрытии раздался приглушенный сигнал вокса.

Вас понял, — произнес Бланшер и снял с себя микрофон с наушниками. — Отбой! — сообщил он остальным.

Толпа в тесном помещении сразу пришла в движение. Возобновив свои разговоры, летчики и механики стали по двое выходить из укрытия. Руны на их браслетах теперь уже горели зеленым светом.

— Можете приступать к выполнению своих ежедневных обязанностей, — объявила всем Джагди. — В шесть тридцать начинается краткий инструктаж, но до этого вам еще нужно успеть поесть и умыться. Учтите, сигнал тревоги может поступить в любую минуту. Да, Мар-квол!

— Слушаю, командир.

— Ступай прямо сейчас на склад и возьми там новый наручный индикатор.

Как только его получишь, не выходя оттуда, сразу нажми на нем тестовую кнопку и убедись, что он работает. Если нет, поменяй на другой. Ты все понял?

— Так точно, командир.

— Я-то по наивности думала, что ты все понял еще вчера вечером, когда я специально говорила об этом для всех первый раз.

— Виноват, наверное, я невнимательно слушал. Больше такого не повторится.

— Можешь идти.

Он уже сделал несколько шагов в сторону.

— Подожди!

Марквол глубоко вздохнул и обернулся. Вид у Джагди был озабоченный.

— Ну-ка, подойди поближе. Вот сюда. Теперь повернись.

Она взглянула на его расчесанные до крови плечи там, где это позволяла сделать нательная майка, а затем, задрав ее, уже внимательно осмотрела всю спину.

— У тебя что, есть какое-то кожное заболевание, о котором я почему-то не

знаю?

— Никак нет, мамзель.

— Значит, это укусы скопсов. Говорят, что кожа у некоторых людей реагирует на них намного сильнее, чем у остальных. Особенно страдают те, чья кожа имеет сладкий привкус. У тебя сладкая кожа, Марквол?

— Не могу знать, мамзель.

— Похоже, что скопсы думают именно так. Загляни к главному медику базы, пока они тебя совсем не заели.

— Слушаюсь, мамзель.

Как следует зашнуровав ботинки, Марквол побрел на склад, расположенный на другом конце военного лагеря. Теперь, когда миновала опасность обнаружения, место вновь стало похоже на нормально функционирующую авиабазу. На дощатых настилах аэродрома началась обычная среди персонала суета. Команды механиков стащили с самолетов камуфляжный брезент и сразу приступили к профилактическим работам по поддержанию их в боевой готовности. Острый запах прометия почти тут же

забил зловоние болотных испарений.

О том, что под раскидистыми кронами киндервудовых деревьев на южном побережье озера Госель скрывается тактическая база перехватчиков — наспех возведенный полевой аэродром с прилегающим к нему лагерем для пилотов и технического персонала, — кроме самих обитателей базы и операторов Центра Управления, знали всего несколько человек из высшего командного состава. Само это озеро, протянувшееся с востока на запад почти на тысячу километров, представляло собой огромный резервуар пресной воды, который постоянно пополняли горные потоки, стекающие с талых ледников Маканайтского хребта. В свою очередь, именно отсюда брала свой исток река Саройя, что несла воды к далекому побережью Западного океана Энозиса. Эта великая система рек и озер, вокруг которой простиралось буйно разросшееся царство тропических лесов, сформировала естественную границу между песками Внутренней пустыни на юге и нескончаемыми зарослями колючих

кустарников Полуострова на севере, где уже преобладал довольно умеренный климат. Там, в этом богатом растительностью тропическом поясе, и было решено разместить секретную авиабазу, с которой удобно атаковать любую пролетающую мимо авиагруппу.

Между стволами редеющих у самой воды деревьев просвечивала освещенная ярким солнцем зеленая гладь озера, настолько широкого, что его противоположный берег представлялся едва различимой линией в туманной дымке. Вся территория, на которой располагалась база, была сильно заболочена и, вероятно, могла считаться настоящим раем для кровососущих насекомых: миазмы черной трясины чередовались здесь с затонами стоячей воды посреди зарослей киндервудовых рощ. Пробравшись к самому берегу озера, Марквольу удалось рассмотреть вдали, на его восточной стороне, древние отроги Маканайтского хребта, казавшиеся светло-коричневыми в лучах восходящего солнца.

Надо сказать, что бригады саперов

Космического флота, прибывшие на Госель вместе с рабочими Муни-торума, успели в краткие сроки выполнить огромный объем работ. Сборные жилые модули и мощные зенитные батареи, бронированные бункеры и крытые складские ангары были умело расположены или под кронами многочисленных деревьев и сотнями квадратных метров маскировочных сеток. Модарные и воксные мачты незаметно выступали из густой листвы или же, смонтированные в форме витых гнезд, крепились к самым стволам деревьев. Посреди тропического леса были прорублены десятки просек, каждая выровнена и покрыта толстым настилом из тяжелой вулканизированной резины — плотного серого материала, рулоны которого, раскатанные слоями, формировали поверхность временных взлетно-посадочных площадок. На всех этих площадках сейчас стояли боевые самолеты: десять «Громо вых стрел» звена «Умбра», двенадцать «Рапторов» Четыреста девятой бригады Космического флота, а также восемь разведывательных

«Молний» Сельсот восемьдесят шестой бригады «Подзорная труба». При запусках и посадках с выложенных настилами просек ненадолго снималась маскировка, но во всякое другое время они были практически незаметны с воздуха.

Тяжелые грузовые транспорты, которые время от времени доставляли сюда замену летного состава, провиант, предметы первой необходимости, а главное — боеприпасы и горюче-смазочные материалы, осуществляли свои приземления исключительно на широкие топкие берега озера и задерживались там всего на несколько минут. Не могло быть и речи о том, чтобы специально выкладывать для них масштабную, долговременную посадочную площадку, так как никакие камуфляжные сетки не смогли бы в этом случае обеспечить надежной маскировки. «Стражи» — мощные автопогрузчики — обычно пробирались сквозь грязь илистого берега к самым бортам приземлившихся транспортов и самостоятельно производили все работы по снятию и последующей перевозке на

склад доставленных на базу грузов.

По всему периметру ТВП была окружена довольно плотным кольцом из противопехотных пулеметов — «Тарантулов», стороживших ее лесные границы, в то время как более двух десятков «Мантикор» и «Гидр» защищали базу от возможной угрозы с воздуха. Вообще же население ТВП на озере Госель, включавшее в*себя военнослужащих НСО, из которых формировались орудийные и пулеметные расчеты, тридцать летчиков с прикрепленными к ним бригадами механиков, а также небольшую группу летных инспекторов командного состава, насчитывало не менее двухсот человек.

— Привет, убийца! Куда идешь?

Марквол оглянулся и увидел Лэрис Асче, бегущую трусцой вдоль дощатого настила одной из зенитных установок.

— На склад, — ответил он.

Честно сказать, юноша побаивался лейтенанта авиации Лэрис Асче. Слишком уж опытным, бывалым пилотом выглядела она в его глазах. У Джагди, конечно, тоже был огромный опыт, и

самолетов она сбила не меньше, но его почтение к ней главным образом основывалось на том, что она была его командиром. А Асче уже была асом, даже когда Фантин еще не был полностью освобожден, и потому причиной, по которой она пользовалась уважением товарищей, был лишь ее несомненный талант летчика. К тому же она была еще довольно молода. Бланшер имел впечатляющий послужной список, но ведь он и был уже в возрасте. Лэрис же выглядела не намного старше Марквола.

Она была худощава, фигурой напоминая мальчишку-сорванца, но в широкой белозубой улыбке на ее скуластом лице всегда было что-то порочное. За день до их отправки на Госель Асче остригла свои роскошные белокурые волосы, оставив не больше сантиметра. «В джунглях вши, — заявила она в ответ на недоуменные взгляды товарищей. — Не хочу, чтобы они у меня завелись».

— Медчасть ведь находится совсем недалеко от склада, не так ли? — спросила Лэрис.

— Думаю, да.

— Мне нужно будет заскочить туда. Лишняя предосторожность не помешает.

— Ты о чем?

Она подняла руку и провела по ежику волос:

— Об этом.

— Не понял.

Асче закатала рукав куртки, и Марквол увидел многочисленные следы укусов насекомых на ее предплечье.

— Скопсы, — понимающе кивнул он.

— Да, говорят, их здесь так называют.

— Со мной то же самое, — сказал юный пилот и показал искусанное плечо, оттянув воротник летной куртки.

— Вот суки! — вырвалось у нее.

Станция Мунитору́та представляла собой кольцо укрепленных блочных строений, расположившихся под сенью величественного папоротникового дерева. Летчики вошли внутрь и сразу почувствовали прохладу от работы воздухоочистителей. Сидящий у входа дежурный, на лице которого было

установлено сумасшедшее количество древней аугметики, оторвался от своего ко-гитатора и вопросительно взглянул на них.

— Мне нужен новый наручный индикатор, — сказал Марквол.

— Я думаю, офицер авиации, вы хотели сказать: «Сениор, пожалуйста, не могли бы вы мне выдать новый наручный индикатор?»

— Что-что?

— Меня зовут сениор Лирек. Обратитесь ко мне вежливо.

Марквол выразительно посмотрел на свой хронометр.

— Вообще-то, идет война, — напомнил он.

Асче зло ухмыльнулась.

— Война идет, но разве это отменяет нормы элементарной вежливости? Что бы делал Космический флот без постоянных усилий работников Мунитория?

— Даже не представляю, — ответил Марквол.

— Ах, вы не представляете! — вскипел

Лирек, вскочив с кресла и вручную наводя резкость своей старомодной оптики. — Вы смотрите на нас как на своих слуг! Подай вам то, подай это, но...

— Да вы знаете, с кем вы говорите? — прошипела Асче на уже вошедшего в раж пожилого сотрудника Мунитория.

— Э... нет.

— Лэрис... — занервничал Марквол.

— Это всего лишь Марквол, — продолжала та, яростно сверкнув притворно расширенными глазами. — Убийца Марквол. Тот самый Марквол, который... Ну, вы, конечно, знаете...

— Нет, — пробормотал Лирек. — Я не уверен, что я слышал о...

— Он совершил убийство! — воскликнула Асче.

— Убийство?

— Убийство. Убийство во имя Трона! А вы тут говорите о каком-то уважении...

— Нет, п-п-подождите... Я... — начал вдруг заикаться сениор Мунитория. — Я немного забылся. Не покажете ли ваш прибор, сэр?

— Он не работает, — сказал Марквол,

передавая служащему неисправный браслет.

— Да, не работает. Ужасный недосмотр. Будьте любезны, подождите секунду...

Лирек быстро вернулся с новым комплектом наручного индикатора.

— Вот, возьмите, сэр. Я только что его проверил. В случае воздушной тревоги он тут же засветится и, если того потребует обстановка, сможет бесшумно разбудить или привлечь ваше внимание легким, безвредным покалыванием слабых разрядов тока.

— Спасибо. — Марквол расписался на квитанции.

— Я живу, чтобы служить вам, — ответил Лирек, подобострастно кивая ему своей черепашьей головой.

Выйдя из помещения, Асче расхохоталась.

— Зачем ты это сделала?

— Ты ведь получил свой индикатор, разве нет? — спросила она.

— Да, получил. Но ты солгала.

— Подожди, ты сбил самолет или

нет?

— Да, но...

— Значит, все правильно. Я сказала правду. В конце концов, откуда ему знать?

— Ты опасный человек, Лэрис Асче.

— Так говорят...

По соседству со складом находилось вытянутое блочное строение, надежно спрятанное под мерцающими камуфляжными капсулами. У его порога, прямо на ступенях, сидел какой-то крепко сбитый человек средних лет и довольно высокого роста. Он устало уронил голову на колени, крепко обхватив их руками. Его волосы, вымазанные чем-то, что выглядело теперь как засохшая глина, приняли форму спутанных дредов. На нем был надет синий шелковый балахон айятани — важного сана среди жрецов культа Беати.

— Святой отец, — обратился к нему Марквол. — Главный медик у себя, не знаете?

— Он вышел, — ответил жрец.

— Может, мы тогда оставим ему записку? — предложил Марквол Асче.

— Ну нет, я твердо намерена найти

здесь себе какое-нибудь средство. Меня эти укусы совсем доконали.

Они прошли в помещение медчасти, где все сверкало чистотой — от полированной стали ящиков с медикаментами до прозрачных стеллажей из пластека, на которых не было ни пылинки. В кондиционированном воздухе чувствовался сильный запах мяты. Недолго думая, Асче сразу полезла копаться в ящичках с лекарствами.

— Что это вы тут делаете?

Айятани, оказывается, уже стоял в дверях у них за спиной.

— Мы хотим найти тут кое-что.

— Я же сказал вам, что медик вышел.

— Да, мы слышали.

— Теперь он снова вошел.

Пилоты с удивлением посмотрели на высокого жреца. Он поднял руку и, стряхнув вниз рукав своего балахона, продемонстрировал им форменную манжету с идентификационным знаком Дивизио Медика Космического флота.

— Меня зовут айятани Каутас... Кроме того, я служу медиком на этой

ТВП, так что уберите-ка свои грязные руки от моих ящиков с медикаментами.

Асче отпрянула в сторону, опрокинув при этом на решетчатый пол коробки с какими-то пакетами, которые тут же рассыпались.

— Какие жалобы? — рявкнул жрец.

— Мм... скопсы совсем заели, — смущенно сказал Марквол, уже собираясь повернуться, чтобы показать терапевту волдыри на спине.

Но Каутас прошел мимо, не обратив на его порыв никакого внимания. Он быстро выбрал два тюбика с какой-то мазью и бросил их Маркволу. Молодой летчик едва сумел поймать их.

— Смазывать два раза в день! — буркнул айятани. — И не вздумай сюда являться, пока у тебя в паху гнить не начнет.

— Спасибо вам, святой отец... — начал было Марквол.

— Проваливайте отсюда, воришки.

— Что, черт возьми, все это значит? — возмутилась Асче, когда они уже вышли из лазарета.

— Даже не знаю, — растерянно произнес Марквол.

— Да ну его, какая разница! — воскликнула, улыбаясь ему, Асче. — Итак, убийца, что ты со...

В этот момент оба они аж подпрыгнули, поскольку у обоих одновременно сработали наручные индикаторы, кольнув их током в запястья и засветив красную руну.

— У, черт! — вскричал Марквол. — Что это с ним? Это что, ты что-то сделала?

— Нет, не я, — ответила Асче и потянула юношу за рукав к ближайшему укрытию.

Джагди уже сидела в своей «Стреле», когда вдруг почувствовала в руке легкое покалывание. На палубных настилах, к востоку и западу от нее, Бланшер и Кордиаль также находились в своих машинах.

Ее главный механик плотно закрыл капсулу кабины и осенил самолет знамением аквилы.

«Громовая стрела» была заведена на гидравлическую установку быстрого

запуска и стояла к небу под углом семьдесят пять градусов. Секретная авиабаза всегда держала наготове три перехватчика — в данный момент это была их группа, — чтобы можно было в любое время, по первому требованию, поднять их в воздух. Сейчас Джагди видела над собой лишь переливающуюся в солнечных лучах маскировочную сетку.

Проведя большим пальцем по красной продолговатой кнопке, она окончательно положила его на активатор стартового запуска.

Мучительно медленно тянулись минуты ожидания, и пот струйками стекал с ее лица на дыхательную маску.

Тишина. Жара. Какие-то шорохи в лесу...

— Вызываю ведущего «Умбры»... — заговорил вокс.

Над конусообразной носовой частью самолета неожиданно раздвинулись мерцающие камуфляжные сетки, и яркий дневной свет ворвался в кабину. Еще даже не услышав, Джагди уже знала, какой последует приказ.

— ...ваша группа получает команду на взлет.

Она наконец вдавила в кнопку большой палец.

Со страшной силой ее прижало к летному креслу, поднялся рев реактивных турбин, и летчица оставила за спиной все земные переживания.

Сикатрайс, 06.50

— Ты в порядке? В порядке? Ты можешь доверять мне...

— Какой в этом смысл, сэр? — не понимал Матредес. — Я думаю, он все равно долго не протянет.

— Нет, — возразил Ле Гуин. — Мне кажется, он просто обезвожен. Дайте ему немного воды.

Матредес и Эмдин недовольно посмотрели на командира.

От последней перегонки осталось уже совсем не много.

— Я знаю, — спокойно сказал Ле Гуин.

— Я думаю, нам следует оставить его там, где нашли, — настаивал Матредес.

— Никого оставлять мы не будем, — твердо заявил командир.

— Вот черт! — тяжело вздохнул Эмдин и, придвинувшись к распростертому на песке человеку, влил в его растрескавшиеся губы несколько капель из своей фляги.

— «Грета», — простонал тот. — «Грета»...

— Интересно, кто такая эта Грета? — задумчиво произнес Матредес.

— Может, его девушка? — предположил Эмдин.

— Как его зовут? — спросил Ле Гуин.

Эмдин сунул руку за отворот опаленной в нескольких местах куртки пилота и со звоном вытащил оттуда целую связку идентификационных имперских жетонов.

— Вилтри, — сказал он. — Его зовут Вилтри.

В небе над тропическим лесом, 07.00

Густые кроны тропических деревьев, сплошным зеленым ковром протянувшись

поверх многочисленных построек и инженерных сооружений, сверху производили впечатление какой-то единой колышущейся массы. Чтобы остаться вне зоны действия радарных систем противника, три «Громовых стрелы» старались как можно ближе прижиматься к верхушкам, в полете повторяя все контуры этого моря зеленой листвы. Пролетая, самолеты приводили это зеленое море в состояние шторма, а стаи потревоженных авианов, как и прочих крылатых созданий, которые то и дело стремительно взмывали из ветвей вверх, напоминали пилотам яркие разрывы шрапнели.

Бланшер и Кордиаль держали свои машины вплотную к ведущему.

— «Умбра», — вызвала Джагди свою группу по воксу. — Поворот на запад, направление ноль-шесть-два. Предполагаемые цели идут на высоте девятнадцать километров шестьсот метров. Ждите команду на набор высоты.

— Вас понял, ведущий.

Джагди никак не могла отделаться

от ощущения, что что-то не так, и это ощущение нельзя было приписать лишь новому впечатлению от совершенно нового для нее вида местности. Понадобилось несколько минут полета, чтобы она наконец поняла, что все дело в ее «Стреле», точнее, в окраске ее носовой части и крыльев, что были видны из кабины. Пилот все еще не свыклась с тем, что они теперь зеленые. Бригады технического персонала совершенно резонно перекрасили самолеты в цвет лайма, что в новых условиях, конечно, больше способствовало их маскировке, и все же Джагди уже успела привыкнуть к тому, что ее окружает корпус стального цвета.

Вдруг высоко в безоблачной синеве ее глаз уловил яркую точку, отблеск металла на солнце. В следующую секунду командир уже разглядела рядом с ней несколько крошечных летящих объектов и тонкие белые следы оставляемых ими инверсий.

— Говорит «Умбра Два». Ведущий, я вижу инверсионный след на три часа. Прием.

— Вижу, Второй. Ублюдки проходят как раз над нами. Звено, орудия к бою. Приготовьтесь взлететь как черти.

Пять точек. Нет, шесть. Немного... Вероятно, «Бритвы».

— По моей команде... три... два... команда!

Все три пилота полностью открыли дроссели подачи газа и, потянув на себя рычаги управления, круто направили тяжеловесные «Громовые стрелы» вверх, от зеленого полога тропического леса к бескрайним просторам синего неба. Джагди теперь уже отчетливо видела вражеские машины. Шесть класса «Саранча» в патрульном построении.

Плотно прижатые перегрузкой к летным креслам, пилоты «Умбры» устремили свои самолеты вверх так круто, как только это позволяли их турбовинтовые двигатели. «Летучие мыши», казалось, пока их не замечали, но все должно было перемениться очень и очень скоро. Джагди обхватила правой рукой рычаг управления и осторожно положила большой палец на активатор

орудий.

До перехвата осталось десять секунд... Девять... восемь...

Неожиданно «летучие мыши» разорвали свой строй и рассыпались в разные стороны почти как те птицы, что в страхе вылетали из крон деревьев при первых звуках реактивных двигателей.

Но «Умбра» уже вступила в бой.

— Разделяй и властвуй! — напутствовала свою группу Джагди.

Она направила свою машину в самую середину рассыпавшегося строя самолетов противника, выбрав себе в жертву ярко-янтарную «Саранчу» с золотыми полосами. Та уже стала разворачиваться, но Джагди, набрав скорость, имела все преимущества нападающей стороны. Она слегка накренила корпус своей машины и спокойно дождалась, когда враг оказался в перекрестье ее прицела.

Теперь только нажать кнопку...

Голубовато-синие молнии лазерного разряда вырвались из-под конуса носовой части ее «Стрелы». Командир выпустила три разряда сдвоенных молний, и второй

из них точно попал в «Саранчу». Из образовавшегося густого облака полетели части ее корпуса, и вскоре подбитый самолет завалило на «спину». Языки пламени выбивались из-под нижней его плоскости, в то время как, описывая длинную неровную траекторию, он стремительно приближался к раскинувшемуся внизу бес крайнему зеленому морю. Затем Джагди увидела яркую вспышку где-то глубоко в зарослях тропического леса, после чего оттуда повалили клубы дыма и раскаленного пара.

Целью, выбранной Бланшером, стала сначала ярко-синяя машина с отвратительной желтой эмблемой на корпусе. Но, ускользнув от его первых залпов, вражеский самолет совершил идеально точный мощный нырок под траекторию Милана, и такой маневр «Умбра Два» уже никак не могла надеяться повторить. Тогда Бланшер развернулся и начал преследовать другой самолет, летящий на юг, — «Саранчу», выкрашенную в цвет меди. Он умело вывел свою «Стрелу» на убойную позицию, но

«Саранча», включив дополнительное ускорение, легко ушла из зоны его атаки. Эти небольшие самолеты противника обладали поразительной способностью мгновенно ускоряться и взмывать вверх под немыслимо острыми углами. Бланшеру оставалось только чертыхнуться и, оставив преследование, повернуть свою машину обратно в самую гущу сражения.

Кордиаль же сел на хвост малиновой «летучей мыши», которая попыталась уйти от преследования, спикировав вниз, в сторону леса. Принимая этот вызов, Кордиаль также бросил свою машину вниз и погнал красную фигурку вражеского самолета к самой поверхности безбрежного зеленого океана. Уже у самых крон, выровняв свое движение, «летучая мышь» принялась выделывать неимоверные финты, так что Кордиалю, чтобы не дать противнику оторваться, то и дело приходилось круто накренять свой самолет то на одно, то на другое крыло. Он выпустил один заряд — промахнулся. Вновь навел прицел и выстрелил

повторно-Снова мимо.

--- Увертливый, сукин сын... --- пробормотал пилот, весь скрючившись под действием центробежной силы, возникающей после каждого стремительного поворота.

Прямо над ним Джагди начинала охоту за своим вторым скальпом. Она положила глаз на желтую «летучую мышь», прорывающуюся на запад, но, уже развернув самолет, услышала пронзительный сигнал системы обнаружения. Та самая синяя «Саранча», которая ускользнула от Бланшера во время его первого захода, теперь оказалась у нее на хвосте. Враг выстрелил дважды, выпуская терцающие трассы болтерных зарядов, но каждый раз Джагди удавалось вовремя уйти с линии огня. Наконец, ударив по тормозной кнопке и почти введя свою машину в режим неподвижного зависания, командиру все же удалось от него оторваться. Синий самолет противника пулей пронесся под ее правым крылом. Поняв, что его одурачили, вражеский летчик резко рванулся вправо и

вверх, но Джагди, буквально вывернув свою машину винтом, тут же ринулась за ним в погоню.

Желтая «летучая мышь» решила пока не ввязываться в общую свару, а, включив векторные сопла, взмыла высоко вверх, чтобы уже потом стрелой спикировать оттуда на выбранную цель. Упустив возможность сразу атаковать Джагди, пилот противника направил свой самолет на Кордиаля, все еще продолжавшего преследовать малиновую «Саранчу» вдоль самой кромки зеленых крон тропического леса.

Пилот желтой «летучей мыши» даже не заметил Бланшера...

А между тем «Утбра Два», налетев сверху, внезапно зашла к нему в хвост и тут же открыла огонь из всех своих счетверенных орудий. «Саранча» вся задрожала, будто испытывая мучительную боль. Ее деформированный многочисленными попаданиями корпус вдруг засиял огненным цветком, чьи лепестки на самом деле были тонкими языками пламени горящего газа, струйки

которого вырывались теперь из пробитых цилиндров в разные стороны.

Примерно в это же время, но на тысячу метров выше Джагди удался редкий по сложности поворот Зигнера. К сожалению, рядом не было никого, кто мог бы оценить этот, столь трудный по исполнению, маневр, в результате которого она вышла на убойную позицию по отношению к синей «летучей мыши», в последний раз тщетно попытавшейся оторваться, уйдя влево.

Удивительные по точности выстрелы Джагди прошили всю носовую часть самолета противника, а затем отбили от его фюзеляжа секцию крыльев. Когда же «Саранча» пошла вразнос, Джагди произвела третий залп, поразивший врага с левой стороны, под самое основание кабины. Теперь уже взорвалась вся кабинная надстройка истребителя. Должно быть, один из снарядов угодил в систему катапультирования, потому что Джагди ясно видела, как какой-то горящий объект выбросило прямо из кабины подбитой «летучей мыши», после чего

тот, подобно метеору, полетел вниз, навстречу земле. Совсем уже разбитая, со сгоревшим пилотом в кабине, «Саранча» вдруг как-то вся сложилась и разлетелась на сотни тысяч горящих обломков, огненным дождем просыпавшихся на девственный тропический лес.

Двум из оставшихся «летучих мышей» удалось выйти из боя, и теперь они, развив максимально возможную скорость, летели к спасительному для них югу. Последней живой целью оставался малиновый самолет, преследуемый Кордиалем над самым лесом.

— Помощь не нужна? — спросил по воксу Блан-шер, начиная снижаться.

— Нет, Второй, не нужна. Он мой. Увертливый, сукин сын...

Продолжая держаться на нулевой высоте — практически над ветвями деревьев, — Кордиаль уже несся со скоростью четыреста километров в час, когда наконец услышал долгожданный сигнал системы наведения. С торжествующим криком он тут же открыл огонь.

Но в этот момент стайка испуганных розовых птиц, которых, видимо, вспугнул реактивный выхлоп его движущейся цели, вдруг выпорхнула из густых ветвей не ред его «Стрелой». Кордиаль на полном ходу врезался в них. Птичьи тела ударили по его машине как орудийные снаряды. Полетели куски обшивки. Треснула капсула кабины. Завизжал один из двигателей, когда пернатые ракеты, попав в сопла, погнули бешено вращающиеся лопасти турбин. Багровое облако потянулось за самолетом.

— А, черт! — услышали летчики истошный вопль Кордиаля.

Джагди и Бланшер уже устремились за ним вниз. И она, и он заметили то странное розовое сияние явно органической природы, которое стал оставлять за собой самолет Кордиаля, после того как врезался в стаю птиц. Пилот подбил малиновую «Саранчу», и та на полной скорости влетела в густорастущие деревья, но никто уже не придал этому значения.

— Кордиаль! — отчаянно закричала

Джагди.

«Умбра Одиннадцать», здорово побитая птицами и уже лишь с одним работающим мотором, сделала попытку выровнять движение... Неудачно. Поврежденный самолет, ломая ветви, исчез в кронах деревьев.

— Кордиаль! Кордиаль! — срывала голос Джагди, и Бланшер слышал ее крик по воксу.

Неожиданно случилось почти невозможное. «Умбра Одиннадцать» вновь появилась из хаоса переплетенных крон и поломанных ветвей, выскочив оттуда, словно летучая рыба из океанской пучины. Кордиалю удалось, вопреки всему, направить вверх носовую часть своей машины, а затем прорваться сквозь густой полог тропического леса, так и не налетев ни на один толстый ствол. Теперь он начал постепенно набирать высоту, выпуская из левого двигателя струю коричневого дыма, которая вскоре, однако, приобрела чистый белый цвет.

— «Умбра Одиннадцать»!

— Все еще на связи, ведущий. Черт бы

побрал этих птиц...

Через девятнадцать минут они уже готовились посадить свои машины на секретную ТВП. Джагди и Бланшер бережно вели потрепанную, покореженную «Стрелу» Кордиаля до самого аэродрома.

Оттянулись назад камуфляжные сетки, и взору летчиков открылись палубные настилы, выглядевшие с высоты как большие птичьи гнезда на фоне буйной зелени тропиков.

Все три «Громовых стрелы», переключившись на векторные сопла, произвели мягкую посадку — каждая на отведенную ей стоянку. В тот момент, когда лопасти турбин в выключенных двигателях начали замедлять вращение, терцающий камуфляж вновь занял свое место, плотно сомкнувшись над стальными гигантами.

Лишь только инспектор наземной службы аэродрома, который отвечал за ее посадочную площадку, дал Джагди знак, что все в порядке, она тут же вырвала из разъемов штекеры воксовой и радиосвязи и, быстро выбравшись из кабины, ловко

спрыгнула на настил из вулканизированной резины. Кинув летный шлем первому подбежавшему к ней механику, командир выскочила со своей взлетной поляны и бросилась бегом вдоль палубных настилов, расположенных среди раскидистых деревьев.

Она подбежала к стоянке Кордиаля почти одновременно с Бланшером. Выпускающая из турбин тонкие струйки пара и клубы выхлопных газов «Умбра Одиннадцать» представляла сейчас жалкое зрелище. Капсула кабины была разбита, стальная обшивка носовой части помялась... Команда механиков распыляла охладительную пену на забитый тушками птиц и все еще горящий двигатель. Вся передняя часть «Громовой стрелы» была залеплена отвратительной смесью из липкой черной крови и свалявшихся перьев.

Кордиаль уже вылезал из самолета. Летчик не мог унять дрожь. Одна из птиц, пробив капсулу, сильно ударила в стекло его шлема, так что теперь у него под глазом красовался черный синяк.

Кордиаль снял шлем, бросил его на

землю и вытер тонкую струйку крови, стекающую по лицу. Затем он искоса посмотрел на подошедших Бланшера и Джагди, глубокомысленно поднял указательный палец и сказал, обращаясь к командиру:

— Отсюда мораль: держитесь от птиц как можно дальше.

— Это мы уже усвоили, — ответила она с улыбкой.

Кордиаль провел рукой по обшивке носовой части своего истребителя, выдрал из облепившей его массы изящное розовое перо и демонстративно поднял вверх:

— Приносит удачу! Что, никому не нужно?

ТБП на озере Госель, 16.42

Скопсы просто доводили его до бешенства. В конце концов, он ведь давал обязательства сражаться с Архе-неми, этим страшным врагом Человечества, а вовсе не с малюсенькими тушками. Куда бы он ни шел, всюду невидимые твари беспрестанно кружились над ним, так что их надоедливое жужжание, сильно

напоминающее звуки ненастроенного вокса, постоянно звенело у него в ушах.

Спина зудела. Он старался не чесать, но...

Прогуливаясь, Марквол подошел к берегу озера. Может быть, здесь, на открытом пространстве, эти мерзкие существа наконец-то оставят его в покое? Нет, непохоже, чтобы это помогло.

Берег озера был слишком илистым и топким, а позади поднимался густой тропический лес, который закрыл собой все, как один большой гниющий занавес... Солнце уже начинало садиться, окрасив небо в нежно-розовый — почти в цвет Кордиалевых «счастливых» перьев, черт бы их побрал.

Озеро было поистине огромным. Маркволу вдруг пришло в голову, что прежде ему никогда не приходилось видеть ничего подобного. Недвижная водная гладь была для него в новинку. Это немного напоминало вид на Скальд из иллюминаторов какого-нибудь улья на фантине, но здесь поверхность была такой ровной, такой прозрачной... Это

гигантское зеленое зеркало не изменило свой цвет на закате дня, но, несомненно, приобрело новый оттенок. Теперь оно стало каким-то более мрачным, тяжеловесным, спокойным.

Только водяные змеи, резвящиеся сейчас у самой поверхности озера, иногда нарушали его величавую неподвижность.

Марквол подумал было, что ему стоит лишний раз проверить панель приборов на своей птичке, но потом вспомнил, что в последний раз, когда подходил к серийному номеру Девять-Девять, он видел, как два «Стража» Космического Флота, сменившие обычные подъемные захваты на баллоны с краской и пульверизаторы, уже вовсю перекрашивали его «Стрелу» в зеленый цвет. Свежая краска наверняка еще не высохла.

Стоя у самой кромки воды, Марквол нагнулся и погрузил в нее руки. Вода оказалась теплой. Он уже зачерпнул в ладони немного влаги, чтобы сполоснуть лицо, когда...

— Не вздумай это делать, кретин!

Марквол вздрогнул и оглянулся через

плечо. Позади него на выступающем из земли камне, завернувшись в свои небесно-голубые одежды, сидел айятани.

Как же его зовут? Кажется, Каутас?

— Это почему же? — с вызовом спросил молодой пилот.

— Не стоит. Подойди-ка сюда.

Марквол расслабил ладони, и вода вытекла сквозь пальцы. Он поднялся и вытер руки о форменные бриджи.

— Ну, в чем дело?

— Бароксин бироксас, — произнес жрец.

— Это еще что такое?

— Микроскопический водяной червячок-паразит. Озеро просто кишит ими. Стоит им только попасть в кровь человека, скажем через слизистые оболочки рта, носа или глаз, они непременно окажутся в его спинном мозге, где чрезвычайно быстро размножатся и начнут разрывать кровеносные сосуды, нервные окончания. Это рано или поздно приведет к тому, что бедняга не сможет вспомнить даже собственное имя, разучится говорить, потеряет способность

контролировать отправления своего кишечника, потеряет способность жить, проще говоря.

— Все понял, — сказал Марквол.

— Просто чтобы ты знал.

— Я только хотел смыть пот, чтобы... не привлекать скопсов.

— Натажься озерным илом.

— Не понял.

Каутас прочесал пальцами свои спутанные локоны:

— Используй озерный ил. Вымажи им волосы. Это быстро отпугнет скопсов.

— Ладно.

Возникла неловкая пауза.

— Послушайте, я хочу сказать, что... мне жаль, что все так вышло.

— Ты это о чем? — не понял айятани.

— Ну, мы ворвались тогда в ваш лазарет, перевернули там все...

Каутас в ответ лишь пожал плечами.

— Короче говоря, я извиняюсь.

— Что-то мне, кажется, приспичило, — сказал жрец и, поднявшись, не спеша побрел по пустынному берегу озера.

ТБП на озере Госель, 17.20

Бри Джагди находилась в выделенном ей укрытии и составляла отчет о недавнем вылете своей группы, когда в дверях неожиданно появился вестовой.

Вам пакет, мамзель, — произнес он, протягивая ей запечатанный пакет.

— Командир, — поправила она его, забирая послание.

Пилот вскрыла пакет, распечатала конверт и пробежала глазами отпечатанный текст.

— Что-нибудь интересное? — спросил заглянувший к ней из своей палатки Бланшер.

Вот содержание этого письма:

«Джагди, командиру эскадрильи "Фантин XX".

Имею честь сообщить вам, что сегодня, около тринадцати ноль-ноль, капитан авиации Гюйс Геттеринг из авиабригады "Апостолы" героически погиб во время воздушного сражения. Таким образом, в сложившейся ситуации, я полагаю, ваш летчик вполне может

назвать свой самолет так, как ему нравится. ,

Искренне ваш,

Сикан, комбриг».

— Бог-Император... — тяжело вздохнула Джагди. — Вот и еще один.

ТВП на озере Госель, 21.12

— Ну, как теперь? Нравится? — спросил Рэкли.

Он стянул с самолета последнюю маскировочную сетку и наклонил стоящий рядом потайной фонарь, так чтобы Марквол были видны результаты его работы. Крошечные мотыльки тут же яростно закружились в синем свете.

— Что ж, прекрасно... Просто великолепно! — воскликнул Марквол.

Вдоль зеленого борта серийного номера Девять-Девять теперь можно было видеть знаменитого орла — герб фантина с аккуратно выполненной по трафарету надписью: «Двуглавый орел».

— Все хорошо?

— Более чем хорошо! Да благословит тебя Бог-Император. Все идеально точно.

— Надеюсь, твои губы больше не пострадают? — лукаво усмехнулся Рэкли, вытирая тряпкой выпачканные руки.

— Насколько я знаю, нет, — ответил Марквол и похлопал стальную обшивку своей машины. — Завтра первый полет.

Он уже, конечно, поднимался в воздух на Девять-Девять, когда совершал перелет на секретную ТБП, но сейчас имел в виду первый боевой вылет.

— Мы заведем его на пусковую установку, как только в последний раз проверим приборы.

Марквол согласно кивнул механику.

— Спасибо, — сказал он и стал сходить с посадочных настилов, все время оборачиваясь, чтобы еще и еще раз насладиться новым, необычным видом своей стальной птицы.

На мгновение ему показалось, что его самолет, который стоял под мрачными, черными навесами камуфляжа, сейчас закутан в кокон из каких-то тонких световых волокон. Между тем темная ночь опустилась на тропический лес, и лишь тусклые, редко расставленные по

лагерю затемненные фонари кое-где слабо терцали во мраке.

— А что, убийца, совсем ведь неплохо смотрится. Марквол оглянулся. Лэрис Асче стояла под раскидистыми деревьями, у самого края палубных настилов.

— Ведь правда же, да? — спросил Марквол и как-то совсем по-детски улыбнулся.

Она подошла и, сунув руку в широкий карман своего мешковатого летнего костюма, неожиданно достала оттуда уже початую бутылку амасека.

— Сейчас самое время отметить его новое крещение, иначе ему не будет удачи...

Она сделала глубокий глоток и затем передала бутылку Маркволу. Тот тоже немного отхлебнул.

— За «Двуглавый орел»! — торжественно провозгласила Асче.

Ее глаза странно блестели во тьме, а в голосе появилась какая-то незнакомая интонация.

— Я смотрю, удача все более поворачивается к тебе, а, убийца?

Неслыханное доселе спасение с помощью пусковой ракеты, первая подтвержденная воздушная победа, теперь вот закрепленный за тобой самолет... Ты определенно вошел в игру, Марквол. Получил расположение небес. Есть вокруг тебя какая-то аура, которая подсказывает мне, что ты далеко пойдешь...

— Надеюсь, что так, — ответил юный пилот, чуть нервно улыбаясь. Он сделал еще один глоток и вернул ей бутылку. — Возможно, фортуна стала ко мне наконец более благосклонна.

— О, в этом у меня нет сомнений, — произнесла Асче и, подступив к Маркволу, вжалась губами в его полураскрытый рот.

Надо сказать, что ее напор застал его врасплох...

Рэкли спрыгнул с крыла серийного номера Девять-Девять и принялся искать в сундуке с инструментами нужный ему разводной ключ.

— Гляди-ка, шеф, — шепнул ему один из его подручных.

Совсем изтотанный за прошедший день, Рэкли поднял голову и, проследив за

взглядом подчиненного, разглядел на тропе, в тени пышных деревьев, две тесно сплетенные фигуры. Механик лишь фыркнул себе под нос:

— А ведь парень был уверен, что его губы не пострадают...

День 262

В одном из ущелий Маканайтского хребта, 06.47

В лучах восходящего солнца верхние склоны нависающих над ними утесов уже приобретали какой-то ржавый оттенок, а на покрытую горной пылью каменистую землю начинали ложиться длинные тени. Еще было довольно зябко и настолько тихо, что с непривычки ему стало не по себе.

— Какой сегодня день? — спросил Вилтри.

— Два-шесть-два, — отозвался Ле Гуин.

— Значит, я был без сознания... три дня.

— Вы, должно быть, здорово ударились головой. Мы вас перевязали как умели.

— Это вы нашли меня?

Ле Гуин привалился к гусенице «Линии смерти» и немного отхлебнул воды из фляги.

— Нашли самолет. Передовые

подразделения моего конвоя увидели впереди клубы черного дыма. У самого входа в ущелье. Поняли — засада. Когда мы дотуда добрались, все было кончено. Не осталось ничего, кроме груды покореженной техники. Мы наткнулись на ваш самолет еще в пустыне, к югу от ущелья. Лежал на брюхе... А вы валялись на песке, метрах в пятидесяти.

— Не помню, чтобы я катапультировался. Может быть, выбросило?

— А что с моей командой? Ле Гуин пожал плечами:

— Мне очень жаль, но не думаю, что кто-то из них смог спастись. Ваша машина вся выгорела изнутри. Мы заглянули туда и нашли лишь пару обугленных тел.

Мы бы не пропустили, если бы поблизости был еще кто-нибудь живой.

Вилтри кивнул.

— Мне дейсвительно очень жаль, — повторил Ле Гуин.

— Здесь нет вашей вины.

— Полагаю, что, наверное, нет и

вашей. «Да откуда тебе знать?» — подумал Вилтри.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Ле Гуин. Робарт. Капитан Восьмой бронетанковой дивизии «Пардус».

— Оскар Вилтри, Двадцать первая авиабригада ВВС фантина.

— Не часто таких, как вы, можно встретить здесь, внизу, — пошутил Ле Гуин.

— Вы отходите к дому?

— Увы, да. Остатки великой сухопутной армады Хьюмела. Мы были у самых Ворот Ульев Тринити, а теперь вот ускоренным маршем идем домой.

— И как там все было?

— У Тринити? Мясорубка. Кровавая мясорубка. Мы-то думали, что подведем крупные силы и возьмем Ульи в течение недели. Но у них, оказывается, были совсем другие планы. Они неожиданно получили серьезное подкрепление из других миров. Затем наголову разбили наши передовые части из первых волн наступления. Они громили нас везде... На сельскохозяйственных террасах, вдоль

всего коммерческого шоссе, у паровых фабрик... Небо стало черным. Горела даже земля. Никогда не видел ничего подобного...

Ле Гуин прихлопнул песчаную мошку, севшую ему на щеку.

Так мы были отброшены, и все это вылилось в великое отступление. Пришлось идти назад, через всю пустыню, под постоянными ударами передовых частей противника. Это что-то, доложу я вам. В каком бы аду мы ни побывали у Ворот Тринити, это оказалось ничто по сравнению с адом, через который мы только что прошли. Невыносимая жара. Катастрофическая нехватка воды, горючего, боеприпасов... У людей нервные срывы, болезни. Незаживающие раны, приводящие к смерти. Ужасный рельеф местности. Непрекращающиеся атаки с воздуха. Бывали дни, когда я думал, что мы никогда не сможем дойти.

— Но ведь еще не весь путь пройден, — напомнил Вилтри.

— Я знаю, но мы уже достигли горного хребта. Еще каких-нибудь два дня, и, если будет на то воля Императора, мы

окажемся наконец на равнинных просторах по ту сторону гор.

— Некоторым соединениям это уже удалось, — вдруг вспомнил Вилтри. — Прежде чем... прежде чем я вылетел на задание, я слышал сводку новостей. Сообщалось, что некоторым конвоям удалось войти в долину Лиды и теперь они продвигаются по дорогам Полуострова. Я думаю, что и на западе уже кое-кто прорвался.

— Это хорошо, — сказал Ле Гуин. — Я рад это слышать. Трон Земли! Мы еще поборемся!

— Так вы еще пойдете обратно?

— Что вы имеете в виду?

— Понимаете, все воздушные операции, в которых я принимал участие... и в которых уже теперь задействованы многочисленные эскадрильи — в основном из космических ВВС, — осуществляются только с одной целью: любой ценой задержать продвижение наземных и воздушных сил Архенеми и выиграть время, чтобы вы, ребята, вернулись домой. Но мы одни не сможем их сдерживать

бесконечно. Вот это-то я и имею в виду.

Мы сейчас поднимаем свои машины в воздух в отчаянной попытке сдержать агрессора, но ведь вся война здесь еще впереди...

— И именно нам придется в ней побеждать, я вас правильно понял? — уловил ход его мыслей Ле Гуин. Он поднялся на ноги. — Подъем! Солнце уже встало. Нам нужно отправляться. Давайте-ка пройдем побольше, пока тут не установилась настоящая жара.

Он принялся будить экипаж, все члены которого спали мертвым сном в тени своего родного танка. Неудивительно, ведь только прохладной ночью у них появлялась возможность хоть немного отдохнуть. Подняв свою команду, Ле Гуин послал их будить экипажи других машин. В тишине узкого горного перевала сейчас недвижно стояли колонны танков и транспортеров.

Вскоре заработали их моторы и множество людских голосов разнеслось по ущелью.

Начался еще один день великого

отступления.

ТБП на озере Госель, 08.43

Точно в назначенное им время Ван Тул, Дель Рут и Марквол — все, как и полагается, в полном боевом снаряжении — явились на краткий инструктаж, который каждый раз перед вылетом устраивала своим пилотам Джагди, собирая их вокруг большого стола, установленного возле ее палатки. День обещал быть ясным; с самого утра с озера дул легкий ветерок, а яркие лучи солнца, пробиваясь сквозь ячеистую структуру мерцающей камуфляжной сетки, заставляли все, что было под ней, казаться черно-белым и клетчатым, наподобие шахматной доски. Бланшер уже успел сходить к интенданту и принес с собой кувшин кофеина. По какой-то причине, хотя она и не должна была вылетать, на инструктаж пришла и Лэрис Асче в своем мешковатом летном костюме, сквозь расстегнутый воротник которого выглядывала лишь одна нательная майка. Сегодня она как-то странно много улыбалась, но голова у

Джаг-ди была слишком занята, чтобы обращать внимание на подобные вещи.

Сейчас командир ждала, когда ее хронометр покажет восемь сорок пять. В ту самую минуту они услышали глухой хлопок, одновременно донесшийся с трех разных пусковых установок. Это группа «Рапторов», которым выпало первым подниматься в воздух этим утром, стремительно взмыла в синеву безоблачного неба.

— Наша задача сегодня, — объявила Джагди, — поддерживать режим боевого патрулирования, что подразумевает последовательные, посменные вылеты авиагрупп. Три «Раптора», трое наших, затем снова они — и так далее... На протяжении всего светового дня мы должны держать в воздухе шесть машин. Это означает, что, возможно, еще до заката вам придется повторно поднимать в воздух свои самолеты. Это будет совсем не просто — так что держитесь. Общая же картина на сегодняшний день такова: противник продолжает наносить мощные бомбовые удары по побережью. Новости с

Полуострова также плохи. Вчера они впервые бомбили Тэду. Однако пока налеты стратегической авиации проходят не через наш район и нас это напрямую не касается. С другой стороны, значительные боевые соединения наших отступающих сухопутных сил уже начинают выходить из горных ущелий. Теперь их движение к побережью должно ускориться. Согласно данным разведки, несколько таких колонн бронетехники намереваются переправиться через реку Саройя к западу от озера Госель. В последнее время они постоянно подвергаются атакам противника.

— С земли или с воздуха? — спросил Ван Тул.

— И так, и так. Ваша задача включает в себя три возможных варианта. Если вы обнаружили дружественную нам колонну, считайте ее главным объектом вашего патрулирования. Не покидайте ее, обеспечивайте ей прикрытие так долго, как только позволяет ваш запас горючего. Если засекли самолеты противника, сближайтесь и атакуйте. Если же

заметили вражеские наземные части, то также можете их атаковать. У вас есть ракеты на этот случай. «Умбра», действуйте по обстановке! Облетайте район, а там уж будет видно, как поступить!

— А что, если мы обнаружим вражеский мобильный аэродром? — спросила Дель Рут.

— Включите мозги! Точно определите его местоположение и убирайтесь оттуда поскорее. Мы потом вызовем «Мародеры». То же самое относится к случаю, если вы вдруг увидите боевой строй бомбардировщиков или противника, превосходящего вас более чем в два раза. Тогда включайте вокс и зовите на помощь. Мне нужны герои, но не нужны дураки. — Она сделала паузу. — Есть вопросы? Нет? Хорошо, тогда по машинам.

Джагди и Бланшер пошли провожать трех своих пилотов до их самолетов. Тут Джагди увидела, как Мар-квол и Ларис Асче идут в обнимку, что-то весело обсуждая и смеясь. Подойдя к палубным настилам стоянки серийного номера

Девять-Девять, они остановились, и Асче страстно поцеловала Марквола.

— Похоже, Лэрис записала на свой счет еще одну победу, — заметил Бланшер.

— Марквол? Кто бы мог подумать!

— Не так уж это и удивительно. Он недавно сбил свой первый самолет, все говорят о его геройстве... Сейчас его имя у всех на слуху, а она всегда была падка на это.

— Она что, и за тобой ухлестывала? — удивилась Джагди.

— Джентльмену лучше не отвечать на некоторые вопросы, — отозвался Бланшер.

— В чем дело, Мил? Расстроен, что она так и не клюнула на тебя? Это у тебя уже что-то возрастное?

Он посмотрел на нее и снисходительно улыбнулся:

— Если уж тебе так необходимо это знать, она положила на меня глаз примерно восемнадцать месяцев назад, во время наступления на Урдеш. В день, когда я сбил три «Когтя».

— И что же тогда случилось?

— Она взяла меня на прицел, и моя система слежения тут же сообщила мне об этом. Я сначала оторвался, затем развернулся и в конце концов благополучно ушел от преследования.

— Она не твой тип?

— Она, без сомнения, очень привлекательна. Ее жизненные установки — вот то, что совсем не привлекает меня.

Прозвучал сигнал повышенной готовности. Марквол уже сидел в кабине своей «Громовой стрелы». Джагди и Бланшер зашли за бронированное укрытие.

Рэкли закрыл капсулу и напоследок ободряюще улыбнулся своему пилоту. Закрепив шлем и дыхательную маску, Марквол также кивнул ему на прощание. Летчик отрегулировал подачу кислорода в баллон с дыхательной смесью и затем расслабленно откинулся на спинку летного кресла. Трон! Как же он ненавидел взлетать с пусковых установок! Капли пота уже побежали по спине под плотной тканью летного снаряжения. Он смотрел, как диодовый счетчик отсчитывает

последние секунды перед стартом. Все системы включены. Клапаны гиперголической смеси открыты. Командный Центр что-то там говорит через вокс... Зажигание стартовой ракеты...

Прерывистый сигнал зуммера. Готовность — пять секунд. Мерцающие камуфляжные сетки механически раздвинулись в стороны, открыв над пилотом бездонное синее небо.

Три секунды... Палец Марквола лег на стартовую кнопку...

Две...

Раздался оглушительный треск, рев, и самолет Дель Рут снарядом ушел в небо. Следом за ней последовал Ван Тул. За ним...

В испуге Марквол оглянулся. Он ведь нажал кнопку. Точно нажал... Он надавил ее еще раз. Ничего. Он грязно выругался.

— «Умбра Восемь», доложите причину задержки!

— Неисправность при запуске! — прокричал Марквол в ответ. — Сейчас попробую стартовать повторно-

Снова неудачно. Неожиданно красные руны за жглись по всей панели управления. Зазвучал сигнал тревоги.

— Вот дерьмо! — в бешенстве прорычал пилот.

— Вас не поняли, повторите! В чем причина?

— Неисправность стартовой ракеты!

— Вас поняли, «Умбра Восемь». Строго соблюдайте процедуру, предписанную на случай обнаружения технической неисправности на старте. Стабилизируйте уровень гиперголической смеси и активируйте глушение реактивных двигателей.

— Слушаюсь, Командный Центр.

Марквол щелкнул сразу несколькими кнопками, тем самым дезактивируя вооружение и бомбовый комплект истребителя, автоматически запечатывая баки с горючим и впрыскивая нейтрализующий химический состав в пусковые ступени стартовой ракеты, так чтобы полностью исключить возможность реакции с выделением летучих реактивных элементов и неизбежного в

этом случае произвольного запуска. Теперь понадобятся долгие часы, чтобы как следует промыть пусковые ступени ракеты и вновь зарядить ее на старт.

— «Умбра Восемь» готова к техническому осмотру, — сообщил он по воксу.

Только тогда Марквол увидел механиков, которые со всех ног бежали к его самолету. Некоторые из них сразу же открыли смотровые люки, другие же, подсоединив несколько шлангов, принялись откачивать горючее через краны баков. Подогнали мощный подъемник, и команда специалистов стала снимать с крыльев ракетное вооружение, тут же укладывая его в бронированные зарядные ящики.

К борту самолета приставили стремянку.

Марквол толчком распахнул капсулу.

— Спасибо тебе, Девять-Девять, за то, что совсем не выпендриваешься, — зло прошипел он и, опершись руками о борт, вылез из кабины.

Как только Марквол ступил на палубный настил, к нему тут же

подскочил Рэкли:

— Мне очень жаль, сэр. Мне очень жаль. Мы думали, что у него все на четыре-А. Не было ни малейших признаков неисправности.

— А ваша диагностика, случайно, не выявила в нем признаков глубоко укоренившегося невезения, нет? — с горечью спросил Марквол.

Было видно, как помертвело лицо Рэкли.

Однако его механики вели себя совсем по-иному. Многие с трудом сдерживали смех. А стоявшие по соседству механики Четыреста девятой бригады, так же как и другие работники технического персонала базы, ничуть того не скрывая, открыто потешались над незадачливым летчиком. Красный как рак, Марквол слышал сейчас только издевательский смех вокруг. Конечно, что может быть забавнее, чем видеть, как молодой, самоуверенный пилот во время своего первого боевого вылета на только что выкрашенном, броско расписанном самолете терпит такое публичное унижение.

Он определенно станет теперь объектом насмешек.

Низко опустив голову, юноша сошел с палубных настилов.

— Что, не повезло, Марквол? — сочувственно спросила Джагди. — Ничего, может быть, уже после полудня мы запустим тебя снова.

— Так точно, мамзель, — бросил он, быстро проходя мимо.

Марквол подошел к Асче, которая имела возможность наблюдать весь этот фарс. Казалось, в воздухе еще слышатся отзвуки ее недавнего хохота. Марквол недоуменно развел руками:

— Что тут скажешь? Как такое дерьмо могло случиться? Но может, мы, несмотря ни на что, все-таки перекусим вместе?

Лэрис Асче лишь окинула его презрительным взглядом.

— Как-нибудь в другой раз, убийца, — холодно сказала она и, повернувшись к нему спиной, уверенной походкой зашагала в сторону лагеря.

В небе над тропическим лесом,

09.02

Как в случае воздушной тревоги, Джагди быстро облачилась в летное снаряжение и, использовав стандартный способ вертикального взлета с помощью векторных сопел, легко подняла с палубных настилов уже ожидающую ее «Громовую стрелу». Затем, набирая скорость, она устремилась вверх, где вскоре присоединилась к Дель Рут и Ван Тулу, которые по совету Командного Центра все это время держались в построении ожидания.

— Третий, Шестой! Говорит ведущий «Умбры». Приношу извинения за задержку. У Марквола случились неполадки при запуске, и его вылет отменен. Так что вам придется довольствоваться моей компанией.

— Нет проблем, ведущий, — заявил по воксу Ван Тул.

— Для меня это всегда в удовольствие, мамзель, — отозвалась Дель Рут.

— Что ж, тогда продолжим игру, — сказала Джагди.

Несмотря на непредвиденный, а следовательно, неподготовленный вылет, серийный номер Ноль-Два казался удивительно маневренным и послушным в управлении.

— Мы поднимемся на высоту четыре тысячи и с обычной скоростью патрулирования проследуем курсом один-один-девять.

— Вас понял, ведущий.

— План ясен.

— «Умбра Три», возглавите построение.

— Все будет на четыре-А, ведущий, — донесся из вокса голос Ван Тула.

Устремившись ввысь, они сформировали плоскостное V-образное построение, где Ван Тул занимал позицию на острие, а Джагди держалась слева, на восемь часов от него. Небо было чистым и видимость — отличной, хотя на этой высоте уже было довольно холодно, так что облачка пара все время поднимались с кончиков крыльев и выхлопных труб их самолетов. Если верить монитору ауспекса, в небе сейчас, кроме них, не было

никого, за исключением трех «Рапторов» в шестидесяти километрах к востоку.

Джагди чувствовала себя неважно. Она никак не думала, что ей придется лететь так рано, задолго до полудня, когда по расписанию начиналась ее смена. Командир недавно плотно позавтракала, и на этот раз ей пришлось вылетать на полный желудок. Из-за перегрузок у нее, видимо, началось несварение, что сопровождалось постоянным подташниванием. Тогда она добавила немного кислорода в дыхательную смесь, и ей стало легче.

Они уже летели несколько часов, описывая широкую дугу в направлении востока, когда густой тропический лес под ними начал постепенно редеть, уступая место полосе кустарников, протянувшейся вдоль всей горной сьерры, этой естественной границы, разделяющей раскаленные пески Внутренней пустыни и непроходимые заросли джунглей. Вид сверху был грандиозен, погода — прекрасна. Сразу несколько солнечных отражений, сверкая, блуждали по линзообразной

капсуле кабины Джагди. Открытые пространства выжженной солнцем земли, которые проносились под ними, лишь иногда немного оживлял вид выступающих скальных пород, колючих кустарников и кактусовых деревьев.

— Я засек какой-то металлический объект, два румба к западу, километрах в четырех отсюда, — сообщил по воксу Ван Тул. — Совсем холодный...

— Давай проверим, — отозвалась Джагди.

Они аккуратно развернули самолеты, тем самым вызвав небольшую, всего в четверть G, перегрузку, но и этого оказалось вполне достаточно, чтобы вызвать у Джагди мучительные спазмы в желудке.

— Первый, у тебя все в порядке? — спросила Дель Рут.

— На четыре-А, — ответила Джагди.

— Ты немного запоздала на повороте, вот я и беспокоюсь.

— Завтрак оказался слишком плотным, — объяснила Джагди.

Они взяли курс на полученный сигнал

и вскоре, почти перейдя на высоту бреющего полета, прошли над неизвестным объектом. Два имперских танка и четыре транспортера стояли недвижно, брошенные на неровном гребне одной из многочисленных дюн этого песчаного моря. Никаких следов механических повреждений. Некоторые люки открыты. Ауспекс так и не смог обнаружить там тепловое излучение. Ни от моторов, ни от живых людей.

— Здесь все уже давно мертвы, — заявил Ван Тул через вокс.

— Давайте все-таки пройдем над ними еще раз, — предложила Джагди.

Они заложили вираж на запад и прошли над брошенной техникой повторно, на этот раз уже предельно низко, с перекрытыми дросселями, почти планируя. Долгий внимательный взгляд... Джагди заметила, что песчаные заносы уже начали постепенно скрывать оставленные машины. Она также обратила внимание на небольшой холмик возле одного из транспортеров, холмик вполне мог оказаться занесенным телом.

Это сделал не враг. Точнее, враг не был непосредственной причиной этой катастрофы. Она произошла не вследствие воздушной атаки или наземной засады. Это было медленное вымирание в условиях жестокой, никому не прощающей ошибок пустыни. Из-за чего же они погибли? Может быть, закончилось горючее. Может быть — вода. И то и другое вполне могло погубить их. Джагди подумала, что, должно быть, у них сначала иссякло горючее. Перегретые, забитые песком двигатели тут же заглохли. Техника встала. Люди остались один на один со страшной жарой и мучительной жаждой. Интересно, кто-нибудь из них попробовал дойти пешком? Тел теперь все равно никто не найдет.

Несчастные. Какая бессмысленная смерть! Знали ли они, как близко уже подошли к границе пустыни? Еще каких-нибудь шестьдесят километров — и они уже достигли бы лесной полосы. Впрочем, лучше бы, если бы не знали. Смерть всегда ужасна, но умирать, когда знаешь, что до спасения рукой подать...

Из вокса донеслось какое-то бормотание, что мгновенно вывело Джагди из состояния меланхолической задумчивости.

— Вызываю «Умбру», вызываю «Умбру». От звена «Рапторов» поступил запрос о помощи. Это срочно!

— Дайте их координаты, пожалуйста, — запросила Джагди.

Одиночная строчка данных тут же вспыхнула на ее главном мониторе.

— Данные получены, Командный Центр. Мы недалеко, всего в девяти минутах лета.

Они развернули свои машины вверх и, открыв полный газ, стали стремительно набирать высоту.

— Гони вовсю! — крикнула Джагди.

ТБП на озере Госель, 09.31

— Что, скопсы все еще досаждают тебе?

Марквол, который сидел на берегу озера, с удивлением поднял голову. Это был жрец Каутас. Легкий ветерок с озера развевал полы его широких синих одежд.

— Мне не показалось, что вас это хоть сколько-нибудь заботит! — огрызнулся Марквол.

Айятани пожал плечами:

— Я никогда не искал этой должности. Не думаю, что это то, о чем я их просил. Но такова, видно, моя судьба. Из церкви постоянно присылали напоминания, что у них есть для меня работа... по специальности. Так что вполне можешь мне доверять.

— Вы, кажется, как-то особенно веселы сегодня. — Каутас присел рядом с Маркволом:

— Иллюзия, уверяю тебя. Я все такой же зловредный сукин сын, каким был вчера.

Каутас достал металлическую флягу из глубокого кармана своих одежд и, запрокинув голову, сделал из нее большой глоток. Марквол почувствовал запах ликера. Жрец даже не подумал предложить ему алкоголь — хотя бы из вежливости.

— Эй! — удивленно воскликнул Марквол.

— «Эй» что?

— Ничего.

— До меня дошли слухи, что у тебя недавно было какое-то великое крещение, небесный мальчик.

— Меня зовут Вандер Марквол. А что касается ваших слов, то это все чушь, что бы вы там себе ни имели в виду. Кстати, я сейчас понял, почему у вас такое необычно веселое настроение.

— В самом деле?

— В самом деле.

— Ну так просвети меня, Вандер Маркен.

— Марквол. Если вы уже за завтраком начинаете принимать спиртное, то неудивительно, святой отец, что к девяти часам все видите в розовом свете.

Каутас хихикнул и сделал еще один глоток.

— Кто сказал, что я начинаю принимать спиртное за завтраком? Это привычка уже безнадежных пьяниц. Я, молодой человек, начал принимать спиртное много лет назад...

Марквол покачал головой:

— При всем уважении к вам, святой

отец, я не понимаю, что вы здесь делаете.

— Ну как... Я увидел, как ты тут сидишь. Совсем один на берегу. Выглядишь ужасно. Вот я и решил подойти и разделить с тобой твое мрачное настроение. Я, знаешь ли, иногда испытываю склонность к меланхолии.

— Я имел в виду другое. Энозис... Озеро Госель.

Каутас выковырял камешек из прибрежной грязи и, широко размахнувшись, швырнул его в озеро. У него была сильная рука. Улетев очень далеко, камешек плюхнулся в маслянистую воду, вызвав рябь, которая стала кругами распространяться по всей изумрудной поверхности озера.

— Почему камень упал туда? — спросил Каутас.

— Вы его туда бросили.

— Да, но... — Он вдруг умолк. — Нет, ты прав. Я его бросил. Сейчас еще, черт возьми, слишком рано, чтобы проводить заумные философские аналогии. Или слишком поздно. Как бы то ни было, я здесь, потому что я упал именно сюда.

Вообще этот вопрос я собираюсь задать Богу-Императору, когда мне, как представителю великого сонма жрецов Беати, будет наконец даровано высочайшее разрешение на право небесной аудиенции перед Золотым Троном.

— Желаю удачи.

— Удача здесь совсем ни при чем. Это вопрос веры.

— Мне не кажется, святой отец, что у вас ее слишком много. Честно говоря, вы производите впечатление... очень озлобленного человека.

— Не может быть! Как же так? Я ведь на этой базе, чтобы оказывать здесь духовную поддержку. И медицинскую помощь. Думаю, из-за последнего меня и прислали сюда. Я ведь поначалу был медиком, прежде чем стать айятани.

Маркволл внимательно посмотрел на него:

— По-моему, вы не преуспели ни в том, ни в другом.

— Да, пожалуй... — тяжело вздохнул Каутас. — Вот и тебе не помог...

Какое-то время они просидели в

молчании. Скопсы вовсю кружили над ними. Наконец Каутас прокашлялся и сказал:

— Хорошо. Давай тогда проверим тебя на профпригодность. Скажи, от чего у тебя такое мрачное на строение?

Марквол кисло улыбнулся:

— Из-за самолета... Из-за женщины.

— В самолетах я не разбираюсь, — сказал Каутас. — Шумные, громадные горы металлолома. Женщины более по моей части. Она тебя что, отвергла, или ты ей почему-то не подходишь, или, может, это случай неразделенной любви?

— Э-э... наверное, первое. Отвергла. Прошлой ночью она сама клеилась ко мне, будто, кроме меня, и нет никого, а этим утром...

— Ну, тебе надо научиться переносить такие удары.

— Вообще-то, я еще не все сказал.

— Да? Гм... Даже исходя из того, что ты сказал, ясно, что тебе нужно это перенести.

— Значит, перенести?

Каутас глубокомысленно кивнул.

— Знаете, святой отец, похоже, вы и сами-то в этом ничего не смыслите.

— Не может быть! Вот тебе и раз...

Возникла еще одна долгая пауза, во время которой Каутас в очередной раз приложился к фляге.

— Хорошо, — прервал паузу Марквол. — Расскажите-ка лучше про себя. Вы-то почему так напились?

Каутас почесал в затылке и тяжело вздохнул.

— Потому что я хочу быть там, — произнес он наконец. — Только там. Сейчас, когда она наконец вернулась. А я не могу, потому что я застрял здесь.

— Кто вернулась?

— Беати, Вандер Марквол. Беати...

В небе над пустыней, 09.32

Они спикировали так стремительно, как только позволяли их двигатели. Про себя Джагди порадовалась, что им удалось долететь почти на целую минуту раньше запланированного.

Звено «Рапторов», обнаружив в открытых пространствах пустыни

отступающий конвой, уже успело организовать его патрульное сопровождение, когда прогремели первые выстрелы внезапной атаки. Когда легкие, заправленные под завязку танки противника, очевидно неся в себе полные боекомплекты, при поддержке более тяжелых гусеничных машин вдруг выскочили из-за барханов наперехват измотанной долгим переходом имперской колонне.

«Рапторы» уже выпустили все свои ракеты, поразив несколько довольно серьезных целей. Горящие обломки бронетехники усеяли песчаные дюны.

— Рады вас видеть, «Умбра», — приветствовал их по воксу «Раптор Один». — Теперь мы сможем больше внимания уделить понаехавшим сюда «Адским ударам».

— Вас поняла, ведущий. Заходим на атаку, — отозвалась Джагди..

«Рапторы», которые до этого продолжали делать свое дело, нанося орудийные удары, теперь один за другим ушли вверх, освободив место для

самолетов «Умбры». Машины «Рапторов» были традиционно черного цвета. По прибытии на озеро Госель они категорически отказались их перекрашивать, хотя Джагди и усматривала в этом скорее проявление гордыни, чем верность традиции.

Между тем внизу растянутые по пустыне танковые дивизии противника, умело используя дюны как прикрытие, выпускали залп за залпом из главных орудий своих машин по хаотично перемещающейся имперской бронетехнике.

Джагди видела, как одна из «Химер» взлетела на воздух, а из треснувшей платформы «Гидры» вырвались языки пламени. Белые следы инверсий в небе, плотные облачка, вырывающиеся вместе с ослепительным огнем после каждого залпа, черные клубы дыма, поднимающиеся от обломков покореженной техники, — все это густой пеленой стало застилать панораму пустыни.

Неожиданно вражеские противовоздушные транспортеры выпустили в воздух несколько

спорадических трассирующих очередей.

— Где наша не пропадала! Вперед! — крикнула Джагди.

Ван Тул пошел в атаку первым, стремительно проведя свой самолет сквозь адскую мозаику дыма и пара. Одна из трассирующих очередей сверкнула совсем рядом. Он выпустил ракеты наведения и тут же увел свою «Громовую стрелу» в сторону.

Огненный смерч прошел по поверхности пустыни. Два танка разорвало на мельчайшие части, — видимо, сдетонировал боекомплект.

Дель Рут последовала за товарищем, выбрав более хитрую, извилистую траекторию. Она прошла над самым краем позиции противника, тем самым умело облетев ураганный огонь его зенитных батарей. Выпущенные ею ракеты вывели из строя один из танков, порвав его гусеницы. Однако, вместо того чтобы сразу улететь, Дель Рут еще какое-то время оставалась на небольшой высоте, открыв огонь по вражескому транспортеру с пехотинцами. Ее

счетверенные орудия разнесли его на куски, и, уже удаляясь, она диким криком, который был слышен через вокс, отметила свою удачную атаку.

Уже на подлете к цели Джагди развернула свой самолет вокруг оси, готовя вооружение крыльев к бою. Она опять почувствовала приступ тошноты, но усилием воли подавила резь в желудке.

Танк... Нет, этот уже слишком близко. А вот еще один, на одной линии с ним... Она подождала, пока тот попадет в окуляр ее скопа, и произвела выстрел. Ракеты, вылетев, оставили за собой тонкие изогнутые следы белого дыма.

Танк взорвался, когда Джагди уже высоко поднялась над пораженной ею целью.

Она еще долго продолжала подниматься. Долго. До тех пор пока не увидела «летучих мышей».

ТБП на озере Госель, 09.33

О чем-то задумавшись, Каутас глубоко вздохнул.

— Ты знаешь, что сейчас происходит на Геродо-ре? — неожиданно спросил он.

— Геродор? А где это?

— Один из миров в звездном скоплении Хана, примерно девять недель лета отсюда.

Марквол только пожал плечами:

— Откуда мне знать... Наверное, и там воюют.

Каутас вновь вздохнул:

— Вот эту черту, ты уж меня прости, я часто замечаю у строевых военных. Они, как правило, имеют удивительно слабое представление о целостной картине всего происходящего. О великой стратегии войны. Они с легким сердцем оставляют это на усмотрение тактиков, высших командных чинов и священнослужителей.

— У строевых военных, как правило, есть довольно много прямых обязанностей, чтобы они могли еще думать о чем-то другом, — тут же отреагировал Марквол.

Каутас улыбнулся:

— Что ж, верное замечание.

— Разве неправда, что истинное призвание имперского воина — честно нести свою службу и сражаться, не задавая

лишних вопросов? Это-то вы не ставите под сомнение?

— Нет, но немного любопытства никогда не повредит. Вот скажи, зачем вы здесь воюете?

— Как зачем? Чтобы вырвать Энозис из лап Архе-нети!

— Это конечно, ну а помимо этого?

— Ну... чтобы продолжить великий Крестовый поход и освободить священные миры Саббат.

— И какова, значит, главная цель?..

— Победить!

Каутас опять хлебнул из фляжки. На этот раз, правда, он предложил и Маркволу. Гордый сын фантина замотал головой.

— Почему же миры Саббат так важны для нас? — допытывался айятани.

— Ну, со стратегической точки зрения...

— Нет, Марквол. Я хочу от тебя услышать, почему они нам так дороги.

Тысячи лет назад святая Саббат от имени Бога-Императора очистила эти миры от полчищ Хаоса. Теперь мы вновь

хотим себе вернуть то, что когда-то она даровала нам.

— Вот именно. Эти миры принадлежат святой Саббат. Они стали священными благодаря ее святому прикосновению. Моя главная обязанность как айятани — служить Богу-Императору, но прежде всего я — жрец Саббат, великой Беати. Нас, айятани, обычно делят на две группы. На тех, кто постоянно пребывает в ее великих храмах и усыпальницах, и тех, кого называют «имхава», — бродячих проповедников, которые, как и я, решили последовать по ее стопам и поклялись всю жизнь скитаться среди звезд, распространяя ее великое учение.

— Пока все ясно, — сказал Марквол.

— Этот Крестовый поход продолжается уже почти двадцать лет. Военмейстер Макароф, если только моя информация достоверна, сейчас гонит свои войска вперед, приняв очень рискованное решение атаковать Архе-нети в самое сердце, захватывая его центральные планетные системы. Но тем самым он оголил фланги, и враг тут же направил

свои силы в это слабое место, надеясь сбить наступательный порыв Крестового похода и, изолировав Макарофа, поставить его армии в крайне уязвимое положение. Мы и есть эти фланги, Марквол. Как Энозис, так и планетные системы скопления Хана. Именно здесь исход боевых действий предопределит полный успех или полное поражение всего Крестового похода. Если мы проиграем здесь, то будет уже не столь важно, каких успехов смог достичь Макароф в своих авангардных боях. Все его победы будут сведены на нет. Враг прекрасно понимает это, А теперь, если верить слухам, у него появилась еще даже более сильная мотивация. Говорят, что на Геродоре возродилась Беати...

Марквол глупо заморгал:

— Такое что... возможно?

Каутас поджал губы:

— Конечно, это непростое испытание даже для веры имхава-айятани, но, похоже, это все-таки правда. Сейчас Геродор, как и Энозис, подвергся ужасному натиску орд Хаоса. Если один из этих миров падет,

наш фланг будет прорван и Крестовый поход окончится крахом. Но если падет Геродор и вместе с ним погибнет Беати, то для Империума это будет еще более страшная потеря.

— И вы хотели бы сейчас быть там? — понимающе спросил Марквол.

— О, если б ты только знал, как я хочу этого! В сердце каждого айятани сейчас горит желание быть на Геродоре, рядом с Саббат. Но такова уж моя судьба, мой жребий — застрять здесь и, повинуясь служебному долгу, оказаться вовлеченным в круговерть совсем иного сражения, вместо того чтобы совершить долгожданное паломничество пред ее светлый лик.

Подул свежий ветерок, который поднял рябь на поверхности озера. Зашелестели и закачались ветви папоротниковых деревьев, растущих вдоль берега.

— Мои собственные проблемы кажутся мне теперь такими незначительными... — признался Марквол. — Возможно, вы не такой уж

плохой советчик и утешитель, как я подумал сначала.

Каутас сокрушенно покачал головой:

— Нет, у меня хорошо выходят только две вещи, Вандер Марквол. Я хорошо умею напиваться и жаловаться на свою судьбу. Я теперь лишь бессмысленно коротаю день за днем в ожидании конца.

— Конца чего?

— Конца этой войны. Конца этого мира. Моего собственного конца. Уж не знаю, какой из них придет первым, но любой будет означать для меня встречу с великой Беати.

Марквол поднялся:

— Не смейте так думать. К чему столько пессимизма? Мы еще вполне можем победить: и здесь, и на Геродоре. Так и запишите. Крестовый поход окончится триумфом, а Беати будет жить в веках! Только не забывайте, что пораженческие настроения даже одного из нас неизбежно прибавляют силы врагу. Кстати, — добавил он, — вам не приходило в голову, что, быть может, именно по воле Беати вы находитесь сейчас здесь?

Каутас не ответил. Юноша пожал плечами и пошел вверх по пологому берегу в сторону базы.

— Марквол!

Летчик обернулся. Жрец стоял на берегу и смотрел ему вслед.

— Что, святой отец?

— Ведь то, что ты сказал, означает, что и тебе также было предначертано появиться здесь.

В небе над пустыней, 09.35

Небо буквально потемнело от «летучих мышей». Тут уж, без преувеличения, стало страшно. Огромная волна стратегических бомбардировщиков — наверное, сотен пять, не меньше, — темной штормовой тучей проходила над ними на высоте примерно десять тысяч метров. Еще два роя примерно такой же численности шли следом с интервалом десять километров.

Большинство из них летели к намеченным зонам бомбометания на морском побережье и никак не отреагировали на незначительные боевые

действия на самом краю пустыни, но небольшая группа — двадцать, или около того, — все же покинула свой строй и, ведя с собой несколько десятков истребителей сопровождения, очевидно, собиралась атаковать отступающую колонну Содружества.

Джагди услышала, как Дель Рут и один из пилотов «Рапторов» принялись отчаянно выкрикивать предупреждения:

— Массовый налет! Числом не менее пятисот, летят на северо-восток из внутренних районов пустыни, высота — десять тысяч.

Сама же Джагди сейчас была слишком занята, преодолевая перегрузки, возникшие из-за маневров, предпринятых ею, чтобы уйти от атаки стремительно приближающихся истребителей противника. В основном «Адских бритв», но попадались и машины совсем другой конструкции, с длинными двугранными крыльями и оттянутыми назад кабинами, из-за чего они были похожи на причудливых длинношеих птиц. Перегрузки сейчас крайне негативно сказывались на ней:

кишки, казалось, просто заворачивало.

Джагди как раз выровняла самолет, когда услышала приказ из Командного Центра, предписывающий имперским летчикам немедленно покинуть район воздушного сражения.

— Говорит ведущий «Умбры», — заявила она по вок-су. — Вынуждена отклонить приказ. Повторяю, вынуждена отклонить ваш приказ. Необходимо немедленно поднять в воздух все самолеты, иначе колонна будет уничтожена.

При нынешнем положении вещей менее чем через двадцать минут у нее, как и у других пилотов звена «Умбра», горючего останется только на то, чтобы дотянуть до родной базы. У «Рапторов», вероятно, и того времени нет — минут десять, не больше.

Между тем вражеские истребители-бомбардировщики — все как один броско выкрашенные «Адские когти» — уже с пронзительным воем налетали на осажденные сухопутные соединения Империума. Они сбрасывали на них свои смертоносные комплекты, которые, падая,

озаряли поверхность пустыни ослепительными разрывами воздушно-топливных бомб. Горело все — танки, ракетоносители, военные грузовики... Какая-то «Гидра» яростными очередями прошивала воздушное пространство.

Тут Джагди увидела, как черный клин — «Раптор» — скользнул вниз, под ее самолет, преследуя один из пикирующих «Когтей». Он атаковал, промахнулся, затем на бреющем полете прошел над танками противника. Ни Дель Рут, ни Ван Тула сейчас не было видно, но затоона могла слышать их голоса по воксу. Все в порядке — они оба уже ввязались в драку, они в игре.

Не сбрасывая скорости, Джагди выполнила «бочку», провернув свою «Громовую стрелу» вокруг продольной оси, и тут же атаковала «Коготь», который как раз начинал проход над уже рассеянными группами бронетехники Содружества. Ее первые лазерные разряды прошли далеко от цели, но и этого было достаточно, чтобы вспугнуть вражеский бомбардировщик и заставить его круто

уйти вверх, преодолевая тяжесть так и не сброшенного бомбового запаса. Джагди сразу же развернула самолет, скорректировала его скорость и вновь открыла огонь, выпустив несколько лазерных разрядов, которые прошили хвостовую часть «Когтя». Машина противника мгновенно рассыпалась на части. Не было никакой вспышки, но в результате «сухого» взрыва вслед за вылетевшим легким облачком последовали целые металлические секции и части фюзеляжа. Отскочив назад, громадные обломки неожиданно оказались на пути истребителя Джагди. Все произошло слишком быстро, чтобы можно было избежать столкновения. Она услышала звуки многочисленных ударов по стальной обшивке. Какой-то бешено вращающийся черный объект врезался в капсулу кабины, оставив в ее армированном стекле разветвленный звездообразный след. Следующий удар потряс одно из крыльев, серьезно повредив руль высоты, так что командиру тут же пришлось компенсировать этот дефект в

управлении, энергично используя руль направления и регулятор наклона. Но и это было еще не все. Что-то большое — похожее, как ей почудилось, на обломок моторного отсека — со всего маху влетело в корпус и, произведя удар, отскочило от носовой части серийного номера Ноль-Два. Такое столкновение вполне могло оказаться фатальным.

Понадобилось все мастерство Джагди, чтобы выправить положение «Громовой стрелы» и продолжить полет. Теперь, сидя в летном кресле, затянутая ремнями снаряжения, она могла видеть помятую обшивку конуса носовой части. Сигнальная система оповещала сразу о нескольких повреждениях.

Джагди взглянула на дисплей панели приборов. Лаз-пушки вышли из строя. Одно из двух: или в результате столкновения погнулись их дула, или порвало кабели подачи питания от энергобатарей.

Пилот вывела лазпушки из режима повышенной готовности и затем переключила рычажок активации на счетверенные орудия. Старые добрые

зенитки — теперь это единственное оружие, которое у нее осталось.

Какой-то «Ралтор» пролетел над ней, заложив отчаянно крутой вираж вверх. Сразу за ним, не отставая ни на метр, гнались сразу три «Бритвы». Не жалея снарядов, они буквально поливали противника огнем, но и за ними самими велась погоня — Ван Тул преследовал преследователей.

Джагди плавно вывела свой самолет на подъем и, держась под острым углом, на четыре часа к Ван Тулу, стала стремительно набирать высоту. Ускоренно сжигая топливо, она приблизилась к нему — лишь для того, чтобы стать свидетелем его очередной победы. Лазпушки «Умбры Три» ослепительно сверкнули, и ведущая «Бритва» взорвалась и запылала грязным, дымным пламенем, словно подожженная бочка с прометием. Ван Тулу пришлось совершить резкий маневр в сторону, чтобы избежать столкновения с этим горящим куском металла, который, потеряв управление, теперь подчинялся только

гравитации.

Джагди продолжала набирать высоту, чувствуя, как от страшного напряжения у нее сводит челюсти. Она обрушила на самолеты противника град огня, но уже не смогла выручить преследуемый «Раптор». Пораженный сзади одной из «Бритв», он потерял ровность хода и весь затрясся. В стороны полетели целые куски фюзеляжа, и вскоре машина стала выбрасывать клубы черного дыма. «Раптор» ушел по дуге в сторону и затем, охваченный пламенем, устремился вниз. Джагди увидела, как пилот катапультировался, — в небе раскрылся белый парашют.

Сбив неприятеля, оставшиеся «Бритвы» — желая уйти от ее преследования, как думала Джагди, — сразу рассыпались в разные стороны. Удалившись на некоторое расстояние, они все камнем спикировали вниз, ныряя под ее самолет и на ходу разворачиваясь. Она же аккуратнейшим образом выполнила обратное движение по вертикали, так что снова оказалась на выгодной для атаки

позиции по отношению к одному из них.

Эта «летучая мышь» была красного цвета. Джагди мельком успела рассмотреть эмблему в виде распотрошенной туши на ее носовой части. В своем желании вырваться вражеский летчик заложил отчаянно крутой вираж и бросил самолет вниз, к самой поверхности раскаленных песков пустыни. Увидев, как «Бритва» скользнула сквозь ее прицел слева направо, Джагди развернула свою «Громовую стрелу» вокруг оси, так что машина противника снова вернулась в перекрестье, двигаясь теперь уже справа налево. Сигнал системы наведения сообщил о захвате цели.

Большой палец командира опустился на кнопку. Она тут же почувствовала вибрацию в стальном корпусе самолета и услышала сдвоенный механический лязг автоматических орудий. Затем Джагди увидела, как вылетели снаряды. «Бритва», казалось совсем неповрежденная, выровняла свое положение, но затем вдруг сложилась, словно бумажная, выпустила струйку дыма и стремительно понеслась к земле.

Джагди развернула истребитель и увидела, как раскрывший парашют пилот «Раптора», покачиваясь из стороны в сторону, медленно пролетает сквозь туман струящегося дыма.

Внезапно его разорвало.

Его просто разнесло на части. В одно мгновение он превратился в теплый пар и рваные куски мяса, а парашют — в смятые клочья белой ткани.

Один из самолетов противника — неизвестной Джагди конструкции — промчался мимо, все еще ведя огонь из бортовых орудий.

Волна ярости захлестнула командира. Она стремительно развернула свою машину, бросившись в погоню за длинношеим убийцей, но возникшее ускорение оказалось сейчас слишком велико для нее. Джагди едва успела сорвать с себя дыхательную маску, прежде чем весь ее завтрак вышел обратно, буквально выдавленный из тела чудовищной центробежной силой.

— Бог-Император... Бог-Император... — прохрипела она, задыхаясь.

В глазах у Джагди начало мутиться, даже несмотря на то, что ее «Громовая стрела» сейчас шла ровно и без ускорений. Голова все кружилась...

Ее снова стошнило, и она, прижав к лицу маску, жадно вдохнула воздушную смесь. Во рту остался отвратительный кислый привкус. Джагди, конечно, понимала, что уже слишком долго летит, не меняя курса. Еще не прозвучал сигнал тревоги от системы слежения, а она уже была внутренне готова к этому.

Кто-то взял ее на прицел. Она собиралась резко уйти в сторону, но руки предательски ослабли, а все тело дрожало как в лихорадке. Тут же пилот ощутила, как несколько раз после точных попаданий вздрогнула ее «Громовая стрела».

Она сделала глубокий вдох и, собрав все силы, повернула рычаг управления, тем самым закладывая крутой вираж влево. Как вихрь «Стрела» пронеслась сквозь строй четырех «Адских когтей», которые уже готовились пройти над колонной Содружества. У Джагди даже не было времени, чтобы открыть по ним огонь.

Ее преследователь, очевидно, был опытным летчиком. Он упорно держался у Джагди на хвосте, и электронная система слежения то и дело подавала сигнал угрозы.

Так и не в силах унять дрожь, командир нервно оглядывала небесное пространство и картинку заднего вида на мониторе. Где же он? Где?

А, вот. Точно на шесть часов по отношению к ней — все как по учебнику. Еще один из тех «длинношеих» штурмовиков. Джагди увидела его только мельком, но и этого оказалось достаточно, чтобы понять, что, какими бы эффективными ни были эти машины, они не могли направлять вектор тяги. Нигде не было видно вращающихся сопел. Они были быстры, маневренны, но принадлежали к устаревшему типу самолетов.

Джагди бросила «Стрелу» вверх, на мгновение зависла, но тут же лягушкой отскочила в сторону, вынуждая «летучую мышь», выскочив из-под нее, занять крайне уязвимое положение.

Затем командир, скользнув вниз, села противнику на хвост и сразу же продемонстрировала все возможности своей смертоносной пушки.

Вражеский самолет вспыхнул, как сигнальная ракета.

Чтобы избежать зенитного огня, Джагди тут же увела свою машину в сторону. В этот момент она услышала по воксу, что у двух уцелевших «Рапторов» горючего осталось только на обратный путь. Они уже улетали.

— Третий! Шестой! Вы еще со мной? — вызвала свою группу Джагди.

— Так точно, ведущий, — отозвался Ван Тул.

Последовала пауза.

— Подтверждаю получение вызова, — донесся из вокса охрипший голос Дель Рут. — Я, правда, сейчас занята немного...

Описав небольшой круг, Джагди удалось разглядеть самолет Дель Рут, который оказался на тысячу метров выше и примерно с километр к западу от машины. Сразу две «Бритвы» гнали ее, повторяя все ее виражи и сводя на нет

любые попытки оторваться. Между тем за «Громовой стрелой» Дель Рут уже тянулся белый дымовой след...

Джагди открыла дроссели и устремилась наперерез «летучим мышам», чтобы тем самым сбить их с преследования. Затем она перевернула самолет на «спину» и, видя, как теперь качается над ее головой грозящая гибелью земля, уже обратным ходом скользнула вниз.

— Я беру их на себя! — крикнула она в рокс. — Отрывайся и беги, Эгги!

— Слушаюсь, мамзель, — ответила Эггуила Дель Рут. — Жаль, что так вышло.

— И чтобы вернулась живой! — приказала Джагди и повернула назад.

Теперь, когда Дель Рут и «Рапторы» вышли из боя, только она и Ван Тул оставались в воздухе.

Если, конечно, не считать полчища «летучих мышей».

Через три минуты горючего останется только на обратный путь...

Джагди увидела «Бритву» и сразу же

зашла на атаку, но, прежде чем она приблизилась, две или три «летучие мыши» оказались у нее на хвосте. Заложив вираж, командир круто развернула свою машину, так что даже умудрилась получить семидесятиградусный угол наводки по отношению к одной из них. Но когда она потянула спусковой крючок, выстрела не последовало.

Дело в том, что стремительный поворот повлек за собой перегрузку девять с половиной G, и электрические автозарядные механизмы, видимо, просто не смогли в этих условиях доставить снаряды в дула орудий.

Теперь уже, задним числом, Джагди порадовалась, что недавно лишилась своего еще не переваренного завтрака. С перегрузкой девять с половиной G, которая замедляет даже действие зарядных механизмов, она непременно им поперхнулась бы и приняла бы наиглупейшую смерть, которую только можно себе представить.

Выйдя из этого сумасшедшего поворота, Джагди ловко зашла в хвост к

одной из «Бритв» и в нескольких местах прошила ее корпус пулеметным огнем.

— А не пора ли возвращаться? — неожиданно донеслось из вокса.

Это был Бланшер. Он возник словно из ниоткуда, ведя за собой Асче, Уолдона, Землика и Ранфре.

— Рада видеть вас, — приветствовала командир.

— Не думаю, что ты порадуешься, когда мы прилетим домой, — заметил Бланшер, ураганным огнем пробивая себе дорогу сквозь разряженный строй «Адских когтей». — Мы прилетели сюда по своей инициативе, чтобы вызволить вас. Ты, Ван Тул и Дель Рут... немедленно убирайтесь отсюда!

— Дель Рут уже ушла, но... Мы же должны прикрывать колонну!

— Будь серьезнее, Бри! Ты что, не видишь, сколько «летучих мышей» в небе? К тому же и от колонны не так уж много осталось.

Спланировав вниз, Джагди внимательно осмотрела пустыню. Охваченная огнем земля... Множество

обломков покореженного металла... И совсем немного все еще способных перемещаться имперских машин. Вопреки всем усилиям истребителей, «Адские когти» разбомбили большую часть колонны, превратив мощное боевое соединение в жалкое скопление выведенной из строя бронетехники.

— Ну так что, теперь мы можем наконец улетать? — спросил Бланшер.

— Да. Теперь, пожалуй, да. «Умбра», выходим из боя и летим на базу!

Все семь «Громовых стрел» эскадрильи Фантина одна за другой покинули раскаленное небо пустыни и стали стремительно уходить в восточном направлении. Они оставляли за собой пылающую землю.

ТБП на озере Госель, 12.02

Только теперь Джагди поняла весь смысл замечания Бланшера. Приняв душ и приведя себя в порядок, она стояла в комнате распределения, которая располагалась в главной сборной постройке ТБП, и прислушивалась к мерному

гудению кондиционеров. Ее вызвали на ковер командующий базой Марсинон и лидер авиабригады «Рапторы» Орто Блэгуер. Скуластому, сухощавому Блэгуеру было уже за пятьдесят, и с формальной точки зрения именно у него Джагди находилась в прямом подчинении. Его летные доспехи были такими же черными, как и истребители-штурмовики его звена.

— Разве вы не получили приказ покинуть район сражения? — спросил Марсинон.

Он ей сразу не понравился. Пронзительный, визгливый голос; нескладная, долговязая фигура; здоровенный кадык, который, казалось, выпирал у него больше, чем нос... Сложный аугметический прибор свисал с левой стороны его мундира.

— Так точно, сэр. Однако я, как командир летного звена, оценила ситуацию по-другому. Нужно было спасать жизни...

— И не ставить их под угрозу, — добавил Блэгуер.

Он Джагди тоже не нравился.

Набриолиненный, холеный, надменный — типичный представитель летчиков Космического флота.

— Вы правы, сэр.

— Командный Центр Госеля принял решение отозвать вашу группу ввиду нецелесообразности в сложившейся ситуации дальнейшего продолжения боевых действий в воздухе, — заявил Марсинон. — Тем не менее пятеро ваших пилотов... Одну минутку, дайте посмотреть... Вот: Милан Бланшер, Лэрис Асче, Кэтри Уолдон, Орлонц Зетмик и Горан Ранфре — не подчинились приказу Командного Центра. Они самовольно взлетели с аэродрома, привели свои самолеты к месту сражения и вступили в бой.

— Они прилетели к нам с Ван Тулом на выручку, — объяснила Джагди.

— Они пошли на это, потому что ваше поведение вынудило их на такие действия. Знаете, Джагди, это никуда не годится. Я вынужден буду наложить на всех вас дисциплинарное взыскание. И особенно — на вас, командир! Трон! Если бы не крайняя нужда в квалифицированных

пилотах, я бы отстранил вас от полетов!

Лицо Марсинона стало багровым, вены на лбу вздулись...

— Вообще-то, я не думаю, что у вас есть такие полномочия, — неожиданно раздался чей-то голос.

Джагди оглянулась. Оказалось, жрец-айятани вошел в комнату в сопровождении Бланшера и Марквола.

— Каутас? — с усмешкой воскликнул Блэгуер. — Идите отсюда, святой отец. У нас тут нечего выпить.

Айятани Каутас посмотрел на командира «Рапто-ров» и ухмыльнулся:

— Не беспокойтесь, начальник. Сегодня я уже принял достаточно. У меня тут был разговор с мистером Бланшером... Отличный малый, доложу я вам. Помощник командира звена «Умбра», как мне его представил мистер Марквол. Марквол — это он. На него вполне можно положиться. Это он познакомил меня с мистером Бланшером.

Марсинон нервно зашуршал своими бумагами и планшетами:

— Вы пьяны, святой отец. Вам лучше

уйти.

— Пьян? Да. Верно... И кто бы мог подумать? — не унимался Каутас. — Только все дело в том, что вы не можете налагать дисциплинарные взыскания на звено «Умбра». Честно говоря, вы вообще не можете командовать ими. И знаете почему?

— Что ж, просветите меня, пожалуйста, — устало отозвался Марсинон.

— Потому что вы принадлежите Космическому флоту. Имперскому Космическому флоту. Все вы без исключения. И потому никто из вас не может командовать эскадрильей фантина.

— Это возмутительно... — начал было, вставая, Блэгуер.

— Молчать, ты, набриолиненный! — рявкнул на него Каутас.

Тут Джагди чуть не прыснула.

— Сиди спокойно, черт тебя побери совсем! Вы все принадлежите Имперскому Космическому флоту...

— Все правильно, святой отец, —

сказал Марсинон, который уже, очевидно, чувствовал себя сконфуженным.

— Вот и я говорю: принадлежите Космическому Флоту. Значит, командовать Имперской Гвардией не уполномочены...

— Не уполномочены, — сквозь зубы произнес Марсинон, поняв наконец, куда гнет айятани.

— Тогда заткнитесь! — прикрикнул на него Каутас. — Летчики фантина принадлежат Имперской Гвардии. Они — исключение! Редкое исключение. Весь их мир... как бы это сказать... Весь их мир — это небо! Поэтому, когда они начали формировать себе гвардейские части, большинство их стало авиационными. Они — не Космический Флот! И никогда им не будут. А значит, это не ваша юрисдикция!

— Спасибо, что напомнили нам, святой отец, — сказал Марсинон. — Командир Джагди, ничего не хотите добавить?

— Я думаю, все уже сказано, сэр, — ответила та. — Эскадрилья «Фантин XX» действительно относится к Имперской

Гвардии. Мы прибыли сюда, на эту планету, полные желания вместе с отважными летчиками Космического флота сражаться за дело всего Человечества. В духе сотрудничества, как это свойственно товарищам по оружию, я принимаю вашу критику и приношу свои извинения. Однако впредь прошу воздержаться от чтения мне нотаций, иначе это неизбежно повлечет за собой осложнения в наших отношениях вплоть до обращений с жалобами в Комиссариат и ведомство лорд-милитанта.

У нас и так слишком много неотложных дел, чтобы мы еще сами начали осложнять жизнь друг другу.

Она отдала честь и, повернувшись, вышла.

День 263

Предгорья Маканайтского хребта, 13.33

Благодаря ли счастливому стечению обстоятельств, или так было угодно Богу-Императору, но за вчерашний день им удалось беспрепятственно пройти через холодные, извилистые перевалы Маканайтского хребта. За весь этот удивительный день, казалось, не произошло ничего, что напомнило бы о войне. Не было слышно ни тревожных сигналов ауспекса, ни рокота моторов высоко в небе. Наполнив фляги и канистры холодной солоноватой водой из горных ручьев, они, окрыленные внезапно открывшимися перспективами скорого возвращения, с новыми силами двинулись вверх по узкому скалистому ущелью. Они отправились еще затемно, с того самого места, где прошлым вечером Ле Гуин приказал им остановиться, чтобы дать возможность хоть немного передохнуть, воспользовавшись недолгими часами ночной прохлады. Колонна с самого

начала пошла быстро, хотя водителям порой приходилось и нелегко, когда они во тьме, снашивая шины и стачивая гусеницы, то осторожно проводили свои машины по дну глубоких пропастей и расщелин, то стремительно загоняли их вверх по каменистым насыпям...

Примерно в час пополуночи достигнув верхней точки горной седловины в местечке, обозначенном на кар те как перевал Рагнара, колонна начала спуск к широким предгорьям северного склона.

Вилтри ехал с экипажем «Линии смерти». Ему предложили занять место стрелка, который погиб в дороге несколько дней назад. От него не ждали, что он будет выполнять какие-либо обязанности: он ехал как пассажир.

Ле Гуин сам сел за руль, чтобы на время сменить уставшего Эмдина, который сразу же залез на сиденье командира в башне и мгновенно уснул там безмятежным сном младенца. Вилтри же, усевшись на расположенное внизу металлическое сиденье стрелка спонсонного орудия, очень скоро понял, что ему

вряд ли удастся уснуть на этом месте. Шум, издаваемый «Яростью Пардуса», был временами просто ужасен, а тряска при движении не шла ни в какое сравнение с тряской в самолете даже во время самой жуткой турбулентности. Вот уж трясло так трясло! Именно трясло, а не раскачивало, как бывает, когда самолет проходит атмосферные зоны с различной плотностью воздуха. Здоровые булыжники вылетали из-под мощных траков и тяжело ударяли по бронированному корпусу танка и его гусеничным щиткам. Несмотря на прохладу, которая обычно устанавливалась в горах в ночные часы, внутри было довольно жарко, не говоря уже о спертом, влажном воздухе, наполненном запахами дыма, машинного масла и потных, давно не мытых тел. И вдобавок ничего не было видно. Ночь в этот раз выдалась безлунная, и кромешная тьма, казалось, поглотила все вокруг. Машины конвоя шли с затемненными фарами, а кабина танка, в котором ехал Вилтри, освещалась лишь одной тусклой лампой красного света, не считая холодного мерцания утолщенных

стекол дисплеев управления.

Когда Ле Гуин прокричал экипажу, что они наконец достигли высшей точки в этой части горной цепи Маканайтского хребта, Вилтри оставалось лишь принять на веру эти слова.

Между тем понемногу начало светать, хотя рассвет и обещал быть сегодня туманным и облачным. Отдохнув, Этдин вновь занял место водителя, а Ле Гуин и Вилтри перешли в башню, где, встав у открытых люков, высунулись наружу. Их лица сразу же овеяло холодом и сыростью, а облака выхлопных газов, оставляемые вереницей тяжело катящихся по ущелью бронемашин, не давали свободно дышать, но и это стало приятной переменой после затхлого воздуха в кабине танка.

Все еще приходилось напрягать зрение, чтобы хоть что-то увидеть.

Сейчас колонна конвоя медленно продвигалась по извилистой дороге перевала, змеей проползая сквозь усыпанные камнями и почти лишенные растительности холмы северных

предгорий. Впереди начиналась горная долина, но опустившийся на нее густой туман сделал совершенно невозможным разглядеть хоть что-нибудь на большом расстоянии. Позади же, как гигантские тени на фоне бледного, медленно проясняющегося неба, высились отвесные скалы Маканайтского хребта.

Из-за изрезанной линии горизонта наконец появилось солнце, но туман в долине все еще не спешил рассеиваться, так что колонне пришлось войти в область с пониженной видимостью.

Вскоре они проехали мимо нескольких имперских грузовиков, брошенных на обочине, — явное свидетельство того, что какая-то другая колонна уже следовала этой дорогой. И действительно, около десяти утра они догнали хвост идущего впереди конвоя. По числу машин он превосходил их вдвое, но зато и двигался намного медленнее.

Теперь им пришлось подстраиваться под эту новую скорость. Ле Гуину, который выдвинул танк в авангард своей части колонны, удалось связаться по воксу с

командующими вторым конвоем. После краткого обмена информацией стало ясно, что их новые товарищи путешествуют, так же как и они, под командованием самовыдвинувшихся офицеров. Вся система подчинения в танковых и пехотных частях давно была разрушена в результате страшных потерь среди командного состава. Ле Гуин также понял, что в сложившейся ситуации танкисты его соединения будут вынуждены принимать удары на себя — просто в силу того факта, что они теперь стали эскортом погруженной в грузовики многотысячной пехоты.

Ле Гуину было особенно приятно узнать, что несколько танковых экипажей из его бывшего полка теперь отступают с этой колонной. Обмениваясь шутками, он какое-то время весело беседовал по воксу с капитаном Волем.

— Рад был услышать его голос, — пояснил он, обращаясь к Вилтри, как только положил трубку на рычаг. — Ходили слухи, что его «Старый стронций» подбили у Ворот Ульев Тринити.

Оказывается, нет, жив еще курилка...

Уж кто-кто, а Вилтри прекрасно понимал его чувства. Он помнил, как сам не раз бывал счастлив, когда ему доводилось слышать голоса старых друзей, чудом оставшихся в живых.

В этот раз такого не будет...

Постепенно туман начал редеть, но небо все еще не прояснялось. Они достигли какого-то редкого подлеска, посреди которого тянулось нечто, уже напоминающее проезжую дорогу с асфальтовым покрытием. Начиналась долина Лиды, которая теперь будет тянуться до самого побережья.

Какие-то части уже прошли этот путь до них. По обеим сторонам шоссе, а иногда и прямо на дороге стояли брошенные единицы бронетехники, причем с большинства было снято все их боевое снаряжение. Продвигаясь дальше, колонна миновала многочисленные овощные базы и агрокомплексные сооружения, которые, по-видимому, еще несколько недель назад были оставлены своим персоналом. Создавалось впечатление какого-то

вселенского опустошения. Не только кладовые и амбары, но даже и силосные ямы были пусты. Если покинутые жителями постройки не были сожжены, то из них было вынесено все, что только можно было вынести. Загоны для скота были раскрыты, огромные ротонды птичьих инкубаторов пустовали. На некоторых полях можно было увидеть ряды свежевырытых могил.

Шоссейная дорога подошла к реке и далее следовала вдоль ее русла. По мере продвижения колонны по берегам все чаще стали попадаться разоренные фермы, разграбленные усадьбы, покинутые сельскохозяйственные станции посреди распаханных полей. Вскоре целая деревня — опустевшая и полуразрушенная — оказалась на пути отступающего конвоя.

Где-то около полудня они достигли огромного скопления обгоревшей, покореженной военной техники, разбросанной на целые километры вдоль дороги, которая была основательно разбита и усеяна воронками от взрывов. Эта катастрофа произошла уже дня три

назад, не меньше. Теперь вот танкам, оснащенным бульдозерными ковшами, вместе с несколькими уцелевшими БРЭМ системы «Атлас» приходилось растаскивать эти обломки, чтобы сделать возможным дальнейшее продвижение колонны. Это, конечно же, был авиаудар — тут Вилтри не мог ошибиться.

Далее ужасные следы войны стали повсеместны. Теперь уже каждый отрезок разбомбленного шоссе был усеян остатками бронетехники атакованного конвоя. В придорожных канавах валялись почерневшие незахороненные трупы, но еще больше мертвых тел — в основном чудовищно раздутых — плавало лицом вниз в разрушенных гидропонных системах, выстроенных вдоль шоссе. Следующие три поселка городского типа, мимо которых проехал конвой, были не просто, как предыдущие, покинуты и разграблены — они были полностью снесены с лица планеты мощными бомбовыми ударами.

Вот через эту когда-то живописную, а ныне вызывающую лишь жуткие

ассоциации местность и должна была пройти теперь колонна Ле Гуина. Перед ними предстали тысячи гектаров пахотной земли, которые были буквально обуглены в результате ковровых бомбардировок противника. Фермы, деревни, целые города сровняли с землей. От некоторых лесных массивов не осталось ничего, кроме расщепленных взрывами пней, выступающих из выжженной почвы. Воронки от взрывов, наполненные дождевой водой, изуродовали ландшафт на многие километры. Из разрушенных гидропонных систем вытекали целые реки какого-то густого органического «супа». Эта жидкость, выливаясь из прорванных плотин, местами запрудила шоссе. С шипением рассекая ее потоки, колонны машин поднимали в воздух тучи брызг.

Теперь уже не туман заслонял от солдат небо, но гарь, все еще остававшаяся в воздухе после недавних бомбежек. Кроме того, колеса и гусеницы их бронетехники выбрасывали вверх облака пепла. Через оптику своих скопов они могли видеть,

что десятки поселений по всей широкой истерзанной долине были разрушены до основания и теперь стояли окутанные дымом пожарищ, которые после налетов не утихали еще долгие дни.

В тринадцать тридцать три была объявлена воздушная тревога. В десяти километрах к северу несколько ярких вспышек осветило облака и гулко раздались взрывы бомб. Уже через несколько минут они увидели строй вражеских самолетов, идущих на средней высоте в южном направлении. Противник, который уже израсходовал весь свой боезапас, казалось, не обратил на растянувшуюся по шоссе колонну никакого внимания, но их заметили — тут ни у кого не возникло сомнений. Теперь противник наверняка вызовет сюда штурмовые авиагруппы.

Имперская колонна как раз начала переправляться по чудом уцелевшему мосту через один из притоков Лиды, когда, сразу после четырнадцати ноль-ноль, еще раз объявили воздушную тревогу.

Из-за недавно начавшегося дождя

ауспекс отказывался давать четкую траекторию приближающихся самолетов противника. Смятение и паника нарастали в колонне по мере приближения опасности. Ле Гуин подготовил орудия танка к бою и включил вокс:

— Прошу подтверждения информации! Дайте их проводку! Подтвердите приближение самолетов противника!

В ответ из барахлящего вокса донеслось лишь что-то.

— Ну, давай же! — рычал Ле Гуин. — Вызывает «Линия смерти»! Дайте их проводку! Дайте информацию!

Вилтри распахнул верхний люк и, наполовину высунувшись из танка, задрав голову, стал напряженно вглядываться в серое, скрытое свинцовыми облаками небо. Вдыхая холодный влажный воздух, он внимательно вслушивался, стараясь уловить хорошо знакомый ему гул авиадвигателей. Между тем, заглушая шум стучащего по броне дождя, отовсюду доносились возбужденные голоса солдат, пыхтение моторов, лязг разворачивающихся зенитных орудий.

Но вот, сначала как бы скрытый за всеми этими помехами, а затем все более и более выходящий на первый план, появился переливающийся звук реактивных самолетов с отклоняемым вектором тяги. Вилтри с тревогой посмотрел на сидящего в кабине Ле Гуина.

— Что такое? — спросил тот, поднявшись к нему.

— Слышишь?

— Откуда это? Подожди-ка... да, точно, они над нами.

— Нет, — сказал Вилтри. — Такой эффект дает акустика долины. На самом деле они сейчас позади нас.

Ле Гуин тотчас принялся разворачивать назад башню «Ускорителя».

— Уводи нас с моста! — крикнул он Эмдину.

— Да пошевеливайтесь вы! — отчаянно кричал высунувшийся из люка Вилтри, обращаясь к шоферам окружающих их грузовиков. — Что застряли?! Дайте дорогу! Двигайте свои тачки!

Не менее двух третей колонны все еще шло по древнему мосту.

Тут Вилтри услышал перемену в звучании реактивных моторов.

— Они приближаются! — заорал он так, чтобы всем было слышно.

Кому-то из хвоста колонны также наконец удалось засечь приближающиеся штурмовики противника. С самого дальнего конца длинной вереницы машин начался яростный обстрел из всех видов противовоздушных становок. В ход пошло все: вращающиеся пулеметы, орудия вертикальной наводки, несколько ракетных платформ «Гидр» с еще не совсем израсходованным боезапасом. Залпы из стрелкового оружия также сотрясли воздух — солдаты, стоя в кузовах грузовиков, один за другим разряжали в воздух свои лазерные винтовки. Сотни других гвардейцев — или безоружных, или слишком испуганных для подобного отпора — повылезали из транспортов и бросились врассыпную, ища укрытие под кронами деревьев и в густых зарослях прибрежного тростника.

Стрельба велась все интенсивнее. Направленные вверх орудия наполнили дождливое небо вспышками раскаленного белого огня и фейерверком пулеметных очередей. Однако вражеских самолетов все еще не было видно.

— Почти все это идет впустую... — произнес Вилтри, заметив, что Ле Гуин пока еще не открывал огня.

Тот хотел было ответить, но...

Что-то молнией пронеслось прямо над ними с юга на север. Реактивный выхлоп потряс людей внизу и заставил сжаться даже самое мужественное сердце. В памяти осталось лишь смутное воспоминание о чем-то розовато-лиловом или темно-красном, что промелькнуло и исчезло, не оставив следа.

Не прошло и секунды, как раздались глухие, гулкие раскаты мощного взрыва. Они увидели, как метрах в трехстах позади них огромный, волнообразно расширяющийся шар вознесся к небу на столбе из дыма и искр.

Тут Вилтри заметил вторую «летучую мышь» — «Адский коготь». Тот

только что аккуратно положил запас своих бомб в самый конец механизированной колонны и, очевидно, поразил какую-то серьезную цель... Возможно, танк или бронетранспортер. Стена яркого, почти неоново-белого пламени поднялась над арьергардом колонны. Большие обломки подорванной машины, которые с такого расстояния казались Вилтри маленькими черными пятнышками, разлетелись в разные стороны из этого гигантского огненного фонтана.

Между тем низколетящий «Коготь» перешел на стрельбу из орудий, яростно поливая огнем машины конвоя. Шум его реактивных двигателей был ужасен. Укрывшись в том, что теперь ему показалось хрупкой металлической будкой, Вилтри впервые в жизни испытал на себе ужасный психологический эффект, который оказывает на людей атака с воздуха. Наверное, он здорово замерз, иначе как объяснить то, что тело перестало слушаться, а зубы выбивали дробь.

Нет, его зубы стучат, потому что Ле

Гуин открыл стрельбу из своего главного оружия — сдвоенных автоматических пушек, с помощью которых он добавил мощи в и без того ураганный огонь противовоздушных батарей. Весь танк сотрясался, когда он вел огонь, медленно разворачивая башню по мере движения цели. Ухватившись за края люка, Вилтри с ужасом следил за приближением «Когтя». Зеленая трассирующая очередь, выпущенная из «Гидры», почти поразила его, но вражеский самолет лишь слегка, чуть заметно, качнул крылом, никоим образом не собираясь прерывать свой смертоносный, стремительный рейд над колонной.

Орудия «Когтя» ни на мгновение не прекращали стрельбу. Огненные вспышки беспрерывно мелькали в гнездах его бортовых орудий. Пулеметные очереди яростно хлестали по шоссе, разрывая пуль вычерчивая линии на его покрытии. Один из грузоперевозчиков «Карго-8» вдруг весь задрожал, будто целая бригада с отбойными молотками принялась долбить его днище. Пулеметные пули прошили

натянутый поверх кузова тент, прострелили шины, выбили стекла кабины. Сварные швы его кузова разошлись, выпуская клубы пыли и дыма. Идущий чуть впереди второй грузоперевозчик этой же серии внезапно накренился и вспыхнул. Вилтри видел, как из кабины стали выпрыгивать горящие, как факелы, люди. Продолжая движение, грузовик сошел с проезжей части и, сбив дорожное заграждение, завалился набок в густые заросли тростника на мелководье. Вода в реке тут же зашипела, приняв в себя охваченную огнем машину, и в воздух поднялось облако раскаленного пара.

«Коготь» пронесся прямо у них над головой, и Вилтри инстинктивно пригнулся, когда одна из пуль отскочила от лобовой брони «Линии смерти». Ле Гуин выпустил несколько трассирующих снарядов вдогонку, но все мимо.

— Не делаешь поправку на скорость! — крикнул ему Вилтри.

— Что?

— Поправку на скорость! Ты не учитываешь скорости его движения!

— Думаешь, у тебя выйдет лучше? — спросил Ле Гуин.

— Надо попробовать, — ответил Вилтри.

Ле Гуин приказал Матредесу спуститься в нижний отсек и освободить заклинившее автозарядное устройство, а сам пересел в кресло командира, позволив Вилтри занять место стрелка.

— Имей в виду, ты не на противовоздушной зенитной установке, — предупредил Ле Гуин. Я знаю, — откликнулся Вилтри.

— Я имею в виду, что у нас нет вертикальной наводки и устройств самонаведения. Строго говоря, ты лишь увеличиваем плотность огня в небе.

— Я знаю, — повторил Вилтри.

Он осмотрел приборы в башне, стараясь быстро сообразить, что к чему.

— Как включить вращение?

— А вот, — сказал Ле Гуин, указывая на рукоятку передаточного рычага. — Надеюсь, ты знаешь, что делать...

— Ну, есть, конечно, кое-какие отличия, но в целом это не сильно

отличается от башни «Мародера».

Вилтри устроился поудобнее, припав к призматическому прицелу орудий, затем немного повертел башню.

— Ты, в общем-то, делал все правильно, — сказал Вилтри. — Но тут нужно уметь предвидеть ситуацию. Вы еще не приспособились к воздушным целям. Каждый раз вы рассчитываете, что они будут двигаться как летящие копья или стрелы, но самолеты с отклоняемым вектором тяги ведут себя совсем иначе. Они могут рвануть вверх или в сторону в самый неожиданный момент.

Эдин уже отвел их танк с моста. Неподалеку стояли охваченные пламенем многочисленные машины арьергарда колонны.

— Они возвращаются! — крикнул Ле Гуин, вслушиваясь в прижатый к уху наушник радиосвязи.

Батареи стоящих на дороге «Гидр» вновь открыли огонь. Вилтри напряг зрение, стараясь сквозь очень несовершенный перископ разглядеть самолеты противника.

— Их цель — взорвать мост! Так они хотят остановить колонну.

Вилтри начал медленно разворачивать орудие и затем открыл огонь. Бог-Император, какой же медленной и громоздкой показалась ему башня! Да и стрелять приходилось почти вслепую. «Коготь», конечно же, пролетел над ними без малейшего вреда для себя. Только тут Вилтри начал понимать, с какой техникой приходится иметь дело Ле Гуину. «Линия смерти» была рассчитана лишь на локальные боевые действия с участием пехоты.

Он быстро вернул башню в первоначальное положение и стал разворачивать ее, внимательно следя за приближением второго «Когтя». Приняв за ориентир клубы дыма, поднимающиеся от горящих обломков, разбросанных по дороге, Вилтри начал стрелять, стараясь попасть в условную точку над мостом, откуда, как он предполагал, вражеский самолет вновь начнет взмывать вверх.

Подняв сдвоенные орудия так высоко, как только возможно, «Линия смерти»

теперь вела ураганный огонь, причем след от выпущенных снарядов длинным хвостом извивался в небе, по мере того как Вилтри вращал башню из стороны в сторону, целясь не туда, где в тот момент мог быть «Коготь», а туда, где он мог оказаться, когда зенитные очереди покроют расстояние до цели. Так-так, вот уже почти...

Белый с синими полосами «Адский коготь» в последнюю секунду попробовал резко изменить курс и уйти вверх, но горизонтальная составляющая его скорости оказалась слишком велика для осуществления столь экстренной корректировки движения. В результате вражеский самолет пролетел точно сквозь зону обстрела «Линии смерти». Пробитый во многих местах, его корпус порвался на части, а куски обшивки разлетелись в разные стороны. Танк задрожал, когда эта громадина пронеслась над ним. Завалившись в воздухе набок, «Коготь» скользнул вниз, к реке, и, прочертив краем крыла водную гладь, перелетел на дальний берег, где выпустил посадочный парашют

и наконец ударился о землю. Гулкие раскаты взрыва сопроводили это падение.

Матредес, Этдин и другие члены экипажа отметили это событие радостным криком. Ле Гуин в восторге пихнул Вилтри в плечо.

— Тут было больше удачи, чем мастерства, — сказал Вилтри.

— Еще один! — закричал заряжающий, глядя на трансляционный усилитель ауспекса.

Вилтри снова развернул башню. Этот самолет шел на гораздо меньшей высоте. В такой ситуации шансов у Вилтри самому сбить атакующий «Коготь» было крайне мало. Тем не менее он открыл огонь и, вращая орудийную башню туда-сюда, быстро создал «конус обстрела» — прием, хорошо известный стрелкам хвостовых орудий.

Все его зенитные очереди прошли мимо, однако созданная им плотность огня заставила «Коготь» изменить линию атаки и, таким образом, влететь в зону действия орудий одной из «Гидр», которые все это время вели непрекращающийся

огонь. В тот самый момент, когда самолет противника попал в видоискатели четырех длинноствольных автоматических орудий «Гидры», сразу же включилась система наведения, которая точно зафиксировала его в прицеле. Выдержав несколько тяжелых попаданий, мощная зенитная установка плавно развернулась более чем на сто пять градусов. Сразу после ее залпа «Коготь» сначала взмыл вверх, а затем взорвался, сверкнув ослепительной желтой вспышкой, чтобы потом дождем обломков осыпаться на речную гладь и дорожное покрытие.

После этого ни одного штурмовика уже не было видно над долиной. Ле Гуин крепко пожал руку Вилтри.

Летчик тяжело дышал; его сердце, казалось, готово было выпрыгнуть из груди. В первый раз с тех пор, как сбили «Г как Грета», он почувствовал, что может быть кому-то нужен, что он еще на что-то способен. Он помог уберечь мост от уничтожения — а это уже немало. Сейчас Вилтри снова ощутил в себе то чувство уверенности, которое здесь, на Энозисе,

стало понемногу возвращаться к нему, — то доверие к жизни, которое он вновь начал обретать, общаясь с Бекой Мейер.

Потеря самолета вместе с вверенным ему экипажем, казалось, окончательно убила в нем веру в себя, но теперь, после того как он неожиданным образом снова почувствовал себя в центре событий, жизнь опять представилась ему в новом свете. В конце концов, война ведь всегда требует человеческих жертв. Люди погибают. Машины уничтожают друг друга. Командирам вроде Вилтри остается лишь винить себя и сожалеть о потерях. Так всегда было и всегда будет, ибо по всей Галактике, везде, где когда-либо обитали люди, с незапамятных времен идет война...

Здесь, в башне «Искоренителя», среди гогочущих и веселящихся людей, с которыми он был едва знаком, в одно неуловимое, но крайне важное для себя мгновение Вилтри вдруг ясно осознал: чувство вины и сожаление о прошлом будут преследовать его до конца дней, если только в нем сейчас не победит воля к

жизни. Та воля к жизни, что может помочь ему сражаться с врагами рода человеческого рі разыскать единственную женщину, которая была так добра и внимательна к странному незнакомцу из чужого мира.

Между тем колонна двинулась дальше. Дождь шел все сильнее, и им пришлось плотно закрыть люки танка. Долина впереди представлялась трачным, выжженным пепелищем, и конвою Содружества предстояло еще преодолеть долгий, трудный путь, прежде чем войти в те далекие, но родные города, небо над которыми уже давно почернело от постоянных пожаров.

ТВП на озере Госель, 19.12

За последние тридцать часов их наручные индикаторы зажигались аж восемнадцать раз. Они могли в это время тренироваться, готовить свои самолеты, спать, есть, просто отдыхать после вылета, но воздушная тревога, которая объявлялась теперь с раздражающей регулярностью, заставляла их тут же

бежать в укрытие и там терпеливо ждать, когда строй вражеских самолетов пройдет над их районом. И каждый раз такое совместное ожидание в темных блиндажах никак не способствовало снятию напряжения, возникшего между обитателями авиабазы. Недавно двое механиков Космического Флота и несколько военнослужащих ПС О устроили потасовку, а случайный разговор Ранфре с одним из пилотов «Рапторов» наверняка перерос бы в драку, если бы не вмешательство хладнокровного Милана Блан-шера.

Но, пожалуй, худшим из всего был спор, который разгорелся между Джагди и Блэгуером. За весь этот период при объявлении тревоги пилотам ТБП лишь трижды разрешили поднять в воздух свои перехватчики, тогда как все остальные разы они вынужденно стояли под камуфляжными сетками.

«Ну какая от нас здесь польза?» — не раз слышала Джагди недовольные возгласы летчиков.

Мнение Блэгуера было таково — и в

этом его поддерживали Марсинон и ведущий бригады «Молний»: по самому своему определению ТБП на Госеле была организована для перехватов и потому им следует тщательно выбирать свои цели. Семь воздушных тревог были объявлены, когда массовые построения бомбардировщиков, численностью по три-четыре сотни самолетов, прошли над ними на север, в направлении морского побережья. Три госельские авиабригады вряд ли смогли бы нанести серьезный урон такой грозной силе, а запуски самолетов непременно бы обнаружили их секретный аэродром. Тогда из мощного строя бомбардировщиков вышли бы несколько групп, которые, без сомнения, и разбомбили бы обнаруженную базу перехватчиков.

— Лучше, оставаясь на аэродромах, тщательно соблюдать режим маскировки и реагировать лишь на тецели, с которыми мы легко может справиться, — говорил ей Блэгуер.

— Пройдет еще день-два, и в небе будет столько «летучих мышей», что мы вообще не сможет поднять в воздух наши

самолеты. Нас сюда послали, чтобы мы совершали перехваты, так давайте же, черт возьми, совершать их!

— Вы предлагаете нам непродуманный и самоубийственный план ведения войны!

— Все, что я предлагаю, — это не отсиживаться, а сражаться! — огрызнулась Джагди.

Позже, во второй половине дня, им в четвертый раз был разрешен боевой вылет. Командный Центр Управления Полетами, расположенный на побережье, поручил ТБП срочно приступить к сбору разведданных вдоль реки Саройя. Назрела крайняя необходимость в точной оценке числа и расположения отступающих воинских частей, так чтобы Мунитарум мог более эффективно осуществить массовую эвакуацию — крупномасштабную наземную операцию, которая уже началась в Эзравиле и Тэде. Центр Управления также надеялся, что удастся обнаружить один, а возможно, и несколько гигантских мобильных аэродромов, предположительно расположенных на севере пустыни, с

которых противник совершал эти ужасные налеты на побережье. Командование, очевидно, рассчитывало, получив их координаты, направить туда бригады «Мародеров», которые, нанеся удары с воздуха, могли бы тем самым ослабить мощь стратегических бомбардировок Архе-нети.

Поговаривали, что уже не осталось ни городка, ни крупного мегаполиса как на побережье, так и на Полуострове, который бы не подвергся ковровой бомбардировке. Совершенно независимо от беспрецедентной по своим масштабам эвакуации пехотных и бронетанковых соединений на побережье также начался и массовый исход гражданского населения. Лишенные какой бы то ни было помощи со стороны Муниторума и не имеющие возможности воспользоваться услугами морского транспорта, большинство местных жителей, стихийно объединившись в огромные караваны беженцев, неорганизованно двинулись на запад, в направлении Ингебурга и Северной Общины. Просочилась информация о

панике и кровавых беспорядках среди отступающих. Несколько колонн беженцев было атаковано. Число жертв было столь пугающе, что Джагди даже не могла заставить себя повторить то, что сама зачитала пилотам и механикам «Умбры».

Три самолета-разведчика — «Молнии» — должны были подняться в воздух, чтобы совершить широкий облет территории в сопровождении тройки «Громовых стрел», которым было предписано держаться от них на расстоянии выстрела. Согласно ротации распределения вылетов, эскорт обязаны были предоставить «Рапторы». Фамилия самого Блэгуера стояла в списке летчиков сопровождения, но он, очевидно опасаясь роста влияния Джагди, не желал оставлять ТВП. Блэгуер заявил, что если она так стремится поднять в воздух свой самолет, то командиру «Фантина XX» как раз сейчас предоставляется такая возможность.

Джагди разгадала его уловку, прекрасно понимая, что в ее отсутствие отношение к «Умбре» может измениться —

– и не в лучшую сторону. Она отклонила это предложение, ссылаясь на повреждения, которые получила ее «Громовая стрела» во время последнего вылета. На самом деле преданные ей механики уже привели машину в полный порядок, однако были в курсе всего и знали, что сказать Блэгуеру, если бы ему вдруг пришло в голову спросить их о состоянии самолета. Кроме того, они умышленно сняли капот двигателя серийного номера Ноль-Два, время от времени разыгрывая пантомиму ремонтных работ. Джагди же вместо себя назначила Асче в группу с Уолдоном и Земликом.

Маркволл едва мог скрыть разочарование. Его очередь пришла давным-давно, а теперь, когда серийный номер Девять-Девять починили и подготовили к старту, он имел все основания быть на месте Землика или Уолдона.

После того как с пусковых установок запустили все шесть самолетов и терцающие камуфляжные сетки снова закрыли взлетные площадки, Джагди

решила его разыскать. Она нашла Марквола в его палатке, когда он играл в реджисайд с Ван Тулом.

— Не уделишь мне минутку?

— У меня как раз есть кое-какие дела сейчас, — произнес Ван Тул и незаметно выскользнул из палатки.

— Надевай летный костюм, — сказала командир Маркволу. — Я ставлю тебя на следующий срочный вылет, готовься!

Юный пилот кивнул, но выражение его лица оставалось мрачным.

— Меня следовало поставить уже на этот вылет, и вы прекрасно знаете это.

— Это зависит от того, что ты понимаешь под словом «следовало», Вандер, — заметила Джагди. — Ты и Асче теперь не ладите друг с другом. Разъединить вас сейчас, по-моему, неплохая идея.

Марквол покраснел, но, пожалуй, больше от гнева, чем от чего-либо еще.

— Она... — начал он. — Я не знаю, что я ей такого сделал...

— Ты еще не знаешь Лэрис, Вандер. Не то что я. Я-то знаю, что она за птица.

Один из лучших пилотов, с кем я имела честь когда-либо летать. Но вместе с тем... на редкость упряма, горда. Всегда полна амбиций и готова самоутверждаться — везде, где бы ни находилась. Такой уж у нее характер. Она должна летать лучше всех, иметь самый внушительный счет воздушных побед и... быть рядом с лучшим из пилотов-мужчин своего звена. Недавно у тебя было то, что ей так нравится. Репутация складывалась довольно благоприятно. Но затем этот неудачный запуск...

— Я стал всеобщим посмешищем.

— Лишь на десять минут. Я не слышала, чтобы кто-то еще потом вспоминал об этом. Но Лэрис... Это был настоящий удар по ее гордости. Она выбрала тебя как возможную будущую знаменитость, а ты неожиданно сделался объектом насмешек. Кто-нибудь другой мог бы, конечно, плюнуть на это и не обращать внимания, но только не Лэрис. Она почувствовала, что, возможно, этот смех также касается и ее. Кстати, это не лишено основания.

— Так что же, она теперь меня отшила? Не будет больше со мной разговаривать? Бросила так же быстро, как прежде накинулась?

— Боюсь, что это вполне в ее духе, — сказала Джагди.

— Здорово, — только и смог вымолвить Маркволл.

— Ты всегда можешь доверять Лэрис... но только как пилоту, в небе. А как человек, она крайне ненадежна. Я, конечно, понимаю, Вандер, это всегда легко говорить, но тебе надо жить дальше. Идет война... Я уверена, что через один-два вылета ты уже будешь гораздо спокойнее ко всему относиться. Ты сумеешь нам показать все, на что способен, и я не удивлюсь, если она потом вновь тобой заинтересуется.

Маркволл хмыкнул.

— Хотя, конечно, обжегшись на молоке... — усмехнулась Джагди.

К девятнадцати ноль-ноль небо над озером начало темнеть, а звено разведчиков с сопровождающим их эскортом все не возвращалось. Последняя

запланированная радиосвязь с ними была минут сорок назад, после этого они перестали отвечать. Больше не было ни одного сообщения от них ни по модарной, ни по ауспексной связи.

Пилоты «Умбры», собравшись у командного пункта, нервно прохаживались перед его входом, перебрасываясь короткими фразами. Нервы у всех были на пределе. Нависающие над лагерем маскировочные сетки, казалось, и у здоровых людей могли вызвать клаустрофобию.

— Я требую поднять в воздух новое звено. Пусть они проведут боевое патрулирование с целью розыска пропавших самолетов, — заявила Джагди командующему Марсинону.

— Запрос отклоняю, — сказал тот. — По крайней мере сейчас. Давайте не будем торопить события. У них еще горючего почти на час лета...

— Это зависит от того, в каком режиме они летают, — возразила Джагди. — Одно серьезное воздушное сражение — и вы можете в своих расчетах

стело сократить это время наполовину. Я вынуждена повторить запрос.

Они находились в помещении командного пункта, слушая, как кондиционеры гудят над головами. Круглые зарешеченные лампы на стенах освещали комнату, в которой несколько штабных офицеров Космического флота сидели перед пустыми экранами дисплеев.

— Ну, есть что-нибудь? — спросил Марсинон.

— Какая-то активность в квадратах четыре и девять-два, командир, — сообщил главный оператор. — Вероятно, движение самолетов противника. Но все это очень далеко и никак не может быть связано с нашим звеном.

— Не могли же их всех посбивать, — пробормотал Оберлитц, глава Семьсот восемьдесят шестой бригады «Молний», невольно озвучив тайный страх, который старались скрыть все остальные.

Оберлитц был коренастым человеком с тонкими губами, которые он имел привычку облизывать, когда нервничал. Как и Джагди, он очень волновался за своих

пилотов. Сейчас, чувствовала она, он был на ее стороне в этом споре с Марсиноном и главой «Рапторов».

— Я вам официально повторяю свой запрос, — с нажимом сказала Джагди. — Разрешите мне поднять самолеты, пока ситуация не изменилась и мы не вынуждены тихо сидеть под сетками.

Марсинон вопросительно посмотрел на Блэгуера. Тот молча кивнул.

— Запрос удовлетворяется, — выдохнул Марсинон.

Джагди тут же выбежала из блочного строения командного пункта. Толпа летчиков уже стояла у входа, нетерпеливо ожидая приказа командования.

— Бланшер! Марквол! Мы летим! По машинам!

Их самолеты давно ждали на пусковых установках.

К моменту, когда трое летчиков облачились в костюмы пилотов и проверили свое снаряжение, их механики уже подготовили машины к взлету. Джагди, Бланшер и Марквол кинулись к

палубным настилам, и команды наземного обслуживания помогли им забраться в капсулы кабин и надежно закрепиться в летных креслах.

— Подтвердите готовность! — запросила по воксу Джагди.

— Говорит Второй. Все на четыре-А.

— На связи Восьмой. Готов к взлету.

Марквол почувствовал, как учащается его пульс. Он протянул руку и похлопал по краю главной приборной панели.

— Ну что, Девять-Девять, на этот-то раз ты меня слышишь? — прошептал он. — На этот раз все, давай без шуток. Игры кончились. Теперь — только ты и я...Вандер Марквол и «Двуглавый орел».

Механически звучащие голоса инспекторов Командного Центра, которые давали последние инструкции перед стартом, доносились из вокса. Вот уже начали раздвигаться камуфляжные сетки...

Раздался сигнал отсчета готовности. Пять секунд... Последняя команда механиков бросилась за стены

укрытия. Марквол положил большой палец на кнопку стартовой ракеты.

— Звено «Утбра», на взлет! — раздалось в воксе. Марквол нажал кнопку и тут же почувствовал, как огромная сила вдавила его в летное кресло.

В небе над тропическим лесом, 19.30

Они стремительно взмыли, и красные точки от выбрасывающих огонь форсунок их двигателей загорелись как звезды на фоне быстро темнеющего фиолетового небосклона. Лишь легкая дымка облаков кое-где покрывала небо, а в десяти километрах к западу показатель облачности достигал всего трех десятых. Внизу же, насколько хватало взгляда, раскинулся темный — в этот час почти уже черный — тропический лес.

— Поднимаемся на девять тысяч, ребята, — скомандовала Джагди. Курс — четыре-четыре-два.

— Вас понял, ведущий, — отозвался Бланшер.

— Приказ получил, — сообщил

Марквол. — Выполняю.

Первые тридцать секунд полета он напряженно смотрел на панель приборов, ожидая, что вот-вот зажжется лампочка сигнала неисправности. Нет, пока ничего. Даже двигатели звучат на удивление ровно.

На востоке, там, где небо было особенно темным, уже стали появляться звезды. Видимость была настолько хорошей, что Марквол смог различить вдали — в сотнях километров к северо-западу — мерцающее зарево, напоминающее вспышки молний, что на самом деле, он это знал, означало ковровые бомбардировки побережья.

Пятнадцать минут они летели строго на юг, затем плавно изменили курс, отклонившись на запад. После следующих двадцати минут, которые показались ему необычно долгими, Марквол услышал по воксу сообщение Бланшера:

— Обнаружены какие-то самолеты. Значительные силы. В зоне нашей досягаемости — около двадцати километров.

Он послал сигнал другим «Стрелам», и их ауспекс-ные системы зафиксировали траектории самолетов противника.

— Они под нами. Высота — четыре тысячи. Идут двумя группами, — раздался в воксе голос Джагди. — Оставаясь на прежней высоте, идем на сближение. Командный Центр, вы видите их?

— Так точно, ведущий «Умбры», но никаких дополнительных данных сообщить не можем.

— Сближаемся. Орудия к бою! Звено, держать строй!

Возникла еще одна пауза, во время которой слышался только могучий ритм работы двигателей и шипение поступающей в маску кислородной смеси.

Марквол напряженно всматривался вниз, стараясь разглядеть хоть что-нибудь на фоне чернеющего тропического леса. Заметные пока только на экранах аус-пекса самолеты противника должны были вот-вот стать доступными визуальному наблюдению. Нет, все еще ничего не видно. Лишь рваные клочья ночных облаков, тонкой пеленой

протянувшихся над землей на высоте пять тысяч метров.

— Я засек транспондерный след, — сообщил Блан-шер. — Четкий сигнал. Это — Уолдон и как минимум одна из «Молний».

— «Умбра Девять», «Умбра Девять»... Говорит ведущий «Умбры». Мы над вами и уже на подходе. Как слышите? Прием.

Пронзительный визг радиопомех заполнил канал связи. Затем они услышали голос Уолдона. Даже сквозь помехи в нем слышался страх. Страх... или боль.

Ведущий «Умбры», ведущий «Умбры»... Вызывает Девятый. Плохо слышно, повторите.

— Идем на сближение, Девятый. Какова обстановка?

— На помощь! На помощь! — неожиданно ворвался голос, который сразу заглушил Уолдона.

— Кто говорит? Назовите себя! — запросила Джагди.

— «Умбра», вызывает «Подзорная труба Четыре». Прошу немедленной

поддержки!

Одна из «Молний». Судя по голосу, летчик сейчас находился в ступоре.

— Пожалуйста, доложите обстановку, — запросила Джагди еще раз.

Пилот «Молнии» и Уолдон стали отвечать одновременно, так что уже ничего нельзя было разобрать.

Все это время Марквол неотрывно вглядывался вниз. Неожиданно он заметил бледный след реактивного выхлопа. Затем — это было отчетливо видно на черном фоне леса — то тут, то там замелькали узкие полоски света.

— Ведущий, говорит Восьмой. У них обстановка такая, что их обстреливают. Я вижу внизу всполохи от выстрелов. Повторяю: вижу внизу всполохи.

— Пикируем и атакуем! — приказала Джагди.

Все три «Громовых стрелы» заложили вираж и вошли в крутое пике. По мере того как они приближались к цели, неясная, размытая картинка на экране аускекса становилась все более четкой. Под ними пролетали четыре машины. Уолдон,

осуществляя прикрытие, шел вплотную за «Молнией», в то время как два неопознанных самолета уже почти настигли их. Пилот «Умбры» старался уклониться от их орудийного огня и все время маневрировал, бросая свою машину из стороны в сторону.

Группа Джагди вошла в зону сражения. Небо осветилось пулеметными трассами. Марквол своими глазами увидел «Молнию», которая была уже подбита и теперь оставляла за собой длинный след раскаленного дыма. Этот-то след и делал нечетким изображение траектории самолета-разведчика на мониторе аупекса. Уол-дон же держался на шесть часов к своему подопечному.

Примерно в семистах пятидесяти метрах за ними неслись две вражеские «Саранчи», ведя непрерывный огонь.

Неожиданно в «Громовую стрелу» Уолдона угодило сразу несколько снарядов. Куски металлической обшивки разлетелись в разные стороны, ярко блеснув в последних лучах заходящего солнца. Марквол не мог поверить

собственным глазам — Уолдон умышленно старался закрыть своей лучше защищенной машиной летящий уже на честном слове самолет-разведчик. Ему никогда еще не доводилось видеть такой самоотверженности и...

Нет! Эспир... Эспир сделал для него то же самое.

— Уолдон! — закричала Джагди.

— Снаряды кончились, ведущий. У меня падает гидравлическое давление...

Снаряды кончились! Значит, они уже успели побывать в чертовски трудной переделке.

Бланшер и Джагди немного опережали Марквола и первыми пересекли курс «летучих мышей», которые сразу же бросились от них в разные стороны. Бланшер, точно угадав направление, включил сопла с направляемым вектором тяги и тут же начал подъем вслед за одной из них, стремительно набирающей высоту.

Как ни странно, Джагди на этот раз просчиталась, и другая «летучая мышь», уходя от атаки, удачно нырнула ей под

крыло. «Саранча» прошла совсем рядом, но Маркволу все же удалось, резко развернувшись, бросить свой самолет в погоню. Он выстрелил. Изогнутые молнии лазерного разряда сверкнули невероятно ярко в полумраке сумерек.

«Саранча» увернулась и взмыла вверх. Марквол — за ней. Сейчас он был весь сконцентрирован на преследовании, хотя это и не помешало ему расслышать сообщение Джагди:

— Обнаружена еще одна авиагруппа. Они стремительно приближаются...

Марквол стал лихорадочно вертеть головой, стараясь окинуть взглядом сразу все направления. Откуда их ждать? Под каким углом?

«Саранча» попробовала было оторваться, выполнив «свечку», но юный летчик тут же плавно повернул сопла, тем самым изменив вектор тяги. В результате его Девять-Девять встал вертикально и ушел хвостовой частью в сторону, после чего пилот «Умбры» превратил этот кувырок самолета в техничный поворот.

«Саранча» же снова устремилась в сторону Уолдона и «Молнии».

Яркая вспышка вдруг осветила небо. На какую-то секунду приборы в кабине Марквола сошли с ума из-за мощного электромагнитного возмущения.

— Одной гадиной меньше! — донесся голос Бланшера. Ему удалось сбить еще одну «летучую мышь».

— Восьмой! — вызвала Джагди.

— Я на хвосте!

Марквол выполнил «бочку» и бросил свою машину вниз, вслед за «Саранчой», за полетом которой, если не считать изображения на экране аупекса, можно было следить лишь по перемещению ее выхлопных огней на фоне чернеющего леса. Развив огромную скорость, самолет «Умбры» сблизился с противником, и Марквол увидел, как красная точка реактивного выхлопа скользнула по перекрестью его прицела. Он скорректировал наводку и зафиксировал цель.

Раздался выстрел. Он точно попал во что-то, потому что шрапнель

разлетелась по сторонам. Но где же враг?

— Он ушел вверх! Вверх! — услышал он крик Уолдона.

Марквол задрал голову и увидел, как «Саранча», чей силуэт неожиданно стал ясно различим на фоне бледного вечернего неба, избрав почти вертикальную траекторию, стремительно уходит от него в фиолетовую высь.

За врагом тянулась тонкая струя дыма. Что ж, по крайней мере, он попал и вывел противника из боя!

Затрещал вокс.

— Ведущий «Умбры»! Ведущий «Умбры»! Это вы?

— Так точно. Лэрис, ты?

— Подтверждаю. Мы на подлете к вашей позиции. Идем на сближение. Имейте в виду: их тут до черта.

Марквол услышал, как Джагди выругалась. Он набрал высоту и сделал небольшой круг. В вышине, к югу от них, все небо просто искрилось яркими точками.

Лэрис и Зетлик неслись на базу, и более десяти вражеских машин

преследовали их по пятам.

— Восьмой и Второй, за мной! — приказала Джагди. — Четвертый, мы идем наперехват! Сможете поддержать?

— Никак нет, ведущий. У нас с Земтиком боеприпасы на нуле. Повторяю: боеприпасы на нуле.

— Вас поняла. Тогда быстрее домой. Мы справимся.

Марквол увидел, как ярко вспыхнули два выхлопных огня, когда Бланшер и Джагди, включив двигатели на полную мощность, бросились навстречу приближающейся авиагруппе. Открыв дроссель, он добавил газу и устремился вслед. Земтик и Асче, набрав огромную скорость, молнией пронеслись под ним, здорово тряхнув его Девять-Девять выхлопной волной своих двигателей.

Когда три «Громовых стрелы» из группы Джагди лихо ворвались в первые ряды противника, небо буквально раскалилось от ослепительных трасс их перекрестного огня. Огонь «летучих мышей» был столь интенсивен, что казалось, будто ярчайшие звезды целыми

охапками вдруг посыпались с неба.

Сначала Марквол ощутил легкую вибрацию в корпусе «Громовой стрелы», когда несколько снарядов прошли совсем рядом, а затем и сильный удар, который потряс его левое крыло. Он машинально надавил кнопку активации орудий и тут же заложил крутой вираж, инстинктивно сложившись в «замок», так как перегрузка в четыре с половиной G представляла реальную угрозу его здоровью.

Вспышка справа на какое-то время ослепила Мар-квола, так что он чуть было не врезался в летящую навстречу «Саранчу». Судя по победному крику, который донесся из вокса, Бланшер, очевидно, вновь пополнил список сбитых им самолетов.

«Летучие мыши» метнулись вверх. Марквол разогнал свой Девять-Девять и также начал набирать высоту. Экран его ауспекса был просто переполнен размытыми зелеными пятнами, так что уже ничего нельзя было разобрать.

Что-то промелькнуло мимо — самолет прошел выше и куда-то в сторону.

Он решил, что это Джагди. Затем вниз, строча из пулемета, промчалась какая-то «Саранча».

Описав дугу, Марквол заметил самолет Бланшера, который на бреющем полете проносился сейчас над лесом, атакуя сразу две «Саранчи», в то время как другая пара «летучих мышей» уже гналась за ним по пятам. Марквол направил вниз конус своей машины и бросился за преследователями.

— Восьмой! В сторону! Живо в сторону! — раздался голос Джагди.

Марквол уже услышал завывающий сигнал системы слежения. Он рванулся влево, затем заложил вираж вправо и тут же включил гасители скорости. Сигнал тревоги умолк. Что-то пронеслось прямо над ним и потом быстро ушло в сторону.

Пилот опять добавил газу и поднялся выше. «Летучие мыши», которых преследовал Бланшер, разлетелись в стороны, и тот остался один на один с теми противниками, что буквально приклеились к нему и теперь яростно обстреливали его хвостовую часть.

— Второй, в сторону! — вскричал Марквол. — В сторону!

— Они слишком близко! Прикрой меня!

Устремленный вверх самолет Бланшера трясло и болтало после того, как лазерные разряды прожгли его хвостовой стабилизатор.

В отчаянии Бланшер выполнил торможение с помощью отклоняемых сопел, но его «Громовую стрелу» занесло вверх, а не вниз, так что «летучие мыши» промчались под ним. К тому времени Марквол уже был у них на хвосте и потому также проскочил под Бланшером вслед за ними. Милан затормозил слишком резко, и теперь ему приходилось медленно набирать скорость, каждую секунду ожидая, что двигатели заглохнут.

Между тем одна из «летучих мышей» исчезла, рванувшись в сторону так стремительно, что Марквол даже не успел заметить, ушла она вверх или вниз. Он атаковал оставшуюся, разрядив свои лазерные батареи, а затем, переключившись на зенитки, добавил еще, выпустив длинную очередь из

счетверенных орудий.

«Саранча» вдруг зашипела и выпустила сгусток пламени, который, падая вниз и выписывая спирали, скоро превратился в большой огненный шар, выбрасывающий брызги воспламененного ракетного топлива. Конец «летучей мыши» был настолько ужасен, что Марквольу пришлось быстро увести свою «Громовую стрелу» в сторону, чтобы избежать опасного действия взрывной волны.

Это был второй сбитый им самолет.

Джагди заложила вираж, выровняла свою машину и буквально вспорола вражеский самолет, когда он попытался нырнуть под нее и тем самым уйти от обстрела. Совершенно разбалансированная, трясясь как осенний лист на ветру, «Саранча» отлетела в сторону и, охваченная пламенем, стала терять высоту.

Еще два врага пронеслись мимо, но Бланшер был уже у них на хвосте, ведя по ним просто сумасшедший огонь. Одна из «летучих мышей» взорвалась,

превратившись в облако искр, которое, постепенно замедляясь, все еще летело по инерции какое-то время и лишь затем начало стремительно падать. Другой же противник рванулся от него в южном направлении.

Неожиданно какой-то самолет зашел машине Джагди в хвост. Это случилось так быстро, что сигнал тревоги застал ее врасплох. Сразу три попадания из зенитных орудий подбросили вверх хвостовую часть «Громовой стрелы», и множество красных рун, означающих сигнал тревоги, мгновенно высветилось на дисплее панели приборов.

После тяжелой борьбы с заклинившим рычагом управления, который отказывался бросать самолет в пике, командир до упора вывернула руль управления влево, тем самым опасно увеличивая перегрузки. Она хрипела от напряжения, когда разворачивала носовую часть своей машины.

И вдруг перед ней возникла закладывающая вираж «Саранча», которая двигалась, пожалуй, слишком медленно,

чтобы ее пилот мог рассчитывать на успешный исход сражения с таким опытным противником, как Джагди. Это было для нее как подарок от самого Бога-Императора!

Она уже навела свои счетверенные орудия. Открыла огонь. Вибрация в корпусе самолета от длинной зенитной очереди лишь стабилизировала полет ее верного Ноль-Два.

Уже смертельно раненная, «Саранча» опустила носовой конус и вошла в крутое пике. Длинная огненная дуга отмечала ее последний путь до самой земли. Затем была яркая вспышка среди густых деревьев.

— Они рассыпаются в разные стороны! — крикнул Бланшер в вокс.

Джагди заложила широкий вираж, попутно проверяя эту информацию на своем ауспексном экране:

— Подтверждаю, Второй.

Уцелевшие «летучие мыши» в беспорядке полетели на юг.

— Что, преследуем? — в азарте спросил Марквол. Кровь у парня, судя по голосу, все еще кипела.

— Отставить, Восьмой. Мы поворачиваем к дому.

Обратно им пришлось лететь сквозь ночь, и каждый сейчас чувствовал себя одиноким в темноте летной кабины. Уже на подлете, в девяти километрах от госель-ской ТВП, они увидели, как что-то полыхает огнем в глубине тропического леса.

В кромешной тьме камуфляжные сетки казались черными, и наземные службы, чтобы указать им путь, зажгли сигнальные огни. «Умбра Один», «Два» и «Восемь», ориентируясь на их сияние, зашли на посадку и уверенно приземлились на свои палубные настилы.

ТВП на озере Госель, 21.02

Рэкли вытянул Марквола из кабины и помог спуститься на землю. Прибежали механики, готовые осмотреть самолет сразу после приземления. Пар от перегретых двигателей заполнил воздух взлетной площадки. Маскировочные сетки уже опять смыкались над ними, сигнальные огни были потушены, и по всей

базе возобновился режим затемненного освещения.

Марквол стянул с себя шлем и наконец полной грудью вдохнул ночной воздух, пропитанный пряными запахами тропического леса. Из кустарников, из-под густых деревьев — отовсюду доносилось жужжание вездесущих насекомых.

— Ну что, все в порядке, пилот? — спросил Рэкли.

— С недавних пор у меня настоящий счет, — с удовлетворением произнес Марквол.

Рэкли довольно ухмыльнулся. Не годилось летчику-истребителю иметь на борту только один знак воздушной победы. Но вот если их больше...

— Сколько еще отметок я должен поставить, сэр? — спросил Рэкли.

— Давай-ка будем поскромнее. Я всего лишь сбил еще одного, Рэкс.

— Есть второй! — громко провозгласил Рэкли, и команда наземного обслуживания единым радостным криком встретила это известие.

Некоторые прыгали в восторге, а

несколько человек даже подбежали к Маркволу, чтобы пожать ему руку.

— Знаете, что в лесу что-то горит? — спросил юноша, стараясь перекричать весь этот гвалт.

— Ничего не слышал об этом, сэр, — откликнулся Рэкли. — Вам лучше пройти сейчас в сектор распределения.

Марквол кивнул и напоследок похлопал свой Девять-Девять по обшивке.

— Присмотри за ним, Рэкс, — сказал он.

— Не беспокойтесь, сэр, все будет сделано, — уверил его главный механик.

Команда техников проводила его троекратным ура, когда пилот сходил с палубных настилов своей взлетно-посадочной площадки. Обремененный тяжестью летного снаряжения, Марквол, прихрамывая, пошел по лесной тропе, ведущей к Командному Центру.

Там сейчас царило необычное оживление. Не успевшие переодеться Лэрис Асче и Земмик, все еще в летных костюмах, наперебой рассказывали Дель Рут, Кор-диалю, Ранфре и Ван Тулу о

каких-то перипетиях недавней схватки. Служащие базы и несколько пилотов «Рапторов» тоже внимательно слушали, обступив их со всех сторон. Марквол увидел, что Бланшер с кем-то беседует, стоя под навесом у входа в здание Командного Центра.

Он направился туда, пройдя мимо шумной толпы пилотов, откуда то и дело доносились громкие возгласы и взрывы хохота.

Оказалось, что это Каутас беседует с Бланшером. Оба курили палочки лхо. Марквол удивился, каким бледным и искаженным было сейчас лицо его старшего товарища по звену. Каутас улыбнулся при виде молодого летчика.

— Давай сюда, Вандер, — позвал он его.

— Спасибо, — сказал Бланшер и пожал Маркволу руку.

— За что?

— Я думаю, та двойная атака вполне могла бы меня прикончить, если бы ты вовремя не отогнал эту свирепую парочку.

— Ерунда. Вы ведь сами ушли от

одного из них.

Бланшер пожал плечами:

— Как бы то ни было, это была отличная работа. Ты сбил двоих, не так ли?

— Если бы, — отозвался Марквол. — Одного-то точно — чистая работа. В другого попал, но тот остался на лету.

Каутас сунул левую руку в карман мантии, достал оттуда серебряный портсигар и, открыв, предложил Маркволу.

— Нет, спасибо, святой отец, — вежливо отказался юноша.

— Смотри какой правильный! — воскликнул Каутас, переглянувшись с Бланшером и пряча обратно в карман портсигар с палочками лхо. В другой руке жрец держал бутылку атасека. — А как тогда насчет этого?

Марквол взял у него бутылку и отпил немного. Сначала обожгло гортань, затем горло, затем тепло разлилось по животу. Он протянул бутылку Бланшеру:

— За ваши три сбитых самолета, сэр. Сколько их у вас теперь?

Бланшер сделал большой глоток.

— Я уж и не помню, Вандер, — сказал он и передал бутылку айятани.

— Вы уже знаете, что с ними случилось? — спросил Марквол.

— Не вполне. Я только слышал, что звено попало в очень серьезную переделку на самой границе пустыни. «Молнии» обнаружили там что-то очень важное, а потом на них набросился целый рой самолетов противника. Более сорока машин. Если верить Асче, это был страшный бой. Одну из «Молний» почти сразу же подбили. Другая сбила противника, но тут же и сама была уничтожена. Между тем три наших тоже вступили в дело. Уолдон убрал двоих, а затем, с боезапасом на нуле, вышел из боя, чтобы начать сопровождение последней уцелевшей «Молнии», которая к тому времени была уже здорово потрепана и теперь едва могла лететь на базу. Асче и Зетмик решили продолжить бой и кружить там до последнего снаряда, с тем чтобы выиграть для Уолдона, с его «Молнией», побольше времени для отрыва.

Сейчас мы еще ожидаем фотоподтверждения, но предположительно Земмик записал на свой счет четыре, а наша дорогая Лэрис — девять сбитых самолетов.

— Девять?!

— Так она говорит, — подтвердил Бланшер.

Бланшер сбил три, Джагди — два. Просто удивительный результат для одного вылета! Тем не менее Даже Земмик мог бы затмить их успех. Но девять! Девять! Это делало триумф Марквола, с его одним сбитым самолетом, столь жалким...

— Девять? — растерянно переспросил он.

— Кажется, так, — спокойно сказал Бланшер.

— Она еще та лиса, — заметил Каутас.

— Должно быть, это рекорд, — пробормотал Марквол.

— Я раньше не слышал ни о чем подобном, — согласился Бланшер.

Бутылка опять вернулась к

Маркволу. Он обтер горлышко и сделал еще глоток.

Невдалеке от них галдели и хлопали в ладоши команды наземного обслуживания, поздравляя Асче с ее очередным рекордом. Оторвавшись от бутылки, она потянулась к Земтику и смачно поцеловала его в губы, что было встречено всеобщим смехом и улюлюканьем.

Значит, Земтик... Что ж, четыре сбитых за один вылет — теперь он в сиянии славы.

Марквол отвернулся:

— Я видел пламя в лесу. Что, кому-то не повезло?

Бланшер опустил глаза.

— Уолдону, — тихо произнес он.

Уолдон, сопровождая подбитую «Молнию», не покидал ее почти до самого аэродрома, но, совсем немного не долетев до ТВП, его поврежденная «Громовая стрела» вдруг завалилась на нос, потеряла управление и мгновенно рухнула в заросли тропического леса. Согласно сообщению пилота «Молнии», которому потом

удалось удачно приземлиться, он так и не увидел раскрывшегося парашюта Уолдона. Не было никакой надежды.

Неожиданно Бланшер напрягся, и Марквол услышал, как за его спиной кто-то вышел из здания и прошел под навес. Юноша повернулся. Это была Джагди. Ее лицо все еще было вымазано машинным маслом. Вид у нее был мрачен.

— Заходите, — позвала она. Все трое подошли к ней.

— А как же остальные? — спросил Бланшер.

— Оставьте их, — сказала Джагди. — Они так веселятся... Я не хочу портить им праздник.

Они прошли в помещение Командного Центра. Бланшер и жрец-айятани бросили у входа свои окурки.

Глаза их сразу устремились на Блэгуера, который сейчас склонился над главным дисплеем Управления Полетами и что-то напряженно обсуждал с Оберлитцем. Все операторы находились на своих рабочих местах.

Командующий Марсинон сидел за

столом, просматривая какие-то текстовые слайды на своем наклонном проекционном экране.

— Все наши воздушные победы подтверждены, — сказала Джагди. — Два у меня, три у тебя, Мил. Один у тебя, Вандер. Отличная работа!

— Спасибо, мамзель.

— Земмик сбил четыре. Как выяснилось после просмотра фотоматериалов, у Асче десять сбитых самолетов.

Каутас присвистнул.

— Неслыханный успех, — подтвердила Джагди. — Хотя, судя по данным фотосъемки, в небе было столько «летучих мышей», что попасть было легче, чем промахнуться.

— Отчего же ты такая мрачная? — спросил Бланшер.

— Мы только что исследовали разведданные, с таким трудом доставленные на базу «Молнией».

Джагди подошла к столику и зарядила в проектор несколько изображений. В воздухе стали проявляться

голограммы.

— Это что такое? — не понял Каутас. — Я что-то не разберу...

— Это бронетанковые части, святой отец, — объяснила Джагди. — Так они выглядят с большой высоты. В основном легкие танки-разведчики, но также есть колонны средних танков, моторизованной пехоты и даже несколько частей тяжелой бронетехники.

— Ишь ты, а посмотреть — так просто точки, — удивился Каутас.

Лицо Маркиола стало каменным. Он-то разбирался в данных фотосъемки куда лучше священника.

— Святой Трон!.. — тяжело выдохнул молодой пилот.

— Всего девять тысяч единиц бронетехники, — рассказывала Джагди, — идут из северных районов пустыни. Вот эти увеличенные изображения ясно говорят о наличии толстого слоя пыли на обшивке. А вот это видите? В этих знаках на башнях можно узнать символику Кровавого Пакта.

— Они движутся на север, —

прошептал Бланшер.

— Без сомнения, — сказал незаметно подошедший к ним Марсинон. — Командование Архенети, очевидно, полагает, что теперь, когда его авиация своими воздушными ударами успешно разбомбила все стратегические объекты на побережье, Хаосу самое время двинуть вперед наземные силы вторжения. Я уже послал сообщение в Главный Командный Центр побережья. Эвакуация ускоряется. Но я... Я все же сомневаюсь, что мы успеем подготовиться.

— А что теперь будет с нами?

— С нами? Что вы имеете в виду, молодой человек?

— Сэр, мы находимся прямо у них на пути. Сухопутные силы противника, должно быть, уже вошли в лесную зону...

— Да, все правильно. Согласно картинке на экране аускекса, они сейчас в шестидесяти километрах к югу и быстро продвигаются в нашем направлении. Главный Командный Центр приказывает нам немедленно отходить. Не только нам, но и всем остальным ТБП в лесной зоне.

Транспорты прибудут завтра в восемь ноль-ноль.

Джагди взглянула на Марквола и увидела глубокую печаль в его глазах.

— Бывает, приходит время, когда нужно отступать, — сказала она. — Такое случается...

День 264

ТБП на озере Госель, 06.30

Грузовые транспорты должны были прийти через полтора часа. Марквол, стоя на берегу, задумчиво смотрел, как занимается рассвет. Всю эту долгую, по-тропически влажную ночь персонал базы не сомкнул глаз, занимаясь сразу многим, но с одной-единственной целью. Все готовились к отъезду: складывали в ящики оборудование и запчасти, упаковывали в тешки личное имущество, разбирали и укладывали палатки, разукомплектовывали вспомогательные системы обнаружения... Блочные постройки придется оставить. Так же, вероятно, как мачты разнообразных систем слежения и пусковые установки,

как все оборонительные укрепления по периметру лагеря. Пилоты улетят на своих самолетах, грузовые транспорты заберут остальное.

Выйдя из Командного Центра, все оставшиеся часы этой ночи Марквол провел, перетаскивая упаковки с оборудованием и добиваясь, чтобы его механики без лишней проволочки одними из первых могли покинуть базу. Рэкли же настоял на том, чтобы они перед отъездом еще раз провели предстартовую проверку Девять-Девять, и ясно дал понять Маркволу, что в любом случае двое из его команды останутся здесь до самого момента его вылета.

По тускло освещенным тропинкам лагеря всю ночь сновали темные фигуры людей и урчащие громадины груженых «Стражей».

Каждый, казалось, был занят делом. Хотя нет, не все. Некоторые пилоты из звена «Умбра» так напились, празднуя успех Лэрис Асче, что Джагди и Бланшеру пришлось принимать строгие меры, чтобы привести их в чувство.

Сама же Асче куда-то исчезла вместе с Земликом. Их товарищи по палаткам, Дель Рут и Кордиаль, взяли с собой их летное снаряжение. Марквол вызвался перенести вещи Уолдона, но Джагди сказала, что берет это на себя.

Солнце только-только показалось из-за горизонта. Еще с ночи моросило, отовсюду слышался шелест дождя, слегка колышущего густую листву и камуфляжные сетки. Было довольно прохладно.

Вымотанный до предела, Марквол присел на землю, привалившись к бутылкообразному стволу какого-то дерева, и устало обтер рукавом влажное от дождя лицо. Сейчас он пойдет в комнату распределения, где ему еще нужно переодеться, чтобы успеть ко времени, на которое назначен вылет его Девять-Девять.

Мимо него вдоль тропинки промелькнули какие-то тени. Наверное, механики носят ящики с оборудованием. Было слышно, как работает силовой подъемник.

Он даже подпрыгнул, когда странный треск вдруг разнесся по лагерю. Этот звук не утихал несколько секунд и был настолько громок и необычен, что Марквол даже не сразу понял, что, помимо этого, также зазвучал и его наручный браслет.

Паника охватила всю базу.

Юноша понял, что доносившийся странный треск был не чем иным, как звуком очередей, выпущенных из пулеметов «Тарантул», которые располагались по периметру лагеря и сейчас бешено обстреливали заросли окружающего леса. Их атакуют!

— О черт! — вскричал летчик и вскочил на ноги.

Его вещевой мешок лежал рядом, и Марквол, сунув руку внутрь, рывком вытащил оттуда служебный пистолет и ремень с обоймами электробатарей.

Что-то пролетело над деревьями и ярко вспыхнуло почти у него над головой. Марквол сразу же почувствовал острый запах фицелина и горящего топлива. Раздались одиночные выстрелы...

Передовые части противника достигли их базы намного раньше, чем кто-либо мог предположить.

Лазерные разряды прошили воздух, разрывая маскировочные сетки и срезая целые ветви с крон деревьев. Огонь «Тарантулов» все усиливался.

— Трон Животворящий! — в ужасе воскликнул Марквол.

По всему лагерю теперь разносились жуткие завывания сирены. Вскинув пистолет, юный летчик кинулся к входу в одно из укрытий для механиков и едва успел нырнуть внутрь.

Мощный разряд из крупнокалиберной лазпушки испепелил землю снаружи. Дрогнула тяжелая зенитная платформа.

Марквол побежал на другую сторону укрытия, но вдруг споткнулся обо что-то...

— Ну что за черт?.. — недовольно пробормотал чей-то голос.

Марквол с удивлением посмотрел вниз. Асче и Зетмик — оба раздетые — лежали на полу в обнимку, лишь наполовину укрывшись куском противоосколочного покрывала.

— Марквол?! — с возмущением воскликнула Лэрис, щурясь спросонья. — Ну, если только у тебя нет серьезной причины для...

Один из снарядов с грохотом разорвался совсем рядом, и многочисленные обломки дождем посыпались на укрытие.

— Вот дерьмо! — ужаснулась Асче, вскочив на ноги и лихорадочно натягивая на себя форменные бриджи, затем пихнула ногой Земтика. — Вставай! Живо просыпайся!

Пилот приподнялся, бессмысленно моргая и озираясь по сторонам.

Уже надев футболку, Асче повернулась к Маркволу.

— Какова обстановка? — спросила она.

— Нас обнаружили, — последовал ответ.

Пригнувшись, Марквол двинулся ко второму выходу из укрытия. Держа пистолет в руке, он выглянул наружу:

— Я думаю, они...

Он осекся на полуслове. Три фигуры в красной униформе как раз сейчас подбегали к стене убежища. Не раздумывая ни

секунды, Марквол шагнул из-за угла и прострелил голову первому из них.

Тот тяжело рухнул на землю.

Дрожь прошла по телу Марквола, когда он увидел на убитом воине устрашающую маску из черного металла.

Один из символов Кровавого Пакта. Кровавый Пакт!..

Тут же прогремело несколько выстрелов, которые совсем рядом пробили стену укрытия. Так и не успев завязать шнурки, Асче подбежала к выходу и, выхватив служебный пистолет, принялась стрелять по зарослям густого подлеска.

— Где Зетмик? — спросил Марквол.

— Убежал куда-то... Да ну его! — отмахнулась Асче, выпуская в чащу еще один заряд.

Внезапно ярко-желтый танк-разведчик выскочил из зарослей на территорию секретной базы. Его скошенные башни дернулись назад, когда их дула изрыгнули из себя мощные лазерные разряды.

Целый сектор комплекса укрытий для механиков взлетел на воздух. Кровельную

дранку, обломки несущих балок, казалось, подбросило к самому небу. Заскрипело, а затем и рухнуло большое киндервудовое дерево, утянув за собой несколько растяжек маскировочных сеток. Светлые полоски бледного утреннего неба теперь глядели на лагерь. Танк-разведчик прогромыхал дальше, попутно заваливая небольшие деревья, чье падение повлекло за собой разрыв сразу нескольких силовых кабелей, тем самым устроив настоящий фейерверк из ослепительных белых искр, с яростным шипением разлетающихся по сторонам.

Воины Кровавого Пакта бросились вперед. Лежа в удобном укрытии, Марквол и Асче тут же открыли огонь по атакующим и вскоре уложили обоих. Однако потребовалось на удивление много выстрелов, чтобы остановить всего несколько пехотинцев ударного батальона противника. Эти выстрелы истощили все их энергетические обоймы.

Асче громко выругался.

— Что, не так-то это легко, когда лицом к лицу, не правда ли? — спросил Марквол, помогая подняться согнувшейся в

три погибели девушке.

— Это из-за вчерашней выпивки, идиот! — огрызнулась она, отплевываясь.

Неожиданно лазерный разряд прошил пространство всего в нескольких шагах от них. Танк-разведчик уже достиг взлетно-посадочных палубных настилов.

К счастью, какому-то пехотинцу Содружества удалось уничтожить его точным выстрелом из ручного гранатомета. Мощным взрывом снесло башенный отсек танка, и облако белого дыма поднялось над лесом.

Тишина на какое-то время снова вернулась в лагерь. Видимо, эта атака была лишь разведкой боем, которую провел передовой отряд противника. Марквол молился, чтобы идущие за ним следом ударные группы не вышли на них раньше, чем будет закончена эвакуация. За несколько минут до восьми они услышали знакомый звук грузовых транспортов Космического Флота, подлетающих к ним со стороны озера. Громадные воздушные перевозчики сели на илистый берег и, открыв свои огромные трюмы, позволили

войти туда выстроившимся в шеренги обитателям авиабазы — командам летного состава, техническому персоналу, работникам наземной службы. На борт самолета, ящик за ящиком, было перенесено все оборудование, оружие и боеприпасы.

Примерно в это же время, как неизбежное последствие недавней атаки, в небе над Госелем появились вражеские самолеты, вероятно осуществляющие прикрытие наступающих наземных частей. Самолеты же авиабазы только еще начинали взлетать со своих пусковых установок.

Одна за другой «Бритвы» пронеслись над базой, сбрасывая свои боекомплекты. Один из стоящих на берегу озера транспортов взлетел, уже охваченный пламенем. Бланшер стартовал удачно. Также не было проблем у Ван Тула и Дель Рут. Затем поднялся в воздух Кордиаль. «Громовая стрела» Орто Блэгуера на взлете столкнулась с идущей на бреющем полете «летучей мышью». Ослепительный взрыв осветил небо. Две «Молнии», одну из

которых вел Оберлитц, были сбиты, когда они еще только набирали высоту. Самолет Оберлитца упал в озеро, другой — в лесную чащу на другом берегу.

Вот улетела Асче. За ней последовали два «Рапто-ра». Затем «Молния»... Еще один «Раптор» поднялся в воздух, но был тут же подорван зенитным снарядом. Благополучно взлетел Зеттик. За ним Ранфре... Наконец, стартовала Джагди, и ее самолет дважды попал под ураганный огонь трассирующих пулеметов.

Марквол подбежал к своему Девять-Девять. Небо уже было в огне. С ужасом он увидел, что Рэкли с главным помощником все еще дожидаются его у пусковой установки.

— Сейчас же бегите отсюда! Живо! — сорвался на крик Марквол.

— Мы никуда не уйдем, пока не убедимся, что вы благополучно улетели, — спокойно заявил Рэкли.

— Послушайте! Ваш транспорт вот-вот улетит! — орал летчик.

Несколько лазерных молний сверкнули из-за деревьев, одна из которых

превратила голову заместителя Рэкли в расплавленную, бесформенную массу. Помощник главного механика рухнул на землю.

— Рэкли, беги! Я утоляю! Во имя Трона!

Марквол выстрелил наугад в чащу леса.

— Кабели отсоединены, сэр. Вы можете взлетать! — проревел Рэкли.

— Да беги же, Рэкли, беги! — срывал голос Марквол.

— Дай-ка мне его сюда, ради Трона! — раздался голос непонятно откуда взявшегося Каутаса, который, подбежав, вдруг выхватил пистолет из рук изумленного пилота. — Теперь бегите, мистер Рэкли, — сказал Каутас.

Механик повернулся и что есть духу пустился бежать к берегу. Покинутый лагерь со всех сторон рассекали лазерные молнии и трассы пулеметных очередей.

Каутас принялся отстреливаться из пистолета.

— Беги и ты, Вандер Марквол, — сказал айятани.

— Святой отец...

— Слушай, а не заткнулся бы ты!

Марквол захлопнул капсулу своей кабины, включил зажигание и подключил сопла с направляемым вектором тяги. Его «Громовая стрела» рванулась вверх и, рассекая остатки камуфляжных сеток, устремилась в уже заполненное дымом небо.

Весь дрожа как в лихорадке, юноша успел бросить последний, безумный взгляд вниз...

Там, далеко внизу, среди деревьев, он увидел фигуру человека, который, широко раскинув руки, словно благословлял его на прощание. Сильный ветер, поднявшийся при старте, развевал его длиннополые одежды.

Затем Каутас повернулся и побежал в направлении солдат в красной униформе, отряды которых постепенно заполняли просеки секретной авиабазы.

Последним, что увидел Марквол, была ужасная сцена, когда далекая, крошечная фигурка Каутаса согнулась и упала на колени. Ослепительные лазерные молнии полетели во все стороны. Каутас,

вскинув служебный пистолет летчика, стрелял по ненавистным врагам снова и снова...

Тэда

773. M41 по имперскому летоисчислению, дни 264–266

День 264

Тэда. Южная ВВВ, 08.30

Даже не посвященный в тайны символов авианавигации, которыми были сейчас испещрены все демонстрационные экраны Командного Центра, оказавшись здесь, сразу понял бы, какое небывалое доселе сражение развернулось в небе над побережьем. Девять инспекторов полетов, включая Идса, были вовлечены в руководство проводимыми там воздушными операциями. Дэрроу стоял за спиной своего начальника и напряженно следил за действиями опытного стратега.

Дни и ночи напролет Командный Центр работал в сверхплотном режиме, и казалось, этому не будет конца. Обычно, когда они приходили на свою смену, почти неживой, едва держащийся на ногах от усталости инспектор передавал им ведение какой-нибудь еще не законченной воздушной операции. Вконец измученные, находясь на грани нервного истощения, они беспрерывно посылали на боевые задания —

в постоянном режиме — все новые и новые звенья самолетов разного назначения. Атаки вражеской авиации — массовые налеты стратегических бомбардировщиков, быстрые рейды штурмовиков, непредсказуемые вылазки перехватчиков — ни на минуту не позволяли им расслабиться.

В данный момент в ротонде Командного Центра было четыре источника напряжения. Двое инспекторов в дальнем конце зала руководили группами перехватчиков, которые атаковали мощную волну бомбардировщиков, совершающих налет на Эзравиль. Еще один был поглощен жаркой схваткой истребителей в небе над долиной Лиды. Четвертый осуществлял контроль за движением на юг соединения «Мародеров». Те же девять инспекторов, которые находились на той же, что и Дэр-роу, половине зала, управляли одной, невероятной по масштабам, воздушной битвой: около четырехсот пятидесяти тяжелых бомбардировщиков Архенети в сопровождении ста истребителей

прикрытия вели бой с четырнадцатью имперскими бригадами.

Гул десятков перекрикивающих друг друга голосов не затихал ни на миг. Доклады о текущем положении дел, тактические указания и уточнения, воксовые трансляции с последними данными с места событий мгновенно передавались от диспетчеров к летчикам и обратно. Дежурные офицеры на своих прозрачных демонстрационных щитах выписывали пугающе сложные тактические схемы, постоянно что-то добавляя или, наоборот, стирая, по ходу дела переписывая постоянно меняющиеся данные и вычерчивая новые направления главных ударов.

Инспектора, которые, казалось, были погружены в собственные миры, сконцентрировавшись на графических проводках движения своих и чужих самолетов в каком-то одном порученном им районе, все же, принимая решения, старались учитывать общее стратегическое положение, сложившееся в данную минуту. Большинство из них

сейчас склонилось над своими когитаторами, но Иде сидел прямо, как дирижер оркестра, словно впившись невидящим взглядом во что-то далеко впереди себя, в то время как его руки свободно порхали над клавиатурой пульта управления. Несмотря на эту кажущуюся легкость, Дэрроу знал, что его командир смертельно устал. За последние дни он заметно побледнел, потерял аппетит, хронически не высыпается...

— Четыре-Четыре, конец связи. Девять-Один, следуя курсом пять-восемь-пять, поднимайтесь до десяти тысяч. «Синее пламя», переходите на курс одиннадцать-два... Повторите, ведущий «Добычи»... Так, вы рассыпаете строй и уходите. Переключайтесь на четвертый канал... Вас понял: к западу от вас, на высоте девять километров, обнаружены неопознанные самолеты... Звено «Труба», меняйте курс и снижайтесь до двух тысяч. «Летучие мыши» под вами... Три километра на восток... Шестнадцать объектов, вы уже должны их видеть. Подтверждаю получение информации,

«Улан». Вижу, как вы атакуете...

Зазвенел сигнал тревоги, но старший офицер с верхнего помоста тут же отключил его. Теперь воздушную тревогу объявляли часто, но никто из Командного Центра не бежал в бункер. Слишком уж много сейчас было поставлено на карту. Дважды за сегодняшний день Дэрроу ощутил, как задрожали стены ротонды, когда на дома и улицы Тэды обрушивались яростные бомбардировки.

Дни, проведенные с Идсом, научили Дэрроу многому. Когда он освоил азы профессии, то стал уже способен на большее, чем просто стоять за спиной у старшего инспектора и выполнять его простейшие поручения. Теперь они взяли на вооружение куда более эффективный метод совместной работы. Иде поручил Дэрроу следить за перемещениями своих и чужих самолетов в периферийных к его району зонах и, в случае если эта информация представляла первостепенный интерес, немедленно передавать ему ее во всех подробностях.

Гололитические дисплеи, мерцающие

сейчас над пультом Дэрроу, сообщали немало интересного, но он не мог просто громко обратиться к своему начальнику без риска нарушить сложные расчеты и многоходовые планы в его голове. Дэрроу взял себе другую привычку. Когда он хотел привлечь внимание инспектора, то легко касался рукой его левого плеча.

— Говори, — разрешил Иде.

— Проводка в наш квадрат, инспектор. Расстояние — двести километров. Движутся с юго-востока. Быстро приближаются... Строй из сорока самолетов. По тепловому излучению модар идентифицирует их как «Саранчи».

— Их курс?

— Четыре-один-шесть.

Руки Идса взметнулись над клавиатурой.

— Они выпадают двенадцатой базе перехватчиков. Неси это Скальтеру.

— Слушаюсь, инспектор.

Дэрроу скрупулезно занес в информационный планшет все детали, снял с себя микрофон с наушниками и побежал вниз по переполненной

сотрудниками Центра чугунной лестнице, выход на которую располагался сразу за инспекторскими пультами. Спустившись на три пролета, он вышел на нижний этаж ротонды, где и находилось рабочее место Скальтера.

Майор Франц Скальтер был секционным лидером звена «Искатель», пока утром 257-го, в ужасном бою над Эзравилем, его группа не понесла тяжелейшие потери. Напарник Скальтера погиб, а полученные его самолетом повреждения не оставляли никаких надежд на успешный ремонт. Удивительно было даже то, как Скальтеру на такой машине удалось добраться до базы. До сих пор его лицо и руки покрывали незажившие ссадины.

Он был опытным пилотом и, по мнению Идса, очень хладнокровным командиром звена. Ввиду острой нехватки самолетов, а также потому, что пока не находилось подходящей для него авиагруппы, Скальтер, как и многие другие пилоты, был временно переведен на работу в Командный Центр, для того

чтобы хоть как-то снять все возрастающую нагрузку с изможденных диспетчеров. Работа там шла без перерыва, по нескольку смен за сутки. Ныне Командный Центр шел на любые ухищрения, чтобы привлечь к своей работе всех, у кого была ясная голова и достаточный летный стаж за плечами.

Скальтер оказался весьма способным к работе в Командном Центре, а его прекрасный послужной список не мог не вызывать уважение. Хотя, как и все летчики Содружества, которые были направлены сюда на работу, включая и Дэрроу, он рассматривал это назначение как очевидное понижение, тем не менее это была важная, ответственная должность, а к исполнению своих обязанностей Скальтер привык относиться серьезно.

— Переходи на высоту пять тысяч, «Розыск», — говорил Скальтер, цедя слова, когда Дэрроу подходил к его пульту. — Поворачивай на восемнадцать градусов на север. Я повторяю: на север. Если ты повернешь на запад, то окажешься над

ними — и тебе конец. Делай, что тебе говорят!

— Инспектор!

В знак того, что его еще нельзя отвлекать, Скальтер, не оглядываясь, поднял руку.

— Мне не важно, что ты там видишь, «Розыск». Я вижу больше... Твоя высота — пять тысяч. Поворот на север, восемнадцать градусов. Под тобой группа «летучих мышей»... вне зоны твоей видимости. Они искрошат тебя в порошок, если повернешь на запад. Понял?..

Спасибо. «Прожектор», отставить! На восемь километров вперед чистое небо. Однако имей в виду: противник на шестнадцать градусов к западу. — Наконец Скальтер обернулся к Дэрроу. — Младший?

Дэрроу протянул ему планшет с данными:

— Движение противника в районе вашей базы перехватчиков. Иде хотел, чтобы вы были в курсе.

— Передайте ему мою благодарность, — сказал Скальтер.

Дэрроу заметил, как дрожат руки у

этого человека, когда тот брал у него планшет. Он вспомнил о Хекеле. Не следует ли ему сейчас что-то сказать?

— Что-нибудь еще, младший? — спросил Скальтер.

Как и все они сейчас, майор выглядел чудовищно усталым. Дэрроу знал почему. Причиной тому был не только постоянный стресс. Пилоты Содружества, которые по воле командования были лишены возможности подниматься в воздух, чтобы хоть как-то поддержать свои летные навыки, все свободное время проводили на тренажерах, из-за чего многие хронически недосыпали. Дэрроу, конечно же, ходил на подобные тренировки и несколько раз видел Скальтера на одном из тренажерных агрегатов. Командование Космического флота привезло с собой несколько тренировочных программ, которые поразительно точно имитировали ситуации, возникающие при вождении «Громовых стрел» и «Мародеров». Все местные летчики мечтали опробовать их. Так хотелось снова испытать то, чего им всем не хватало!

— Никак нет, инспектор.

— Постойте-ка, Дэрроу, — неожиданно сказал Скальтер. — Пока вы здесь...

Он повернулся к пульту, сделал несколько отрывистых распоряжений по воксу и затем быстро набросал на планшете какие-то данные.

— Идса это заинтересует. Я собирался послать с этим к нему своего младшего, но будь я проклят, если знаю, где он сейчас.

Дэрроу взял планшет:

— Спасибо, сэр.

Опять эта дрожь в руках. Что это? Первые симптомы саморазрушения или просто крайняя степень усталости?

— Можете идти, — сказал майор.

Дэрроу повернулся. Уже удаляясь, он слышал, как Скальтер переругивается с одним из своих подопечных:

— «Розыск», вы повернули на север не на восемнадцать градусов! Повторяю: не на восемнадцать! Исправь курс, болван чертов!

На обратном пути Дэрроу пришлось проталкиваться на лестнице через поток

младших инспекторов, адъютантов и штабных офицеров Космического Флота. Наконец он дошел до пульта Идса.

— «Орбис», меняйте курс на три-пять. Уходите вверх, взмывайте, ради Трона!

Возникла пауза. Дэрроу терпеливо ждал.

— Звено «Орбис», звено «Орбис», — говорил Иде. — Ваша траектория сближается с траекторией «Ганимеда Семь-Семь». Исправьте курс, меняйте направление... Да, я подтверждаю проход растянутого строя «летучих мышей» на высоте восемь тысяч. Поймайте сигнал моего радиомаяка и поворачивайте... поднимайтесь, курс три-пять. Имейте в виду, противник на высоте восемь тысяч, рассыпайтесь!

Дэрроу положил руку на предплечье Идса.

— Звено «Арфа», поворачивайте на десять градусов к северу. Противник сейчас на два часа к вам и идет на сближение. Я тебя слушаю, Дэрроу.

— Информация от Скальтера, сэр.

— Громко зачитай ее, младший.

— На подлете разорванный строй самолетов. Высота — около шести тысяч. Движутся на северо-восток курсом четыре-два. Соединения из ТБП на Госеле. Они уже в тридцати минутах лета отсюда. Запрашивают инструкции для посадки.

— Сколько их?

— Предположительно двадцать истребителей разных типов плюс тяжелые грузовые транспорты.

Тебе придется самому разобраться с этим, Дэрроу. У меня сейчас тут разворачивается более серьезный сценарий. Грузовые транспорты направляй на наш аэродром, сейчас это главный приоритет. Установи тип истребителей. Если какие-нибудь из них в состоянии вести бой, ты обязательно используем их. Узнай, сколько у них боеприпасов и насколько им еще хватит горючего.

— Слушаюсь, инспектор.

Дэрроу надел микрофон с наушниками и настроил передатчик. Иде уже снова вышел на связь со своими подопечными авиагруппами. Дэрроу перед разговором с пилотами постарался успокоить

взвинченные нервы.

— Госельская группа, госельская группа, вызывает Командный Центр Тэды. Как слышите? Прием.

Из вокса донесся какой-то треск.

— Командный Центр, говорит ведущий звена «Умбра». Слышу вас хорошо.

— Доложите обстановку, ведущий «Умбры».

— Мы спешно покинули базу, Командный Центр. Враг был повсюду. В «Умбре» девять самолетов, повторяю: девять самолетов. Четыреста девятая бригада «Рап-торов» сейчас состоит из восьми, повторяю: из восьми самолетов. В Семьсот восемьдесят шестой бригаде «Подзорная труба» осталось три, повторяю: три машины. Помимо этого, с нами идут пять тяжелых грузовых транспортов. Они нуждаются в прикрытии. Имейте в виду, позади нас самолеты противника. Возможно преследование.

— Ведущий «Умбры», сколько вам надо минут, чтобы долететь до Тэды?

— Двадцать шесть минут.

— Транспорты имеют приоритетное право садиться на аэродром Южной ВВБ Тэды. Кто-нибудь из истребителей готов сейчас вступить в бой?

— «Умбра» и «Рапторы» выражают готовность, Командный Центр. У нас полно горючего и нерастраченных боекомплектов. Самолеты «Подзорной трубы» закачали себе лишь половину баков, так что я бы вам их не рекомендовала.

— Мы бы хотели вас использовать, ведущий «Умбры». Стычка на западе. Курс — девять-два.

— Вас поняла.

Дэрроу сделал глубокий вдох. Сейчас он принимал ответственное решение.

— Госельская группа, поручите «Молниям» прикрывать транспорты до самой посадки. Все остальные рассыпают строй и набирают высоту. Летите на запад, курс — девять-два.

— Приказ получен, выполняем.

В небе над морским побережьем, 08.34

Облачность — четыре десятых. С юга

порывы встречного ветра. Бледное утреннее небо подернуто серой пеленой.

Во главе с «Громовой стрелой» Джагди группа истребителей повернула на запад, и командир «Умбры» прощальным взглядом проводила тяжелые транспортные самолеты, которые вместе с эскортом «Молний», продолжая движение на север, быстро исчезли из виду, затерявшись среди густых облаков.

— Вызываю звено «Рапторы», говорит ведущий «Умбры». Блэгуер мертв. Да дарует ему покой Святой Трон! Вы, конечно, слышали, что Командный Центр только что предложил нам новую игру. Теперь ведущий я, так что всем меня слушаться и хорошо себя вести. Потом, на земле, если хотите, можем поспорить. Нет возражений?

— Ведущий «Умбры», говорит «Раптор Два». Будете хорошим ведущим — полетим за вами хоть в преисподнюю и обратно.

Джагди улыбнулась. За время недолгого пребывания на базе у озера Госель она виделась с заместителем Блэгуера

множество раз. Его звали Рэптунд; приличного вида, широколицый, уверенный в себе профессионал. Его находчивый ответ пришелся ей по душе.

— Строим четыре ромба, я полечу спринтом, — распорядилась Джагди. — Аккуратно и не спеша, не стараясь никого обогнать. У нас здесь достаточно много врагов, чтобы мы еще сами начали сбивать друг друга.

Открыв дроссель, она вывела свой самолет вперед и затем, переведя взгляд на экраны заднего вида, стала наблюдать, как другие машины перестраиваются в новый боевой порядок. Четыре ромба, каждый из которых состоял из четырех истребителей. Они перестроились с удивительной легкостью и быстротой. «Рапто-ры» и «Умбра», перемешанные в едином построении! Наконец-то та самая координация между звеньями, о которой так много говорили. Никакой рисовки, никакого соперничества. Просто воины поднебесья без мелочных споров решили объединить свои силы ради одной общей цели.

— Ведущий — бригаде. Всем спасибо! Вот так Империум и побеждает своих врагов!

«Громовая стрела» Джагди вела за собой все четыре ромба, находясь чуть впереди второго, что создавало некоторую асимметрию. Ромб Два летел сразу за ней, тогда как Ромб Один держался к ней на четыре часа, Ромб Три на семь, а Ромб Четыре на семь часов к Ромбу Три. Она летела спринтом — так в Космическом флоте называли подобную позицию ведущего. У них на фантине ее называли «стрелка», потому что в таком положении ведущий самолет, словно острие, выступал из середины выстроившегося косяка истребителей. Джагди велела пилотам «Рапторов» сообщить ей по воксу свои номера и позиции, занося все данные в информационный планшет, закрепленный у нее на бедре, затем переключилась на канал Командного Центра.

— Командный Центр, говорит ведущий «Умбры». Истребители «Умбры» и

«Рапторов» летят теперь как одно звено под моим командованием. Вы видите нас?

— По радару, «Умбра». Очень отчетливо. Откорректируйте курс на три градуса и поднимайтесь на восемь тысяч. Стычка в четырех километрах, вы уже приближаетесь.

— Вас поняла.

Они пролетали сквозь гряду облаков, которые, как туман, заволокли все небо. Затем обзор прояснился. Стычка была прямо по курсу.

Стычка. Какое неуместное здесь слово. Голос из Командного Центра звучал как-то уж слишком молодо, почти по-детски.

А ведь они были на войне...

Сотни машин выписывали виражи и пируэты на пространстве в девяносто кубических километров. Самолеты были повсюду... Некоторые летали поодиночке, некоторые группами, некоторые держали плотный боевой строй, и, насколько Джагди могла видеть, большинство их принадлежало противнику. Множество бомбардировщиков, огромное количество

разноцветных истребителей и перехватчиков. Имперские же машины мелькали среди них и роились как мошки, отчаянно сопротивляясь. Задымленное небо, казалось, было просто наполнено снарядами. Джагди заметила по меньшей мере шесть самолетов, которые в одно и то же время стремительно приближались к земле.

К земле... Внизу, сквозь густую пелену облаков, можно было разглядеть широкую панораму морского побережья и западных окраин Тэды. Сотни огней отмечали уже пораженные цели бомбардировщиков.

— Говорит «Умбра», сражение в зоне нашей видимости, — передала Джагди по воксу.

Хорошо, «Умбра». — Командный Центр вдруг заговорил совсем по-другому, голосом намного более зрелого человека. — Ваш противник сверху от вас, на одиннадцать часов. Растянутый строй. Вы можете атаковать? Джагди всмотрелась в небо и сличила увиденное с картинкой на мониторе ауспекса:

— Я вижу их, Командный Центр.

Звено «Бритв» — более двадцати машин — стремительно приближалось к сбившимся в группу самолетам Космического Флота, которые находились на тысячу метров ниже.

— Говорит «Умбра», мы вступаем в бой!

— Да хранит вас Император! — пожелал им Командный Центр — опять голосом пожилого человека.

— Подлетаем, атакуем и сразу заходим с другой стороны, — проинструктировала пилотов Джагди. — Включаем полную скорость. Давайте всыплем этим ублюдкам!

Расширенный состав «Умбры» взмыл вверх и, ускоряясь, пошел в лобовую атаку на звено «Бритв». Некоторые уже стреляли.

Застигнутые врасплох, враги открыли ответный огонь и начали рассыпать боевое построение.

— А вот и мы... что, не ждали? — зло сказала Джагди.

Десятки ярких вспышек осветили небо. Ослепительные трассы зенитных

очередей. Облака дыма. Две «Бритвы» тут же выпали из растянутого строя и, оставляя за собой дымовой след, стремительно понеслись к земле. Третья взорвалась, мгновенно превратившись в пылающее облако. Еще одной — четвертой — отстрелили левое крыло, и она камнем полетела вниз.

Подбили самолет Кордиаля...

Взрывом снаряда у него оторвало большую часть хвостового стабилизатора, а затем и несколько листов бортовой обшивки. Пулеметной очередью прошило одно из крыльев.

Его «Громовая стрела» уже начала падать, но, к облегчению Джагди, опытному пилоту удалось выровнять самолет и продолжить полет даже с той убогой оснасткой, что у него осталась.

Описав дугу позади стремительно выходящей из боя «Бритвы», Джагди стала пикировать вниз.

— «Умбра Одиннадцать»! — крикнула она. — Можете продолжать полет?

— Конечно! Это так, легкая царапина, тамзель, — ответил Кордиаль так

беспечно, как будто он вылетел на увеселительную прогулку.

То повреждение, которое получил его самолет, никак нельзя было назвать легкой царапиной.

— Разворачивайся и снижайся! — приказала Джагди. — Командный Центр! Командный Центр! У нас подбитый самолет срочно нуждается в посадке.

— Вас понял, ведущий. Посадочные полосы открыты.

Джагди бросила взгляд налево. Две готовые к атаке «Бритвы», включив направляемые сопла, опускались прямо на Кордиаля.

— Кордиаль! Резко в сторону!

— Резко? Да я еле держу высоту! — донеслось до нее в ответ.

Джагди максимально открыла дроссель.

— Бланшер! Бери командование. Я сопровождаю Одиннадцатого. Звено «Умбра»! С этого момента Второй — командир.

— Все ясно. Командование принял, — прозвучал в воксе голос Милана.

Джагди бросила свой Ноль-Два в стремительный рейд. «Громовая стрела» Кордиаля уже стала извергать клубы грязного дыма.

Джагди зафиксировала в прицеле одну из «Бритв», но затем лишь слегка задела ее огнем из орудий. Та сразу ушла в сторону. Вторая же упрямо продолжала свое нацеленное движение на подбитый самолет Кордиаля.

Командир заложила крутой вираж и затем, сблизившись с неприятелем, выровняла самолет. «Бритва» промелькнула в перекрестье ее прицела.

Джагди вышла на убойную позицию с углом наводки около сорока градусов и сразу же открыла огонь. «Летучая мышь» выбросила из себя черный дым. Подняв носовую часть, она метнулась вверх, будто отчаянно пытаясь спастись, но взорвалась, разбросав во все стороны куски горящего металла.

Вдруг что-то не менее твердое, чем пушечное ядро, врезалось в левый борт кабины Джагди. Часть капсулы была сметена, панель приборов разбита

вдребезги, а погнутый лист бронированной обшивки, влетев внутрь, глубоко рассек ее левую руку.

Командир дико вскричала от боли. «Бритва» пролетела мимо и сразу стала заходить на повторную атаку.

Не в силах унять дрожь, Джагди постаралась выровнять движение самолета.

— Командный Центр Тэды! — задыхаясь, крикнула она в вокс. — Два, повторяю: д в а подбитых самолета идут на посадку.

Необъятная земля вдруг оказалась перед ее глазами.

Она уже видела раскинувшийся внизу город, бушующие там пожары, разбитое поле аэродрома...

Ветер врывался в кабину и со свистом проносился по треснувшей капсуле. Из-под монитора на панели приборов шел едкий дым. Джагди ничего не могла увидеть через левое стекло кабины, потому что все оно было залито кровью... Ее кровью. Она посмотрела на руку. Сквозь порванное летное снаряжение можно было

разглядеть истерзанную плоть и даже блеск белой кости.

Неожиданно воспламенился левый двигатель.

Она бросила самолет в еще более крутое пике, таким образом стараясь вывести его из-под удара, затем услышала странный звук, но не сразу поняла, что это сигнал системы слежения предупреждает о нависшей опасности. Ее поймали в прицел.

«Бритва», которая уже с готовыми к залпу орудиями стремительно пикировала на нее, в последний момент вдруг сдетонировала, как мина, раскидав по большому радиусу мелкие обломки.

— Сядь живой, Бри! — крикнул Бланшер, когда его самолет молнией пронесся мимо. — Во имя Бога-Императора, сядь живой!

Разбитая посадочная полоса была все ближе и ближе. Джагди отчаянно пыталась управиться с реактивными соплами, желая выровнять свой самолет при посадке. В последний момент, уже теряя сознание, она вдруг вспомнила о

шасси и едва успела их выпустить. За стеклом мелькнула приземлившаяся «Громовая стрела» Кордиаля, вокруг которой в клубах густого дыма суетились бригады техпомощи. Затем последовали мощный толчок, снова приведший командира в чувство, и несколько сильных ударов о землю, которые сопровождались бешеной тряской. Собрав последние силы, она потянула за рычаг управления...

Бортовой номер Ноль-Два проскользил на тормозах еще метров двадцать, прежде чем окончательно остановиться.

Кордиаль был первым, кто подбежал к самолету Джагди. Используя разлыкающий механизм аварийного выхода, он распахнул капсулу кабины и тут же потянулся к панели управления, чтобы выключить наконец визжащие реактивные двигатели, прежде чем они снова оторвут «Громовую стрелу» от земли.

Джагди с усилием подняла голову. Отражатель ее шлема был весь забрызган кровью. Она попробовала его протереть, но

только еще больше размазала кровь по стеклу.

Действуя только правой рукой, женщина стянула с головы шлем и бросила его на дно кабины.

— Теперь все будет хорошо, — сказал Кордиаль.

Больше в тот день она уже ничего не слышала.

Полуостров, 11.21

Все дороги, насколько хватало взгляда, были забиты машинами. Стараясь увидеть как можно дальше, Ле Гу-ин взобрался на башню «Линии смерти». Картина была пугающей. Тысячи единиц моторизованной техники, в основном военной, скопилось в огромные пробки, которые, заполняя улицы небольшого города, распространялись также и на все значительные выезды из него в северном направлении.

Большинство водителей отключили двигатели, чтобы сэкономить горючее, но, несмотря на это, воздух был заполнен выхлопными газами. Люди бесцельно

бродили между машинами, и Ле Гуину уже не раз доводилось слышать вспыхивающие словесные перепалки.

— Видно что-нибудь? — спросил Вилтри, который, свесив ноги, сидел на краю одного из башенных люков.

— На километры никакого движения.

Город, где они застряли, назывался Нивель — небольшой торговый центр среди широких пойменных лугов Лиды, километрах в шестидесяти от Эзравиля. Как и многие другие населенные пункты, через которые они проезжали, он сильно пострадал от бомбардировок и, казалось, совсем обезлюдел.

Как только отступающие сухопутные части спустились с гор и вышли на довольно приличные шоссейные дороги, проложенные вдоль долины Лиды, движение колонны намного ускорилось, даже несмотря на то, что бомбежки изрядно попортили дорожное покрытие, а угроза атаки с воздуха ни на минуту не позволяла людям расслабиться. По пути они встречали посланные командованием группы подкрепления, которые привозили с

собой столь необходимые им провизию, медикаменты и горючее. У многих появилось ощущение, что вот сейчас, после многих недель борьбы и лишений, они вновь возвращаются в цивилизацию.

Но война и здесь настигла их. Все морское побережье и Полуостров были буквально изрыты воронками после массированных бомбардировок. От Нивеля до самого Эзравиля над землей нависала одна сплошная туча черного дыма. Самолеты то и дело пролетали над ними, зачастую на слишком большой высоте, чтобы можно было распознать их принадлежность. Несколько раз отступающие словно оказывались зрителями на феерическом воздушном представлении, когда над долиной разворачивались крупномасштабные сражения. Крошечные точки высоко в небе бешено носились и кружили, выписывая немыслимые спирали и закладывая виражи, то вспыхивая, то выстреливая искры и все время оставляя за собой замысловатые, быстро исчезающие узоры инверсионных следов. В такое время

самолеты, словно метеоры, сгорающие в плотных слоях атмосферы, десятками сыпались с неба, завершая свой путь на широких пастбищах Лиды.

Мимо регулярно пролетали грузовые самолеты Му-ниторума и транспортные «Валькирии», которые каждый раз, снижаясь до высоты нескольких метров, сновали туда-сюда над колонной. На многие из них при этом поднимали тяжелораненых, отправляя тех на лечение в разные приморские госпитали.

Приказ Муниторума предписывал им вести колонну в Эзравиль, где огромные грузовые баржи и многочисленные PNBT должны были эвакуировать их через море на северное побережье. По крайней мере таков был первоначальный план командования.

Но на деле, по мере того как в идущую на север колонну со всех направлений вливались все новые конвои бронетехники, не говоря уже о встреченных ею пехотных частях, движение по шоссе становилось все более затрудненным. И этот вселенский исход составляли не

только военные. Порой им приходилось проезжать и мимо длинных верениц беженцев, которые целыми семьями, с детьми брели по обочине до роги, толкая перед собой небольшие тачки с нехитрым скарбом.

К экипажу «Линии смерти» вновь присоединился Матредес. Ле Гуин отправил его разыскивать сениоров Мунитоpума, ответственных за движение колонны.

— Есть хорошие новости! — воскликнул Матредес, взбираясь на танк. — Мы застряли здесь, потому что эвакуация почти что приостановлена!

— Это ты называешь хорошей новостью? — удивился Ле Гуин.

— Если верить сениору Мунитоpума, с которым я говорил, то да, сэр. Дело в том, что наших вернулось почти на тридцать процентов больше, чем ожидалось. Сейчас, чтобы справиться с такой нагрузкой, тыловые службы из кожи вон лезут, организуя дополнительные рейсы PNBT с северного побережья. Лорд-милитант Хьюмел угробил не так много

народу, как все опасались.

— Да, иногда и лорд-милитант может не оправдать ожидания, — саркастически заметил Ле Гуин.

Вилтри улыбнулся, хотя и понимал, что по большому счету это действительно хорошая новость. Чем больше сухопутных сил вернется назад, тем более значительную группировку можно будет создать на их основе для следующего этапа войны. А это значит, что его усилия, как и вообще работа летчиков, были совсем не напрасными.

— Похоже, у них возникла проблема с местными жителями, — продолжал Матредес. — Гражданские покидают Эзравиль толпами, а караваны беженцев с побережья запрудили все дороги. Шоссе теперь забито транспортом с беженцами.

— Так что, выходит, мы здесь застрянем надолго?

— Чиновники Мунитору предлагают свернуть на восток всем соединениям, которые сейчас на ходу и имеют достаточный запас горючего. Эвакуационные центры сейчас

организуются в ряде приморских городов неподалеку от Эзравиля, чтобы разгрузить центральные магистрали. Они все располагаются в довольно пересеченной местности, где-то в том направлении... — Матредес указал рукой. — Хотя и там можно напасть на несколько приличных дорог. — Он вытащил из кармана клочок какой-то бумаги. — Я тут записал несколько названий: Фетона, Сан-Крайз, Лангерсвиль. Я мог бы найти их на карте...

Ле Гуин пожал плечами:

— Горючего у нас достаточно, моторы в порядке... Что скажет экипаж?

— Всяко лучше, чем торчать здесь, — осмелился высказать мнение Матредес.

— Как насчет еще нескольких километров? — спросил летчика Эмдин.

— Если на восток, то мне подходит, — отозвался Вилтри.

— Что ж, решено, давайте поедем, — постановил Ле Гуин.

Еще час ушел на то, чтобы сообщить новость другим экипажам и отобрать около сорока машин, готовых

сопровождать их в пути. Ле Гуину нужно было убедиться, что все они находятся в приличном состоянии. Он совсем не хотел терять технику по дороге. Все поврежденные, находящиеся в неисправности машины должны были оставаться с главными силами.

После того как он передал диспетчерам Мунитория всю информацию об отобранной им технике и дождался отбоя воздушной тревоги, понадобилось еще не менее двух часов, чтобы вывести боевые машины из забитого пробками шоссе. Это была непростая задача, вроде выхода из патовой позиции при игре в реджи-сайд, когда почти нет ходов ни назад, ни в сторону. То здесь, то там вспыхивали перебранки между водителями. Ле Гуину и Вилтри однажды даже пришлось выпрыгнуть из танка, чтобы пресечь бурную ссору, которая разгорелась между экипажем вездехода из полка «Герзон» и зенитчиками Сорок четвертой легкой «Химеры», когда машина последних случайно въехала вездеходу в бок.

В конце концов командиру одного из танков «Пар-дуса» — «Завоевателя», с громким названием «Часть легенды», — удалось найти подходящее для разворота место у самого въезда на территорию консервного завода. Установив на свой танк бульдозерный щит, он создал там дополнительный проход для бронетехники и тем самым снял опасно нарастающее напряжение. Он проехал своим танком по тощеным площадкам и дворам, спрятанным за террасами блочных построек, а затем буквально пропахал большой, недавно выгоревший сад, так же как и несколько прилегающих к нему огородов поменьше, что было встречено бурными криками одобрения со стороны других экипажей.

Следуя за находчивым командиром, они стали осторожно выводить с шоссе свои машины. С ревом выпуская клубы дыма, «Линия смерти» оказалась шестой в этой новой череде машин. Гремя гусеницами, они пересекли разоренные сады и вышли на обширные пастбищные луга, где, отъехав в сторону, стали ожидать,

когда и другая бронетехника присоединится к ним, пройдя через этот узкий проход. Девять танков «Пардуса», одиннадцать тяжелых танков «Герзона», шесть из Второй гусеничной бригады «Балчинор», три колесные противовоздушные установки «Гидра» и смешанная группа из шестнадцати бронетранспортеров и полугусеничных вездеходов с гвардейской пехотой. По единодушному мнению экипажей, командиром нового соединения стал Ле Гуин. Такое решение было принято не только потому, что повернуть на восток была его идея, но также из-за того, что «Линия смерти» заслужила себе хорошую репутацию, сбив вчера «летучую мышь».

Ле Гуин отдал команду, и их танк, разбрасывая гусеницами жирную пахотную землю, тронулся в направлении далеких целинных земель долины.

Их здорово трясло. Вилтри занял место в башне и закрепился в кресле.

Как бы то ни было, они наконец куда-то едут.

Тэда. Южная ВВВ, 14.02

— Передаю управление, — сказал Иде.

— Спасибо, инспектор, — ответил сменяющий его диспетчер. — Управление принимаю.

Как только новый диспетчер заступил на пост, Дэр-роу помог Идсу подняться и отсоединить его аугметические штекеры. И тот и другой чувствовали себя сейчас изможденными и опустошенными. За время их дежурства напряжение не ослабевало ни на минуту.

— Желаю удачи! — сказал Иде новому инспектору, но тот был уже слишком занят, пытаясь найти общий язык с сонмом пилотов, за которых он теперь отвечал.

Дэрроу подождал, пока Иде поговорит со старшим офицером, и затем проводил пожилого инспектора к выходу из шумной ротонды. У Идса была трость, но в этот раз он предпочел опереться на руку Дэрроу, чтобы выйти из зала. Инспектор был истощен, сейчас это было очень заметно.

Они поднялись наверх и прошли в атриум.

— Если позволите, я провожу вас до вашей комнаты, сэр, — предложил Дэрроу.

— В этом нет необходимости, Энрик. Небольшая прогулка в одиночестве, возможно, пойдет мне на пользу. А тебе сейчас нужно поспать. Старший офицер сказал мне, что в полночь мы снова понадобимся.

— Так точно, сэр.

— Дэрроу...

— Да, сэр?

— Это только между нами, ты понимаешь?

— Да, инспектор.

Когда ты придешь сегодня домой, пакуй вещи. Бери только самое необходимое, так чтобы ехать налегке.

Дэрроу нахмурился:

— Зачем, сэр?

— Бэнзи считает, что мы скоро уедем отсюда. Это пока неофициально, но он уверен, что командование Космического флота уже приняло решение. Еще четыре-пять дней — и Тэду будет не удержать.

— Бог-Император!.. — тяжело выдохнул Дэрроу.

— Да, сынок, они побеждают. Как бы упорно мы сейчас ни сражались, это небо в большой степени уже не наше. Космический флот в рамках всеобщей эвакуации собирается отводить свои бригады. Они хотят передислоцировать их на более безопасные аэродромы.

— Куда же это?

— Может быть, на Зофос, может, на Студеные острова... Не исключен и Сан-Хаген. По-видимому, сотрудники Тактикуса как раз сейчас рассматривают все эти возможности.

Дэрроу не знал, что и думать. Он огляделся по сторонам. Гулкое эхо шагов разносилось по просторному залу атриума, который был почти пуст, если не считать нескольких сотрудников Командного Центра, которые, так же как и они, только что вышли из ротонды после тяжелой смены.

— Так мы что... — запинаясь, начал он. — Мы потерпели поражение?

— Нет, — ответил Иде. — С отступлением всегда трудно смириться, но ты, как воин, станешь намного более

совершенным, Энрик, если поймешь, что иногда это просто единственный путь к победе. Трон! Если бы отступление было равносильно поражению, то нам сразу следовало бы уносить отсюда ноги, как только наша наземная армада повернула назад от Ворот Тринити.

— Но, сэр...

Я знаю, это больно, Дэрроу. Это уязвляет человеческую гордость. Но ты должен это пройти. — В голосе Идса не было слышно никакой иронии. — Отступить, перегруппироваться и, собрав новые силы, попробовать еще раз — вот что сейчас всем нам предстоит.

Вот почему мы так упорно сражались: чтобы дать возможность нашим сухопутным силам вернуться. Теперь они смогут доукомплектоваться и снова вступить в бой с неприятелем. Читай планшеты по истории, Дэрроу. Многие войны в прошлом так и выигрывались! А многие другие были бездарно проиграны теми, кто был слишком горд, чтобы признать необходимость временного тактического

отступления.

Пилот кивнул.

— Дэрроу?

— Я кивнул, сэр. Простите меня.

— Иди поспи немного. Встретимся в полночь.

Дэрроу отдал честь, и Иде не спеша побрел к выходу, постукивая своей сенсорной тростью по траморному полу атриума.

— Что, теперь так отдают честь? — уже удаляясь, бросил он через плечо.

Дэрроу вышел на улицу. В сыроватом воздухе чувствовался сильный запах фицелина. Несколько человек из персонала Командного Центра, выйдя из здания после тяжелой смены, прогуливались под портиком у самого входа. Кто курил, кто беседовал, а кто просто ходил по мокрым ступеням, стараясь унять головную боль.

Неподалеку он заметил Скальтера, который курил палочку лхо. Даже отсюда было видно, как сильно дрожат его руки. Дэрроу уже решил, что должен подойти и серьезно поговорить с диспетчером, когда вдруг странная мысль пришла ему в

голову.

Он вытащил руки из карманов и внимательно посмотрел на них. Они у него тряслись не меньше, чем у Скальтера.

— Вам что-то нужно? — заметив его, спросил старший инспектор.

— Никак нет, сэр. У меня все в порядке.

— Кажется, у вас что-то с руками?

— Да нет. — Дэрроу подошел к нему поближе. — Просто трясутся немного.

— Тоже мне удивил! У нас у всех трясутся. Напряжение, переутомление...

— Так точно, сэр.

Скальтер протянул Дэрроу распечатанную пачку лхо.

— Нет, спасибо, сэр.

— Пойдешь на тренажеры? — спросил Скальтер. — Я как-то видел тебя там.

— Возможно. А вы?

Скальтер мотнул головой в сторону раскинувшегося перед ними аэродрома.

— О чем ты думаешь, когда видишь все это? — спросил он.

Дэрроу окинул взглядом Южную ВВБ. Многие ее полосы были

окончательно испорчены воронками от бомб. Бульдозеры, расчищая взлетно-посадочные полосы, собрали обломки покореженной техники в несколько огромных куч, которые теперь возвышались над полем аэродрома. Остатки разбомбленных и сбитых на взлете самолетов просто свалили у восточного заграждения, чтобы увеличить рабочую площадь авиабазы. Кое-где над обугленными воронками все еще поднимались струйки дыма. Как раз в это время сразу несколько авиагрупп Космического Флота заходили на посадку. Из некоторых машин клубами шел белый пар, и команды наземных служб уже выскочили на поле в ожидании их приземления. В то же время на пусковых установках, разогревая двигатели, стояли самолеты Апостолов, и было отчетливо слышно, как гремят вагонетки с боеприпасами. Дэрроу также услышал ужасное дребезжание моторов, к которым были подключены пусковые запалы зажигания.

А там, вдали, по ту сторону

аэродрома, мрачно возвышались опаленные войной, но все еще величественные башни Тэды. Черные столбы дыма поднимались над городом, затемняя небо. Повсюду полыхали пожары. В знакомом силуэте города теперь уже не хватало очертаний многих разрушенных бомбардировками зданий. Послышался вой сирен воздушной тревоги...

— Я думаю, я пойду на тренажеры, — сказал Дэрроу.

День 265

Тэда. Западный район, 10.02

Из-за притока раненых все госпитали Тэды были переполнены. Джагди перевезли в лечебницу на другом конце города — невзрачное четырехэтажное здание из разваливающегося кирпича в Западном районе, которое в прежние годы было одновременно и санаторием, и местом жительства, и сколатом для имеющих проблемы с законом юношей. Лечебница находилась в ужасном состоянии. Запах хлорки и плесени словно въелся в стены ее коридоров.

Бланшер нашел своего командира в самом конце длинной сумрачной галереи на верхнем этаже, где она сидела у окна, задумчиво глядя, как сотни граждан, выстроившись в шеренги, терпеливо ждут под дождем, когда наконец подойдет их очередь получить пропуск на выезд.

Она выглядела бледной и исхудавшей. Ее плотно забинтованная левая рука болталась на перевязи. Бланшер обратил

внимание, что, даже надев больничный халат, она продолжает носить летные бриджи.

— Привет, Мил, — сказала Джагди.

— Привет, Бри. Как рука?

— Все нормально. Врачи говорят: еще денек-другой, и меня выпишут.

— Мы тебя ждем. Вся бригада передает тебе привет.

— Надеюсь, держишь их в узде?

— Пусть только у меня попробуют распуститься! Джагди наконец улыбнулась.

— Не хочешь сесть? — спросила она, вставая со своего больничного кресла на колесах.

— Да я не устал, — слутился Бланшер.

— Садись, Мил. Сразу видно, что ты уже валишься с ног. Я и так сижу здесь целый день.

Бланшер пожал плечами и опустился на старое инвалидное кресло. Он устроился поудобнее, выставив локти в стороны, и спросил:

— Ну и как оно... насчет скорости?

Джагди встала у окна и, привалившись спиной к стене, махнула здоровой рукой в направлении длинного больничного коридора с линолиевым полом:

— А ты испытай! Медленно разогревается, но если разогнать, то взлетишь уже вон у того амбулаторного кабинета.

Активно двигая руками, он стал крутить туда-сюда большие колеса инвалидного кресла.

— Расскажи, как вы там, на новом месте? — спросила Джагди.

— Один раз уже летали. Мерзкая заваруха над Сан-Крайзом. Эгги сбила один, я тоже...

— Все целы?

— Одна из пулеметных очередей пробила боковое стекло в кабине Земтика и срезала его ожерелье с амулетами. Так что он теперь в печали. А так да, все целы.

— Как Кордиаль?

— Починил самолет. В следующий раз полетит.

— Что с моей малюткой Ноль-Два?

— А с этим беда, Бри. Хотя и не совсем безнадежно. Над ней сейчас колдуют, но ее придется переправлять морем на транс... — Тут Бланшер осекся. — Вот черт! — сказал он. — Я ведь собирался осторожно сообщить об этом.

— Переправлять морем? — удивилась Джагди. — Когда же это?

— Эвакуация началась сегодня утром, в шесть ноль-ноль. Директива Космического Флота... По-видимому, Орнофф решил, что пришло время покинуть побережье.

— И куда теперь?

— Нас переводят на ВВВ Люцерны на Студеных островах. Это, конечно, секретная информация.

— Это понятно.

— Массовая эвакуация сухопутных сил уже давно идет полным ходом. Тэда почти опустела. Население бежит. Мы отходим на острова, где наши базы какое-то время будут находиться вне досягаемости противника и откуда мы сможем обеспечивать прикрытие с воздуха для наших морских транспортов.

Животворящий Трон, Бри! Ты не представляешь, сколько там сейчас супертяжелых барж!

— Мне нравятся острова, — задумчиво произнесла Джагди. — Они напоминают мне о доме.

— Если обстановка позволит, мы перегоним наши «Стрелы» через три дня, в девять ноль-ноль двести шестьдесят восьмого. Твоя птичка отправляется сегодня в полдень на одной из грузовых барж.

— Черт возьми, вы же не собираетесь меня здесь оставить?! — взорвалась Джагди.

— Конечно нет, Бри. Я договорюсь, чтобы один из транспортов забрал тебя в день нашего перелета, примерно в восемь тридцать. Космический Флот перевозит персонал, организуя рейсы «Валькирий» и «Онеро». К полудню ты уже будешь с нами.

— Хорошо бы, — проворчала Джагди. — Я не хочу умереть в этой дыре.

— О! Ты можешь мне доверять, — успокоил ее Бланшер, который все еще забавлялся как ребенок, катаясь туда-сюда

в инвалидном кресле. — Я тебя когда-нибудь подводил?

— Никогда, — последовал ответ.

— Вот видишь!

— Что-нибудь слышал об Эспире? — спросила Джагди.

— Его уже вместе с медиками эвакуировали на северное побережье. Я проверял. Когда я с ним связался, он был в одном из лазаретов Энотополиса.

Бланшер поднялся и, полагая, что она вновь сядет, развернул кресло в сторону Джагди.

— Я должен идти, — сказал он. — В одиннадцать ноль-ноль у нас вылет. Внизу меня ждет машина...

— Мягкой посадки! — сказала командир на прощание.

— Береги себя!

Бланшер вдруг умолк.

— Так-так... Похоже, к тебе пришел еще один посетитель.

Джагди удивленно оглянулась. Неотразимый в своем белом замшевом кителе, по коридору госпиталя шел

ведущий звена «Апостолов» Сикан.

— Да, неплохо иметь таких друзей! — заметил Бланшер.

Он пошел к выходу и, проходя мимо, отдал честь Сикану. Тот также отдал честь и подошел к Джагди, которая, так и не сев в кресло, продолжала стоять под старинным витражным окном.

— Ведущий звена!

— Командир! Как вы?

— Пока жива. Никак не ожидала увидеть вас здесь.

Сикан пожал плечами.

— Садитесь, — предложила Джагди, кивнув в сторону инвалидного кресла.

— Спасибо, я постою, командир. Я... Я пришел сюда по двум причинам...

— Надеюсь, вы поделитесь.

Во-первых, из вежливости. Как один ведущий звена к другому. Дело в том, что майор Лудо Рамиа из бригады «Апостолов» погиб в воздушном бою прошлой ночью.

— Печально слышать это, ведущий звена.

Сикан закашлялся. Он явно выглядел

стущенным.

— Я намерен предложить его место лейтенанту авиации Лэрис Асче. Ее достижения, особенно в последние дни, весьма впечатляющи. Десять сбитых самолетов за один день...

— Да, десять, вы не ошиблись.

— Я хотел бы получить ваше согласие, командир.

— Мое согласие?

— Да, прежде чем я передам ей это предложение.

Джагди, прихрамывая, обошла кресло и тяжело в него опустилась. Это известие ошеломило ее. Она чувствовала, будто у нее отобрали что-то очень дорогое ее сердцу.

— Лэрис — один из моих... — Она осеклась и затем поправилась: — Лэрис Асче мой лучший пилот. Мне будет очень не хватать ее. Но я знаю порядок. Если Апостол просит, невозможно отказать. Мне бы польстило, даже если бы ваш самолет лишь пронесся мимо. Лэрис будет на седьмом небе от счастья. Это честь для нее. Конечно, она согласится. Первый

летчик с Фантина, кто удостоился звания Апостола.

— Первая женщина... — добавил Сикан.

— Мы на Фантине никогда не делали различий, сэр.

— Космический флот куда более консервативная организация, мамзель, — улыбнулся он. — Так вы даете согласие?

Джагди покачала головой и усмехнулась:

— Звучит так, будто я ее мать и вы просите у меня ее руки.

— В каком-то смысле это так и есть. Теперь только смерть сможет разлучить нас.

Джагди подняла на него взгляд:

— Сделайте из нее героя, Сикан. Легенду авиации. Это то, о чем она мечтает. И это то, что я хотела бы дать ей.

— Так и будет, — ответил он. — Благодарю вас.

— Какова же вторая причина? — спросила она.

— Не понял.

— Вы сказали, что пришли сюда по

двум причинам. Вы уже отобрали у меня лучшего летчика бригады. Теперь я в ужасе жду, что будет дальше.

— Я всего лишь хотел справиться о вашем здоровье. Я был очень огорчен, когда узнал, что вы ранены.

— Я-то думала, что вы, Апостолы, не слишком переживаете по поводу смертей и ранений.

— Только когда это касается нас самих, — ответил Сикан и растерянно огляделся по сторонам. — Я должен идти по делам. Да хранит вас Император, командир!

Она кивнула на прощание.

Только когда, дойдя до конца коридора, он скрылся за углом, Джагди обнаружила оставленный им на подоконнике удивительной красоты цветок на длинном стебле, с лепестками цвета красного имперского флага.

Лангерсвиль, 15.16

С прибрежных холмов казалось, что целые части суши, отколовшись от побережья, уходят в море.

Конвой Ле Гуина наконец-то достиг мыса и теперь медленно сползал к береговой линии, туда, где находился морской порт, принимающий теснящиеся у моря многочисленные соединения бронетехники. Колонна Ле Гуина была лишь незначительной частью этой огромной, подлежащей эвакуации армии.

Грозовые облака проплывали над ними, а свежий бриз с моря приятно овевал лица. Стаи грузовых «Валькирий» взлетали со склонов у подножия холмов и брали направление в сторону моря. Вилтри также видел, как несколько транспортов «Онеро» готовятся к взлету.

Выйдя из доков, от берега медленно удалялись PNBT, понтонные плоты и грузовые баржи. Последние имели вид кораблей громадного водоизмещения, которые, изрыгая из труб черный дым, перевозили в своих открытых трюмах танки и бронетранспортеры. Как только одни из них выходили из гавани на глубину, другие — порожние и идущие налегке — тут же заводились лоцманами на освободившееся у причала место.

PNBT — реактивные плоты вертикальной тяги — были поистине огромны. Каждый такой колосс представлял собой бронированный прямоугольник площадью пять гектаров, который держался над водой работой сверхмощных реактивных двигателей, располагающихся по его углам и краям. Как только эти легко скользящие по воде махины подходили к причалу, они сбрасывали металлические трапы, и дивизии бронетехники, гремя, заезжали на их платформы. При этом ужасный шум реактивных двигателей разносился по гавани.

Далее сортировщики направляли бесчисленные машины по местам стоянок и выстраивали их в стройные ряды по всей площади PNBT. Целый танковый полк мог быть размещен на таком плоту.

Затем, завершив погрузку и издав чудовищный рев, PNBT устремлялись в открытое море.

— Наш экипаж уже ждет нас, — сказал Ле Гуин. Вилтри кивнул:

— А Тэда? Сколько до нее, как ты

думаешь? Ле Гуин посмотрел на карту в своем планшете:

— Примерно триста километров к востоку. А что?

— Пришло время расставаться, — сказал Вилтри. Ле Гуин нахмурился:

— Нам будет не хватать тебя, Оск.

— А мне вас. Эти несколько дней я никогда не забуду.

Вилтри крепко пожал Ле Гуину руку. Когда летчик вылез из танка, Матредес обнял его на прощание, а Этдин хлопнул по плечу.

— Желаю удачи! — крикнул Вилтри, как только «Линия смерти» тронулась дальше.

— Тебе того же! — стараясь перекричать моторы, отозвался Ле Гуин.

— Да хранит тебя Император!

Ле Гуин прокричал еще что-то в ответ, но в шуме моторов уже ничего нельзя было разобрать.

Вилтри некоторое время постоял на холме, глядя вслед удаляющемуся танку Ле Гуина, пока тот не скрылся за броней медленно проползающих мимо тяжелых

машин колонны.

Тогда он побежал по поросшей травой насыпи в сторону приморского шоссе, рассчитывая там поймать какой-нибудь спешащий на восток транспорт Мунитория.

Тэда. Южная ВВВ, 16.10

Как только самолет Марквола плотно встал на взлетно-посадочную установку, он отключил турбины и позволил земле принять все четырнадцать тонн серийного номера Девять-Девять — своего «Двуглавого орла». Откинув голову на спинку летного кресла, пилот еще просидел какое-то время с закрытыми глазами, не открывая кабины. Это был уже третий вылет за день. Они получили срочный приказ осуществить перехват соединения бомбардировщиков с группой прикрытия. Разгорелся короткий, но ожесточенный воздушный бой. Марквола дважды чуть не подбили, причем оба раза истребители, которых он даже не видел.

Встревоженный Рэкли постучал по стеклу кабины, и юноша открыл глаза.

Механик жестами напомнил ему, что нужно открыть капсулу. Марквол кивнул и снял с себя защитные очки и дыхательную маску.

Он открыл кабину, и прохладный, хотя и сильно задымленный воздух ворвался внутрь, обдувая ему лицо. Вместе с ветром он также впустил пронзительный визг и оглушительный рев садящихся на аэродром самолетов.

— С вами все в порядке, сэр? — спросил Рэкли.

— На четыре-А, — ответил Марквол, когда тот помог ему снять летное снаряжение и отсоединить от костюма провода пульта управления. — Мне нужно его быстро развернуть. У нас до вечера еще один вылет.

— Будет сделано, сэр.

— Мне кажется, что левую лазпушку следует прочистить и перенастроить. У меня в этот раз получались какие-то странные разряды.

— Я проверю, сэр.

— Есть надежда получить ракеты?

Рэкли отрицательно покачал

головой:

— Только между нами, сэр. Боеприпасы стали поступать крайне скудные. Если разрывные патроны для зенитных орудий еще приходят исправно, то все более мощное оружие направляется теперь только к «Мародерам».

Марквол оставил механиков выполнять свои обязанности и вышел из посадочного укрытия. У выхода с соседней взлетно-посадочной установки он встретил Ван Тула, который, уходя с аэродрома, снимал перчатки и летную куртку.

— Отличная работа, — сказал Марквол. — Я видел, как ты сбил тот «Мучитель».

— Спасибо, — отозвался Ван Тул. — В какой-то момент я даже думал, что этот сукин сын от меня ускользнет. Сам-то сбил что-нибудь?

Марквол лишь печально покачал головой в ответ.

— Мне казалось, что я видел, как ты зашел в хвост одной из «Бритв»...

— Да, но она выскользнула, и я

потерял ее.

— Ничего, пока тебя не сбили, всегда есть следующий раз, — заметил Ван Тул.

Тут к их компании присоединился Земтик. Его амулеты снова гремели у него на шее, теперь уже на новой цепочке.

— Не знаете, в честь чего это все? — спросил он, указывая куда-то вдоль линии пусковых установок.

Большой штабной лимузин проехал по аэродрому и остановился у одного из самолетов. Шофер — курсант Космического флота — выбрался из машины, обошел ее и, открыв дверцу с другой стороны, отдал честь. Из машины кто-то вышел.

— Это ведь глава Апостолов, не так ли? — спросил Ван Тул.

— Сикан, — подтвердил Марквол.

— Какого черта ему здесь надо? — удивился Земтик.

Стоя вместе, они наблюдали, как Сикан торжественно подошел к взлетно-посадочной установке номер три. Аскче как раз спускалась со своей «Громовой стрелы». Она отдала честь Сикану, и он

приветствовал ее в ответ. Апостол начал о чем-то говорить и передал ей какую-то вещь. Что-то вроде информационного планшета. Даже издали можно было заметить то изумленное, даже испуганное выражение, какое появилось на лице Лэрис.

— Что происходит? — недоумевал Земмик.

Сикан и Асче снова отдали друг другу честь, после чего Апостол пожал ей руку и вернулся в машину. Пока лимузин не выехал за пределы авиабазы, Асче оставалась на месте, словно не в силах оторвать взгляда от врученного ей планшета.

Марквол, Земмик и Ван Тул тут же подбежали к ней. Появился Бланшер. Вслед за ним стали подходить Ранфре, Кордиаль и Дель Рут.

— Лэрис! — воскликнул Земмик.

Она вздрогнула, будто очнувшись от наваждения, и подняла на него взгляд. В глазах ее все еще оставалось то странное, необычное выражение.

— Привет.

— Что происходит? Что Сикану

нужно от тебя?

— Я сама, — последовал ответ.

— Что?!

Асче окинула их быстрым взглядом.

— Ребята, вы не поверите... — начала она.

День 266

Тэда. Морская набережная, 06.02

Вилтри вновь увидел Тэду, когда поздно ночью, находясь в кабине одного из транспортов, принадлежащих парку Мунитория, подъезжал к этому великому городу. Это было впервые, с тех пор как утром 259-го он поднял «Г как Грета» в последний полет. Происшедшие за эти несколько дней перемены просто поразили его.

Хотя в ночные часы с расстояния многих километров город и был невидим благодаря установлению строжайшего режима затемнения, сейчас, когда они достигли пригородов, его силуэт стал отчетливо выделяться на фоне багрового зарева, которое поднималось над многочисленными пожарами, бушующими в центральных районах.

— Святой Трон!.. — тяжело выдохнул летчик.

— Говорил вам, что лучше этого не видеть, — сказал шофер.

Вилтри совершил свое путешествие вдоль побережья всего за одну ночь: сразу несколько водителей транспортов, идущих по разным маршрутам, согласились подбросить его в сторону Тэды. В последние дни из-за ускоренной эвакуации все дороги на побережье были забиты машинами. Весь транспортный парк Мунитория был задействован сейчас в перевозке персонала и стратегически важных грузов из Тэды и окружающих ее городов в эвакуационные пункты на побережье. Совершив такой рейс и произведя отгрузку, машины тут же устремлялись назад в депо, чтобы получить новое задание. Враг тоже не дремал. Всю прошедшую ночь небо над побережьем представляло собой один сплошной фейерверк из огненных трасс, реактивных выхлопов и разрывов зенитных снарядов. В Мадените, в самом центре города, когда Вилт-ри в хаосе машин пытался поймать нужный ему транспорт, всего в трехстах метрах от него разорвалось несколько фугасных бомб, которые разрушили кафедральный собор,

девять жилых домов и механический цех. Куда бы он ни пошел, с неба неизменно доносился раздражающий гул реактивных двигателей самолетов Архенеми.

Несколько раз их останавливали на блокпостах, организуемых Муниторумом и Комиссариатом, поэтому только к утру грузовик «Карго-10» смог доехать до западных окраин Тэды. Город поражал почти полным отсутствием транспорта, если не считать других военных машин, которые порой с грохотом проезжали по его пустынным улицам. Понемногу начало светать, и в бледном полумраке пасмурного утра, сквозь пелену дыма, стали проявляться чудовищные картины мира, который был весь покрыт грязью и пылью. Грузовик проехал один за другим несколько разбомбленных районов, где многочисленные пожарные бригады отчаянно боролись с огнем, который, охватив доходные дома и жилые постройки, превратил в кромешный ад сразу несколько кварталов. Некоторые улицы были перекрыты. Иногда, тревожно гремя колокольцами, мимо проносились

машины медиков.

К пяти тридцати они достигли Старого Квартала. Как и все вокруг, он подвергся ожесточенным бомбардировкам. При виде чудовищных разрушений у Вилтри защемило сердце.

— Дальше я еду на сборочную станцию в Данзер-плац, — сказал шофер. — Вам это по пути?

— Нет. Знаете, высадите-ка меня вот здесь.

Водитель остановил грузовик на углу улицы.

— Спасибо, — сказал Вилтри, вылезая из машины.

— Нет проблем. Желаю вам побыстрее найти свою часть. Попрошу вас только: сбивайте вы побольше этих сукиных детей!

— Я постараюсь.

Шофер кивнул, и его грузовик поехал дальше. Теперь Вилтри пошел пешком. В одном из обшлагов его изодранной летной куртки все еще оставался вшитый компас, и он, просто следуя направлению стрелки, двинулся на север. Почти тридцать

минут ушло у него, чтобы обойти завалы разрушенных зданий и выйти к морской набережной.

Несмотря на то что весь город был окутан пеленой дыма, здесь было намного прохладнее и свежее. Вилтри вновь услышал такой странный и вместе с тем уже знакомый шум волн, набегающих на прибрежную гальку. Он стал жадно, полной грудью, вдыхать йодистый запах моря. Можно было увидеть какую-то иронию в том, что запах, который он узнал совсем недавно и который даже невозможно было представить в том далеком мире, где он родился и вырос, теперь, оказывается, значит для него так много.

Он побрел вдоль широкой набережной, стараясь найти памятные ему ориентиры. Он был уверен, что так он сможет выйти на пирсы. В конце концов почти случайно его взгляд задержался на чем-то знакомом. Он вдруг понял, что стоит у той самой арки, через которую раньше проходил, чтобы попасть в ресторан. Вот и грифельная доска, приставленная к чугунным воротам: «Дворец изысканных

закусок. Сервировка столиков. Живописные морские виды».

По ту же сторону арки ничего не было. Среди плещущих волн кое-где можно было разглядеть лишь торчащие из воды скрученные металлические балки и обугленные пни деревянных свай. Пирсы были полностью уничтожены. Все три.

«Думаю, он еще не скоро рухнет», — сказала как-то Бека Мейер...

Оскар Вилтри вдруг почувствовал, что его ноги стали ватными. Он привалился спиной к чугунным перилам и устало закрыл глаза.

Тэда. Старый Квартал, 06.30

У них был план. Все звено «Умбра» вместе с механиками собиралось отправиться в «Гидру» на Волдни, чтобы там торжественно проводить Асче на ее новое место службы. Бланшер заказал по радиосвязи несколько ящиков джолика и отдельный зал в главном баре города.

Но внезапно в двадцать ноль-ноль поступил срочный вызов, и всем им на ночь глядя пришлось подниматься в воздух, где в

освещенном лишь разрывами снарядов небе каждого из них могла поджидать ужасная смерть. Пока они вернулись, пока доложили о полете начальству, пока приняли душ и вновь собрались вместе, Лэрис Асче уже упаковала вещи и уехала, так как должна была прибыть в свою новую часть точно в указанный в приказе срок. Она оставила им записку.

«Мягкой посадки, "Умбра"! Встретимся в небе!

Лэрис».

Теперь в тех нескольких комнатах, которые им выделили для постоя, воцарилась атмосфера уныния и апатии. Настроение в звене было даже хуже, чем если бы они потеряли Лэрис в бою.

— А мы все равно пойдем, раз решили, — твердо сказал Бланшер.

Они пришли в «Гидру» в четыре утра, когда обслуживающий персонал уже хотел закрываться, и попытались поднять себе настроение, сделав так, чтобы оно соответствовало вечеринке. Все равно это больше напоминало поминки. Хотя Бланшер и сказал несколько слов об Асче, и

слова эти были хороши, все понимали, что в устах Джагди они звучали бы намного лучше. Рассевшись вокруг нескольких столиков, пилоты «Умбры» выглядели необычайно мрачными. Механики, которые всегда были рады бесплатной выпивке, быстро набрались, стали шуметь, но держались отдельно. Ван Тул и Кордиаль ушли уже через час. Земляк, которому Лэрис дала отставку так же быстро, как и Маркволу, явно не рассчитал свои силы. Парню стало так плохо, что пожалевшему его Ранфре пришлось срочно искать машину, чтобы увезти того обратно на базу.

Таким образом, остались только Марквол, Дель Рут и Бланшер.

— Не совсем то, что я планировал, — признался Милан.

Все три пилота сидели за одним столиком, вертя в руках маленькие стаканчики для джолика. Механики во главе с Рэкли уже начали сыпать пьяными шутками, и взрывы хохота то и дело доносились с их стороны бара. В красных глазах барменов, которые сейчас сидели за

стойкой, легко читалось желание избавиться от них побыстрее.

— Почему бы нам не подсесть к ним? — предложила Дель Рут, кивнув в сторону механиков.

— И испортить им все веселье, — отозвался Бланшер. — Летчики не могут обойтись без механиков, и механики не могут обойтись без летчиков. Пока они на работе, между ними почти любовные отношения. Но в любое другое время — нет! Между ними пропасть! Они принадлежат к разным мирам, разным классам. Если мы сейчас пойдем туда и попробуем к ним присоединиться, они обрадуются нам не больше, чем куску дерьма в тазике для ног!

Спокойно потягивавшая джолик Эггуила Дель Рут даже поперхнулась от смеха, так что Марквольу пришлось пару раз хлопнуть ее по спине.

Пожалуй, это был самый веселый момент за весь вечер.

— Помилуй меня Трон! — вздохнул Бланшер. — Это совсем не то, что я планировал.

— Звучит как эпиграф к моей жизни, —

— пробурчал Марквол, наливая всей компании очередную порцию джолика.

— Это что еще такое? — возмутилась Дель Рут. — Ты никак хочешь, чтобы тебя пожалели?

Марквол пожал плечами:

— Пойми, у нас в Хессевиле я был лучшим курсантом в классе!

— Разве не так же, как и все мы? — недоуменно подняла брови Дель Рут, посмотрев на Бланшера.

— Только не как я, — печально признался Милан, потянувшись за стаканчиком. — Я был... худшим. Первым претендентом на отчисление. Я проваливал почти все задания. Имейте в виду, не просто проваливал. Проваливал безнадежно. Однажды мой инструктор взял меня из аудитории и вывел на палубу обозрения, откуда можно было увидеть панораму Скальда на многие километры. Он указал на эти необъятные просторы и сказал: «Вот твой родной мир, Милан. Очень много неба и не слишком много земли. Если ты не научишься летать, то что еще, черт возьми, ты собираешься

здесь делать? Плавать, что ли, во славу Императора?»

Дель Рут снова поперхнулась джоликом и закашлялась.

— Да иди ты, Мил! — с трудом выговорила она, давясь и прижимая ко рту салфетку. — Это уже второй раз за вечер.

Бланшер улыбнулся.

— Я был лучшим в своем классе, — стал рассказывать Марквол. — Прошел ускоренную программу в самом конце войны за освобождение. Я хочу сказать, что был на хорошем счету. Я мечтал о боевых вылетах. Мечтал сбивать «летучих мышей». И вот я здесь, в зоне военных действий... И я облажался! Я не могу ничего сбить. Мои самолеты подводят меня. Из-за меня страдают другие летчики...

— Это только один из способов смотреть на жизнь, — заметил Бланшер.

— А что, есть и другой?

— Ну, для начала я бы вспомнил о двух твоих сбитых самолетах. Кроме того, ты спас мне жизнь в воздушном бою, может, и не только мою, я не знаю. Ты выжил после

катапультирования из горящей машины... Знаешь, далеко не у всех это выходит. Еще есть беспрецедентное, героическое применение пусковой ракеты для выхода из-под гибельного огня противника. Только из-за этого одного, Вандер, твое имя может быть вписано в анналы боевых полетов истребителей. Я не знаю никого, кто бы отважился пойти на такое, не говоря уж о том, чтобы после выжить и рассказывать об этом. На тебя должен равняться Сикан, не то что Лэрис.

Марквол изобразил на лице подобие улыбки.

— Спасибо, — сказал он.

— Я серьезно!

— Вы очень хорошо исполняете свои обязанности, сэр. Как и предполагала Джагди. Вы говорите правильные вещи и укрепляете в нас боевой дух.

— Возможно, и так, — согласился Бланшер. — Только, по моему мнению, во всем есть положительная сторона. Нужно только уметь ее увидеть. Вот скажи, этот стакан наполовину пуст или наполовину полон?

— Это очень маленькие стаканчики, — вяло заметила Дель Рут, задумчиво разглядывая свою стопку. — То они полны, то сразу пусты. Иначе многим бы не понравилось...

— Вот давайте и выпьем за то, чтобы этого никогда не случилось, — сказал Бланшер и потянулся за бутылкой.

Все трое вышли из «Гидры» в двадцать минут седьмого, когда бледный, рассеянный свет стал уже постепенно разливаться в утреннем небе. Механики все еще продолжали балагурить и веселиться. Бланшер отвел их в ближайшее депо Мунитору, где, заказав три транспорта со свободными в данный момент шоферами, вернулся в «Гидру», чтобы забрать оставшихся работников наземной службы, хоть те и не выказывали горячего желания покидать это веселое местечко.

Они поехали по шоссе, которое в этот час, если бы не их грузовики, было бы совсем пустынно. На проезжей части валялись мусор и выкинутые беженцами вещи. Кое-где у обочин стояли брошенные

машины со снятыми колесами. Марквол ехал в кузове одного из грузовиков вместе с Рэкли и группой наземной службы.

— Тихо!.. Вы слышали? — неожиданно спросил он сидящих вокруг механиков.

Рэкли повернул голову и стал прислушиваться, стараясь сквозь шум мотора расслышать какие-то неясные, доносящиеся с неба звуки.

— Турбовинтовые двигатели... Очень много.

— Что, очередной налет? — спросил один из техников.

— Что-то непохоже на бомбардировщики, — сказал Рэкли. — Звук более насыщенный.

— Вот черт... смотрите! — воскликнул Марквол, указывая на южную часть неба.

Огромные мультиреактивные самолеты парашютного десанта проплывали сейчас в небе над восточными пригородами Тэды. По ходу движения из них вылетали тысячи крошечных точек, которые, как цветочная пыльца, медленно оседали на землю.

Штурмовые десантные группы Архенеми сбрасывались на город!

Сидящие в грузовике услышали, как позади них, где-то в глубине разоренного войной мегаполиса, раздалось завывание сирен, которое становилось все громче и громче, пока не переросло в оглушительный рев.

Враг начал массированное наступление на побережье...

Тэда. Южная ВВВ, 06.39

Взрывы сверкали так часто, что, казалось, заставили померкнуть дневной свет. От бесконечных разрывов бомб в ушах у Дэрроу появился какой-то скрежещущий, шипящий звук. И как только в небе может уместиться столько самолетов?

Дэрроу бросился в Командный Центр. Теперь бомбы сыпались на внутренние районы города, и лишь несколько «Мучителей», израсходовав весь свой боекомплект, летели над авиабазой, разворачиваясь в сторону моря. Противовоздушные батареи аэродрома не

жалели снарядов. Трассы, как пляшущие в вышине молнии, пронзали пространство. Зенитные орудия буквально поджаривали небо, наполнив его дымом, освещенным разрывами снарядов.

С аэродрома стали подниматься истребители, одни из которых собирались дать бой, но большинство тут же устремилось на север. Дэрроу услышал все усиливающийся шум двигателей тяжелых «Онеро» и других грузовых самолетов. Толпы людей ринулись к ним через весь аэродром.

— Это что, экстренная эвакуация? — спросил Дэрроу пробегающего мимо офицера Космофлота.

— Все, конец! — на бегу прокричал тот в ответ. — Мы улетаем! Немедленно!

Дэрроу посмотрел налево, как раз чтобы увидеть, как в небо один за другим поднимаются «Апостолы». Их самолеты уже были подготовлены для срочного вылета, и теперь, быстро отрываясь от земли, они плавно взмывали в сторону северо-востока, где сейчас развернулось ожесточенное сражение.

Оглушительный грохот, напоминающий пушечную канонаду, раздался совсем рядом. Это «Адский коготь», совершая большой проход над аэродромом, пронесся на бреющем полете, произведя за собой серию разрушительных взрывов. Два «Мародера», так и не поднявшись в воздух, были уничтожены на своих пусковых установках. Дэрроу, как и многие другие, бросился на землю, когда «Коготь» прогремел у него над головой. Воздух наполнился дымом и пеплом. Уже воспринимаемые как фон, гул реактивных двигателей и грохот взрывов почти потонули в серии яростных, звонких выстрелов, производимых ближайшей «Гидрой».

Дэрроу поднялся и побежал снова. Тут он увидел, как еще один самолет противника пролетел над аэродромом и всего метрах в двадцати от него целая группа бегущих людей была поднята на воздух разрывом орудийного снаряда. Затем послышался ужасный, переливающийся рев, и едкий, горячий выхлоп обжег пилоту лицо. Это

тяжелогруженый «Онеро», который только что оторвался от земли, медленно пролетел над ним.

Дэрроу почувствовал, как теплая струйка крови стекает в левый глаз. Вероятно, при взрыве шрапнель рассекла бровь, и теперь кровь заливала ему лицо. Он все еще продолжал бежать. В этот момент, вздымая пыль и песок, еще один большой транспорт поднялся в воздух.

Тут Дэрроу увидел несколько валяющихся на земле тел. Двое летчиков Космического флота и трое ребят из наземной службы. Выпущенная с бреющего полета пулеметная очередь, забрав их жизни, оставила на поверхности аэродрома длинный след из выбоин. Разрывные пули сорвали с них почти всю одежду и оставили тела лежать в странных, нелепых позах.

Дэрроу остановился и оглянулся. На это было тяжело смотреть...

Люди бежали кто куда. Некоторые были ранены, и их несли на руках. Двое пилотов, покачиваясь от напряжения, пронесли мимо Дэрроу какого-то механика

на плечах. Странно было слышать, как из уст дюжего механика вырываются жалобные стоны и рыдания. Его лицо было...

Дэрроу снова пришлось повернуть голову. Во время последнего пролета «Когтя» пулеметная очередь прошила цистерну с горючим, и огромная волна желтого пламени тут же взметнулась к самому небу.

В это же время на самом северном краю аэродрома эскадрильи «Валькирий» открыли входные люки и уже разогревали двигатели. Увидев это, люди высыпали из зданий авиабазы и толпами устремились к спасительным транспортам.

Взлетело еще несколько самолетов, в основном «Громовых стрел». Один из них был сбит ракетой наведения, когда еще только отрывался от земли. Охваченная пламенем «Стрела» плашмя упала на погрузочную платформу, тем самым погубив не менее двадцати человек из наземной службы. Дэрроу пришлось сощурить глаза, когда до него дошла тепловая волна от нескольких взрывов,

которые за этим последовали.

И тут он увидел Идса. Постукивая перед собой сенсорной тростью, тот медленно приближался к входу здания Командного Центра. Мимо него пробежал экипаж летчиков Космического флота. Низко летящая «Саранча» выпустила пулеметную очередь по стене и крыше здания. Во все стороны полетела черепица, куски кирпичей и разбитых ставней. Закрыв лицо руками, Дэрроу кинулся к старшему инспектору:

— Сэр!

— Это ты, Дэрроу?

— Так точно, сэр. Пойдемте со мной. Я проведу вас на эвакуационный рейс.

— Но мне нужно в Командный Центр... Против этой атаки мы должны найти оптимальный...

— Не нужно, сэр! — перебил его Дэрроу, стараясь перекричать взрывы бомб. — Здесь уже все кончено! Конец! Враг уже здесь, у самых наших ворот! Мы должны немедленно улетать!

Метрах в сорока от них, убив десяток людей, сдетонировал мощный

бомбокомплект. Взрывной волной и Дэрроу, и Идса сбило с ног. С трудом поднявшись, Дэрроу попытался помочь встать старшему инспектору.

— Кто-нибудь, помогите! — в отчаянии крикнул он, глядя на пробегающих мимо людей.

Большинство проигнорировало его призыв. Но вот один вдруг остановился и затем бросился назад.

Это был Скальтер.

Он помог Дэрроу поднять Идса на ноги, и уже вместе они двинулись в сторону транспортов.

Стараясь перекричать весь этот сумасшедший гул, Скальтер говорил им что-то о Кровавом Пакте.

— Что-что? — переспросил Дэрроу.

— Говорят, Кровавый Пакт уже сбросил десант в пригородах. Наземные силы противника вот-вот будут здесь!

— Да хранит нас всех Бог-Император! — горестно воскликнул Иде.

— Прошу прощения, сэр, — сказал Скальтер, — но в последнее время складывается впечатление, что Он совсем

забыл о нас.

Тэда. Западный район, 06.40

Вой сирен разбудил Джагди. В ее палате в районной больнице было сыро и холодно. Окно как-то странно дребезжало.

Напряженно вслушиваясь, она еще какое-то время неподвижно лежала в постели. Кроме оглушительных завываний снаружи, был еще какой-то странный, беспокойный шум, который доносился из коридоров старого здания. Вот снова задребезжало окно... Хотя нет, это не просто дребезжание. Звук рождался не от дрожания старой деревянной рамы — вибрируя, гудело само стекло.

Она спрыгнула с постели и подошла к окну. Очевидно, стекла дрожали под действием колебаний воздуха. Джагди увидела, как где-то за пределами города в небе отсвечивают вспышки взрывов ковровых бомбардировок. Сотни столбов дыма, клубясь, поднимались в пасмурное предрассветное небо.

Она посмотрела вниз и увидела, как во двор больницы выбегают группы

пациентов и санитаров.

Джагди быстро вернулась к кровати, встала на колени и принялась вынимать одежду и личные принадлежности из шкафчика. Достала ботинки, летнюю куртку...

В этот момент мощная фугасная бомба упала на здание напротив, в одно мгновение снеся его до основания. Больницу тряхнуло, словно ее фундамент был установлен на пружинах. Взрывной волной оконное стекло вынесло внутрь, и настоящий ураган осколков пронесся по палате.

Из уст Джагди невольно вырвался крик, когда ее оглушило взрывом, однако кровать заслонила ее от режущих ударов. Упав на пол, она какое-то время лежала, сжавшись в комок и дрожа от напряжения. Сквозь гарь и дым пилот почувствовала в воздухе знакомый запах фицелина. Снаружи до нее доносились грохот обрушений, шипящий треск пламени и отчаянные крики погибающих людей.

Проклиная ранение и постоянно напоминающую о себе боль в руке, Джагди

натянула летные бриджи и надела ботинки. На ней уже была футболка, поэтому она просто набросила на себя куртку, просунув здоровую руку в рукав, а забинтованную и болтающуюся на перевязи оставив под одеждой.

Затем она вышла в коридор. Через разбитые окна, выходящие во двор, в больницу проникал удушливый дым. Джагди побежала в другую сторону. В больничном коридоре она увидела несколько человек — как пациентов, так и медиков, — которые были изрезаны осколками оконного стекла. Большинство из них были еще живы и, лежа на полу, отчаянно взывали о помощи.

К сожалению, она ничем не могла им помочь, а здоровенные санитары, не обращая на них внимания, в панике бежали к выходу.

Джагди нашла лестницу и, спустившись по ней, вышла из уцелевшей половины здания, пройдя через опустошенный взрывом внутренний двор больницы. Она выбежала с огороженной территории и очутилась в каком-то

маленьком переулке. Мимо нее опрометью пронеслись несколько человек. Она задрала голову и увидела, как по небу проползают цепи бомбардировщиков.

Пилот бросилась бежать по узкому переулку и остановилась только на углу, у выхода на главную улицу. Несколько расположенных на ней торговых центров были охвачены огнем, а на самой магистрали валялись обломки зданий. Обезумевшие от ужаса люди с дикими криками бежали из города.

Мимо Джагди пронесся грузовик, затем легковая машина. Она пыталась остановить их, но они и не думали обращать на нее внимание. Легковой автомобиль даже чуть не сбил ее — так не хотел водитель останавливаться. Крик отчаяния вырвался у Бри. Она потеряла все ориентиры и даже не знала, в какой стороне находится авиабаза.

Единственное, в чем она была уверена полностью, — пешком ей дотуда никак не добраться.

Однако, как ни ломай голову, ничего другого ей уже не оставалось.

Тэда. Южная ВВВ, 06.59

Дэрроу и Скальтер, взяв Идса под руки, быстро повели его по аэродрому к северным стартовым площадкам. Некоторые тяжелогруженые — возможно, даже перегруженные — «Валькирии» уже взлетали. Одну из этих машин успели подбить еще на земле, и теперь из-за буйного пламени к ее стоянке было не подойти. Охваченные паникой работники базы толпами теснились у трапов самолетов, так же как и у боковых люков некоторых тяжелых транспортов. Хотя команды бортовых стрелков отчаянно пытались поддержать порядок при посадке, между обезумевшими от страха людьми то и дело вспыхивали жестокие драки.

Дэрроу растерянно огляделся. Он почувствовал, как его самого захлестывает волна паники.

— Во имя Трона!.. — произнес он, сознавая, что вопреки усилиям его голос предательски дрожит. — Нам не хватит места!

— Давай-ка попробуем туда, — сказал

Скальтер, который, несмотря ни на что, продолжал держать себя в руках.

Он указал на самую дальнюю площадку на севере аэродрома, уже у самого заграждения, где разогревали моторы три вместительных гражданских транспорта старого образца. До них еще нужно было добежать, но, так как большинство стремилось попасть на одну из более быстрых и защищенных «Валькирий», там не было агрессивных толп. Приняв решение, все трое поспешили в сторону устаревших транспортов. Некоторые из тех, кто не мог пробиться в военные грузовые самолеты или не желал участвовать в диких драках, сопровождающих посадку, постепенно стали отделяться от шумных групп вокруг «Валькирий» и бежали в том же направлении.

Неожиданно раздался выстрел. Не сбавляя шага, Дэрроу оглянулся. Видимо, кто-то, у кого сдали нервы, выхватив пистолет, попытался прорваться на «Валькирию» с помощью оружия.

В ответ экипаж захлопнул входные

люки, и грузовой самолет стал отрываться от земли, рассеивая толпы жаждущих прорваться на его борт. Потеряв свой шанс на спасение, разъяренная толпа набросилась на стрелявшего...

«Валькирия» пролетела над головой Дэрроу, но вдруг, к его изумлению, стала садиться прямо перед ними.

Бортовые стрелки снова открыли люк и, опустив трап, стали активно махать им руками. Экипажу самолета, видимо, была невыносима сама мысль, что можно улететь со свободными местами, оставляя несколько людей на погибель.

Дэрроу и Скальтер подтащили Идса к трапу под хвостовым отсеком и, подняв, передали его в крепкие руки стрелков.

— Влезайте! Проходите быстрее! Занимайте места и держитесь крепче!

В грузовом отсеке было темно. Пассажиры чувствовали себя словно в горячей железной коробке. Дэрроу и Скальтер усадили Идса на откидное сиденье, а экипаж принял на борт самолета еще несколько человек. Зазвенел сигнал тревоги. Трап снова начал

задвигаться, и шум двигателя перерос в пронзительный визг.

Самолет накренился вперед, и они стали подниматься, постепенно ускоряясь и набирая высоту.

Тэда. Южная ВВВ, 07.02

Грузовики даже не успели остановиться, когда трое последних, еще не улетевших пилотов «Умбры» спрыгнули на землю и сломя голову бросились бежать к укрытиям своих пусковых установок. Механики гурьбой последовали за ними.

— Мне нужны пять человек! — проорал Рэкли, стараясь перекричать разрывы бомб. — Остальные... Бегите к транспортам и немедленно эвакуируйтесь!

Он повернулся и с вызвавшимися пятью механиками побежал вслед за летчиками. Остальные что есть духу понеслись к последним двум «Онеро», которые уже завершали погрузку у главного ангара аэродрома.

Водители грузовиков побежали за ними.

Казалось, весь аэродром был в огне.

Повсюду виднелись тела убитых. Камнебетонную поверхность испещряли выбоины от снарядов. Кругом валялись перевернутые машины, покореженные тележки для боеприпасов... Многие пусковые установки были охвачены пламенем, а в некоторых догорали обломки самолетов, которым больше никогда было не суждено подняться в воздух. На глазах у Марквола взлетели две «Молнии», которые тут же повернули на север. Когда он вбегал в укрытие, то уже ожидал увидеть вместо своего «Двуглавого орла» лишь дымящиеся обломки.

Но нет. Его самолет все еще стоял невредим, так же как и машина Бланшера. Дель Рут повезло меньше: ее «Громовую стрелу» прошило пулеметной очередью, когда вражеский «Коготь» пронесся над ней на бреющем полете. Двигатели и кабина при этом превратились в рваные полоски металла.

Все прочие самолеты «Умбры» отсутствовали. Кордиаль, Ранфре, Земмик и Ван Тул, должно быть, уже улетели... По крайней мере взлетели.

В этот момент над аэродромом раздался визг авиадвигателей, и три «Бритвы» пронеслись низко над ними, а «Мучители» сбросили несколько бомб на ремонтные мастерские.

Двух своих механиков Рэкли отправил подготовить самолет Марквола, двух других — Бланшера.

— Проверьте только основные параметры! Увидите, как взлетают, — тут же бегите на транспорты! — прокричал он вслед.

Вместе с Дель Рут и последним оставшимся у него механиком Рэкли кинулся к соседнему ряду укрытий пусковых установок. Бригада «Громовых стрел», которая занимала этот ряд, — Семьдесят шестая «Огненные селезни» — уже улетела, но оставила на аэродроме па-РУ своих «Стрел» горчично-желтого цвета. Трупы, которые валялись поблизости, не оставляли сомнений, что оба пилота, как и несколько человек из наземной службы, так и не добежав до самолетов, были скошены пулеметной очередью.

У одного из оставленных самолетов

были повреждены хвостовая часть и руль высоты, но зато с другим, похоже, все было в порядке. Не теряя ни минуты, Рэк-ли приступил к подготовке к полету нового самолета Дель Рут.

Марквол уже залез в кабину своей собственной машины и теперь одной рукой затягивал ремни летного снаряжения, а другой подключал систему запуска. Один из механиков подкатил тележку с запалом зажигания, а другой, отсоединив подачу горючего и информационные кабели, запрыгнул на крыло, чтобы передать летчику шлем.

Запал зажигания вспыхнул и задрожал. Через секунду могучие турбовинтовые двигатели серийного номера Девять-Девять пришли в движение. Марквол высунулся из кабины.

— Отсоединяйте запал и давайте отсюда! — крикнул он механикам сквозь нарастающий шум турбин. — Бегите немедленно!

Механики исчезли из виду, скрывшись за обтекателем. Марквол закрыл кабину на замки, закрепил дыхательную маску и

затем в последний раз перед полетом окинул взглядом панель приборов. Давление, охлаждение, горючее, электроника, подача дыхательной смеси, вооружение... Везде горели зеленые лампочки.

Вновь появились механики. Оба подняли большой палец. Марквол ответил им тем же жестом, и они сразу побежали прочь от самолета.

В последний раз Марквол видел их, когда они бежали по асфальтовой площадке в направлении тяжелых транспортов.

Переведя сопла в вертикальное положение, пилот лишь слегка приоткрыл дроссели, и «Двуглавый орел» плавно оторвался от земли.

— Второй, это Восьмой. Я взлетаю.

— Вас понял, Восьмой. Немедленно улетайте! При таких обстоятельствах ни один летчик не стал бы мешкать, выбирая вертикальный взлет. Так и Марквол; еще не набрав высоту, он развернул самолет и, приведя сопла в горизонтальное положение, использовал всю мощь своих двигателей,

чтобы побыстрее умчаться из района авиабазы.

Его «Громовая стрела», которая поднялась не выше служебных строений, пронеслась как ракета над пылающим аэродромом. Где-то позади мелькнули несколько «летучих мышей», но он не придал этому большого значения. Система слежения никак не отреагировала на их появление.

На широком вираже Марквол повернул самолет на север и всего за тридцать секунд достиг вала береговых укреплений. Мимо пронеслась длинная белая линия побережья. Теперь под ним было только море.

— Второй! Говорит Восьмой. Вы в безопасности?

— Слышу тебя хорошо, Восьмой. Нахожусь к тебе на пять часов. Набираю высоту. Меня не жди. Улетай быстрее!

Находясь на тысячу метров ниже, Бланшер наблюдал, как «Стрела» Марквола быстро удаляется в восточном направлении. Он подождал немного и затем решительно заложил вираж,

поворачивая свой самолет к аэродрому, который он только что покинул.

— Четвертый! Ты где?.. Эгги, ты взлетела?

Со своей высоты летчик мог уже полностью оценить весь ужас происшедшего и истинный размер разрушений. Правда, из-за плотной пелены черного дыма, в которой то и дело возникали бледно-желтые вкрапления от вспышек пламени, Бланшеру была видна только половина разбитого аэродрома. По ту его сторону, окутанная дымом, словно облаками, раскинулась Тэда. К югу же все небо заполнили приближающие ся вражеские эскадрильи. Отражая лучи восходящего солнца, на фоне темных облаков сверкали десятки, сотни точек.

— Эгги! Ты где?

Бланшер сделал еще один проход над ВВБ. Внизу он увидел, как два пузатых «Онеро», вынырнув из густых облаков пара, тяжело поднялись с аэродрома и, гремя двигателями, плотным строем полетели на восток. За ними взлетел грузовой самолет поменьше, но, похоже, он тут же

попал в беду. Бланшер похолодел, когда увидел, что две «Саранчи» как молнии метнулись наперехват. В одно мгновение транспорт превратился в огненный шар.

— Второй! Второй, ты меня слышишь? Говорит Четвертый.

— Слышу тебя хорошо, прием.

— В данный момент набираю высоту...

Бланшер снова пошел на вираж и наконец увиделкрошечную клинообразную фигурку желтой «Громовой стрелы» Дель Рут, которая вдруг возникла перед ним из плотной пелены дыма. Ее самолет производил очень уверенный подъем. Бланшер инстинктивно повернул руль и направил свою машину так, чтобы оказаться позади нее во время набора высоты.

Один из «Адских когтей», который только что сбросил все свои бомбы на главное поле аэродрома, неожиданно появился из густого дыма, и его пилот, конечно, увидел огненные выхлопы машины Дель Рут. Мгновенно сориентировавшись, он тут же использовал инерцию выхода из

пике, чтобы завести свой самолет в хвост «Громовой стреле».

Противник находился метров на пятьсот ниже Бланшера и примерно на такое же расстояние был впереди. Бланшер открыл дроссели и бросил свою машину вниз. Его тут же вдавило в кресло, но он привычным движением включил систему наведения и активировал автоматический прицел орудий. На этот раз он выбрал сче тверенные зенитки. Ему не хотелось, чтобы лазерный разряд поразил самолет Дель Рут в случае промаха.

Все «Громовые стрелы» разные. Каждая имеет свои специфические особенности, свой темперамент. Дель Рут еще не успела привыкнуть к своей новой машине и потому вела ее немного неровно.

Это спасло ей жизнь.

Первая выпущенная «Когтем» пулеметная очередь, которая с позиции Бланшера выглядела как несколько высеченных искр, прошла совсем рядом с кабиной Дель Рут.

К этому моменту Милан уже спикировал и выровнял самолет, зависнув над машиной противника. Пилот «Умбры» навел прицел и услышал долгожданный сигнал о захвате цели.

Его палец надавил кнопку.

Заработали счетверенные зенитки, и конусообразное облако дыма мгновенно заволокло всю носовую часть самолета Бланшера.

В ту же секунду целый фонтан обломков вылетел из «Адского когтя». Со зловещей улыбкой на лице Бланшер еще долго не прекращал стрельбу, всаживая очередь за очередью в центральный отсек «Когтя». Наконец из вражеского самолета стали вырываться языки пламени, после чего его корпус разломился посредине, разлетевшись на две почти равные части. Пилот «Умбры» лишь проводил взглядом падающие обломки.

— Опасность устранена, Четвертый. Лети спокойно.

— Тебе не нужно было возвращаться из-за меня, Мил, — протрещал искаженный помехами голос Дель Рут. — Ты уже давно

бы улетел.

«Чушь! — подумал он. — Чушь собачья!» Как исполняющий обязанности командира звена, Бланшер был просто обязан проследить, чтобы все его пилоты благополучно взлетели. Даже рискуя жизнью.

Поэтому для всей «Умбры» было настоящей трагедией, что, вот так улетая сейчас, они оставляют на произвол судьбы одного из своих пилотов. И что хуже всего, никто из них ничего уже не мог с этим поделать.

Тэда. Западный район, 07.26

Минуя полуразрушенные здания и окрикивая каждую проезжающую мимо машину, Джагди устало брела по какой-то большой улице Тэды. Ни один водитель не останавливался. Иногда ей по дороге попадались группы людей, и их настроение нельзя было описать лишь словом «паника». В выражении их лиц чувствовалось еще и всепроникающее, мучительное страдание. Каждые несколько секунд восток озаряли яркие вспышки, которые сопровождались

грохотом взрывов. Порой разрывы бомб сотрясали землю. После одного особенно мощного взрыва где-то в южных кварталах города полностью прекратилась подача электроэнергии, в результате чего тут же умолкли все сирены воздушной тревоги. Во внезапно установившейся тишине иногда можно было услышать отзвук далеких разрывов, свист снарядов и гул пролетающих самолетов. Один или два раза Джагди показалось, что где-то раздаются выстрелы, но, поразмыслив, она решила, что ей послышалось.

Все чаще давала о себе знать раненая рука. Джагди не взяла с собой ни лекарств, ни бинтов и уже несколько раз больно ударялась ею, когда пыталась укрыться в развалинах от низко пролетающих бомбардировщиков.

Она вдруг поняла, что очень устала. Усталость и чувство полной безнадежности охватили все ее существо. Летчица беспомощно села на кромку тротуара и неожиданно почувствовала, как теплые слезы бегут по щекам. Как же она ослабела! Как, черт возьми, она

ослабела!

Какой-то грузовик проехал мимо. Она даже не проводила его взглядом. Вдруг раздался визг тормозов.

Джагди подняла голову. Груженный упаковочными коробками транспорт Мунитория остановился метрах в двадцати от нее. Из кабины вылез шофер.

Джагди поднялась. Это был тот самый водитель с обезображенным ожогом лицом. Как же его имя? Она никак не могла вспомнить. Да и говорил ли он ей? Она даже не была уверена, спрашивала ли она его об этом.

— Командир Джагди? Это вы?

Она кивнула. Он быстрым шагом подошел к ней:

— Я заметил вашу куртку. Узнал летчицкую форму. Бог-Император, с вами все в порядке?

— Нет, — ответила она.

— Вас подвезти?

— Да, черт возьми, мне бы очень этого хотелось!

Он помог ей дойти до машины и подсадил, когда она взбиралась в кабину,

затем перебежал к дверце шофера и запрыгнул сам.

— Что вы тут делаете? — спросил водитель, заводя грузовик.

— Я была в районной больнице. Получила ранение на задании. Я услышала, когда начался налет, и... Я решила, что пора уходить.

— И куда же вы идете? К Южной ВВБ?

Она вытерла пот с лица.

— Знаете, я не уверена, правильно ли я шла... Я... Я лишь хочу вернуться в свою часть.

— Понятно. Вы, часом, не ищете снова какого-нибудь невозвращенца? — поинтересовался мужчина.

Некоторое время Джагди смущенно молчала.

— Я так и не поблагодарила вас за помощь, которую вы оказали мне той ночью...

Какая помощь? Я был вне себя, когда наговорил вашему парню много лишнего. У вас были все основания рассердиться. А кроме этого, что еще я сделал? Немного

подвез — так это все, на что я сейчас способен. Муниторум дает мне инструкции, и я еду, куда им надо.

— И даже сейчас? Посреди этого хаоса?

— Даже сейчас. Я верный слуга Трона, командир. Делаю все, что мне велят. Мой начальник послал меня в Козкох Администорум, отдав приказ вывезти кипы документов из архивов Муниторума только потому, что кто-то где-то не желает, чтобы они попали в руки врага.

Джагди лишь покачала головой:

— Документы из архивов? А как же люди? Вы мог ли бы на этом грузовике вывезти в безопасное место с полудюжины народу!

— То же самое пришло и мне в голову, командир. Странные приоритеты у Муниторума! Особенно в такое время, как сейчас.

Летчица повернулась и внимательно посмотрела на шофера. Он же сейчас переключил все внимание на дорогу. Впервые ей пришло в голову, что, до того как половину его лица обезобразило, он,

вероятно, был довольно симпатичным.

— Я даже не знаю вашего имени, — сказала Джагди.

— Каминский, — ответил он. — Август Каминский. Отдел перевозок Мунитиорума, транспорт сто шестьдесят семь.

— Вы ведь прежде были летчиком...

— Военный летчик. ВВС Содружества. «Волчата» и все такое. Шестнадцать лет жизни... Но теперь это уже древняя история.

— Послушайте, Каминский, — начала Джагди, — не могли бы вы отвезти меня на аэродром? Я понимаю, у вас приказ, но мне действительно нужно срочно вернуться в часть.

Он пожал плечами:

— Я даже не знаю... Я действительно не знаю. Если ехать отсюда, это будет большой крюк, особенно при таких обстоятельствах...

— Тогда мне нужно по крайней мере эвакуироваться. Тут есть эвакуационный пункт поблизости?

— Мне приказано доложить о

выполнении задания в эвакуационном центре в Мандора-Пойнт, что на северном побережье. Это как раз туда нужно доставить эти чертовы архивы. Наверное, там будут грузовые баржи, может быть, даже транспортные самолеты. Такой вариант вам подойдет?

— Нормально, подойдет. Мне лишь бы убраться отсюда. Убраться побыстрее, чтобы вновь вступить в игру.

Каминский улыбнулся.

— Что вы улыбаетесь? — спросила Джагди.

— Я уже многие месяцы думаю о том же, — ответил он.

Следующие минут пятнадцать они ехали молча. Каминский вел быстро, почти гнал машину по улицам разрушенного войной города. Джагди даже болезненно морщилась, когда он, не сбрасывая скорости, несколько раз въезжал в густые клубы дыма, который во многих местах заволакивал проезжую часть. Невозможно было предугадать, что скрывается за его пеленой, и дважды водителю пришлось резко затормозить,

чтобы не врезаться в обломки зданий и наваленные горы щебня.

— С Тэдой покончено, — наконец прервал он молчание.

— Да. Боюсь, что это так.

— Похоже, для Энозиса наступают последние дни.

— Всегда есть шанс, — возразила Джагди. Каминский повернул руль и зло рассмеялся:

— Не думаю... Только не сейчас.

— Если бы какой-то пилот моего звена сказал что-то в этом роде, я бы наложила на них на всех дисциплинарное взыскание. Всегда есть шанс! До самого последнего вздоха, дарованного нам милостью Императора, мы должны верить, что у нас есть шанс.

Значит, мне повезло, что я не летчик вашего звена, мамзель. Энозис — мой родной мир, и я отдал все, что у меня есть, чтобы защитить его, но, похоже, пришло время для более прагматичного взгляда.

— Я, так же как и вы, сражалась за свой мир. Теперь я здесь, чтобы сражаться

за ваш. Так что мне не надо рассказывать о лишениях и личном вкладе в общее дело. А что касается прагматизма... Порой это слово используют лишь для того, чтобы оправдать свои пораженческие настроения.

— Не накручивайте себя, мальчик...

— Каминский! Смотрите!

Они только что проехали очередную зону задымления, и тут на внезапно открывшейся дороге перед ними вдруг возникло несколько фигур в темно-красной военной униформе.

Джагди увидела устехающиеся маски, чашеобразные каски, лазерные винтовки...

— Кровавый Пакт! — вырвалось у нее. — Поворачивай! Поворачивай машину!

Каминский уже и так выворачивал руль. Транспорт занесло, и теперь, выкрикивая проклятия, он изо всех сил старался остановить боковое движение. Срывая протекторы с толстых шин, грузовик развернулся, но все же проскользил еще несколько метров в сторону пехотинцев Архенеми.

И тут заглох мотор.

— Каминский! Каминский! —

вскричала Джагди.

— Прекратите кричать на меня! — огрызнулся шофер, лихорадочно пытаясь вновь завести машину.

Стреляя на ходу, десантники Кровавого Пакта уже бросились в их сторону. Очереди лазерных разрядов прожигали борт грузовика, а один из них оплавил стекло дверцы кабины.

— Каминский! Во имя Трона!

— Женщина, ты когда-нибудь заткнешься?!

Лазерный разряд прожег кабину и, прошив пространство в нескольких сантиметрах от их лиц, разбил боковое стекло со стороны Каминского.

Мотор грузовика вновь зашумел.

Машина рванулась вперед, и Джагди с силой отбросило на сиденье. Ударившись забинтованной рукой о край дверцы, она взревела от боли.

Не снимая ноги с педали газа, Каминский резко свернул влево. Большой грузовик ударился бортом в корпус какого-то сгоревшего автомобиля и легко отбросил его с дороги. Теперь отряд

Кровавого Пакта остался позади, и Каминский вел машину по боковой улице со скоростью почти сто километров в час.

— В вас попали? — спросил Каминский.

— Нет.

— Вы вскрикнули...

— В меня не попали.

— Я должен извиниться... Я накричал на вас.

— Не берите в голову.

— Да... похоже, теперь мы едем совсем не так, как планировали.

Тэда. Старый Квартал, 07.43

Недавняя бомбежка разрушила древние здания и многоквартирные дома по всей набережной канала, не пощадив даже старый мост Казергат. Однако храм каким-то чудесным образом все еще оставался невредимым. Не переставая чихать, Вилтри постарался быстро пройти сквозь клубы дыма и пыли, которыми были окутаны все прибрежные окрестности канала, и оказался у дверей церкви.

Он задержался у входа и поднял взгляд на уже знакомое ему изображение Бога-Императора.

— Узнаешь меня? — спросил летчик.

Вилтри распахнул дверь...

Его встретила почти пугающая тишина. Воздух внутри был чист, хотя и сюда проник запах дыма многочисленных пожаров, бушевавших в городе во время бомбардировки. Храм был пуст. Длинные скамьи, колонны из алебастра, слабый аромат камфары и ладана...

Вилтри медленно пошел вдоль рядов. Подошвы ботинок каждый раз поскрипывали, когда он ступал на мозаичный пол храма. Под его ногами мелькали многочисленные картины со святыми и демонами. Священники Министорума уже давно бежали из города.

Внезапно он остановился перед священной усыпальницей.

Перед ней на столике еще догорали три свечи. Только три...

— Бог-Император! — тяжело выдохнул Вилтри.

— Оскар!

Оскар Вилтри медленно повернулся.

Она сидела за колонной, в самом конце ряда, так что он раньше никак не мог ее увидеть. Она заметно дрожала в своем не по сезону легком пальто.

Он шагнул к ней в немом восторге, не зная, плакать ему или смеяться.

— Что ты здесь делаешь? — прошептал Вилтри.

— А куда бы еще я могла пойти? — ответила Бека Мейер. — Где бы ты еще меня стал искать?

Северные пригороды Тэды, 08.12

Выжимая из грузовика максимальную скорость, они вырвались из умирающего города и оказались в прилегающей к морю холмистой местности, где жилые дома были редки и разбросаны по всему побережью. Выглядывая из кабины, Джагди увидела, как вдали, за холмами, уже блеснула водная гладь.

— Каминский! Куда это мы едем? — спросила она.

— Не на базу, это уж точно. И не на эвакуационный пункт — эти сукины дети

заблокировали все проезды. Я тут придумал одну вещь...

— Какого рода?

— Такого рода, что вам очень не понравится, если это не сработает.

— Каминский!

— Я думаю, в этом есть смысл, — сказал Каминский. — Это тот случай, когда прагматичный взгляд может помочь найти неожиданное решение.

Они свернули под эстакаду и затем спустились по крутому склону холма, по дороге, ведущей между зданиями рыбоконсервного завода. Неожиданно Каминский свернул направо и вывел грузовик на въезд во внутренний двор, который находился за заводскими цехами.

Во дворе располагался целый ряд крытых ангаров из древесно-стружечных плит, повернутых в сторону самого края берегового утеса. Все ангары были окрашены в зеленый цвет. Чтобы войти в ближайший из них, нужно было отпереть сбоку большие металлические ворота. Они были закрыты на все замки и запоры.

— Вылезайте, командир, — сказал

водитель. Джагди вопросительно посмотрела на него.

— Я серьезно. Выходите.

Женщина вылезла из кабины и хлопнула дверцей.

Каминский дал задний ход и затем, используя грузовик как таран, въехал в тонкометаллические дверные листы ангара. Джагди даже поморщилась при ударе. Потащив за собой сбитую защитную решетку, грузовик отъехал назад и затем снова ударил в ворота.

— Во имя Трона, Каминский! — не выдержав такого зрелища, закричала Джагди.

После третьего удара листы подались в самом низу, частично вырванные из древесно-стружечной рамы. Каминский выпрыгнул из побитого грузовика.

— Пошли, — сказал он уверенным голосом.

Джагди поспешно подошла, и они, низко пригнувшись, чтобы не задеть свисающие сверху мятые металлические листы, проследовали внутрь ангара и

оказа лись в сыром, гулком помещении, где пахло соленой морской водой и гнилой фанерой.

— Ну и что, черт возьми, все это значит? — спросила летчица.

— Заткнись и иди за мной! — резко оборвал ее водитель.

Они медленно двинулись сквозь темное помещение. Каминский шел впереди. Джагди разглядела во тьме пусковые тележки, плотные заправочные шланги, стеллажи с инструментами... Тут она почувствовала в воздухе знакомый запах горючей смеси прометия.

Каминский открыл какой-то люк, и оттуда потоком полился дневной свет.

— Сюда, — сказал он и полез вниз.

Джагди подошла к люку и стала спускаться вслед за ним по металлической лестнице. Они очутились в нижней части ангара, целиком выстроенного из древес-но-стружечных плит. Настил простирался до самого края утеса, откуда открывался великолепный вид на бухту залива. Бледный свет заливал постройку через его открытую сторону. Далеко внизу

раздавался шум прибоя.

Прямо под ними, в тени перекрытий, стояли два «Циклона» Содружества, уже заведенные на пусковые установки в виде катапульт с паровым двигателем.

— Самолеты береговой охраны, — объяснил Каминский, продолжая спускаться и стуча тяжелыми ботинками по металлическим ступеням лестницы. — На них уже многие месяцы никто не летал, но я надеялся, что они все еще здесь.

— Боже мой, ничего себе! — ахнула Джагди, двигаясь следом.

Каминский подбежал к ближайшей машине, открыл кабину и заглянул внутрь:

— С электрикой все в порядке, но нужно заправить баки горючим и подкатить тележку с запалом зажигания.

Джагди подошла к нему сзади:

— И что теперь? Полетим на одном из них? Он посмотрел ей в глаза:

— Вот именно.

— Но мы не сможем... — начала Джагди.

— Конечно, сможем. Ты быстро разберешься с управлением. Это ведь всего

лишь «Циклон». Там все довольно просто, справился бы даже любитель.

Каминский побежал в хвост машины и открыл топливные баки. Он поднял валяющийся рядом заправочный шланг, протянутый от ближайшей цистерны, и подсоединил его, слегка замешкавшись из-за своей парализованной руки.

— Я не смогу управлять им, — уверенно сказала Джагди.

Каминский включил насос в цистерне, и заправочный шланг изогнулся и заходил ходуном, когда густая горючая смесь побежала под высоким давлением в чрево самолета.

— Я знаю, ты не привыкла к винтовым машинам, но эта действительно легка в управлении, клянусь тебе, — заявил он и бросился к установкам катапульт, которые стояли чуть сзади.

Август щелкнул несколькими тумблерами и включил зажигание. Затем он потянул какую-то рукоятку и, активировав паровые двигатели, привел в действие поршневой механизм

катапульты.

— Нет, Каминский, — сказала Джагди, впервые продемонстрировав ему забинтованную руку на перевязи. — Даже таким самолетом нужно управлять двумя руками. Дроссель и рычаг управления... Надеюсь, ты это помнишь, авиатор? Никакие силы космоса не смогут мне здесь помочь.

Каминский замер в изумлении.

— Да... Думаю, ты не сможешь, — согласился он наконец.

Он выглядел обескураженным.

— А вот ты сможешь! — неожиданно заявила Джагди.

— Я?! Да я признан негодным к полетам!

— Теперь, когда мы в таком дерьме, я не думаю, что это имеет какое-нибудь значение. Ты, кажется, хотел, чтобы мы были прагматиками, не так ли? Я — командир бригады, и я признаю тебя годным к полетам. Я имею все полномочия!

— Мне понадобится твоя помощь, — произнес Каминский неуверенно.

— Я в твоем распоряжении, располагай мной как хочешь, — согласилась летчица.

— Посмотри-ка на счетчик горючего.

Джагди заглянула в кабину. Стрелка счетчика едва сдвинулась с нулевой отметки.

— Очень медленно заправляется, — сказала она. — Как много времени это обычно занимает?

— Наверное, минут пятнадцать для полной заправки. Насосы не слишком мощные.

Тут Джагди сделала то, что неизменно делают все пилоты с первых лет авиации. Она склонилась над панелью приборов и постучала пальцами здоровой руки по циферблату счетчика. Как и всем другим пилотам с первых лет авиации, это ей ничего не дало.

Давление пара в катапульте нарастало. Джагди и Каминский сняли натянутые с двух сторон стальные тросы и подвесные ремни, удерживающие «Циклон» на месте.

— Ты можешь проверить панель

приборов? — спросил Каминский.

— Но ты лучше знаком с их расположением...

— Так-то оно так, но осталось кое-что еще, что мне нужно успеть сделать.

— Что?

— Архивные документы. Я думаю, мне их следует сжечь. Я не могу их просто так здесь оставить.

Я сделаю это, — сказала Джагди. — А ты пока закончишь подготовку к взлету.

— Ты уверена, что сможешь?

— Уверена. Сколько времени в нашем распоряжении?

Каминский сверился со своим хронометром, а затем перевел взгляд на счетчик горючего:

— Десять минут.

— Я управлюсь за пять, — пообещала она и быстрым шагом направилась к лестнице.

Август проверил показатели приборов пусковой катапульты. Давление уже достигло расчетной величины. Он отсоединил панель приборов и перевел управление катапультой на самолет,

затем подошел к цистерне с горючим. Насос, казалось, едва работал.

— Ну, давай же! — прошипел водитель.

У них совсем не было времени подыскивать ему замену и подсоединять другие шланги. Каминский забрался в крохотную кабину «Циклона».

Он налетал не одну сотню часов на подобных самолетах и теперь испытывал странное чувство, будто снова вернулся в прошлое. Август проверил электрику, уровень гликоля в горючем, приборы радиатора. Затем, чтобы оценить дифферент, высунулся из кабины и, обернувшись, проследил, как функционируют элероны и хвостовой стабилизатор, отвечая на повороты рычага и руля направления.

— Теперь дело за тобой, Джагди, — тихо прошептал Каминский и посмотрел на счетчик горючего.

Уровень в топливных баках был еще очень низок.

— И за тобой, насос, — добавил он чуть погодя.

На верхнем этаже ангара Джагди

снова оказалась в кромешной темноте и, действуя почти на ощупь, нашла какую-то канистру. Она наполнила ее жидким прометием, зачерпнув из одной из цистерн, расположенных на специальных тележках. Сделать все это одной рукой было совсем не просто. Единственный свет поступал из пробитой грузовиком помятой двери. Взяв тяжелую канистру в правую руку, она прошла к выходу и, пригнувшись, вылезла наружу.

Несколько бумажных листов, выбившись из груды упаковок, сложенных в кузове грузовика, свободно трепались на ветру. Джагди осторожно установила измазанную прометием канистру на задник кузова, а затем и сама запрыгнула туда.

Она принялась поливать горючим коробки с архивными документами. Это потребовало немалых усилий. При выполнении этой тупой и утомительной работы ей несколько раз пришлось опустить канистру вниз, чтобы перевести дух.

Тут до нее донесся какой-то

незнакомый дребезжащий звук.

Бри снова принялась за дело, стараясь полить горючим всю кипу документов. Когда, закончив, она спрыгнула на землю, ее больную руку так кольнуло, что пришлось закусить губу, чтобы не закричать. Остатки прометия в канистре летчица вылила на кабину.

Опять этот звук. Только теперь не столько дребезжание, сколько постукивание. Словно стучали стальные поршни.

Она посмотрела на хронометр. С тех пор как она ушла, прошло уже пять минут. Теперь нужно было поджигать. Джагди выругала себя за то, что не продумала все заранее.

Она побежала назад в ангар и принялась искать во тьме что-то, чем можно было поджечь пропитанные горючим бумаги. Она опрокидывала коробки с инструментами, переворачивала вверх дном выдвижные ящики в надежде найти хоть что-нибудь. Хоть что-то...

Ничего.

Тяжело дыша, Бри сделала шаг назад.

Вдруг она разглядела, что за стеклом настенного стеллажа, прямо на древесно-стружечной стене ангара, висит сигнальная ракетница. Женщина нашла гаечный ключ на десять и сильным ударом снесла со стены застекленную коробку.

Старая, еще гладкоствольная сигнальная ракетница уже начала покрываться ржавчиной. Джагди раскрыла пистолет и стала лихорадочно искать подходящий патрон.

Опять этот шум. Тарах-тах-тах, тарах-тах-тах. Все громче и громче.

Она зарядила ракетницу, закрыла затвор, снова выскочила из ангара, прицелилась в грузовик Каминского и...

...в нерешительности опустила ракетницу.

Джагди отошла на несколько шагов в сторону и прицелилась еще раз.

Раздался выстрел.

Раскаленная добела ракета с шипением вырвалась из дула и, ударив в борт транспорта, срикошетила высоко в воздух, где рассыпалась ослепительными зелеными искрами.

— Черт! — вскричала Джагди и бросилась в ангар за патронами.

Между тем механический шум все усиливался.

Она нашла новый ракетный патрон, а еще один на всякий случай сунула за ремень. На ходу заряжая ракетницу, летчица снова выбежала наружу.

Первая ракета уже понемногу стала затухать. Джагди снова подняла сигнальный пистолет...

В этот момент в поле ее зрения справа появился легкий танк-разведчик.

Окрашенный в ярко-красный цвет, он показался у въезда во внутренний двор. Вращая орудийными башнями, машина теперь быстро приближалась по подъездной дороге, вероятно стремясь обнаружить тех, кто запустил сигнальную ракету.

Механический звук «тарах-тах-тах, тарах-тах-тах» он издавал своими гусеницами.

За ним, с оружием наперевес, бежали отряды пехотинцев Кровавого Пакта.

Джагди повторно выстрелила.

Сигнальная ракета попала в коробки с документацией, и в одно мгновение весь грузовик охватило всепожирающее пламя.

Тепловая волна свалила летчицу на землю.

Не сбавляя хода, танк начал стрелять. Его тяжелые лазерные орудия вздрогнули и изрыгнули молнии, когда он дал залп по подсобным постройкам.

Джагди поднялась с земли и бросилась к проломленным воротам ангара. Оказавшись внутри, она бежала не останавливаясь и в темноте налетела бедром на тележку для боеприпасов. Женщина вскрикнула и втянула голову в плечи, когда позади нее яростные залпы легкого танка пробили древесно-стружечные стены и через рваные дыры в ангар хлынули потоки света. Воздух наполнили клубы стружки и пепла.

Джагди прыгнула в люк и по металлической лестнице быстро спустилась на нижний уровень.

— Нам нужно улетать! Немедленно! — бросила она Каминскому.

— Но мы еще не до конца

заправились! — воскликнул шофер, выглядывая из открытой кабины.

— Срочно! — последовал резкий ответ.

Джагди подбежала к цистерне, отключила насос и, вернувшись к самолету, стала торопливо отсоединять заправочный шланг.

— Немедленно заводи моторы! — настаивала она.

— Я еще не подсоединил запал зажигания!.. — в замешательстве крикнул Каминский.

— Нет времени! Заводи — и все!

Бывший пилот нажал кнопку запуска. Левый двигатель заурчал, закрутил лопастями и через несколько мгновений уже заработал на полную мощь, выбрасывая из выхлопных сопел струи синего дыма.

Правый двигатель тоже завелся, но почти тут же заглох.

Джагди забралась в кабину.

— Ну, давай! — поторопила она водителя, слыша, как у них над головой трещат лазерные разряды.

— Стараюсь! — отозвался Каминский,

стараясь перекричать рев единственного работающего двигателя.

Он отключил правую энергобатарею, слегка приоткрыл дроссель и пустил газ.

— У нас совсем немного времени, — напомнила ему Джагди.

Она захлопнула дверцу и затянула ремни.

Каминский вновь включил правый двигатель. Тот не запустился. Он попробовал еще. Двигатель лишь чихнул. Еще раз...

В этот раз сработало. Пропеллер загудел, бешено вращая лопастями. Оба ощутили вибрацию в корпусе.

— Все отлично, ты — молодцы! — воскликнула Джагди.

Сидящий в кресле пилота Каминский как будто окаменел.

— С тобой все в порядке? — спросила летчица.

— Это... Это было так давно. Я не думал, что я когда-нибудь снова...

— Слушай, Каминский, а не заткнулся бы ты? У нас ведь совсем нет времени на душевные излияния.

— Ты права. Конечно.

Джагди нажала несколько кнопок:

— Давление пусковой установки в норме. Электрика включена. Вооружение в полной готовности.

— Пропеллеры работают на полную мощность, — добавил Каминский.

— Ну так что... летим? — спросила она с улыбкой. Густой дым из двигателей уже заполнил ангар.

— Джагди...

— Что?

— Помоги мне. Помоги мне положить руку на рычаг.

— Конечно. Извини.

Женщина склонилась над ним и положила его ручной протез на рычаг управления.

Второй своей рукой шофер со знанием дела регулировал сдвоенные дроссели.

— Теперь мне нужно, чтобы ты отключила сцепление, — попросил он.

— Хорошо. Готов?

— Нет, но все равно сделай это, — твердым голосом сказал Август Каминский.

Джагди нажала кнопку. Паровая катапульта выстрелила и с чудовищной силой выбросила их «Циклон» из ангара. В первую секунду машина начала падать, но Каминский сначала осторожно выровнял ее движение, а затем, открыв дроссели, перевел самолет в быстрый подъем, после чего дельтовидные крылья плавно понесли его над побережьем.

Джагди услышала мерный ритм вращения винтов и довольно улыбнулась.

— Как ощущения, мистер? — спросила она.

С лица Каминского не сходила блаженная улыбка.

— Как домой вернулся. Ты подожгла той грузовик?

— Как обещала.

Он набрал высоту и на вираже развернул самолет на восток.

— Ровно ведешь, — заметила Джагди.

— Мастерство не пропьешь! — отозвался Каминский, все еще широко улыбаясь.

Они уже поднялись почти до тысячи метров, когда из устаревших систем

обнаружения «Циклона» вдруг донесся сигнал предупреждения.

— Кто-то преследует нас! — воскликнула Джагди.

— Где? Я не вижу его!

— Не знаю! Что показывает ауспекс?

— Эту птичку не оборудовали ауспексом!

— Вот хрень!

Джагди вытянулась на сиденье и чуть не свернула себе шею, осматривая небо из каплевидной капсулы «Циклона».

— «Саранча»! На одиннадцать часов! — крикнула она.

Мелькнувшая в небе ярко-красная «летучая мышь» стремительно пикировала на них, выбрасывая пламя из орудийных гнезд. Каминский, ни слова не говоря, бросил «Циклон» в самоубийственный вираж.

— Каминский! Каминский!

— Заткнись, женщина! Очень тебя об этом прошу!

Море стремительно надвинулось на них, но в последний момент Август открыл дроссели и вывел самолет из

крутого пике.

— Ор-рудия к бою, — произнес он, запинаясь.

— А-а! — вырвалось у Джагди, когда многократные перегрузки отбросили ее на спинку летного кресла. — Что ты сказал?

— Орудия к бою, Джагди, черт тебя побери совсем! Я же не могу нажать кнопку активации орудий! У меня нет большого пальца! Придется уж тебе сделать это.

Кровь отлила у нее от головы. Преодолевая центробежную силу в круто взмывающем «Циклоне», Джагди с трудом приподнялась в кресле. Она обхватила своей рукой ладонь холодного ручного протеза на рычаге управления.

— Скажи мне когда!

— Подожди!

Каминский направил «Циклон» почти вертикально вверх, а затем вдруг резко замедлил движение, так что преследовавшая их «Саранча» скользнула под ними.

— Как, черт возьми, тебе это удалось? — воскликнула Джагди. — Ты переиграл самолет с отклоняемым

вектором тяги!

— Заткнись и стреляй, разрази тебя гром! — взревел Каминский. — Огонь! Огонь! Огонь!

Он круто развернул машину, и Джагди неожиданно для себя услышала ласкающий слух сигнал о захвате цели. Она тут же сжала вцепившийся в рычаг управления протез — холодную пластековую ладонь Каминского.

Тонкие языки пламени как молнии вырвались из орудийных гнезд «Циклона». Вражеская «Саранча» круто взмыла и.....вдруг сразу вспыхнула и разлетелась на части.

— Отправляйся в ад! — не помня себя от восторга, закричала Джагди.

— Я его сделал, — чуть слышно прошептал Каминский.

— Да, ты его сделал, — сказала Бри, когда Август, закладывая вираж, разворачивал самолет на восток. — Ты чертовски хорошо с ним управился.

Операции противодействия

Студеные острова

773. M41 по имперскому летоисчислению, дни 267-269

День 267

Остров Люцерна. Местная ВВ, 12.30

Так и не снял своего летного костюма после очередного вылета, Марквол дремал в кресле, когда по вырубленным в скалах коридорам и глубоко спрятанным взлетно-посадочным площадкам авиабазы пронеслись пронзительные сигналы тревоги. Он тут же вскочил с кресла, схватил шлем и, выбежав из комнаты распределения, быстро спустился по узкому трапу на камне-бетонную платформу ангара. Вскоре к нему присоединились Зеттик и Ранфре, а затем и Ван Тул, который теперь едва поспевал за своими товарищами. Когда Ван Тул улетал из Тэды, один из зенитных снарядов, попав в его кабину, повредил шланг подачи дыхательной смеси, из-за чего произошел непроизвольный выброс углекислоты в маску. К моменту, когда его самолет наконец достиг Люцерны, у Ван Тула уже проявились все симптомы начальных

стадий гипоксии, и он едва сумел приземлиться.

Марквол замедлил шаг, пропустив вперед Земмика и Ранфре.

— Ты в порядке? — спросил Макрвол.

— На четыре-А, — ответил старший пилот.

Судя по его словам, он уже пошел на поправку, если только это не говорилось лишь для того, чтобы успокоить встревоженных друзей. Как бы то ни было, у него все еще кровоточили нос и десны, и он, как чахоточный, все время прикладывал к лицу сложенный вчетверо носовой платок.

— Уверен?

— Дайте мне только подняться в небо, и у меня тут же все пройдет, — сказал Ван Тул тоном, не терпящим возражений.

Быстрым шагом они прошли по каменному полу на жесткое посадочное покрытие. Все площадки и помещения авиабазы были вырублены в скальных породах острова. Для звена «Умбра» выделили ангар номер три — гигантскую

прямоугольную пещеру, все своды и дно которой были выровнены профессиональными каменотесами. Оба выхода из пещеры, северный и южный, смотрели в небо.

«Громовые стрелы» звена «Умбра», выстроившись в три ряда кабинами на юг, казалось, уже ждали своих пилотов. Команды механиков отсоединяли сейчас от самолетов последние электрокабели и заправочные шланги, а гудящие платформы подъемников опускали уже разгруженные вагонетки для боеприпасов на нижние уровни пещеры.

Кордиаль и Дель Рут давно поджидали товарищей у своих машин. Из глубины ангара на шершавое посадочное покрытие выбежал Бланшер и на ходу стал громко зачитывать отпечатанный текст задания Командного Центра.

— Прикрытие с воздуха, обеспечение безопасной эвакуации! — выкрикнул он. — Вылет немедленно, курс — шесть-девять-два, рекомендуемая высота — не выше двух тысяч.

Нестройным хором голосов летчики

подтвердили получение приказа и, все как один, запрыгнули в кабины. У каждого самолета дежурил свой механик, который, убедившись, что его пилот удобно устроился в кресле, тут же закрыл кабину и дал сигнал помощнику, отвечающему за запал зажигания, начать запуск, как только он сам спрыгнет с крыла.

Установленные на тележках запалы вспыхнули, и двигатели «Громовых стрел» зашумели. Всего за несколько секунд их гул, многократно отражаясь от стен в замкнутом пространстве пещеры, заглушил пронзительные звуки сирены. Наземные служащие аэродрома в специальных очках и ушных протекторах заняли свои места перед строем самолетов и дали направляющий сигнал светящимися регулировочными жезлами. Сигнал на взлет.

В первом ряду находились самолеты Бланшера и Ранфре; во втором, позади них, — Марквола, Кордиаля и Дель Рут; третий состоял из «Громовых стрел» Ван Тула и Земмика. Как всегда, слегка покачиваясь при отрыве от земли, звено

поднялось в воздух почти одновременно. Главный дежурный аэродрома резким взмахом свел вместе оба светящихся жезла и направил их в сторону движения самолетов. Затем он упал на одно колено и пригнулся, обхватив голову руками, тогда как ряды «Стрел» один за другим проносились над ним, покидая взлетную площадку.

Вылетев из огромных прямоугольных ворот ангара, прорубленных в отвесной стене утеса, строй боевых самолетов устремился в открытое небо. В двухстах метрах под ними, разбиваясь о скалы, вовсю бушевали морские волны. Все семь машин начали плавно производить разворот, ложась на заданный им курс.

Облачность была две десятых, и небо, лишь слегка подернутое тонкой прозрачной пеленой, имело зеленовато-голубой оттенок. Море же было сейчас куда более интенсивного зеленого цвета. Очень скоро остров Люцерна — скалистое гранитное плато, выступающее из волн, — остался позади, и из кабины самолета Марквол смог разглядеть на его вершине,

среди острых утесов, Умело размещенные системы противовоздушной обороны. Еще два звена «Громовых стрел», вылетев из воротдругих ангаров авиабазы, взяли сходный с ними курс. Внизу можно было также увидеть огромные количества кораблей и грузовых барж, причаливших к пирсам острова за последние двенадцать часов.

Между тем истребители «Умбры» плавно набирали высоту. Марквол осторожно отрегулировал поступление азота в дыхательную смесь. Сейчас он внимательно наблюдал за построением окружающих его самолетов и время от времени просматривал данные ауспекса о движении других бригад, которые летели чуть ниже и позади них. С этой высоты можно было уже окинуть взглядом всю гряду Студеных островов — целый архипелаг розовых атоллов, которые были разбросаны по огромной акватории в восточной части Зофонианского моря, занимающей площадь около семисот тысяч квадратных километров. К крупнейшим из них, таким как Люцерна,

который имел авиабазы и порты, теперь направлялось большинство самолетов, морских транспортов и грузовых барж, бегущих из Тзды.

Марквол видел, как далеко внизу по усеянному островками морю тысячи кораблей разного типа и водоизмещения на всех парах движутся на восток, в направлении надежных гаваней островной гряды. Аус-пекс также не переставал сообщать о новых и новых обнаруженных в небе самолетах. Некоторые имперские транспорты все еще улетали с материка, но в основном активность в небе проявляли бригады Космического Флота, которые поднимались в воздух со своих новых баз на островах, чтобы охранять морские конвои или охотиться за отдельными авиагруппами Архенеми, уже вовсю хозяйничающими в небе над архипелагом. Марквол заметил несколько больших воздушных сражений, одно из которых происходило в двенадцати километрах к югу, а другое, более значительное, — в девятнадцати километрах к юго-западу. Кроме того, на востоке сейчас

осуществлялся перехват группы бомбардировщиков, а еще один серьез ный бой шел на довольно низкой высоте, почти над самыми островами.

На фоне чистого неба и сверкающей морской глади южный горизонт казался грязной черной полосой. Облака дыма, словно тлетворное дыхание смерти и разрушения, окутали тэдианское побережье на многие сотни километров. Куда бы ни входили армии Архенеми, на всех захваченных территориях они оставляли за собой этот грязный след.

Бланшер призвал всех удвоить внимание. Они уже приближались к намеченной цели. Конвой из тридцати семи грузовых барж и PNBT шел из Сан-Крайза по одному из проливов между островами архипелага, подвергаясь непрерывным атакам штурмовиков противника.

— В кратком инструктаже говорили о тридцати шести «летучих мышах», — передал по воксу Бланшер.

— Визуально наблюдаю конвой, — сообщил Ранфре.

— Вас понял.

Теперь сквозь пелену облаков уже можно было невооруженным глазом видеть могучие грузовые суда конвоя. Некоторые из них оставляли за собой в воздухе грязные выхлопы из турбин, тогда как из труб других вверх устремлялись конусы белого и черного дыма.

— Мой ауспекс обнаружил самолеты противника, — сообщила Дель Рут. — Две группы. Одна барражирует на высоте шесть тысяч, другая значительно ниже — пересекает курс конвоя.

Марквол сверил эти данные с показаниями на экране своего ауспекса и не нашел существенных различий. Многочисленные летающие объекты кружили около плывущих кораблей, как мухи над открытой раной. Теперь он даже мог наблюдать их визуально: крошечные точки сновали над морем, время от времени отбрасывая в глаза наблюдателю ослепительные солнечные лучи.

Ведущий «Умбры» вызывает другие звенья. Согласно данным ауспекса, находящаяся на большой высоте авиагруппа

противника готовится произвести вторую волну атаки. В то же время они могут осуществлять прикрытие сверху своей первой штурмовой группы. Ввиду вышесказанного предлагаю следующий план действий: звенья «Умбра» и «Сабля» атакуют штурмовики, звено «Кобальт» остается на прежней высоте и следит за действиями истребителей противника.

Предложенное разделение было вполне обоснованно. Звено «Сабля», находящееся в составе Триста тридцать третьей бригады Космического Флота, уже успело потерять четыре самолета и в этом смысле, как и «Умбра», было недоукомплектовано. С другой стороны, «Кобальт», также из Триста тридцать третьей, сохранил все свои двенадцать машин.

— «Умбра», говорит ведущий «Кобальта». Предложенный план принят.

— Ведущий «Умбры», звено «Сабля» следует вашим указаниям.

— Пикируем и атакуем! — приказал Бланшер.

Оба звена устремились вниз. Весь их

боевой строй, от первого до последнего ряда, был брошен в классическую волновую атаку. Марквол всеми силами старался сохранить ровное дыхание, когда их машины вошли в ускоренное пике. Он включил систему наведения и активировал автоматический прицел орудий. Теперь истребитель был готов к бою. На этот раз для атаки Марквол выбрал лазерные пушки.

Сверкающая водная поверхность приближалась с пугающей быстротой.

Он уже видел черные силуэты кораблей конвоя, оставляющие за собой в кильватере широкий расходящийся след белой пены, а также высокие тонкие выбросы воды после разрывов снарядов и бомб, которые дождем сыпались на морскую гладь. И кругом были «летучие мыши»... Все время держась на высоте бреющего полета, они молниями проносились над судами конвоя, залетая то справа, то слева и атакуя их ракетами и орудийным огнем.

Штурмовая группа противника состояла из «Адских когтей», окрашенных в

разные оттенки красного, черного и кораллово-розового цветов.

«Громовые стрелы» стремительно ворвались в самую их гущу. В первую секунду вокруг кабины Марквола замелькали самолеты, трассирующие очереди, всполохи взрывов. Он слегка потянул на себя рычаг управления и выровнял положение своего Девять-Девять. Мимо, в направлении одной из барж, пронесся какой-то «Коготь», и пилот, развернувшись на вираже, тут же устремился за ним в погоню.

«Коготь» выпустил пулеметную очередь, вспоров воду в направлении баржи. Марквол тоже открыл огонь. Он промахнулся, и самолет противника сразу метнулся вправо, стараясь выйти из зоны его обстрела.

Юному пилоту не удалось развернуться так же быстро, и, проскочив густые облака дыма, поднимающиеся с палубы баржи, он повернул свою машину только для того, чтобы увидеть, как ускользнувший от него «Коготь» с бешеной скоростью набирает высоту. Ему ничего

больше не оставалось, кроме как с опозданием повторить этот маневр.

Две «Громовых стрелы», окрашенные в боевые синие цвета Триста тридцать третьей бригады, пулей пронеслись мимо, преследуя вражеские самолеты. Затем уже красный «Коготь» зашел на атаку, и Маркволу пришлось резко уходить в сторону, чтобы избежать огня его орудий. Сразу несколько лазерных молний, извиваясь, как вымпелы на ветру, прошли рядом с кончиком его правого крыла. Юноша снова развернул машину и вдруг увидел, как прямо под ним проносится еще один «Коготь», на этот раз черного цвета. Он среагировал мгновенно, положив самолет на «спину» и бросив его вниз так, чтобы оказаться точно на хвосте. Ведущий «Умбры» вызывает другие звенья. Согласно данным ауспекса, находящаяся на большой высоте авиагруппа противника готовится произвести вторую волну атаки. В то же время они могут осуществлять прикрытие сверху своей первой штурмовой группы.

Ввиду вышесказанного предлагаю

следующий план действий: звенья «Умбра» и «Сабля» атакуют штурмовики, звено «Кобальт» остается на прежней высоте и следит за действиями истребителей противника.

Предложенное разделение было вполне обоснованно. Звено «Сабля», находящееся в составе Триста тридцать третьей бригады Космического флота, уже успело потерять четыре самолета и в этом смысле, как и «Умбра», было недоукомплектовано. С другой стороны, «Кобальт», также из Триста тридцать третьей, сохранил все свои двенадцать машин.

— «Умбра», говорит ведущий «Кобальта». Предложенный план принят.

— Ведущий «Умбры», звено «Сабля» следует вашим указаниям.

— Пикируем и атакуем! — приказал Бланшер.

Оба звена устремились вниз. Весь их боевой строй, от первого до последнего ряда, был брошен в классическую волновую атаку. Марквол всеми силами старался сохранить ровное дыхание, когда их

машины вошли в ускоренное пике. Он включил систему наведения и активировал автоматический прицел орудий. Теперь истребитель был готов к бою. На этот раз для атаки Марквол выбрал лазерные пушки.

Сверкающая водная поверхность приближалась с пугающей быстротой.

Он уже видел черные силуэты кораблей конвоя, оставляющие за собой в кильватере широкий расходящийся след белой пены, а также высокие тонкие выбросы воды после разрывов снарядов и бомб, которые дождем сыпались на морскую гладь. И кругом были «летучие мыши»... Все время держась на высоте бреющего полета, они молниями проносились над судами конвоя, залетая то справа, то слева и атакуя их ракетами и орудийным огнем.

Штурмовая группа противника состояла из «Адских когтей», окрашенных в разные оттенки красного, черного и кораллово-розового цветов.

«Громовые стрелы» стремительно ворвались в самую их гущу В первую

секунду вокруг кабины Марквола замелькали самолеты, трассирующие очереди, всполохи взрывов. Он слегка потянул на себя рычаг управления и выровнял положение своего Девять-Девять. Мимо, в направлении одной из барж, пронесся какой-то «Коготь», и пилот, развернувшись на вираже, тут же устремился за ним в погоню.

«Коготь» выпустил пулеметную очередь, вспоров воду в направлении баржи. Марквол тоже открыл огонь. Он промахнулся, и самолет противника сразу метнулся вправо, стараясь выйти из зоны его обстрела.

Юному пилоту не удалось развернуться так же быстро, и, проскочив густые облака дыма, поднимающиеся с палубы баржи, он повернул свою машину только для того, чтобы увидеть, как ускользнувший от него «Коготь» с бешеной скоростью набирает высоту. Ему ничего больше не оставалось, кроме как с опозданием повторить этот маневр.

Две «Громовых стрелы», окрашенные в боевые синие цвета Триста тридцать

третьей бригады, пулей пронеслись мимо, преследуя вражеские самолеты. Затем уже красный «Коготь» зашел на атаку, и Маркволу пришлось резко уходить в сторону, чтобы избежать огня его орудий. Сразу несколько лазерных молний, извиваясь, как вымпелы на ветру, прошли рядом с кончиком его правого крыла. Юноша снова развернул машину и вдруг увидел, как прямо под ним проносится еще один «Коготь», на этот раз черного цвета. Он среагировал мгновенно, положив самолет на «спину» и бросив его вниз так, чтобы оказаться точно на хвосту врага. Пилот «летучей мыши» попробовал было оторваться, но Марквол точно приклеился, внимательно следя за поворотами сопел, которые всегда предшествовали боковым скачкам «Когтей». Как тот ни маневрировал, совершая рывки вправо и влево, имперская «Громовая стрела» не отставала от него ни на секунду. Наконец в кабине Марквола прозвучал сигнал захвата цели, но не успел он открыть огонь, как два каких-то самолета столь стремительно пронеслись

мимо в противоположном направлении, что он даже не успел определить их принадлежность. Они пролетели так близко, что от их мощного реактивного выхлопа «Громовую стрелу» отнесло в сторону.

Пришлось открыть дроссели и добавить газу, так как «Коготь» за эти несколько мгновений все же сумел слегка оторваться. Вражеский пилот попробовал уйти в сторону, но Марквол уже снова был у него на хвосте. Второй раз поступило сообщение от системы наведения, и на этот раз он выстрелил.

Один из снарядов достиг цели. В стороны полетели куски мятой стальной обшивки. И все же этот самолет еще нельзя было записать в счет побед. «Коготь» взмыл ввысь, словно в отчаянии набирая скорость.

— Врешь, не уйдешь... — прошептал Марквол.

Неожиданно небо вокруг его кабины вспыхнуло.

Снопы лазерных разрядов огненным дождем посыпались вокруг «Громовой

стрелы».

— Звено «Умбра», немедленно рассыпайтесь! Эти сукины дети уже над нами!

Это был голос Бланшера. Марквол бросил самолет вверх и каким-то невероятным образом ушел из-под ураганного огня, не понеся для себя никаких потерь.

— Звено «Умбра», звено «Умбра»! «Летучие мыши» на одиннадцать часов! Резко вверх — и не жалеем газа, ребята!

Марквол растерянно оглянулся и обнаружил, что не менее двадцати «Адских бритв» пикируют на них и вступают в сражение. Или звено «Кобальт» совершенно не справилось с заданием, пропустив атаку, или противник ввел в бой совсем свежие силы.

Испытывая жестокие перегрузки, Марквол стал быстро набирать высоту. Он потерял из виду тот черный «Коготь» и теперь в досаде проклинал свою судьбу. Он ведь почти уже сбил его!

Тут юноша увидел, как вниз пикирует Земляк. Вся носовая часть его

самолета буквально светилась от бесчисленных пулеметных очередей, которые он выпускал вдогонку «Когтю». Тот вдруг закрутился волчком и, выбрасывая из себя фонтаны какой-то жидкости, вероятно охлаждающей эмульсии, камнем упал в море.

Описав в небе большую петлю, Марквол увидел, как две зеленые «Бритвы» закладывают широкий вираж, готовясь атаковать одну из барж конвоя. Зная, что стоит ему сейчас повернуть куда-нибудь в сторону, как они тут же окажутся у него на хвосте, юный пилот решился на отчаянную фронтальную атаку. Скорость сближения была чудовищной. Казалось, самолеты сойдутся лоб в лоб. Марквол открыл огонь и увидел, как в ответ вылетело несколько трассирующих очередей. «Бритвы» промелькнули мимо. Он так и не узнал, попал ли он хоть в одну из них.

К западу от него терпела крушение какая-то «Громовая стрела». Похоже, там загорелся один из двигателей, и теперь, выписывая в небе длинную дугу, имперский

самолет медленно, но неуклонно терял высоту. В тот момент, когда он достиг водной поверхности, короткая вспышка белого света озарила окрестности.

Марквол бросил взгляд направо. Там Дель Рут и Ранфре оказались втянуты в головокружительную воздушную акробатику с тремя «Бритвами». Каждая машина старалась поскорее вырваться из-под другой и с помощью какого-нибудь хитрого маневра оказаться по отношению к противнику на шесть часов. Ранфре стрелял не переставая, и один раз выбранная им жертва метнулась в сторону так резко, что невзначай протаранила дружественный самолет. Налетевшие друг на друга машины мгновенно взорвались в воздухе. Рванувшись кто куда, Дель Рут и Ранфре стали искать другие цели, а уцелевшая «летучая мышь» поспешила поскорее убраться.

Не теряя времени, Марквол тут же бросился в погоню. Он зашел к «Бритве» на семь часов и выпустил по ней одну за другой две пулеметные очереди. «Летучая мышь» стремительно пошла вниз, и юноша

подумал, что его выстрелы достигли цели, но оказалось, что вражеский самолет лишь включил сопла векторной тяги, чтобы оказаться у него на хвосте. Бортовой номер Девять-Девять встряхнуло и даже подбросило, когда его настиг один из снарядов противника. Действуя почти машинально, Марквол резко развернул самолет, и атакующая «летучая мышь» молнией пронеслась мимо.

— «Умбра Восемь», вы в порядке?

Марквол взглянул на приборную панель. Ни одна из сигнальных лампочек предупреждения не загорелась.

— Говорит Восьмой. Я в порядке.

— Восьмой, говорит ведущий. Из вашего самолета что-то вытекает. Полагаю, жидкостное охлаждение. Выходите из боя и немедленно летите на базу. Как поняли? Прием...

Уныние вновь охватило Марквола.

— Вас понял, ведущий. Выхожу из боя.

Только подлетая к Люцерне, Марквол ощутил последствия повреждений, полученных в бою его «Двуглавым орлом». Ориентируясь лишь на транспондер-ный

сигнал аэродрома, он аккуратно зашел на посадку и, влетев в северные ворота ангара номер три, благополучно приземлил машину.

Рэкли помог ему выбраться из кабины. Голова главного механика была забинтована. Транспортный само лет, который забрал его из Тэды, по дороге был атакован, и его слегка задело шрапнелью.

Они осмотрели Девять-Девять и оценили последствия попадания снаряда.

— Повреждения в основном поверхностные, — сказал Рэкли, — но выведена из строя система охлаждения.

— Однако это не было отражено на панели приборов.

— Иногда такое случается, сэр. Но я на всякий случай проверю индикатор возможных неисправностей. Надеюсь, вас можно поздравить?

— Нет, — ответил Марквол. У него не хватило духу признаться, что он два раза выходил на убойную позицию и оба раза бездарно упустил противника. — Все никак не избавлюсь от этого чертова проклятия.

Остров Люцерна. Регистрационный отдел Мунитория, 16.30

— Попросту говоря, вас не должно быть в живых, — задумчиво произнес сениор Мунитория.

— Я, конечно, не хочу с вами спорить... — начал было Вилтри.

— Не беспокойтесь, — перебил его старшина. — Я попробую еще раз залезть в наш банк данных. Не могли бы вы проверить исходную информацию, как я ее записал с ваших слов?

Вилтри просмотрел планшет и передал его обратно:

— Все правильно.

Сениор Мунитория вновь принялся вводить специальные коды в громадный когитатор с медными рычагами, занимающий центральное место в приемной регистрационного отдела. Вдоль стены стоял большой стеллаж с расположенными в алфавитном порядке ячейками, и сотрудники регистратуры, одетые в стандартную униформу, каждый раз, заходя в комнату, доставали оттуда

или, наоборот, закладывали обратно интересующие их планшеты с информацией. Вилтри оглянулся на человека в дверях и виновато пожал плечами. Тот стоял во главе огромной, медленно текущей очереди, которая растянулась по длинному коридору здания Муниторума и доходила аж до нижних пролетов лестницы. Прежде чем попасть на прием, Вилтри пришлось простоять в ней не менее двух часов.

Давно не мытые окна приемной выходили на один из гигантских доков Люцерны. Несмотря на дневное время, он освещался холодным искусственным светом синих сферических фонарей, так как находился в исполинской морской пещере, окруженной со всех сторон нависающими скалами острова. Сейчас оттуда доносился обычный портовый шум: гремели подъемники, кричали грузчики... Все причалы были забиты грузовыми баржами, из которых выходили сотни людей; выгружались машины, оборудование, ящики с боеприпасами...

— Опять все то же самое, — сказал

сениор. — Вилтри Оскар... Вместе со всем своим экипажем погиб на задании в двести шестидесятый день... Боюсь, что согласно архивным документам вас все же не должно существовать.

— Но я существую! — взорвался Вилтри.

— Успокойтесь. Должен вам признаться, у нас теперь тут всякое случается. Война, знаете ли, не очень способствует поддержанию архивов в надлежащем состоянии. А уж после эвакуации с Полуострова... Да достаточно сказать, что безвозвратно утеряны или приведены в полный беспорядок целые секции архивной документации. Вы ведь прилетели сюда не со своей частью, не так ли?

Вилтри тяжело вздохнул. Это было уже в четвертый раз. В первый ему пришлось рассказывать всю историю управляющему пристанью. Во второй — младшему чиновнику из флигеля на первом этаже, который отвечал за снабжение и распределение продуктовых пайков и предметов первой необходимости

среди тысяч прибывающих на остров беженцев. А третий — этому самому сениору, который, видимо, уже успел все позабыть.

— Я неделю не участвую в боевых операциях, с тех пор как мой самолет был сбит над пустыней. Вместе с отступающей колонной я достиг побережья, а затем на попутках добрался до Тэды. Там я сел на баржу. Выбирать не приходилось. Палуба была битком набита беженцами... Со мной была женщина.

— Ваша жена?

— Нет...

— Невеста?

— Нет, сэр...

— Так что же вас связывает?

Вилтри пожал плечами:

— Ну, мы вместе выезжали из города. Она, так же как и я, не могла там оставаться. Кровавый Пакт был повсюду. Не мог же я ее бросить. Да я и не собирался бросать.

— И где она теперь?

— Она пошла в регистрационный отдел для гражданских перемещенных

лиц. Меня же направили сюда, в военный отдел. Я надеюсь, она сможет тут у вас найти себе безопасный приют.

— Уверен, с ней все будет хорошо.

Вилтри прокашлялся:

— Сэр, все, что я сейчас хочу, — это поскорее прибыть в расположение моей бригады. Но я ничего не знаю об их новой дислокации.

— Э-э... боюсь, что это не здесь, не на Люцерне. Вообще-то, я не могу вам точно сказать, где именно располагается сейчас «Фантин XX». У нас столько пробелов в документации!

— Но не могли бы вы, по крайней мере, внести исправления в ваш банк данных? — спросил Вилтри.

— Сожалею, но все не так просто. Если в официальных документах сказано, что вас нет в живых, я не уполномочен оспаривать это. Самое большее, что я могу сделать, — это зарегистрировать ваш случай как ожидающий решения.

— И что это значит?

— А это значит, что через меня сейчас проходят тысячи людей, которых я

должен распределить и направить на новое место службы, причем так быстро, как только возможно, и поэтому я не могу себе позволить потратить несколько лишних часов на исправление закрытой информации в нашем банке данных.

Сениор Мунитору взял в руку стилус и, заполнив какую-то бумажную квитанцию, поставил на ней несколько печатей.

— Вот вам временная справка о регистрации. Это означает, что вы получаете официальное разрешение на пребывание на нашей базе со всеми правами, которые имеют ее обитатели. Такими как право на получение площади для временного проживания, право на получение нормированного продуктового пайка и так далее и тому подобное.

Вилтри пробежал глазами справку:

— На ней даже нет моего имени. И служебного номера нет.

— Конечно нет. Если бы я зарегистрировал вас под вашим именем или служебным номером, наша система отказалась бы выдавать запрашиваемую

информацию. Поэтому я присвоил вам новый номер и сразу же ввел его в систему, так чтобы вы были теперь в нашем банке данных. Зайдите через несколько дней. Как только нагрузка на регистрационный отдел спадет, я обещаю, что тут же безотлагательно займусь вашим делом. Это все, что я могу сказать вам сейчас.

— Что ж, очень хорошо, — произнес Вилтри.

— Сжимая в руке полученную справку, он вышел из приемной.

— Следующий! — крикнул сениор, и давно стоящий в дверях человек поспешил к его конторке.

— Пробираясь сквозь толпы людей, Вилтри побрел по вырубленному в скалах коридору. Да, как ни старайся, а от судьбы не уйдешь.

— Пилот Оскар Вилтри погиб на задании, а он теперь превратился всего лишь в безымянное тело с присвоенным регистрационным номером.

Остров Люцерна. Местная ВБ, 19.17

Бланшер вышел на палубное покрытие ангара. Пилоты «Умбры», все в снаряжении, уже ожидали его, собравшись в группу невдалеке от своих машин. Над несколькими самолетами сейчас упорно трудились команды механиков, стараясь в кратчайшие сроки устранить неполадки в машине Марквола и залатать пробитую обшивку на «Громовых стрелах» Земтика и Дель Рут. Ожесточенное сражение, развернувшееся в небе над конвоем, длилось еще около пятнадцати минут после того, как Марквол вынужденно вышел из боя. Земтик тогда сбил один самолет, Ван Тул еще один, а Бланшеру удалось отличиться даже два раза. Несмотря на все трудности с управлением присвоенной ей и уже перекрашенной «Стрелы» звена «Огненный селезень» — Эгги Дель Рут неоднократно жаловалась, что никак не может привыкнуть к этой чертовой машине, — она все же преуспела, классно сбив одну из «Бритв». В конечном счете имперским «Громовым стрелам» удалось отогнать «летучих мышей» от конвоя примерно в тринадцать тридцать.

Бланшер поднял руку: — Мистер Рэкли, не могли бы вы ненадолго приостановить ремонтные работы?

Тот дал знак механикам, и шум от клепальных аппаратов и подключенных к ним электродвигателей тут же прекратился.

— В чем дело, командир? — удивился Земмик. — Что, срочный вылет?

Бланшер улыбнулся. Сохраняя невозмутимый вид, он тихо произнес:

— Офицер на аэродроме.

Неожиданно для всех из распределительного туннеля вышла Джагди. С трудом сдерживая улыбку, она пересекла площадку аэродрома и подошла к своим летчикам. Она приняла душ, прошла медосмотр и, переодевшись во все чистое, оставила из своей прежней одежды лишь старую, потертую летную куртку.

Какое-то время никто не мог поверить своим глазам. Затем пилоты и механики стали восторженно кричать и хлопать в ладоши. Дель Рут подбежала к Джагди и бросилась ей на шею, Ван Тул крепко пожал руку.

Остальные пилоты гурьбой обступили ее со всех сторон.

— Звено «Умбра»! — вскричала Джагди. — Отставить меня тискать!

Гул ликования понемногу утих.

— Я тоже рада снова вас видеть, бригада, — улыбнулась Бри.

— Мы все так молились, чтобы ты смогла сесть на один из эвакуационных транспортов... — сказала Дельт Рут.

— Ну, вообще-то, все случилось не совсем так... — призналась Джагди.

— Тогда, во имя Святой Терры, как же ты смогла добраться сюда, командир? — удивился Ранфре.

— Вы, наверное, все равно не поверите, если я расскажу... Хорошо, хорошо! Успокойтесь! Я расскажу... Только попозже. Потому что сейчас я хотела бы... —

Она вдруг запнулась и, посмотрев на Бланшера, произнесла:

Я должна извиниться, командир «Умбры». Я совершенно забылась...

Бланшер усмехнулся:

— Что ж, давайте соблюдем все формальности. Исполняющий обязанности

командира бригады Бланшер в девятнадцать восемнадцать передает командование бригадой Бри Джагди.

— Я принимаю командование, — сказала Джагди. — И уж, тоже для соблюдения формальностей, тогда позвольте мне выразить вам свою признательность за безупречное исполнение в мое отсутствие обязанностей командира бригады. Я также хочу поблагодарить всех пилотов и механиков за самоотверженный труд в эти дни, заслуживающий самой высокой оценки. Вы можете громко поздравить друг друга.

Они поздравили.

— Хорошо, — продолжила командир, когда гвалт и взаимные похлопывания по плечу наконец пошли на убыль. — Мне нужно, чтобы через час звено было готово к вылету. Режим боевого патрулирования. Вы с этим справитесь, мистер Рэкли?

— Так точно, мэм!

— Превосходно. Мы взлетим, два часа полетаем и затем — вниз. Если не будет срочных вылетов, я бы хотела, чтобы

каждый из вас как следует отдохнул этой ночью. Никаких карточных игр, никаких выпивок. Завтра рано утром полетим снова. Я встречалась с командующим базой вице-маршалом ВВС Дрейко, и он мне обрисовал сложившуюся обстановку. Я расскажу вам, как обстоят дела, и надеюсь, вы простите, если я буду все называть своими именами. Армии Архенеми, как вы, конечно, знаете, штурмом овладели южным побережьем. Согласно данным, полученным Тактическим отделом, они теперь уже контролируют все побережье от Тэды до самого Эзравиля. Вопреки всем нашим усилиям удержать господство в воздухе над этим районом, им все же удалось сбросить нас в море.

Джагди окинула взглядом окружающих ее летчиков. Лица у всех потрачнели.

— Мы не смогли предвидеть ни того, с какой мощной авиацией мы здесь столкнемся, ни той эффективности, с какой противник использовал в пустыне свои гигантские мобильные аэродромы, что позволило его самолетам регулярно

наносить массированные авиаудары по побережью. Также мы не смогли противопоставить ничего серьезного и его стратегии непрерывных бомбардировок, которые, подорвав экономику страны, нарушив коммуникации, подготовили почву для выброски и развертывания воздушного десанта Кровавого Пакта. Они переиграли нас — это ясно как божий день.

Джагди сняла летную куртку и повесила ее на зубец одного из подъемников. В пещере было очень влажно. Раненая рука уже не висела на перевязи, но все еще была плотно перебинтована.

— Однако, учитывая все это, — продолжала она, — надо помнить, что наши личные усилия, как и жертвы наших боевых товарищей по бригаде и во всем Космическом Флоте, не были напрасны. Мы оказали сопротивление. Мы задержали их продвижение. При данных обстоятельствах это все, на что мы могли надеяться. Мы выиграли время, так необходимое для наших сухопутных сил, чтобы оторваться от неприятеля. Пока я произношу эти слова, наши морские

эвакуационные конвои в своем движении на север пересекают Зофонианское море, готовясь пристать в гаванях его главных островов или даже самого северного побережья.

Получены сообщения, что крупные подразделения пехоты и бронетехники переправляются сейчас через Фестус, продвигаясь в направлении укрепленных улей Содружества в Ингебурге. Это мы сделали возможным, чтобы столь значительные соединения наземных сил Империума смогли уцелеть и выйти из зоны военных действий. Теперь они смогут перегруппироваться и подготовиться к переходу в контрнаступление. К нам уже идет подкрепление из звездного скопления Хана. Они должны прибыть в ближайшие восемь дней. Империум приперли к стенке, но Энозис еще далеко не потерян...

— Всегда есть шанс, но... — начала она после паузы.

— Никогда не обходится без «но», не так ли? — заметил Кордиаль.

Джагди кивнула:

— Естественно, пилот. Разве кто-

нибудь говорил, что жизнь боевого летчика Империума будет легка?

— Прямо как на сборном пункте перед приемом в летный сколам! — воскликнул Ранфре, и его слова сопроводил взрыв хохота среди летчиков.

— Противник сбросил нас в море, — продолжила Джагди. — Но как раз море является нашим секретным оружием. У нас ведь есть острова. На них сейчас перегруппировываются и развертываются многочисленные бригады Космического флота. Здесь, на Люцерне; на Онстадте, Змеином Атолле, Длинной Косе, Соленой Гавани, а также на островах-ульях Зофосе и Лимбусе. Вдоль всего северного побережья, не менее чем на тридцати аэродромах, включая авиабазы Тамуда-Сити и самого Энтополиса, уже размещены эскадрильи самолетов дальнего действия.

Сделав несколько шагов в сторону, Джагди подошла к ближайшей «Громовой стреле» и провела ладонью по ее металлической обшивке. Когда-то давно древние воины, наверное, так же

оглаживали по бокам своих боевых коней.

— Для того чтобы подготовить решающее наступление, Архенеми нужно будет пересечь или обойти Зофонианское море. Он попробует достичь этого путем постоянных ударов с воздуха. В течение следующих пяти дней вражеские самолеты будут в усиленном режиме вылетать с южного побережья, стараясь потопить как можно больше кораблей в наших отступающих морских конвоях, а также атакуя стратегические целина северном побережье. Если сейчас не организовать достойного сопротивления, ковровые бомбардировки смогут разрушить не только жилые дома на северном побережье, но и вообще все надежды на спасение Энозиса. Северные районы будут полностью разорены и необороноспособны к моменту, когда начнется наземное вторжение.

Она повернулась к своим летчикам и пристально посмотрела на каждого из них.

— Все боеспособные бригады Космического флота задействованы адмиралом Орноффом, чтобы противодействовать таким

массированным налетам. Повторяю: нами получен приказ — организовывать операции противодействия захвату Архенеми воздушного пространства над акваторией Зофонианского моря. Если нам удастся нейтрализовать его эскадрильи, мы тем самым как бы отразим удар наконечника копья его наступления и он со всеми своими злобными ордами увязнет на южном побережье.

— А что, если не удастся? — поинтересовался Зем-мик.

— Тогда все было напрасно, и Энозис непременно падет. Будут еще дурацкие вопросы?

Краткий инструктаж закончился, и каждый занялся своим делом.

Бланшер подошел к Джагди:

— Да... Непростая задача. Думаешь, это возможно?

— Возможно сделать только то, что делаешь, Мил, — ответила она. — В конце концов, все в руках Бога-Императора, и неисповедимы пути Его...

— Ну а если посмотреть на все более реалистично?

Если Бланшер нервничал, у него была привычка тереть коллоидный шрам, который проходил через его губы и подбородок. Сейчас он делал именно это.

— Реалистично? Хочешь знать, как это выглядит, если посмотреть реалистично? Им хватило двух недель, чтобы смести нас с южного побережья. Как ты думаешь, как долго остатки наших разбитых, недоукомплектованных и разбросанных по разным аэродромам бригад смогут контролировать небо над морской акваторией?

— Святой Трон!.. — только и смог произнести Бланшер. — Но...

— Или давай взглянем на все несколько иначе, — перебила его Джагди, — не менее реалистично. Море — настоящий буфер, который задержит врага намного дольше, чем пустыня или долины Полуострова. С другой стороны, мы — лучшие летчики Империума... Я сейчас имею в виду не только фантин, но также и ребят из Космического Флота. Если мы еще полетаем с неделю на пределе возможностей, в таком же темпе

продолжая сбивать этих ублюдков, то, возможно, у нас и появится шанс. Как только они примутся бомбить северное побережье — тогда уже все, конец партии, но ведь прежде им придется пройти через нас. Регулярные боевые патрули. Срочные вылеты. Мы будем быстро подниматься в воздух и врываться в их строй. Мы могли бы их остановить, если только...

— Если только что, Бри?

— Если только они не бросят на нас сразу все свои силы.

Бланшер тяжело вздохнул:

— Да... О таком сценарии даже и думать не хочется.

Неожиданно странное выражение мелькнуло на лице Джагди. Она резко повернулась к своему помощнику:

— Ты знаешь, мне только что пришло в голову... А на чем, черт возьми, я теперь буду летать?

— Ну, мы подберем тебе что-нибудь, — загадочно улыбнувшись, пообещал Бланшер.

Он провел ее к одному из грузовых лифтов, и они спустились в огромное

складское помещение, которое размещалось под ангаром номер три. Там внизу сейчас тоже кипела жизнь. В приглушенном свете сферических фонарей команды механиков проводили сварочные работы. Густые, яркие искры летели в разные стороны, а гул и грохот работающих инструментов эхом разносились по каменным сводам. В складском помещении для ремонтируемых самолетов были установлены специальные опоры, а центральная подъемная платформа, вокруг которой они располагались, поднимала приведенные в порядок самолеты на главные палубы аэродрома.

Серийный номер Ноль-Два находился сейчас на одной из таких ремонтных опор.

— Доставили на тяжелом транспорте, — объяснил Бланшер. — Техники говорят, что птичка уже готова летать.

— Великий Золотой Трон! — воскликнула Джагди. — Я уж и не думала, что увижу его снова. Я полагала, что мне придется довольствоваться чем-нибудь из

резервного запаса.

— Скажи спасибо Богу-Императору и Его усердному Муниторуму. Несмотря на всю срочность, им удалось забрать из Тэды и привезти сюда чертовски много оборудования.

— Кстати, о резервном запасе, — сказала Джагди, повышая голос, чтобы быть услышанной сквозь шум клепальных аппаратов. — Что это за самолеты?

По соседству с Ноль-Два на ремонтных опорах стояли еще четыре «Громовых стрелы».

— А, это... Вообще-то, их не должно быть здесь. Морские транспорты привезли сюда много бесхозных машин. Это может быть резервный запас или самолеты уже не существующих авиагрупп, что-то вроде этого. Нам доставили эти четыре, потому что «Умбра» во всех ведомостях проходит как бригада из двенадцати самолетов. Я объяснил чиновнику Муниторума, что у нас теперь только восемь пилотов, и он очень расстроился, сказал, что я путаю ему всю его бухгалтерию.

Джагди обошла и осмотрела все четыре резервных самолета. Один из них был бывшим самолетом «Рап-торов», нарочито небрежно покрашенным в темно-каштановый цвет. Другой — из бригады, чьи машины традиционно были бледно-бежевыми с каким-то причудливым блестящим рисунком на корпусе. Остальные два — совсем новые, доставленные из резервного запаса на замену, — никогда не числились ни в одном летном соединении, и их обшивка все еще блестела не покрытым краской серебристым металлом.

— Что бы он там ни говорил, а я добьюсь, чтобы их забрали отсюда, — сказал Бланшер. — Я совсем не хочу, чтобы они здесь простаивали впустую. И ведь наверняка мы не единственные, кому доставили лишние машины, которые нет возможности использовать. В ближайшие дни их нужно отправить в те соединения, где они действительно необходимы.

— Нет, — твердо заявила Джагди.

— Что? — не понял Бланшер.

С решительным выражением лица

она повернулась к нему:

— Послушай, Мил. Империуму необходимо поднять в воздух все, что у него есть, и не в ближайшие дни, а прямо сейчас. У нас есть самолеты, но не хватает летчиков. Так это же хорошо! Бьюсь об заклад, на эвакуационных баржах сюда прибыли десятки квалифицированных пилотов, у которых сейчас нет своей боевой машины. Так давай найдем их! Давай используем их опыт!

— Так-то оно так, но...

— Это называется «прагматизм», — сказала Джагди. — Доложи чиновникам, что эти самолеты числятся за «Умброй». Отмени их перевод.

— Ты уверена?

— Да, я уверена. — Она обернулась к работающим механикам и громко крикнула: — Мистер Хеллен!

— Главный ответственный за техническое состояние резервных самолетов тут же подбежал к ней: Что вам угодно, мамзель?

— Подготовьте машины к полету и покрасьте их в традиционные цвета

«Умбры».

— Слушаюсь, тамзель. Начну прямо сейчас.

— Я намерена в кратчайшие сроки восполнить потери в личном составе «Умбры», — сказала Бри, обращаясь уже к Бланшеру. — Уверена, мне удастся найти подходящих добровольцев.

Остров Люцерна. Местная ВВ, 23.12

Вентиляционные системы еще не успели очистить воздух ангара от реактивных выхлопов, а Джагди уже сняла шлем, выбралась из кабины своего Ноль-Два и осмотрела пробоины от орудийных снарядов в обшивке его хвостовой части.

— Нужно срочно это заделать, — сказала она главному механику. — Потом перезарядите и заправьте, пожалуйста.

— Слушаюсь, командир.

Бри зашагала по распределительному коридору и, пройдя в помещение для дежурных экипажей, не глядя бросила на кожаный диван шлем, дыхательную маску и перчатки. Какой-то человек, который,

оказывается, находился в комнате, тут же вскочил с одного из кресел.

— Можете не вставать, — сказала Джагди. — Спасибо, что пришли. Прошу простить меня за излишнюю раздражительность. Обычное патрулирование неожиданно обернулось полномасштабным сражением. Тем не менее мы сбили два самолета... Слава Императору, у нас обошлось без потерь.

Она подошла к изящному столику посреди комнаты и налила из графина крепкого амасека.

— Я сказала своей бригаде, что у нас сегодня «ночь без выпивки», так что давайте этим и ограничимся.

Август Каминский согласно кивнул и произнес:

— Командир, я очень удивился, когда узнал, что вы посылали за мной.

Джагди выдвинула ящик письменного стола и достала оттуда пухлую папку и несколько информационных планшетов.

— Значит, годны к водительской службе, мистер Каминский? По вашим словам, все, на что вы способны сегодня, —

это управлять машинами Мунитория...

— Так точно, командир.

— Ну а я вот хотела бы, чтобы вы управляли моими машинами. Там внизу, на стоянке, стоит «Громовая стрела» серии I–XXI, и я бы хотела, чтобы именно ваше имя было написано на нижней панели ее кабины.

Не веря своим ушам, Каминский недоуменно воззрился на Джагди. Глаза шофера, казалось, засверкали от гнева. Кожа на его здоровой щеке порозовела и стала почти такого же цвета, что и следы от ожогов на другой стороне лица.

— Это что, шутка, командир? Если так, то она в очень дурном вкусе. Я не смогу управлять «Громовой стрелой». Я не могу летать — и хватит об этом!

— Позвольте тут с вами не согласиться. Я ведь была с вами в том «Циклоне». Вы действовали по инстинкту, Каминский. Этому нельзя научить. Я никогда не видела ничего подобного.

— Но, командир...

— Я официально предлагаю вам место в моей бригаде, мистер Каминский.

Или, может быть, лучше сказать «майор»? Я подняла ваше дело. Шестнадцать лет безупречной службы... звание командира бригады... послужной список из семнадцати подтвержденных воз-душных побед. Теперь у вас есть шанс снова вернуться в большую игру. Снова летать и сражаться за свой мир. Неужели вы откажетесь?

Каминский поднял свою несгибающуюся руку из пластека:

— Послушайте, командир! Я был признан негодным к летной службе не потому, что не желал сражаться, а вот из-за этой самой чертовой руки. В ВВС Содружества простым летчикам вроде меня не ставят аугметику, а с таким протезом я не смог бы одновременно управиться с дросселем, рычагом управления и активатором орудий. Черт, да вы и сами это знаете не хуже меня, Джагди!

Та кивнула:

— Да, это действительно проблема. Космический Флот мог бы, конечно, предоставить вам подходящий аугметический имплантат, но ведь у нас с

вами совсем нет времени. Сейчас уж точно не время, чтобы ложиться на операцию по вживлению имплантата. Вот я и решила поговорить со своими механиками. Они у меня все гении — просто чудо, а не механики! Один предло жил установить спусковой механизм прямо на рычаг дросселя, но потом мы подумали, что так он, наверное, будет мешать пилоту. Затем мистеру Рэкли пришла в голову идея. Он собирается подсоединить систему вооружения самолета к активатору орудий, который будет реагировать на голос. Конечно, я понимаю, потребуется некоторое время, чтобы привыкнуть, но ведь вам в любом случае предстоит много тренироваться... Короче говоря, Каминский, теперь можно своим голосом контролировать стрельбу из орудий. Так что ваше увечье больше не является препятствием тому, чтобы встать в ряды боевых летчиков.

Каминский все еще продолжал бессмысленно смотреть на нее.

— Я... — начал было он.

— Обдумайте мое предложение,

майор. Если вы решите его отклонить, у меня есть и другие кандидаты, но помните: вы были первым, о ком я подумала.

Тут в дверь постучали.

— Да, войдите!

В комнату заглянул Марквол:

— Командир, можно вас на минуту?

— Сейчас, подожди меня там, — велела Джагди и вновь повернулась к Каминскому. — Если желаете, можете налить себе амасека. Я отойду ненадолго.

Она оставила Августа в комнате для дежурных экипажей и вышла в коридор. Марквол, нахмурившись, бросил взгляд через открытую дверь:

— Что это он у нас здесь делает? А, командир?

— Ему предстоит принять очень важное и трудное решение, Марквол. Ты что-то хотел мне сказать?

— Какой-то парень зашел в наш ангар. Говорит, что знает вас...

— Привет, Джагди! — воскликнул Вилтри.

— Храни меня Император! Вилтри!

Она поспешила ему навстречу и крепко пожала руку. Выглядел он ужасно. Небритый, в грязной и порванной одежде, заметно похудевший.

— Знаешь, Вилтри, уже ведь было вывешено объявление о твоей гибели, — сказала Джагди.

— Так они все мне и говорят. Мунитарум отказывается признавать, что я существую.

— Но твой самолет действительно сбили?

— Да, так и было.

— А твой экипаж?

Вилтри лишь покачал головой.

— Сожалею.

— Ко времени, когда я вернулся в Тэду, все уже эвакуировались. В последний момент я успел сесть на баржу, которая и привезла меня сюда.

— А где сейчас остальные пилоты звена «Ореол»?

Вилтри пожал плечами:

— Не знаю. В очереди за продуктовыми пайками я разговорился с одним летчиком из экипажа Космического

флота, и он мне сказал, что как раз здесь разместилось какое-то подразделение с Фантина. Вот я и пришел, чтобы увидеть все своими глазами. Не буду притворяться, что не был разочарован, когда увидел вас, а не «Ореол», но встретить земляков все равно приятно.

— И что ты теперь собираешься делать?

— Честно говоря, точно не знаю, — признался Вилтри. — Даже если мне удастся узнать, где именно на этом театре военных действий сейчас располагается «Ореол», у меня все равно мало шансов воссоединиться с ними. До тех пор пока Мунитарум не признал мое существование, у меня нет права на свободу передвижения, чтобы я мог добраться до них. Похоже, я здесь... крепко застрял.

— Совсем не обязательно, — возразила Джагди. — Хочешь снова летать?

— Ну да. Если бы у меня была такая возможность...

— Ты нам подходишь. Ты ведь и на «Громовых стрелах» летал, не правда ли?

— Да, летал... А что, собственно, ты задумала, Бри?

День 268

Остров Люцерна. Местная ВБ, 07.30

Безоблачное небо над пустыней. Солнечный день, прекрасные условия для полета. Правда, небольшой встречный ветер. Каминский открыл дроссель, и большой, грозного вида имперский истребитель легко взмыл над бескрайними дюнами.

«Ирония судьбы», — подумал Каминский. Условия были почти такие же, как тогда... в тот день, когда он последний раз вылетел на задание.

— Возьмите курс четыре-один-шесть, — донеслось из вокса.

— Вас понял, ведущий, — откликнулся Август.

— И поглядывайте на свой ауспекс. Там наверху, справа от экрана, есть круглый регулятор. Если наблюдаемые объекты будут сливаться, можете, вращая его, увеличить разрешение.

— Все понял, спасибо.

Каминский легонько толкнул рычаг, надавливая руль направления. Отличная управляемость. «Громовая стрела» оказалась такой, какой он ее себе и представлял.

— Обнаружены самолеты противника! На десять часов! — неожиданно заверещал вокс.

Каминский оглянулся по сторонам и увидел лишь одну вспышку на экране ауспекса. Визуально пока ни чего не просматривалось... Хотя нет, вот он! Солнечный луч, отраженный от металлической поверхности, ярко блеснул где-то высоко в небе.

Пилот начал снова набирать высоту. «Летучая мышь» мгновенно скользнула вниз, легко выходя из крутого пике. Каминский думал, что он отлично проследил этот перехват, но вражеский самолет вдруг как-то сразу оказался под его машиной.

— Уходи! Резко в сторону — или тебе конец!

— Я стараюсь! — отозвался Каминский.

Он заложил судорожный вираж влево, но противник тут же оказался у него на хвосте. И как только, черт возьми, у него это получается?!

— В сторону! Отрывайся!

Зазвучал тревожный сигнал системы слежения. Теперь он был захвачен в прицел...

— Святой Трон! — вскричал Август и, рванувшись в сторону, в последний раз попробовал оторваться.

«Летучая мышь» открыла огонь.

Ужасный взрыв разнес на части «Громовую стрелу» Каминского.

Рычаг управления неподвижно застыл на месте. Картинка неба тоже остановилась. Бланшер раздвинул капсулу его кабины.

— Что ж, на этот раз не повезло, — сказал он.

— Я был таким идиотом!.. — сокрушался Каминский. — Это ведь детская ошибка.

— Ты пока еще только привыкаешь. Долго думаешь, где какой прибор находится, как они работают... Это

естественно. Как только привыкнешь ко всей этой механике, уже не будешь специально думать о ней, не будешь так скован...

Каминский согласно кивнул.

— Кроме того, — продолжал Бланшер, — я знаю, что у тебя почти нет опыта в вождении самолетов с направляемым вектором тяги. Понимаешь, отклоняемые сопла дают возможность совершать самые разнообразные маневры, какие только можно придумать, находясь в воздухе. Та «летучая мышь» сбила тебя только потому, что использовала направляемый вектор тяги и неожиданно оказалась прямо под твоим самолетом. Если бы ты поступил так же, думаю, тебе удалось бы оторваться.

— Да это я понимаю... — сказал Каминский. — Однако очень уж трудно перестать думать в рамках законов плавного, направленного вперед движения. Все эти резкие уходы в стороны, торможения... Все это так неестественно.

— Не стоит драматизировать.

Немного потренироваться, и элементы небаллистического пилотажа сами собой войдут в твое вождение. — Бланшер взглянул на свой хронометр: — Ты уже два часа как на тренажере. Если хочешь, можем прерваться — хоть позавтракаешь...

— Сколько раз я уже умирал за последние два часа? — спросил Каминский.

— Шесть, — улыбнулся Бланшер.

— Тогда давай попробуем еще раз...

Остров Люцерна. Местная ВВ, 07.43

— Командир! Командир Иде!

Джагди побежала сквозь толпу, стараясь догнать пожилого инспектора, спешащего на службу в Командном Центре. Сейчас они проходили по оживленным пешеходным мосткам, проложенным в глубокой пещере в самом сердце авиабазы. Гулкие объявления через репродуктор о приближении начала новой смены звучали не переставая и заставляли идущий на работу персонал толкаться и ускорять шаг.

— Командир Иде! — снова громко позвала Джагди.

Инспектор обернулся и удивленно встряхнул головой:

— Кто-то произнес мое имя?

Она уже знала, что он слеп. «Ищите слепого офицера», — сказали ей те несколько человек, которых она спрашивала о нем.

— Прошу прощения, сэр. Позвольте представиться, я — командир Джагди из «Фантин XX».

— Да? В самом деле? И зачем же вы меня ищете?

— Я бы хотела поговорить с вами, сэр. Узнать ваше мнение.

— Мнение о чем?

— О пилотах. Я ищу пилотов, чтобы восполнить потери в личном составе моего звена.

— Что ж, тогда вам определенно следует обратиться в службу резерва Космического флота, — сказал Иде.

— Я начала с этого. У них в резерве сейчас нет никого, кто был бы годен к летной службе. Те немногие

квалифицированные летчики, что прибыли сюда во время эвакуации, уже давно направлены в разные звенья Космического флота. Поэтому я запросила у Му-ниторума список годных к летной службе пилотов Содружества, которые на данный момент находятся здесь, на Люцерне.

Иде неодобрительно хмыкнул:

— Вы не можете сделать это. Космический флот не принимает в свои ряды летчиков ПСО.

— Потому что Космический флот считает себя элитой авиации и выбирает летчиков только из своих летных школ? Мне это известно. Это как раз то, что сказал мне чиновник Мунитурума, — согласилась Джагди. — Но вся штука в том, что «Фантин XX» не относится к Космическому флоту. Мы — Имперская Гвардия. Возможно, для кого-то это всего лишь странное исключение из правил, однако оно позволяет мне набирать пилотов из ПСО, если уж я так решила.

Идса, несомненно, забавляла эта двусмысленность, но он только покачал

головой:

— Космическому флоту это точно не понравится.

— Им придется это проглотить. Такой прецедент уже был. Тут надо сказать спасибо одному жрецу, который... Впрочем, не буду вас утомлять всей этой историей. Суть в том, что нужный мне список пилотов Содружества сейчас со мной. — Тут Джагди похлопала по толстой папке, которую она держала под мышкой. — Мне сказали, что вы тот человек, который мог бы мне помочь выбрать кого-то из них.

— Послушайте, не могли бы мы одновременно идти и разговаривать? — спросил Иде. — А то моя смена в Командном Центре начинается ровно в восемь...

— Конечно.

Они сошли с мостков и пошли по вырубленному в скалах коридору, в котором сейчас также полно было народу. Про себя Джагди отметила, что даже самые спешащие служащие базы, идущие им навстречу, почтительно

расступаются, чтобы пропустить Идса.

— Вы должны знать этих людей. Вы ведь командовали на Северной базе Тэды.

— До того как к нам прибыли части Космического флота. Я боюсь, что не смогу прочитать ваши списки. Во время эвакуации я в спешке оставил где-то свой код-ридер и в этом смысле теперь совершенно беспомощен.

— Я могла бы вам зачитать этот список, сэр.

— Как я уже говорил, моя смена начинается в восемь. Может быть, попозже, командир?

— При всем уважении к вам, сэр, времени уже нет. Скажите, неужели нет никого, о ком можно было бы подумать?

Они уже приближались к главному входу в Командный Центр Управления Полетами Люцерны.

— Ну, есть тут один. Хороший пилот... Я знаю, что он здесь, потому что он прилетел сюда вместе со мной. И я точно знаю, что он регулярно занимается на тренажерах, ориентируясь на ваши машины.

— Что ж, это уже хорошее начало.

— Его зовут Скальтер. Франц Скальтер. Вот его я смело могу вам порекомендовать. Он тоже работает в Командном Центре, но сейчас не его смена. Вы потом тут спросите кого-нибудь, вам его сразу покажут.

— Спасибо, сэр. Могу я с вами встретиться еще раз, чтобы уже пройтись по всему списку?

— Конечно, командир.

Они подошли к герметичным дверям, и Джагди услышала, как с той стороны доносится гул голосов и шагов многих десятков людей, энергично перемещающихся по залам Командного Центра. Те несколько секунд, что они стояли у входа, мимо них, держа в руках планшеты и графические отчеты, пробежали несколько младших инспекторов. Какой-то молодой человек стоял у самых дверей, видимо ожидая Идса. К удивлению Джагди, его лицо показалось ей странно знакомым.

— Доброе утро, сэр, — приветствовал юноша командира Идса.

— Что, теперь так отдают честь? — привычно отозвался на его приветствие старый инспектор. — Готов идти?

— Так точно, сэр.

— Тогда до следующего раза, командир, — сказал Иде, обращаясь к Джагди, и затем позволил своему помощнику провести себя в сутолоку и гомон Командного Центра.

Остров Люцерна. Местная ВВ, 08.30

Окруженные остроконечными вершинами скал, они стояли на платформе обозрения — одной из самых высоких точек на острове. Сегодня выдалось прекрасное, безоблачное утро, хоть ветер и дул довольно сильно, тем дело заставляя их поправлять волосы. Метрах в ста под ними морские волны яростно разбивались о подножие гранитных утесов.

— А что? Можно сказать, даже романтично, — сказала Бека. — Море, острова... Когда я была маленькой, мы как-то всей семьей поехали на Студеные

острова. Эйдо тоже взяли. Мы остановились в Соленой Гавани. Помню, там было много пляжей. Эйдо страшно любил их. Никакой войны тогда, конечно, не было. В то время праздники и отпуска еще что-то значили для людей.

— Когда-нибудь я возьму тебя с собой в отпуск, обещаю.

Она недоверчиво улыбнулась:

— Никогда не обещай того, что не сможешь исполнить.

— Нет, в самом деле. Я серьезно. В конце концов, все, что нужно, — это разбить врага, и тогда у нас будет столько отпусков, сколько мы захотим.

Ее забавляла такая его уверенность, но она лишь покачала головой в ответ.

— Так ты говоришь, они подыскали тебе работу? — спросил Вилтри.

— Буду готовить боеприпасы. Сениора, который направил меня туда, кажется, впечатлили мои навыки. Те долгие ночные смены на мануфактуре не прошли даром.

— Это хорошо.

— Я начинаю сегодня со второй

половины дня.

— Ты еще ничего не сказала о том, как я теперь выгляжу, — сказал Вилтри.

— Стараюсь даже не думать об этом. Хоть это и непросто, ведь ты теперь такой красавец в этом своем новом летном костюме, весь побритый, причесанный... Ты нашел свою эскадрилью, не так ли?

— Нет. Но я нашел летное соединение с фантина, и им как раз нужен летчик. Ты не поверишь — истребители! Это, конечно, потребует некоторого переобучения... Их называют звено «Умбра», «фантин XX», — показал он на форменные значки и нашивки на своей новой летной куртке.

— Очень красиво, — сказала Бека и задумчиво посмотрела на море.

— Я должен летать, Бека. Это — моя работа. Сейчас у них каждый летчик на счету. Я бы подвел Святой Трон, если бы отказался.

— Я понимаю.

— И может быть, когда война здесь закончится, я смогу подать рапорт об

увольнении в запас, чтобы остаться с тобой навсегда.

Бека Мейер снова улыбнулась:

— Война никогда не закончится, Оскар. Если даже она прекратится здесь, то такой отличный пилот, как ты, непременно потребуется где-нибудь еще. Тебе не позволят уйти. Ты всегда должен быть у них под рукой. Тебя будут отправлять то в одно, то в другое место, пока враг наконец с тобой не расправится. Помнишь, что я тебе сказала про обещания, которые невозможно выполнить?

— Прости меня, — смущенно пробормотал Вилтри.

— Все в порядке. Нет, в самом деле. У нас ведь с тобой было время. Пусть совсем немного, но зато как было сладко! Однажды я уже думала, что потеряла тебя, но Император позволил тебе вернуться. Наверное, я не смогла бы пережить это снова. Так что ты лети, а я останусь здесь и буду гордиться тобой. И знаешь, давай больше не будем об этом...

Снова поднялся сильный ветер. Она

невольно повела плечами и поежилась.

— Да пропади оно пропадом, это твое старое пальто! — вскричал Вилтри. Он быстро нагнулся над вещевым мешком и достал из него свою потертую куртку со знаками отличия звена «Ореол». — Возьми вот это. Боюсь, она кое-где пробита и порвана, но, по крайней мере, с теплой подкладкой из овечьей шерсти.

Он набросил куртку женщине на плечи и легонько притянул к себе.

— Спасибо, — сказала Бека и, нежно прижавшись к его плечу, положила голову ему на грудь.

— А ведь ты права, — произнес Вилтри, глядя на морской пейзаж, — действительно романтично.

Тут раздался невероятный, будто в конце времен, грохот, и прямо из-под находящейся под ними скалы, вернее, из скрытой там искусственной пещеры вырвались и устремились вверх сразу восемь «Громовых стрел». Раскатистый рев восьми выхлопных дожигателей этой авиагруппы невольно заставил сжаться их сердца.

Как только боевые самолеты набрали высоту и начали удаляться, оба весело расхохотались.

— Вот так оно и бывает. В самые романтичные моменты всегда происходит нечто вроде этого, — посетовал Вилтри.

Бека поцеловала его в щеку:

— Да черт с ними! Мы все равно будем любить друг друга. Смело лети, Оскар. Я попрошу Императора, и Он защитит тебя.

В небе над Студеными островами, 14.10

Летчики звена «Умбра» едва успели взлететь, как тут же заметили воздушный бой, который развернулся на западе. Бледно-зеленое небо там было подернуто дымом и то и дело освещалось вспышками взрывов. И это было не единственное сражение, которое велось в данную минуту. Несколько бригад с Онстадта были брошены на восток, чтобы вступить в еще более масштабный бой, а все, что можно было поднять в воздух со Змеиного Атолла, было задействовано для

противостояния мощной волне тысячи бомбардировщиков, которые летели сейчас через море Эзры, чтобы бомбить Лимбус.

— Звено «Умбра», мы поднимаемся до четырех тысяч, — приказала Джагди.

В этот раз с ней на задание вылетели четыре машины: Марквола, Ван Тула, Кордиаля и Вилтри. Первый полет Вилтри в ее бригаде. Еще когда он подбегал к своей новой стальной птице, она уже почувствовала, как он нервничает.

Звено «Умбра» за этот день уже дважды поднимали в воздух. Первый раз в девять ноль-ноль. Этот вылет длился почти два часа, и они при поддержке трех бригад «Молний» с ВАБ Тамуды повернули назад строй из девяноста тяжелых бомбардировщиков Архенети. Ими было сбито три самолета противника — по одному у Ранфре, Дель Рут и Джагди. Второй раз — за несколько минут до полудня. Дель Рут, Ранфре и Земтик вылетели из ангара под командованием Бланшера и вступили в несколько коротких, но яростных воздушных поединков с вражескими

истребителями, которые прикрывали сверху боевое построение «Адских когтей». Земтик и Бланшер отличились дважды, но были рады, когда к ним на помощь пришла Пятьдесят шестая бригада, вместе с которой им удалось окончательно рассеять эту волну бомбардировщиков.

Все четыре самолета теперь проходили быстрый ремонт, готовясь к своей смене, а Бланшер проводил свободное время, натаскивая к полетам Каминского. Хоть Милан и был терпелив, он, казалось, имел серьезные сомнения относительно талантов нового летчика звена.

— Сейчас он еще только знакомится с расположением основных приборов на «Стреле» и никак не может раскрепоститься, — сказал он Джагди. — Возможно, это не лучший вариант для нас.

— Продолжайте заниматься, — приказала та.

Они уже видели самолеты противника. Шестьдесят набитых бомбами «Мучителей» пролетали над

торетв направлении Северной Общины. Пятьдесят первая бригада уже вступила в бой.

— Кто-нибудь видит их сопровождение? — спросила Джагди по воксу.

— Через скоп не видно, — отозвался Кордиаль. — Полагаю, самое время заходить на атаку.

— Заходим на атаку! — скомандовала она.

Не было видно не только сопровождения «Мучителей», но и обещанной группы поддержки с Длинной Косы. Джагди переключила вокс:

— Вызываю Командный Центр Люцерны, говорит ведущий «Умбры». Подтвердите вылет других авиагрупп.

В воксе раздались жужжание и треск.

— Говорит Командный Центр, вызываю ведущего «Умбры». Звено «Кодиак» и звено «Орбис» объявили о своем вылете. Сейчас они в семидесяти километрах к востоку от вас. Идут на низкой высоте. Быстро приближаются. Двадцать, повторяю: двадцать машин.

— Спасибо, Командный Центр. Мы в зоне визуального наблюдения за противником. Идем наперехват.

Джагди обнадежило сообщение, что бригада Фантина, которой командовал ее хороший друг Уилхем Хейес, уже на подлете. Она подключила прицел самонаведения и активировала лазерные орудия.

— Орудия к бою, «Умбра»! Проверка связи!

— «Умбра Восемь». Слышу вас хорошо. — Это был Марквол.

— «Умбра Три». Все на четыре-А, — донесся голос Ван Тула.

— «Умбра Одиннадцать». Все проверил и готов к бою, — заверил командира Кордиаль.

Последовала пауза.

— «Умбра Четыре»! Отзовитесь! — раздался в воксе голос Джагди. — «Умбра Четыре»! Как слышите меня? Вилтри! Черт тебя побери, Вилтри!

— Слышу вас хорошо, ведущий. Говорит «Умбра Четыре». Извините, я хотел подключить прицел самонаведения,

но, кажется, вместо этого включил демистер и освещение кабины.

— Вилтри!

— Да шучу я, ведущий, шучу... Орудия по вашему приказу приведены в боевую готовность.

Джагди улыбнулась:

— Командный Центр, объявляю звено «Умбра» атакующим! Звено «Умбра»... Атака! Атака! Атака!

Вилтри был совсем не так уверен в себе, как это могло показаться по его голосу. Когда он слегка приоткрыл дроссель и последовал за довольно неглубоким пике Джагди, перед его взором вскоре предстали заполнившие все небо боевые построения громыхающих «Мучителей». Не отличающиеся высокой скоростью, эти средние бомбардировщики противника уже открыли по ним огонь из верхних турелей, которые, вращаясь, с механическим стрекотом выбрасывали густые частые трассы пулеметных очередей.

Вилтри прежде уже летал на «Громовых стрелах», но после стольких

вылетов на «Мародерах» это показалось ему довольно непривычным. Дело было даже не в различии приборных панелей или в значительной разнице в скорости и маневре, которая имелась между двумя этими машинами. Непривычнее всего было то, что он снова остался один. Один на один с машиной. И рядом нет никого из хорошо обученного экипажа.

Нужно было сфокусировать все свое внимание. Достичь полной его концентрации. Потому что вся ответственность за самолет теперь ложилась только на него одного.

Однако через некоторое время Вилтри решил, что, пожалуй, будет лучше, если он постарается получить удовольствие от полета. Определенно эта его новая «Громовая стрела» по сравнению с «Г как Грета» казалась изящной и быстрой. Как молнии они ворвались в боевые порядки противника...

Тут Вилтри напомнил себе, что и тактика воздушного боя должна быть теперь для него совсем другой. Обычно он сам управлял тяжелым самолетом и,

держась в едином строю бомбардировщиков, старался ураганным огнем отогнать вражеские перехватчики и никогда не думал, что окажется на их месте.

Джагди и Ван Тул пронеслись над рядами самолетов противника, выпустив по ним сразу несколько огненных молний. Вилтри решил последовать за ними, видя, как Марквол и Кордиаль нырнули под строй «Мучителей».

Почти сразу же три машины противника вышли из общего строя, оставляя за собой густой дымовой след. Одна из них стала стремительно падать. Самолеты «Умбры» снова взмыли и, развернувшись, зашли на вторую атаку.

— От тебя ждут большего, — сказал себе Вилтри.

В этот заход первой шла «Громовая стрела» Кордиаля. Она и начала атаку. Ее лазерные орудия выбросили белые молнии, и один из «Мучителей» сначала закачался, а потом, видимо когда вспыхнул его бомбовый запас, сразу взорвался, превратившись в большое огненное облако.

Мелкие обломки дождем посыпались на землю. Идущие в тесном строю «Мучители» взрывной волной повело в сторону, и два из них столкнулись в воздухе. Прямо на глазах у Вилтри получивший удар в корпус бомбардировщик разлетелся на части. Вниз полетели рваные куски металла и тела нескольких летчиков...

И все же ему удалось вывести свой самолет на удобную для атаки позицию. Ближайший «Мучитель» выпустил в его сторону сразу несколько трассирующих очередей, но все они прошли ниже цели. Вилтри довольно ухмыльнулся, когда услышал, как пронзительно запищал сигнал системы наведения, сообщающий о захвате цели. Не медля ни секунды, он открыл огонь.

Его «Громовую стрелу» дернуло в сторону, а стенки корпуса заметно задрожали, когда он разрядил свои орудия. Бри еще на земле предупреждала его об этом. Он выровнял самолет и быстро ушел вверх.

— «Умбра Четыре», говорит ведущий.

Поздравляю, прекрасный выстрел.

— Я даже не видел, попал ли, — отозвался Вилтри. — Я что, сбил его?

— Так точно, Четвертый.

Он повернул обратно и, получая почти физическое удовольствие от вождения послушной в управлении «Стрелы», бросился в атаку на следующий «Мучитель».

Турели вражеского самолета открыли по нему огонь, но он по собственному горькому опыту знал, как истребитель может нырнуть под летящий в строю бомбардировщик. Тут все дело в том, чтобы точно оценить угол возможного обстрела его орудий.

Всегда можно найти мертвую зону для атаки.

И он нашел.

Вилтри выстрелил, выпустив ослепительные разряды лазерной энергии из носовых пушек своего истребителя.

Нижняя часть «Мучителя» оказалась будто вспоротой, и затем охваченный пламенем самолет противника начал быстро терять высоту, оставляя за собой в

небе тонкий след коричневого дыма.

— Вторая насечка! — крикнул он в вокс. — Думаю, Бри, я начинаю понимать, что у вас здесь к чему!

Совершенно взбешенный, Марквол заложил очередной вираж. Дважды он заходил на цель и дважды промахнулся. А этот человек, Вилтри, которого только что приняли в «Умбру», в течение каких-то двух минут сравнялся с ним по числу сбитых самолетов. Сукин сын! Это было нестерпимо. Этот выскочка уже и Джагди называет по имени.

Что, черт возьми, он о себе возомнил?

Бортовой номер Девять-Девять задрожал, когда болтерная очередь слегка задела его борт. Марквол накренил самолет и ушел в сторону. Часть боевого строя «Мучителей» сейчас проходила под ним, и он, развернувшись, бросил свою машину на два ведущих бомбардировщика.

К несчастью, «Двуглавый орел» оказался слишком высоко. Хвостовые пулеметы самолетов противника обрушили на него ураганный огонь, так что стекло кабины в нескольких местах

треснуло, а одной из очередей сорвало часть обтекателя.

Марквол вновь поспешно ушел с линии огня. И откуда только этот чертов Вилтри знает, как нужно заходить на атаку? Он снова бросил свою машину вверх и тут же подвергся мощному пулеметному обстрелу из единого вражеского строя.

Юноше все же удалось прорваться на ближнюю дистанцию и зайти в хвост одному из бомбардировщиков, но не успел он даже разблокировать активатор стрельбы, как его цель вдруг взорвалась сама, выбросив гигантское облако дыма. Ван Тул опередил его!

— О, дайте же мне шанс! — вскричал Марквол. — Кто-нибудь когда-нибудь даст мне хоть один маленький дерьмовый шанс?!

Израсходовав почти все горючее, Пятьдесят первая бригада повернула на базу. Но теперь звенья «Кодиак» и «Орбис», оказавшись на месте, сразу же вступили в сражение. «Громовые стрелы» «Кодиака» — звена из Семьсот восемьдесят девятой

бригады Космического Флота — были окрашены в темно-зеленый, тогда как самолеты «Орбиса» носили традиционные серо-голубые цвета Фантина.

— Привет, «Орбис»! — крикнула в воксе Джагди. — Рада вас снова видеть.

— Ведущий «Умбры», говорит Хейес. Что-нибудь нам оставили?

— Здесь на всех хватит, ведущий «Орбиса». Только выбирай.

Хейес неторопливо развернул «Громовую стрелу» и обрушил на один из «Мучителей» шквал огня из своих орудий, после чего тот сразу загорелся и стал быстро терять высоту. Двое пилотов из его бригады также записали на свой счет по одному уничтоженному самолету, а звено «Кодиак» сбило еще три бомбардировщика.

— Всем бригадам! Уходим влево! Немедленно! — раздался в воксе голос ведущего «Кодиака». — Приближаются истребители!

«Адские бритвы» стремительно вырвались из-за высоких облаков и теперь на полной скорости неслись к месту

сражения. Они уже открыли огонь.

— Рассыпаемся! — приказала Джагди.

Вилтри ощутил, как его самолет встряхнуло, когда совсем рядом рассекли пространство сразу несколько снарядов, и начал быстро набирать высоту.

Маркволл же, напротив, бросил свою машину вниз.

Истребители Архенеми как молнии пронеслись сквозь их рассеянный строй. Один из самолетов «Кодиака», попав под огонь «Бритв», рассыпался на части, а другой, выписывая в небе широкую дугу, стал стремительно приближаться к морской поверхности.

Все «Бритвы» были малинового или черного цвета, за исключением одного — белого, как жемчужина.

Остров Люцерна. Местная ВБ, 14.30

— Включить!

— Скажите еще раз...

— Включить!

— Отлично, сэр, — сказал Рэкли. — А теперь дайте команду «огонь».

— Огонь! — громко произнес Каминский.

— Еще раз...

— Огонь!

Рэкли стоял на крыле самолета и, проверяя свою электронную плату, поглядывал вниз, на сидящего в кабине Каминского:

— Хорошо. Теперь система знает ваш голос. Команды внесены в ее память. — Механик нагнулся над кабиной и указал на медный переключатель. — Это — ваш активатор вооружения. Переключаете его — и все пушки приводятся в боевую готовность. После этого управляете только голосом. Вы говорите: «Огонь», и система выдает залп из выбранного вами оружия. Если система так и не услышала ваш выбор, она автоматически выбирает лазер. Вы говорите: «Выбрать», и система переключается на счетверенные зенитки, говорите еще раз — она переключается обратно. Пока все понятно?

— Да, спасибо большое, — кивнул Каминский. — А что, если я захочу вести продолжительный огонь?

— Тогда всего лишь продолжайте повторять команду «огонь», сэр.

Взявшись здоровой рукой за борт, Каминский вылез из кабины.

— Спасибо, мистер Рэкли. Вы прекрасно поработали.

Механик, казалось, был чем-то встревожен.

— Что-то случилось? — спросил Август.

Рэкли спрыгнул с плоскости крыла:

— Мои парни сейчас слушают вокс, сэр. Похоже, «Умбра» попала в беду.

Следуя за главным механиком, Каминский пересек посадочную площадку и подошел к команде работников технического персонала, со всех сторон обступивших стационарный вокс-приемник. Бланшер пытался настроить его на все время уходящую волну. Ранфре, Зетмик и Дель Рут также стояли в толпе механиков. Каминский уже знал их по именам, хотя они еще и не успели толком познакомиться.

Что происходит? — спросил он Зетмика.

Молодой человек сейчас нервно поигрывал связкой своих амулетов.

— Пятерка Джагди атаковала строй «Мучителей», — стал объяснять он. — А теперь вот налетели «летучие мыши». Плохие «летучие мыши». Убийца среди них.

— Убийца? — переспросил Каминский.

— Жемчужно-белый ублюдок! — сквозь зубы прошипел Земмик.

В небе над Студеными островами, 14.33

В ил три стремительно развернул свою «Громовую стрелу». Вражеские истребители, казалось, были повсюду. Он попробовал на крутом вираже выйти с линии атаки противника. Перпендикулярно его курсу, стреляя из пулеметов, пронеслись самолет Джагди и одна из машин звена «Орбис». Вилтри увидел, как «Стрела» звена «Кодиак» взорвалась в воздухе, пораженная орудийным залпом красной «летучей мыши».

Тут он услышал, как запищал сигнал

предупреждения об опасности, и сразу же заложил вираж. Черная «Бритва» старалась сесть ему на хвост. Вилтри спикировал и, не обращая внимания на бешеный орудийный огонь турелей бомбардировщиков, направил свой самолет в самый центр строя «Мучителей». «Бритва» сразу сбросила скорость, не желая, промахнувшись, поразить одну из тех машин, что он был обязан защищать.

Довольный своей хитростью, Вилтри открыл дроссель и, развернувшись, стал выводить самолет из вражеского построения, но на этот раз поливая бомбардировщики пулеметным огнем. Стрельба немного замедлила скорость его подъема, но оно того стоило. Пролетая по диагонали под одним из «Мучителей», ему удалось дважды или трижды попасть в цель. Из двигателей бомбардировщика клубами повалил синий дым.

Выскочив из вражеского строя, Вилтри уже не увидел той черной «летучей мыши». Зато он заметил жемчужно-белую «Бритву» — ведущий самолет эскадрильи противника.

Совершив разворот метрах в трехстах справа, эта «Бритва», двигаясь намного быстрее машины Вилтри, неожиданно нырнула вниз. Неподалеку от него набирала высоту другая «Громовая стрела» — «Орбис Шесть».

— «Орбис Шесть!» Осторожнее! — крикнул Вилтри.

Но было уже поздно. Жемчужно-белая «Бритва», используя векторную тягу, ловко скорректировала свой курс. Произведя идеальный по исполнению, не уловимый глазом маневр, она одновременно взмыла вверх и скользнула в сторону, после чего ее орудия тут же изрыгнули залп по «Орбис Шесть».

Прямое попадание — и пораженная «Громовая стрела» свернулась пополам, изливая из себя фонтаны горящего топлива.

А ведущая «Адская бритва» уже снова набирала высоту, начиная охоту за новой целью. Вилтри хотел было начать преследование, но неожиданно обнаружил, что сейчас ему совсем не до этого, так как нужно срочно уходить от атаки вновь

появившейся черной «летучей мыши».

Джагди и Кордиаль вместе заложили вираж и начали преследование красной «летучей мыши», загоняя ее в сторону боевого построения бомбардировщиков. Прежде чистое, безоблачное пространство в небе теперь заволокли реактивные выхлопы, черные клубы дыма и пороховая гарь. И все же, несмотря на это, командиру «Умбры» удалось заметить белую «Бритву».

Красная «летучая мышь», за которой они гнались, постепенно стала отрываться, и Джагди, прекратив погоню, развернулась, чтобы в хаосе воздушного боя начать искать белого убийцу.

Какая-то черная «Бритва» подрезала ее самолет, и они обменялись орудийными залпами. Тут командир бросила взгляд на индикатор горючего. Очень мало... В пылу сражения они незаметно опустошили свои баки.

— Звено «Умбра», как у вас с горючим?

Сначала отозвался Кордиаль, затем — Вилтри, последним — Марквол. Все они, как и она, вероятно, уже дожигали свои

последние резервы.

— Звено, слушай команду ведущего! Немедленно выходим из боя и идем домой!

— Говорит «Утбра Четыре». Вас понял, выполняю...

— Говорит «Утбра Одиннадцать». Слушаюсь, мэм.

— Марквол! «Утбра Восемь», ответьте!

Марквол также заметил белую «Бритву» и тут же узнал ее. Наверняка это та самая, которая почти сбила его во время второго вылета, а затем расправилась с Апостолом.

— «Утбра Восемь»!

— Один момент, ведущий.

Юноша направил свою машину в сторону «летучей мыши», но почти сразу же был вынужден повернуть в сторону, так как чуть не столкнулся с шедшими по его курсу двумя «Мучителями». Марквол максимально открыл дроссель своего Девять-Девять и, повернув вниз его носовой конус, описал петлю вокруг каравана бомбардировщиков, произведя всего один, в сущности бессмысленный, выстрел по уже

набирающей высоту белой «Бритве». Какая-то «летучая мышь», оказавшись к нему на два часа, открыла огонь, и Маркволу пришлось снова заложить вираж. Когда он уводил самолет от обстрела, ему едва удалось избежать столкновения с «Мучителем», который с охваченными пламенем двигателями уже стремительно терял высоту.

— «Умбра Восемь»! Сейчас же выходите из боя! — дико закричала Джагди.

Тут Марквол услышал тревожный сигнал. Горючее было на пределе...

— Вас понял, ведущий. Следую за вами...

Он бросил последний взгляд назад и вдруг, к своему ужасу, увидел, что белый убийца сел на хвост ведущему «Орбиса».

— Ведущий «Орбиса»! Уходи в сторону! Немедленно! — вскричал Марквол.

Тот рванулся вправо, но орудийный огонь белой «летучей мыши» буквально разорвал на части его «Громовую стрелу». Конусообразное облако из пылающих обломков протянулось почти на

полкилометра.

Марквол быстро набрал высоту и, выйдя из сражения, устремил свой самолет за тремя улетающими на базу машинами «Умбры».

— Вы видели это?! — крикнул он в вокс. — Нет, вы видели?! Эта проклятая белая «Бритва»! Она сбила ведущего «Орбиса»!

— Я видела, — спокойно ответила Джагди.

После перенапряжения воздушного боя она не чувствовала ничего, кроме отупляющей усталости и боли в мышцах, но знала, что чувство горечи утраты придет к ней позднее. Обязательно придет, ведь Хейес был ее близким другом еще со времени обучения в летной школе.

Но сейчас только одна мысль прочно засела у нее в голове. В сумасшедшей неразберихе финальной части сражения она наконец поняла, почему лицо помощника Идса показалось ей столь знакомым.

Остров Люцерна. Местная ВБ,

15.10

Шум реактивных двигателей постепенно затих. Как только Джагди и летчики ее группы стали вылезать из кабин, команды механиков и стоящие рядом с ними товарищи по звену принялись громко аплодировать. Джагди понимала, что так они приветствуют их возвращение из этой адской битвы и множество сбитых ими самолетов. Они были искренне рады снова увидеть их всех живыми. К тому же, конечно, хотелось поддержать Вилтри и отметить его удачный дебют в бригаде. Но все это не могло заглушить совсем другое чувство. И не только из-за гибели Хейеса. Сколько имперских самолетов было сбито на ее глазах всего за один бой? Люди гибли с чудовищной скоростью!

— Отличная работа, — поблагодарила Джагди Кордиаля, который сейчас, усевшись на палубный настил аэродрома и развязав шнуровку на ботинках, энергично растирал онемевшие во время полета ступни.

Летчики подвергались

многократным перегрузкам, из-за чего ноги у них частенько затекали, что иногда приводило и к более серьезным осложнениям.

— Спасибо, командир, — отозвался он.

Вилтри снял летный шлем. Он выглядел потрясенным, но на его бледном лице все же была довольная улыбка.

— Что, получил удовольствие? — спросила Джагди.

— Конечно нет.

— Ты прекрасно справился, Вилтри. Словно всю жизнь летал на «Громовых стрелах».

Он пригладил слипшиеся волосы.

— Должен признаться, это здорово — гонять на таких легких, проворных машинах. Не забывайте, насколько они легче «Мародеров»!

Марквол еще только вылезал из своего Девять-Девять.

— Прекрасный пилотаж, Марквол, — громко произнесла Джагди. — Ты не потерял голову в этой передряге. — Затем она понизила голос так, чтобы было слышно только ему: — Никогда больше не

смей игнорировать мои приказы, пилот. Я призвала тебя выйти из боя, потому что уже пора было идти на базу. Когда слышишь такое, должен выполнять без промедления. Тебе все понятно?

Он не поднимал головы, уперши взглядом в покрытие аэродрома.

— Так точно, командир.

Джагди пошла к выходу из ангара.

— Перезарядите и заправьте, пожалуйста! — крикнула она командам механиков, хотя прекрасно знала, что они уже и так приступили к работе.

Какой-то высокий человек в форме ВВС Содружества ожидал ее у входа в распределительный туннель вместе с Бланшером.

— Майор Франц Скальтер, — представил его Милан. Джагди пожала Скальтеру руку и окинула быстрым взглядом. Казалось, тот был слегка ошарашен.

— Я полагаю, ты уже объяснил суть твоего предложения майору Скальтеру, Мил?

— Да, теперь это уже не будет

сюрпризом, командир.

Джагди посмотрела на Скальтера:

— Ну так что, майор? Вы хотите получить местов моем звене? Командир Иде дал вам прекрасные рекомендации...

Скальтер хотел ответить, но от изумления не сразу смог найти нужные слова. Он кивнул и затем произнес:

— Это будет честь для меня, командир Джагди. Я уже давно мечтал получить шанс подняться в воздух, чтобы снова воевать за мой родной мир.

— Тогда решено. Хорошо... Теперь вы будете именоваться «Умбра Семь». Мил, если ты сейчас занят с Каминским, попроси кого-нибудь вроде Дель Рут или Кордиаля ввести мистера Скальтера в курс дела, выдать ему снаряжение и проверить его на тренажере.

— Слушаюсь, мамзель, — ответил Бланшер. — Вы сами идете куда-то?

— Да, ненадолго, — ответила Джагди.

Сорвав с себя летную куртку и перчатки, Маркволл постоял еще какое-то время у своего самолета, не желая ни с кем общаться.

— С вами все в порядке, сэр? — спросил у него Рэкли.

— Все прекрасно, — ответил тот.

Едва ли он хотел рассказывать своему механику, что готов провалиться сквозь землю, после того как Джагди устроила ему головомойку. Спасибо еще, что ей хватило приличия и такта не делать этого на глазах у остальных летчиков бригады.

Опустив голову, он медленно побрел по ангару мимо команд работающих механиков, обошел подъемник, выгружающий ящики с боеприпасами, и остановился, чтобы пропустить служащих аэропорта, которые протягивали тяжелый электрический кабель.

Тут он увидел Каминского. Тот сидел на пустой канистре возле «Громовой стрелы», внимательно изучая планшет с техническими описаниями и инструкциями по управлению своей новой машины.

— Привет! — окликнул его Маркволл. Каминский вскинул пугающе обезображенное ожогом лицо:

— Привет. Ты — Марквол, верно?

— Верно. Ну как?.. Исполнил свою мечту наконец?

— Прости, не понял... — опешил Каминский.

— Той ночью «У Зары». Ты сказал, что отдал бы все, что у тебя есть, чтобы оказаться на моем месте. Так летать хотелось.

— Так говорил? В самом деле?

Марквол кивнул:

— Сейчас я уже не вспомню точно, было это до или после того, как ты назвал меня ублюдком, который занимает чужое место, и предложил застрелиться, чтобы сделать наш сектор авиабазы более приятным местом.

— Проклятие! — сказал Каминский. Он аккуратно отложил планшет, но так и не встал. — Вообще-то, я надеялся, что ты забудешь всю эту историю. Да, я исполнил твою мечту, Марквол. А как у тебя дела? Сбил сегодня что-нибудь?

Юноша покраснел.

— Нет, — ответил он.

Каминский взял планшет и снова

углубился в чтение.

— Выходит, те мои слова оправдываются для нас обоих, — хладнокровно заметил он.

Остров Люцерна. Местная ВБ, 16.01

Как оказалось, комната Идса находилась на одном из самых нижних уровней авиабазы. Это было неудивительно. Приток беженцев во время эвакуации породил на острове очень острую жилищную проблему. Вырубленные в скалах коридоры на нижних этажах едва освещались сферическими фонарями. Везде чувствовалась сырость. Джагди увидела несколько складов, но была уверена, что и те комнаты, где сейчас обитают люди, совсем еще недавно использовались как складские помещения.

Наконец она нашла комнату Идса и постучалась в металлическую герметичную дверь. Через мгновение дверь отворилась и оттуда выглянул Дэрроу:

— Командир Джагди?

— Мне нужно повидать инспектора

Идса.

— Проходите, мамзель. Он вас уже ожидает.

Дэрроу распахнул дверь, и она вошла внутрь. Комната оказалась очень маленькой и очень скудно обставленной. В угол была сметена куча бумажного мусора. У одной стены стояли походный столик и два стула, у другой — неубранная койка. На столике стояли бутылка амасека и грязный стакан.

Покрытое мягкой циновкой старое кресло было единственным предметом, который напоминал здесь о комфорте. Сейчас в нем сидел и, похоже, дремал Иде.

— Я могу зайти позже, — прошептала Бри.

— Я не сплю, Джагди. Просто даю голове отдохнуть. У нас была длинная и тяжелая смена.

Дэрроу собрал со стола кипу информационных планшетов и бумажной документации:

— Что ж, не буду вам мешать...

— Нет, останьтесь, пожалуйста, — попросила его Джагди.

Он замер в нерешительности и положил документы обратно.

— Простите мне все это убожество, — сказал Иде. — Мне сказали, что комната чертовски плохо обставлена, но я ничего не могу с этим поделать. Я привез из Тэды лишь одежду, в которой в тот день находился. Садитесь и давайте перейдем к делу.

Джагди села и положила принесенную с собой папку на стол.

— Сегодня я видела белую «летучую мышь»... — начала она.

— В самом деле? — переспросил Иде. — Значит, этот дьявол все еще продолжает причинять нам неудобство?

— Это напомнило мне об одном докладе, копии которого были отправлены для ознакомления во все летные подразделения во время боевых действий в долине Лиды... Вот этот доклад, — похлопала Джагди по папке. — Он содержит письменный отчет об одном воздушном бое с белой «летучей мышью». Очень толковый, очень обстоятельный. Предполагалось, что его будут

зачитывать всем бригадам Космического флота. Дэрроу, это вы его написали, не правда ли?

— Так точно, командир, — ответил молодой человек.

— Доклад также содержал отчет командующего звеном старшего офицера... К сожалению, сейчас не вспомню его имя.

— Майор Хекель, — подсказал Дэрроу.

— Майора Хекеля. Без излишней скромности, которая, несомненно, присутствовала в вашей части доклада, он подробно описал наиболее выдающиеся эпизоды вашего пилотирования.

— Хекель ничуть не преувеличивал, — спокойным голосом сказал Иде. — Он сказал, что это было самое яркое проявление прирожденного таланта летчика, какое только он видел в своей жизни.

— Таким образом, получается, что Дэрроу превзошел опытного убийцу, вероятно командира эскадрильи, — пилота в самом расцвете сил и лет. Мало того, он все это сделал на совершенно устаревшей машине, уступая противнику в

скорости, мощности и всех тех дополнительных возможностях, какие дает использование векторной тяги. И вот что меня особенно удивляет, командир Иде. Когда я пришла к вам и попросила порекомендовать мне наиболее способных летчиков, вы почему-то предпочли умолчать об этом талантливейшем молодом пилоте, а ведь вы с ним общаетесь чуть ли не каждый день...

Иде молчал.

— Командир, — тихо произнес Дэрроу, — позвольте вас спросить... Порекомендовать для чего?

— В моей бригаде не хватает боевого летчика, Дэрроу.

— И вы... вы рассматриваете мою кандидатуру?

— Я знаю, что вы регулярно занимаетесь на тренажерах «Громовых стрел» и «налетали» на них уже немало часов, — сказала Джагди.

— Да, занимаюсь, — пробормотал Дэрроу. — «Налетал» шестьдесят часов... А кто вам сказал?

— Майор Скальтер. Но мы, кажется,

немного отвлеклись, не так ли, командир Иде?

Иде продолжал неподвижно и неестественно прямо сидеть в кресле, плотно прижав руки к коленям.

— Энрик не тот, кто вам нужен, командир, — наконец выдавил он.

— Это почему же?! — резко спросил его Дэрроу. — Прошу прощения, сэр, — прибавил он, понижая голос, — но я все же хочу знать почему.

Не обращая на него внимания, Иде стал отвечать, обращаясь к Джагди:

— Это всего лишь курсант, Джагди! У него за спиной мизерное количество боевых вылетов. О, он талантлив, не спорю, но что такое, в сущности, был этот воздушный бой? Всего лишь невероятная удача! Ему действительно тогда очень повезло. Но если прямо сейчас отправить его на задание, он погибнет! Он попросту не готов. Моя рекомендация была бы равносильна убийству!

Дэрроу вскочил со стула:

— Я не согласен, сэр!

— Это не тебе решать, Энрик.

— Что, в самом деле? — удивилась Джагди.

— Как же я смогу подготовиться, если у меня совсем нет практики? — возмущался Дэрроу.

— Пока еще не время, — стоял на своем Иде.

— А вот времени-то у нас как раз и нет! — воскликнула Джагди. — Энозису для победы нужны все боеспособные летчики, каких только можно найти, командир Иде. Если таких пилотов, как Дэрроу, сейчас не ввести в бой, то в будущем, возможно, у них вообще никогда не появится такого шанса.

— Я не желаю, чтобы его смерть была на моей совести! — вскричал Иде. — Я не дам вам такой рекомендации!

Джагди посмотрела на Дэрроу:

— Я полагаю, командир бригады имеет право сам решать, необходима ему дополнительная рекомендация, если он уже выбрал себе подходящего человека, или нет. Ваше желание защитить вашего подопечного, несомненно, заслуживает уважения, командир. Обещаю, что ваши

возражения будут приняты к сведению. Курсант Дэрроу, я официально предлагаю вам место в моей бригаде. Вы принимаете мое предложение?

— Так точно, командир. С радостью. — Дэрроу перевел взгляд на Идса. — Простите меня, сэр.

Джагди поднялась и взяла со стола свою папку.

— Тогда вам нужно немедленно написать рапорт о переводе. Вы можете последовать за мной прямо сейчас.

Они подошли к герметичной двери. Уже выходя из комнаты, Дэрроу повернулся и быстрым, четким движением отдал честь старшему инспектору.

— Что, теперь так отдают честь? — спросил его Иде.

— Так точно, сэр.

Иде неловко поднялся и, неожиданно вытянувшись по струнке, отдал ему честь в ответ.

— Вот как надо, — сказал он и затем, кряхтя, снова опустился в кресло. — Удачи тебе, сынок. Докажи, что я был не прав.

Следуя за Джагди, Дэрроу пошел по

коридорам к одной из главных лестниц авиабазы. Затем они стали вместе подниматься наверх, стуча ботинками по древним каменным ступеням.

— Ты в порядке? — спросила она его.

— Да, в порядке, мамзель. Я очень привязался к командиру. Никогда не видел его таким расстроенным.

— Надеюсь, ты понимаешь, что он всего лишь хотел защитить тебя? — спросила Джагди.

— Конечно, но, думаю, здесь было нечто большее, — ответил Дэрроу. — Понимаете, за последние несколько недель он потерял буквально все. Сначала положение командующего и многих своих друзей и сослуживцев, а затем и саму базу вместе со всеми дорогими его сердцу вещами. Наверное, общение со мной было последним, что он еще как-то мог удержать.

— Это война, — сказала Джагди. — Она от всех нас требует жертв...

День 268

Остров Люцерна. Местная ВБ, 06.30

— Сюда, джентльмены, — сказала Джагди, проходя на центральную взлетно-посадочную полосу ангара номер три.

Одетые в летное обмундирование, со шлемами в руках, за ней проследовали четверо новых летчиков бригады: Вилтри, Каминский, Скальтер и Дэрроу. Последний, пожалуй, нервничал больше всех.

— Да не напрягайся ты так, — прошептал ему Скальтер.

Джагди остановилась возле четырех стоящих в ряд самолетов.

— У нас совсем нет времени для того, чтобы торжественно ввести вас в новую должность. Говорят, война идет или что-то там такое...

Команда летчиков весело рассмеялась.

— Сейчас у нас с вами будет ознакомительный, пробный полет. Это

максимум, что мы можем сделать, чтобы вселить в вас чувство уверенности перед началом боевых вылетов. Когда я говорю «вы», я имею в виду мистера Дэрроу, мистера Скальтера и мистера Каминского. Мистер Вилтри уже однажды вылетал на задание, но я думаю, что чем больше часов он налетает на «Стреле», тем лучше. Мы с Земликом будем вас опекать. Мой самолет — ведущий. Есть какие-нибудь вопросы?

— Командир, — обратился к ней Скальтер, — а что это за розовые перья вы все носите?

— Это перья на удачу! — воскликнул Кордиаль, выходя из толпы пилотов «Умбры», собравшихся возле новых самолетов.

Он засунул руку в карман бриджей и достал оттуда еще несколько розовых перышек. Новички бригады, не скрывая своего сомнения, заложили их за лацканы летных курток.

— Вот и хорошо, — усмехнулась Джагди. — Перья на удачу... И как я могла забыть про такую важную вещь? Ну все,

теперь по машинам!

— И кого только набрали! — нагнувшись к Ранфре, прошептал Марквол. — Двух неумех из ВВС Содружества, один из которых еще зеленый мальчишка, этого противного калеку да бывшего пилота «Мародера», который уже не жилец — по глазам видно.

— Вилтри показал себя вчера очень неплохо, — заметил Ранфре.

— Ну и что, — буркнул Марквол, которому сбитые вчера новичком самолеты все еще не давали покоя.

Запалы зажигания зашумели и привели в действие двигатели шести боевых самолетов. Скальтер уселся в свою кабину и с довольной улыбкой провел ладонями по бортовым краям капсулы. Каминский позволил главному механику пристегнуть ремни снаряжения и затем здоровой рукой устроил протез на рычаге управления.

— Все в порядке, сэр? — спросил у него Рэкли.

— Так... обычное волнение перед стартом.

Склонившись над кабиной, Рэкли закрепил на шее Каминского микрофон голосового детектора и подключил контактные провода к панели управления, слева от пилота.

— Так удобно?

Каминский надел дыхательную маску и кивнул. Рэкли закрыл капсулу.

Тем временем сердце у Дэрроу готово было выпрыгнуть из груди. Он то и дело нервно облизывал губы. Все было совсем не так, как он ожидал. Непривычная тяжесть летного снаряжения, необычный шум двигателей «Громовых стрел», странный запах в кабине, который неприятно поразил его, как только он оказался внутри...

Один из механиков демонстративно похлопал себя по ушам, и Дэрроу, понимающе кивнув в ответ, включил и протестировал вокс.

— Говорит ведущий «Умбры», если вы готовы, дайте мне знать.

— Ведущий, говорит Десятый. Готов!

— Спасибо, Земтик. Насчет тебя я и не сомневалась.

— Ведущий, говорит «Умбра Четыре». У меня все в порядке, — сказал в вокс Вилтри.

— Говорит «Умбра Пять», — отозвался Каминский. — Готов к взлету.

— Говорит «Умбра Семь». Ведущий, я все проверил, — сказал Скальтер.

— Это «Умбра Девять», ведущий «Умбры», — донесся голос Дэрроу. — Все системы в норме. Я готов.

Дежурные офицеры ангара махнули жезлами и тут же, отвернувшись, пригнулись к поверхности аэродрома.

— Звено, на взлет! — скомандовала Джагди в вокс.

Шум двигателей «Громовых стрел» резко усилился, когда все шесть машин оторвались от земли.

— Перевести сопла на горизонтальный полет! — крикнула Джагди.

Самолеты звена понеслись к воротам ангара и, вылетев из пещеры, устремились ввысь, одновременно поднимая шасси.

Джагди повернула авиагруппу направо, и, пролетая над атоллами, они

какое-то время тренировали основные маневры и переходы из одного боевого построения в другое.

Затем она предложила им более серьезное задание: быстрые подъемы, крутые виражи и пикирование.

— Внимательно смотри по сторонам, звено, — наставляла новичков командир. — Возьмите себе привычку постоянно сверять показания ауспекса с данными визуального наблюдения. Также привыкайте к мысли, что, сидя в кабине, вы не можете видеть все то, что видели бы на условной открытой площадке. Поэтому учитесь время от времени менять положение самолета к горизонту, так чтобы вы могли получить более полный обзор.

После девятнадцати минут полета группа приблизилась к маленькому необитаемому атоллу у самой оконечности длинной цепи островов.

— Звено, построиться в линию! — приказала Джагди. — Я хочу, чтобы каждый из вас проверил оружие. Чтобы вы почувствовали, как стрельба воздействует

на корпус самолета. Земтик и Вилтри могут пропустить это задание.

Скальтер первый зашел на атаку. Он совершил протяженное, глубокое пике и обрушил на выступающую из моря скалу огонь из лазерных и счетверенных зенитных орудий.

— Неплохой выстрел, — похвалила командир.

— Святой Трон! От этого действительно трясет! — воскликнул Скальтер и, заложив вираж, увел «Громовую стрелу» в сторону.

— Вы следующий, «Умбра Девять».

— Вас понял, ведущий, — откликнулся Дэрроу.

Быстрыми уверенными движениями он включил автоматический прицел и активировал вооружение, затем толкнул от себя рычаг управления и бросил самолет в пике. Под ним стремительно пронеслись блестящая водная поверхность и выступающие из нее острые скалы. Дэрроу поймал атолл в перекрестье прицела, подлетел поближе и произвел залп из лазерной пушки. Молнии разряда

вырвались из самолета, и он увидел, как вскипела вода невдалеке от скалы. Он тут же переключился на зенитные орудия и, выпустив очередь, увел свою «Громовую стрелу» вверх.

— Превосходно, Девятый. Немного высоко взял лазером, но из зениток была отличная очередь. Тебе стоит подкорректировать прицел, опустить перекрестье немного вниз.

— Вас понял, ведущий.

— «Умбра Пять»! Теперь ваша очередь.

Каминский подтвердил получение приказа и начал свой заход на предложенную цель. Действуя только левой рукой, он подключил вооружение и активировал орудия, после чего быстро вернул руку на дроссель. Наконец атолл попал в сетку прицела.

— Огонь! — громко произнес он. Лазерные пушки выбросили заряд.

— Выбрать! Огонь! Огонь!

Теперь заговорили счетверенные зенитки, заставляя истребитель заметно подергиваться во время движения.

Каминский, заложив вираж, увел свою машину в сторону и тут же начал плавный подъем, одновременно отключая систему вооружения.

— Кажется, игрушечка Рэкли работает! — крикнул он в вокс.

— И очень неплохо! — отозвалась Джагди.

Она дала им возможность еще несколько раз повторить это упражнение, после чего подняла звено до пяти тысяч метров.

— Сейчас мы совершим патрульный облет по курсу три-три-два, а затем повернем на базу, — сообщила она по воксу.

Они летели по новому курсу десять минут, и Джагди уже хотела скомандовать разворот, когда из вокса неожиданно донесся голос Земтика.

— Аускпекс обнаружил в небе какие-то самолеты, — сообщил он.

— Я вижу, — откликнулась командир.

Не прошло и десяти секунд, как они заметили над морем, в десяти-пятнадцати километрах к северо-западу, вспышки огня и клубы дыма какого-то

воздушного сражения.

— Вызываю Командный Центр, вызываю Командный Центр! — крикнула Джагди в вокс. Говорит тренировочное звено «Умбры». Сообщите, что происходит в нашем районе.

— Ведущий «Умбры», говорит Командный Центр. В вашем районе сейчас осуществляется перехват крупного соединения бомбардировщиков. Предположительно рядом идут истребители сопровождения. Рекомендуем вам немедленно покинуть этот район и лететь на базу.

— Вас поняла, Командный Центр, — подтвердила Джагди. — Звено «Умбра», то, что вы видите, пока еще не имеет к нам прямого отношения. Мы поворачиваем на базу. Приказываю произвести поворот на курс...

— Рассыпаемся! В сторону! — вдруг закричал Вилтри.

Самолеты Джагди и Зеттика тут же метнулись в стороны. Вилтри и Каминский рванулись в противоположном направлении, но Скальтер и Дэрроу

немного растерялись, так как уже начали разворачивать свои машины, когда увидели, что их построение рассыпается.

Описав в небе петлю, Джагди развернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как три «Бритвы» молнией пронеслись сквозь их рассеянный строй. Без сомнения, это были истребители сопровождения, которые решили отвлечься от своей главной задачи, чтобы нанести быстрый удар.

Джагди решила вступить в бой.

— Зетмик, поддержи меня! Орудия к бою! Остальным настроиться на частоту радиомаяка Люцерны и немедленно лететь на базу!

Джагди и Зетмик устремились за «летучими мышами», но те уже рассыпались в разные стороны. Джагди нервно посмотрела на ауспекс и увидела, как одна из «Бритв» быстро пикирует, пролетая сквозь редкие облака. Она сразу же бросилась в погоню.

Вражеский самолет опустился до высоты менее тысячи метров, а затем снова резко взмыл. Командир увидела, как

несколько снарядов пронеслось мимо ее крыла, и сразу поняла, что вслед за ней увязалась еще одна «Бритва».

— Беру ее на себя! — донесся из вокса крик Земтика.

Бросив машину в крутой вираж, Десятый зашел в хвост второй «летучей мыши» и выпустил сразу три очереди из счетверенных зениток. «Бритва» загорелась и стала отчаянно набирать высоту, но, поднявшись на три тысячи метров, закончила свой путь, превратившись в огненный шар.

Джагди продолжила преследование другой «летучей мыши», но вдруг услышала по воксу голос Скальтера:

— Он прямо над нами! Рассыпается! В сторону!

Третья «летучая мышь», должно быть, атаковала тренировочную группу...

Четыре «Громовых стрелы» разлетелись в разные стороны, но Дэрроу даже не видел противника. Единственный истребитель, который находился в зоне его видимости, метрах в трехстах справа, был самолетом Вилтри.

Мороз побежал по коже молодого пилота. Иде был прав. Он совершенно не готов и теперь, в первый же свой вылет, непременно погибнет.

В небе что-то вспыхнуло, и он посмотрел налево. Самолет Скальтера свечой уходил вверх, отчаянно стараясь ускользнуть от погони. Вражеская «Бритва» уже была у него на хвосте и вела почти прицельный огонь.

— Уходи! В сторону! — услышал Дэрроу отчаянный крик Вилтри.

В этот момент из-за облаков, треща пулеметами, вылетела «Громовая стрела» Каминского. Его очереди прошли выше цели, но и этого оказалось достаточно, чтобы заставить «летучую мышь» изменить курс и позволить Скальтеру, нырнув вниз, оторваться от преследования. Противник промчался над самолетом Каминского, а затем, включив направляемый вектор тяги, ухитрился подлететь к нему с другой стороны. Не прошло и нескольких секунд, как «летучая мышь» оказалась на шесть часов к его машине.

Раздался треск выстрелов, и сразу два снаряда пробили крыло «Стрелы» Каминского.

— Проклятие! — вскричал пилот, представив себе, как бы сейчас на него посмотрел Бланшер.

Действуя инстинктивно — а он уже стал ощущать свою машину почти физически, — Август лишь слегка подключил отклоняемые сопла и, к своему восторгу, увидел, как «летучая мышь» по инерции пронеслась мимо и только после начала разворачиваться.

Дэрроу заметил это. Он уже включил автоматический прицел и систему вооружения.

Теперь самолет противника, после того как ему пришлось противостоять сразу четырем истребителям, очевидно, старался побыстрее выйти из боя. Дэрроу открыл дроссель и бросился в погоню, один за другим повторяя все маневры вражеского пилота, тщетно пытающегося оторваться. Молодой пилот позволил системе наведения поймать движущуюся цель в перекрестье...

Прозвучал сигнал «захват цели».

Он открыл огонь.

«Летучая мышь» взорвалась! Только и всего.

Вытянутое назад пламя за корпусом вражеской машины и летящие в разные стороны куски металла...

Джагди увидела, как мощный взрыв осветил облака высоко в небе, и из ее груди вырвался крик ярости. Позволив преследуемой «летучей мыши» оторваться и безнаказанно уйти, она развернулась и устремилась в направлении замеченной вспышки.

— Вызываю звено! Вызываю звено! Что там у вас? — прокричала она в вокс и услышала торжествующий голос Вилтри:

— Привет ведущему! Это всего лишь Дэрроу открыл свой счет!

Остров Люцерна. Местная ВВ, 10.20

Они устроили ему такое приветствие, что Дэрроу даже покраснел. Приветствовали все, за исключением одного молодого пилота по имени

Марквол, который, казалось, был не совсем здоров.

После этого Дэрроу долго стоял у своей «Громовой стрелы» в ангаре и не мог на нее насмотреться.

Оказывается, он в силах делать это! Уже начиная с завтрашнего дня он будет летать и сражаться за родной Энозис и великого Императора!

Теперь он уже был твердо уверен, что пройдет день-другой — и этот самолет станет для него родным.

Тэда. «Орлиное гнездо» летного эшелона Натраб, 19.10

Имперский город горел.

Стоя на одной из верхних палуб гигантского мобильного аэродрома, который теперь возвышался над морем, на том мысе, где прежде располагалась вражеская авиабаза, Небесный Воин Кае Обаркон довольно взирал на то, что сотворили могучие силы Анарха.

Великий город заволокло дымом, и красные языки пламени над жилыми кварталами, казалось, неподвижно

застыли на фоне черного неба. Само море сверкало янтарным блеском, отражая зарево пожарищ.

Мимо пролетали эшелоны боевых машин, мерцая высоко в небе своей стальной обшивкой. Воин Архенети прислушался к гулкому рокоту их авиадвигателей и блаженно улыбнулся. По крайней мере на его синтетико-волоконном лице изобразилось нечто похожее на улыбку.

Рядом, ожидая его, стояли крытые носилки. Носильщики-рабы благоговейно притихли, когда он ступил под полог балдахина, и покорно понесли его во внутреннее помещение гигантского мобильного аэродрома.

Там уже собрались сотни других небесных воинов и вождей эшелона. Затрубили бронзовые горны, загремели литавры... Обаркон отодвинул шелковые занавески балдахина и приветствовал ближайших к нему боевых товарищей: Сакольтера, чьи доспехи были инкрустированы под алебастр; Коруза Шанга, который был облачен в

хромированные латы и носил на руках ювелирные украшения в виде золотых когтей; Назарике Комеша, славного аса эшелона, который сейчас невозмутимо наблюдал за происходящим из-за своего зеленого визора.

Затихли литавры, утолкли горны, и в наступившей тишине стал слышен лишь приглушенный говор напряженно ожидающей чего-то толпы. Неожиданно в центре огромного зала пришел в действие гигантский гололитический проектор. Пространство над ним подернуло рябью, и постепенно стало проявляться мерцающее голубое изображение десяти метров высотой. При виде его небесные воины буквально завыли от восхищения, и их усиленные аугметикой голоса заставили дрожать испещренные рунами стены ангара.

Перед всеми ними предстало изображение лица. Обаркону это лицо виделось прекрасным, хотя одновременно оно и устрашало его. Он знал, что точно такое же изображение появилось сейчас на каждом мобильном аэродроме и в каждом

Командном Центре захваченных южных территорий. Сотни тысяч небесных воинов, вождей летных эшелонов, лорд-офицеров Кровавого Пакта и жрецов смерти, не отрывая взгляда, смотрели на это лицо и боготворили его.

И тем не менее, как и множество раз до этого, Обаркону показалось, что оно сейчас глядит только на него, и ни на кого больше.

В этот момент лицо Анакванера Сека — магистра варлорда, великого и ужасного Анарха, преданного и верного помощника самого могучего Урлока Гаура — начало говорить.

— Завтра, — прогремел его голос, — будет великий день! Кто прольет кровь в небе?!

— Мы-ы! — простонали они, все как один.

— Тогда готовьтесь! И пусть наши враги падут, охваченные адским пламенем!

БИТВА НАД ЗОФОНИАНСКИМ МОРЕМ

773. М41 по имперскому летоисчислению, день 270

День 270

Остров Люцерна. Местная ВБ, 05.01

— Джагди! Джагди!

Командир открыла глаза, но глубокий сон, в который она провалилась несколько часов назад, не сразу отпустил ее. Какое-то мгновение Бри даже не могла понять, где находится, пока суровая реальность, словно ноющая зубная боль, не напомнила ей о себе.

— Джагди!

Она повернулась. Над ней в полумраке комнаты дежурных экипажей стоял Бланшер. Командир почти в полном летном снаряжении лежала на кушетке. Эгги Дель Рут спала рядом на кресле.

— Дай мне секунду, Мил, — пробормотала Джагди, медленно приподнимаясь на лежанке и сбрасывая обутые ноги на пол.

— Не думаю, что в данных обстоятельствах ты можешь себе это позволить, — ответил тот.

Джагди проследовала за ним в небольшой зал для проведения инструктажей. Там уже стоял Вилтри, который, скрестив руки, задумчиво глядел на большой зеленый экран ауспекса. Транслируя с главного монитора Командного Центра все проводки находящихся в воздухе авиагрупп, этот экран заливал помещение нежным изумрудным светом.

Если не считать с полудюжины объектов, которые система опознавания идентифицировала как имперские патрули, на экране сейчас ничего не было видно.

— Никакой активности со стороны противника. И это продолжается вот уже три часа, — сказал Вилтри. — Ни одного самолета.

— И ты что, все эти три часа глядел на экран? — зевнув, спросила Джагди.

— Никак не мог уснуть, — объяснил Вилтри.

— Наверное, это все твоя женщина не идет у тебя из головы, — улыбнулся Бланшер.

Вилтри рассмеялся, но Джагди показалось, что ее помощник был не совсем далек от истины.

— И вы подняли меня, чтобы показать пустой экран? — недовольно спросила она.

— Послушай, когда в последний раз было такое? — вместо ответа спросил Вилтри. — С тех пор как мы сюда прибыли, они постоянно держали в небе крупные соединения. Так было и до нас, спроси Каминского...

— Ну и что? — пожала плечами Джагди. — Решили одну ночку передохнуть. Знаешь, если целыми днями только убивать и разрушать, то любой устанет...

— Бри... — В голосе Бланшера послышалась укоризна.

— Хорошо, хорошо... Я извиняюсь. Похоже, повышенные нагрузки последних дней сделали меня чересчур легкомысленной. Ты думаешь, назревает что-то серьезное?

— Вот именно, — сказал Вилтри.

— Я придерживаюсь того же мнения, — поддержал его Бланшер. — Я был в

Командном Центре. Они там все на ушах стоят. Ясно, что происходит что-то странное. Все базы в Зофонианском море приведены в состояние повышенной готовности.

— Надо поднимать ребят и готовить самолеты к вылету, — решительно заявила Джагди.

Вилтри кивнул и быстро вышел из комнаты.

— Похоже, будет примерно то, о чем ты и говорила, — мрачно заметил Бланшер.

— Это что же такое?

— А то, что мы можем долго сопротивляться, перехватывать их бомбардировщики... но только до тех пор, пока они одновременно не бросят на нас все, что у них есть.

— Да... Пожалуй, мне не следует так много говорить с подчиненными.

— Почему они все сейчас на земле, Бри? Буквально все — до последнего самолета! С какой еще другой целью они могут так себя вести, если только не для того, чтобы подготовить вооружение,

полностью заправить свои машины и согласовать план совместных скоординированных действий!

Загудел зуммер внутренней связи, и Джагди даже подпрыгнула от неожиданности. Бланшер взял трубку:

— Ангар три, звено «Умбра» слушает... Так точно, сэр. Понял. Подтверждаю. — Он повесил трубку. — Только что объявили повышенную готовность номер один. Дальнодействующие аусперсы зафиксировали значительное повышение температуры воздуха над всем южным побережьем.

— И что это может означать?

Бланшер пожал плечами:

— Не знаю, может быть, в одно и то же время запустили огромное количество двигателей?

В ангаре зажглись фонари. Механики отчаянно старались успеть осуществить последнюю предстартовую проверку самолетов. Через ворота ангара внутрь проникал лишь слабый рассеянный свет — первый предвестник скорого утра. Бродя по

взлетной полосе, Мар-квол жадно вдыхал йодистый запах моря, его холодный воздух. Он тщетно пытался успокоить нервы. Сейчас напряжение охватило уже всех. Одних — потому что они догадывались, что может вскоре произойти, других — ровно наоборот, потому что они и понятия об этом не имели.

— Ну что, Марквол, все в порядке? — подойдя к нему, спросил Ван Тул.

Внешне он был совершенно спокоен и с аппетитом доедал свой сухой паек. «И как только он может есть в такой момент?» — удивился Марквол, а вслух бодро ответил:

— На четыре-А.

Ван Тул улыбнулся, и юноша заметил, что десны у того все еще кровоточат, очевидно как последствие гипоксии. «Сохрани меня Трон! — подумал он. — Из всех смертей, какими только может умереть человек и какие только можно себе вообразить в самых страшных кошмарах, не является ли эта наихудшей? Быть отравленным дыхательной смесью. Умирать, даже не осознавая, что ты

умираешь!»

Ван Тул кивнул на Дэрроу, который нервно прохаживался вокруг своей «Громовой стрелы»:

— А паренек-то показал себя вчера совсем неплохо, а? Отличное начало!

— Да, неплохо... — согласился Марквол. Он сейчас напряженно решал, сумеет ли побороть подступающий приступ тошноты, или все же следует побежать в уборную. — Он был великолепен. Они все выглядели неплохо.

— Помнится, еще вчера ты пел совсем по-другому, — заметил подошедший к ним Ранфре.

Марквол пожал плечами:

— Просто хочется надеяться на лучшее. Я надеюсь, они отличные летчики... потому что, если это не так, все мы подведем командование.

Вилтри застегнул летную куртку и натянул перчатки.

Обернувшись, он увидел, что к нему подходит Джагди.

— Что-нибудь прояснилось?

Та отрицательно покачала головой.

— Послушай, Бри... — неуверенно начал он. — Хотел сказать тебе одну вещь...

— Что?

Он улыбнулся:

— Да нет, ничего. Сейчас, пожалуй, не время — скажу позже.

Джагди кивнула и пошла дальше, решив перед вылетом обойти всех подчиненных. Земтик сидел на раздвижном походном стуле и механически перебирал свои многочисленные амулеты. Один за другим, снова и снова. Кордиаль и Дель Рут, чтобы снять напряжение, стали бросать кости.

— Ну как у вас двоих, все в порядке? — спросила Джагди.

— Так точно, мэм, — откликнулась Дель Рут.

«Какая у нее все-таки приветливая улыбка!» — подумала Джагди.

Не то чтобы мужчины находили ее очень привлекательной — для этого у нее, пожалуй, были слишком суровые черты лица и тяжелый подбородок, — но она, несомненно, принадлежала к тому типу

женщин, которых отец Джагди когда-то давно называл «милыми».

— А у тебя, Кордиаль?

Кордиаль усмехнулся и похлопал по лацкану летной куртки:

— Не хотите перо на удачу, командир?

Скальтер оживленно беседовал с Бланшером, проясняя для себя какие-то узкотехнические вопросы, связанные с подачей горючего. Он выглядел на удивление спокойным. «Надежный человек, сразу видно», — подумала Джагди.

Каминский держался в стороне от других и, стоя у самых ворот ангара, напряженно вглядывался в постепенно проясняющееся небо.

— Ты готов? — спросила, подойдя к нему, Джагди.

— Думаю, да, — ответил он.

— Ты... ты просто сделай все, что ты умеешь... — напутствовала его командир бригады.

— Я уже давно ждал такого шанса, мамзель, — произнес Каминский и протянул ей левую руку. — Я все еще не

поблагодарил вас как следует за то, что вы предоставили мне такую возможность.

Джагди ответила на его рукопожатие. Довольно странно было делать это левой рукой, но она поняла, что он не хочет или не может использовать свой нечувствительный протез.

— Я тоже еще не поблагодарила тебя за то, что ты вывез меня из Тэды, — напомнила она. — Теперь можно считать, что ты в расчете?

Август улыбнулся.

— О чем думаешь? — спросила командир.

— Все напуганы, — сказал Каминский, — вот что я думаю. Полагаю, это естественно в данных обстоятельствах. Честно говоря, мне и самому уже не по себе.

Более ждать не пришлось. Внезапно во всех ангарах авиабазы раздался вой сирен...

В небе над Студеными островами, 05.39

Самолеты звена «Умбра» вылетели

из секретного «дока» и, построившись в боевой порядок, стали набирать высоту, оставляя за собой огненные выхлопы. Все остальные ангары Люцерны также выпустили свои звенья. Семьдесят две «Громовых стрелы» устремились ввысь с островного плато, гранитные скалы которого в сиянии раннего утра приобрели розовый оттенок.

Частоту вокса быстро заполнили встревоженные голоса инспекторов Командного Центра. Все авиабазы архипелага в массовом порядке стали поднимать в воздух свои бригады. По единой команде с аэродромов Литбуса, Зофоса и всех крупных островов Зофонианского моря, а также авиабаз северного побережья, включая базы Ингебурга, начали взлетать имперские эскадрильи.

С другой стороны на экране аупекса можно было увидеть темную, сплошную массу, которая поднималась с гигантских мобильных аэродромов, расположенных на Полуострове и в Приморском районе южного побережья.

Сейчас Джагди действительно искушала судьбу. Создавалось впечатление, что Архенеми и впрямь бросил на них все свои воздушные силы.

— Поднимаемся на восемь тысяч, «Умбра». Держать строй. Всем довести скорость до двух с половиной.

Все летчики подтвердили получение приказа. Облачность этим утром была четыре десятых, а сильный северный ветер словно помогал имперским самолетам быстрее достичь воздушных армад противника.

— У всех все в порядке?

— Ведущий, говорит Восьмой. Получил сигнал о неисправности одного из двигателей.

— Марквол, сможешь определить причину?

Сидя в своей кабине, Марквол отчаянно крутил ручку дросселя. Из-за перебоев в работе левого двигателя корпус «Двуглавого орла» начало трясти.

— Я стараюсь, ведущий.

Тут двигатель издал последние нестройные звуки и уже окончательно

замолк. Бортовой номер Девять-Де-вять закачал крыльями и стал медленно выпадать из единого строя истребителей.

— «Умбра Восемь», доложите, пожалуйста, о состоянии вашего самолета.

— Отказал левый двигатель, — сообщил Марквол. Он нажал кнопку повторного запуска... Затем еще и еще раз... Безрезультатно.

— Ведущий, двигатель действительно отказал.

— Выходи из строя, Восьмой. Лети на базу и устраняй неисправность. С одним двигателем ты мне не нужен.

— Вас понял, выполняю приказ, — ответил юный пилот и, направив самолет вниз, пошел на разворот.

— Звено, сомкнуть строй! — приказала Джагди. Так, еще не сделав ни единого выстрела, они уже понесли потери.

Между тем на расстоянии пятидесяти километров аупекс стал показывать невероятное количество обнаруженных самолетов противника. Джагди принялась крутить контрольную ручку на панели приборов. Да их просто не

могло быть так много!

И все же это было именно так. По данным аэспекса, только в одной из многочисленных следующих одна за другой волн бомбардировщиков насчитывалось не менее пятисот машин.

— Святой Трон Земли!.. — растерянно пробормотала командир.

— Звено «Умбра», говорит ведущий. На расстоянии пятидесяти километров появились многочисленные самолеты противника. Все — потенциальные цели. Поднимаемся до десяти тысяч и пикируем на них. Цель выбираете себе произвольно.

— Вас понял, ведущий, — отозвался по воксу Блан-шер, и все истребители звена стали набирать высоту.

Дэрроу отрегулировал подачу кислорода в дыхательную смесь и вывел свою «Громовую стрелу» на восемь часов к самолету Ван Тула. Напряжение достигло апогея, и он уже чувствовал, как на стянутых плотными перчатками запястьях пульсируют вены. Чтобы лишний раз убедиться в исправности вооружения, он включил и выключил

орудия и успокоился, только когда увидел, как на экране приборной панели зажглась зеленая руна.

На воксовых частотах творилось что-то невообразимое. Через Командный Центр они получали все новые и новые сообщения о приближающихся самолетах противника. Их уже видели у Сан-Хагена, над морем Эз-ры, над дельтой Фестуса... Бригады Космического Флота одна за другой атаковали устрашающие волны бомбардировщиков Архенети и их несметные группы прикрытия. Неслыханное, эпическое сражение разворачивалось сейчас над Зофонианским морем.

— Еще пять километров — и идем на сближение, — объявила Джагди. — Что бы ни случилось, сохраняйтехладнокровие. Помните, в любую секунду могут появиться истребители.

На набранной или высоте никого, кроме них, похоже, не было, — по крайней мере, ни с помощью ауспекса, ни визуально ничего обнаружить не удалось, однако внизу приборы уже фиксировали огромное

множество летящих объектов.

«Неужели в небе сейчас так много машин? — недоумевал Дэрроу. — Или просто мой ауспекс неисправен?»

— Звено «Умбра», орудия к бою, включить системы наведения! Цель под нами на высоте четыре тысячи. Пикируем и атакуем!

«Громовые стрелы» рассыпали строй и в молниеносной атаке устремились вниз. Направив носовой конус кабины к земле и разогнав самолет до предельной скорости, Дэрроу увидел, как стремительно проносятся мимо него порванные в клочья облака. Сразу за ними были бомбардировщики. Ауспекс не врал. Насколько хватало глаз, все небо было заполнено нескончаемыми рядами летающих крепостей.

— Атака! — донесся из вокса призывный крик Джагди.

В одно мгновение все небо вспыхнуло огнем. Изрезанные линии трассирующих очередей, вылетев из вражеского строя, тотчас заполнили пространство. Дэрроу тут же ощутил, как разрывающиеся в

непосредственной близости зенитные снаряды сотрясают корпус его машины. Пике было головокружительным. «Выбери Цель, — говорил себе летчик, — немедленно выбери себе Цель, дурак проклятый, или ты проскочишь мимо них впустую!» Прямо под ним вспыхнуло несколько взры-bob. Он ясно видел, что уже оставил где-то позади два или три бомбардировщика.

Наконец он выбрал себе один громадный ярко-красный самолет с четырьмя крыльями и восьмью отклоняемыми соплами. Дэрроу понятия не имел, к какому типу тот относится, но по своим размерам эта махина ничуть не уступала имперским «Онеро». Многочисленные турели вражеского бомбардировщика ударили по истребителю из всех своих болтерных орудий, и Дэрроу ощутил сильный удар по одному из крыльев.

Пикируя почти вертикально, он открыл огонь. Залп лазерных пушек залил все вокруг ослепительным светом, и вспоротая бронированная обшивка вражеского колосса разлетелась на куски.

Дэрроу сознавал, что если он и дальше будет мчаться с такой бешеной скоростью и под таким острым углом, то неминуемо врежется в хвостовую часть бомбардировщика. Поэтому он попытался плавно выйти из пике, но огромная скорость, казалось, обездвижила рычаг управления. В отчаянии он стал стрелять еще и еще раз. Бах! Бах! Бах!

Чудовищный взрыв разнес на части громадный бомбовоз противника. Прямо по курсу имперского самолета вспыхнуло ослепительное пламя в форме тора, из раскаленных языков которого вырывались маленькие нитеобразные струи белого дыма. Дэрроу пронесся сквозь весь этот адский огонь и оказался по ту сторону вражеского строя. Если бы бомбардировщик не взорвался, ему наверняка не удалось бы уйти от столкновения. Теперь молодой пилот попытался поднять носовой конус своей машины. Однако это потребовало от него огромных усилий. Он сгруппировался, как учила его Джагди, и все же из-за чудовищных перегрузок едва не лишился

сознания.

Выйдя из пике, его стальная птица стала набирать высоту, а рычаг управления вновь приобрел былую подвижность. Вскоре Дэрроу заметил машину Скальтера, который, преследуя еще один супербомбардировщик, почти прижал его к морю. В конце концов после непрерывного длительного обстрела вражеский самолет рухнул в его холодные воды.

Слегка приоткрыв дроссель, Дэрроу продолжил подъем. Капли пота, затекая под дыхательную маску, стали разъедать кожу лица. Ему даже пришлось несколько раз активно моргнуть, чтобы стряхнуть влагу с ресниц. Система наведения сразу запищала, как только еще один сверхтяжелый бомбардировщик попал в сетку ее прицела. Ярко-синие болтерные очереди, вылетев из нижних, люковых орудий противника, казалось, прожгли пространство вокруг имперского самолета.

Используя отклоняемые сопла, Дэрроу подбросил свою «Громовую стрелу», зашел

вправо и выдал сразу четыре лазерных залпа по летающей крепости Архене-ти. Вражеский самолет лишился одного крыла. В результате такого повреждения огромная махина сначала заходила ходуном, потеряв ровность хода, а затем и вовсе перевернулась в воздухе. Ко времени, когда эта груда металла достигла водной поверхности, языки пламени уже успели охватить ее со всех сторон.

Пикируя, Джагди сбила один «Мучитель». Еще один она записала на свой счет при подъеме. Теперь лазерные батареи были истощены, и, облетая вокруг тяжелого бомбардировщика, ей пришлось переключиться на счетверенные зенитки. Командир выпустила несколько очередей, но огонь мощных турелей врага на этот раз заставил ее отступить.

Слева она увидела, как сбивает самолет Зеттик, а затем «Громовая стрела» Дель Рут свечой взмыла вверх, преследуя покинувший строй, уже подбитый «Мучитель».

Джагди рванула руль высоты и бросила свою машину под тяжелый

бомбардировщик. Вилтри как-то рассказывал ей о мертвой зоне этих машин — той точке в пространстве, где атакующий самолет будет неуязвим для орудийного огня их турелей. Две пулеметные очереди прошили обшивку хвостовой части ее самолета, прежде чем она наконец нашла искомую позицию. Раздался механический стрекот счетверенных зениток, и сразу несколько очередей вспороли брюхо летающему гиганту.

Машина противника дала сильный крен на левое крыло и, выпав из построения, стала обильно испускать густые клубы раскаленного дыма. Она взорвалась задолго до того, как ее первые обломки достигли морской поверхности.

Держась во время пикирования справа от Бланшера, Каминский нацелил свой самолет на один из «Мучителей» и спокойно дожидался, когда машина противника окажется в сетке прицела.

Прошло несколько томительных секунд, прежде чем он почувствовал, что уже пора...

— Огонь! — произнес он громко. — Огонь! Огонь!

Лазерные орудия вздрогнули и выбросили снопы молний. Пораженный «Мучитель» раскололся как яйцо и стал стремительно падать.

— Твой счет открыт, Каминский! — поздравил его по воксу Бланшер.

«Да, — подумал Август. — Мой счет открыт».

Пролетая сквозь хаос трассирующих очередей и клубящегося дыма, Вилтри следовал за Ранфре и Кордиа-лем. Затем он заложил вираж направо и тут же захватил в прицел пытающийся набрать высоту «Коготь».

Однако, прежде чем решиться на выстрел, он увидел полосы сплошного огня, надвигающиеся на них со стороны моря. Оскар развернул самолет и посмотрел вниз.

Все пространство внизу было усеяно «летучими мышами», которые, стремительно набирая высоту, уже открыли по ним бешеный огонь. Волны бомбардировщиков, как им и полагалось,

имели группы сопровождения, но не сверху, а снизу!

— Опасность! Опасность! «Летучие мыши»! — заорал он в вокс. — Они на шесть часов и летят вертикально вверх!

Остров Люцерна. Местная ВБ, 06.01

Оставшись с одним двигателем, Марквол едва долетел до Люцерны и с трудом провел непослушный в управлении самолет сквозь узкие ворота ангара. Мягко приземлиться не удалось: повредив посадочными лапами жесткое покрытие аэродрома, самолет по инерции проехал еще немного, оставляя за собой глубокие выбоины.

Механики тут же подбежали к бортовому номеру Девять-Девять. Марквол выбрался из кабины и в раздражении отбросил в сторону летный шлем.

— Что случилось, сэр? — встревоженно спросил Рэк-ли. — Вас подбили?

— Нет! Нет! Это все этот проклятый

левый двигатель! Этот самолет точно меня доконает!

Вне себя от ярости, Марквол поддал ногой валяющийся на земле шлем, и тот, гремя, покатился по взлетной полосе.

— Мы уже за работой, сэр, — сказал Рэкли, кинувшись открывать двигатель.

— Почините его! Немедленно почините! Почините, черт бы вас всех побрал!

Голос Марквола сорвался на визг. Рэкли тотчас остановился и медленно, с чувством собственного достоинства повернулся лицом к пилоту.

— Мы стараемся, сэр, — холодно произнес он. Марквол сразу увидел перемену в тоне главного механика. Он примиряюще поднял руки:

— Я извиняюсь, Рэкли. Я в самом деле извиняюсь. Просто я сейчас должен быть там. Я должен принять участие в сражении... А тут это чертово проклятие. Проклятие номера Девять-Девять! Это уже просто достало меня и...

— Нет никакого проклятия! — резко прервал его Рэкли. — Почему бы тебе,

парень, наконец, не перестать морочить всем голову? Ты все время сваливаешь с себя ответственность. Наговариваешь на своих товарищей-летчиков... чернишь тех, кто больше тебя сбил самолетов... проклинаешь свой «несчастливый» Девять-Девять.

Ищешь причину где угодно, лишь бы подальше от себя. Опомнись! Приглядись повнимательнее, может быть, причина-то в тебе самом! И слушай, ты заканчивай с этим, а не то я сам, клянусь Троном, когда-нибудь двину тебе разводным ключом!

Марквол аж потерял дар речи и в испуге отступил в сторону.

Рэкли вновь повернулся к своим механикам:

— Ребята! А ну, давайте-ка приведем эту чертову птичку в порядок!

В небе над Студеными островами, 06.15

«Бритвы» и «Саранчи» нахлынули волной, стараясь оттеснить их от чудовищного строя бомбардировщиков.

Однако Каминский решил, что вовсе не обязан делать это. Он развернул самолет и направил его прямо навстречу вражеским истребителям.

— «Умбра Пять», куда это, черт возьми, ты собрался? — заорал на него по каналу связи Бланшер.

Но Каминский сейчас не говорил ничего, кроме:

— Огонь! Огонь! Огонь! Огонь!

Бросив свою машину в яростный перекрестный огонь, Бланшер последовал за ним. Вскоре он увидел, как одна из «Бритв» вдруг странно задрожала и, как кровью, истекая дымом, резко повернула к земле. Потом, прямо на подъеме, взорвалась «Саранча»... Август с холодной яростью всаживал и всаживал в истребители противника свои лазерные разряды.

Подлетев с левой стороны к самолету Каминского, Милан выпустил снаряд в набирающую высоту «Саранчу» и тут же ушел в крутой вираж, потому что заметил опасное приближение малиновой «Бритвы». Эта «летучая мышь», описав в

небе петлю, уже выходила на крайне опасную для Каминского позицию. Бланшер, недолго думая, выпустил в «Бритву» три последних лазерных разряда.

Затем, переключившись на счетверенные зенитки, он выполнил «бочку» и технично ушел вниз. Каминский же, зайдя в хвост одной из «летучих мышей», буквально обрушил на врага шквал лазерных разрядов. Мимо пронеслись Кордиаль и Дель Рут, которые сейчас обстреливали три «Саранчи», отчаянно пытавшиеся спастись в крутом, почти вертикальном, пике.

В тот момент, когда Бланшер заметил, что его курс пересекает «Бритва», он тут же, используя направляемый вектор тяги, перевел свой самолет в позицию с выгодным углом наводки. Несколько зенитных очередей просто вспороли машину противника по всей ее длине.

Каминский наконец вывел свою «Громовую стрелу» из затянувшегося пике и сразу поймал в перекрестье прицела какую-то «Саранчу».

— Огонь!

Никакого эффекта. Его лазерные батареи были уже полностью разряжены.

— Включить! Огонь! Огонь!

Счетверенные зенитки выпустили несколько очередей, но уже лишь в пустое пространство. Каминский стал набирать высоту и вскоре обнаружил прямо над собой тяжелый бомбардировщик противника.

— Огонь! Огонь! Огонь!

Бомбардировщик дал крен и стал разворачиваться. Несколько двигателей вышли из строя, и теперь его экипаж, очевидно, почел за лучшее убраться восвояси.

— Огонь! Огонь! — крикнул Каминский.

Пораженный бомбардировщик быстро пошел вниз, в одно мгновение оказавшись объятым пламенем своего же горящего топлива.

Несколько «летучих мышей» молнией пронеслись мимо «Стрелы» Каминского. Заложив вираж, он стал разворачивать машину, готовясь принять их вызов.

Между тем еще две бригады «Громовых стрел» и строй «Молний»

подключились к сражению. После того как одна из пулеметных очередей угодила Джагди в руль, в управлении прежде идеально послушным Ноль-Один впервые появились трудности. Тем не менее, умело сориентировав самолет в пространстве, она вышла из-под бешеного огня трех «летучих мышей» и тут уже сама залпом орудий разнесла на части еще один «Мучитель».

Однако запас ее горючего неумолимо истощался. У остальных пилотов «Умбры» дела должны были обстоять примерно так же, если, конечно, они как следует выполняли свою работу.

— Звено «Умбра»! Приготовиться к развороту! Мы летим на базу. Всем нужна дозаправка и пополнение боекомплекта. Потом сразу возвращаемся.

Дель Рут, Кордиаль и Зеттик без промедления подтвердили получение приказа. Затем откликнулись Дэрроу, Скальтер и Ван Тул.

Подтверждение Вилтри пришло чуть позже.

— «Умбра Два», ответьте! —

крикнула в вокс Джагди.

— Слышу вас хорошо, выхожу из боя, — ответил Бланшер.

— «Умбра Пять»! Каминский!

— Вас понял, ведущий. Горючее на исходе. Иду на базу.

— «Умбра Двенадцать»! «Умбра Двенадцать»! Ранфре, отзовись!

Командир оглянулась по сторонам, стараясь в переполненном самолетами небе разглядеть машину Ранфре.

Она не могла видеть, как в это самое время, на гораздо более низкой высоте, одна из имперских «Громовых стрел» неуклонно приближалась к морской поверхности.

Машина Ранфре летела сейчас сквозь свинцовый дождь, который обрушивался на нее со стороны стаи бомбардировщиков. Все болтерные очереди, выпущенные из их многочисленных турелей, прошли мимо. Все, кроме одной, которая, разнеся капсулу кабины, пробила и голову Ранфре.

Его потерявшая управление «Стрела» так и продолжала медленно снижаться, пока наконец не упала в холодные морские

волны.

Остров Люцерна. Местная ВВ, 08.13

Самолеты звена один за другим влетели в южные ворота ангара. Из машины Дель Рут струился дым, а руль направления в кабине Бри, словно флюгер, болтался из стороны в сторону.

— Починить, перезарядить и заправить! — крикнула Джагди подбежавшим командам механиков.

Электрозарядные устройства и платформы с цистернами уже подгоняли к еще не остывшим, окутанным облаками пара машинам.

— Где Марквол?! — спросила Джагди у Рэкли, стараясь перекричать тот неимоверный шум, который установился в ангаре.

— Он был у нас, мэм! Мы его быстро починили! Потом он снова улетел!

Неожиданно фонтаны прометия вырвались из заправочного шланга там, где он был небрежно подсоединен к машине Кордиаля. Проклиная своих подопечных,

Рэкли бросился устранять возникшую неисправность.

Джагди с тревогой посмотрела в проем ворот ангара, вглядываясь в бледную синеву утреннего неба.

Теперь Марквол там был один...

В небе над Студеными островами, 08.45

Небо вспыхивало то здесь, то там от бесконечных разрывов снарядов. Марквол сделал глубокий вдох. Его охватил какой-то странный восторг. Никогда еще ему не приходилось видеть так много самолетов в одном сражении.

Он бросил свой Девять-Девять в крутое пике, нацелившись на группу «летучих мышей», в которой состояло не менее тридцати самолетов класса «Саранча». Сейчас ему было уже все равно. Не делая никаких специальных усилий, он ворвался в ряды противника и выстрелил, как только услышал сигнал о захвате цели.

Один из небольших истребителей Архенеми отбросило в сторону, и

мгновением позже ослепительный взрыв разнес его на части.

— Третий! — не помня себя, закричал Марквол. — Третий, мать твою, третий!

Вражеские самолеты рассыпали строй и, описав в небе мертвые петли, стали заходить на атаку. Неожиданно для Марквола почти все они вдруг оказались в опасной близости.

Со всех сторон по нему ударили пулеметные очереди. Не успел юноша опомниться, как уже имел три пробоины в левом крыле, две — в правом и аж четыре — в хвостовой части.

В панике, буквально глотая ртом воздух, он рванул самолет вверх в надежде уйти от преследования. Однако, не отставая ни на метр, целый рой «летучих мышей» последовал за ним.

Тут Марквол увидел, как в небе что-то сверкнуло. Какое-то неуловимое мерцание...

Восемь кремовых «Громовых стрел» молнией пронеслись мимо его машины и ворвались в скопление самолетов противника.

Апостолы.

Трон Земли, Апостолы!

— Лэрис?.. — прошептал Марквол, не веря собственным глазам.

Святая Терра!.. Как же эти Апостолы всыпали «летучим мышам»! Идеальный темп, идеальное построение... Они рассеяли их рой и уничтожили большинство всего за один заход!

Как быстро!.. Маркволу даже показалось, что его самолет неподвижен, а ведь стрелка на спидометре зашкаливала за восемьсот.

— Лэрис! Лэрис Асче! — позвал он.

— Кто это? — донесся из вокса хрипловатый голос.

— «Утбра Восемь».

— Марквол?! Зубы Императора! Сейчас совсем не время для дружеских бесед. Быстрее уноси свою задницу отсюда!

— Вас понял, Лэрис. Уже улетаю.

— Да, черт возьми, и поживее... И не называй меня так больше. Я теперь «Апостол Пять».

В небе над Студеными

островами, 09.18

Бланшер поднял в воздух первую четверку «Громовых стрел», которые на данный момент были готовы к взлету. С ним полетели Ван Тул, Кордиаль, Скальтер и Зеттик. Остальные должны были дожидаться, когда механики починят руль направления в самолете Джаг-ди, чтобы потом взлететь под ее началом.

Бланшер повернул свою группу на юго-запад и взял курс в направлении Тэды. Они поднялись в небо почти одновременно еще с одной бригадой «Громовых стрел», которая также уже вернулась на Люцерну для дозаправки, так что теперь сразу две группы истребителей синхронно летели над волнами Зофонианского моря.

Бланшеру показалось, что впереди бушует шторм и вдоль горизонта бегут грозовые тучи. Пелена бурого дыма напоминала отвесную скалу в океане, которая протянулась так далеко, что ее даже нельзя было окинуть взглядом, а в глубине коричневых облаков, словно молнии, вспыхивали и гасли какие-то

искры.

По мере того как они приближались, «скала» постепенно рассеивалась. То, что они видели, на самом деле было оптической иллюзией, создаваемой тысячами дымовых и огненных реактивных выхлопов, которые так густо зачертили собой небо, что издали казалось, будто его заслоняет что-то огромное и монолитное.

Мимо них, в направлении островных авиабаз, болтаясь из стороны в сторону, пролетело несколько подбитых имперских машин. Все это время Бланшер не прекращал вызывать Марквола. На частоте вокса все еще можно было услышать неясное бормотание сотни перебивающих друг друга голосов. Согласно информации, полученной из Командного Центра, наряду с крупномасштабным сражением, в котором они сами принимали участие, в это же самое время велись еще две не менее серьезные воздушные битвы. Одна — над морем Эзры, а вторая — невдалеке от восточного побережья, у самого Ингебурга. В других

сообщениях говорилось, что отдельным соединениям бомбардировщиков все же удалось прорваться сквозь оборонительную линию Студеных островов и теперь они уже приступили к бомбардировкам Зофоса и даже некоторых районов северного побережья. Все пригодные к полету имперские машины уже по меньшей мере второй раз за сегодняшний день поднялись в воздух.

Между тем обнаруженные ауспексом самолеты противника были уже совсем близко. Большая группа «Адских когтей» шла на север.

— Звено «Умбра», — раздался приказ Бланшера, — мы атакуем!

В небе над Студеными островами, 09.50

Прошла целая вечность, прежде чем механикам удалось починить руль в самолете Джагди. И даже после этого Хеттен предупредил ее, чтобы она не слишком полагалась на него во время полета. Бри вылетела из ангара и на максимально возможной скорости стала

набирать высоту. Вслед за ней устремились Дель Рут, Каминский, Вилтри и Дэрроу. Теперь не было никакого смысла ожидать специальных инструкций из Командного Центра. Куда бы она ни бросила взгляд, все небо над архипелагом было заполнено авиацией.

Они заметили квартет уже изрядно потрепанных «Мародеров», которые подвергались непрерывным атакам группы из девяти синих «летучих мышей» класса «Саранча», маневры которых были столь умело скоординированы, что казалось, будто ими руководит из единого центра какое-то злобное создание.

Джагди повела свою бригаду в атаку...

Один из «Мародеров» после долгого обстрела все же перевернулся и, покинув строй, быстро пошел вниз в направлении атоллов. В данных обстоятельствах трудно было сфокусировать внимание только на одном сражении. Какие-то неизвестные самолеты постоянно оказывались посреди сражающихся авиагрупп, и, таким образом, области разных воздушных боев часто пересекались.

Самолеты «Умбры» уже закружили в смертельном танце с синими «Саранчами», когда неожиданно семь «Молний» вторглись в зону их боевых маневров, приведя с собой к тому же три пары «Бритв». К своему удивлению, Джагди вдруг обнаружила, что должна будет иметь дело с одной из этих пар, которая довольно быстро переключилась на нее, оставив преследуемые «Молнии». Ни о каком стратегическом построении в звене «Умбра» теперь не могло быть и речи.

Лихо зайдя на вираж, Дэрроу пролетел над одним из подбитых «Мародеров» и тут же захватил в прицел желтую «Адскую бритву». Возможно, у того были повреждены отклоняемые сопла, а может быть, вражеский пилот просто растерялся, но, когда Дэрроу целился, он предполагал, что «летучая мышь» отскочит влево, однако та не пожелала или не смогла сделать это. В результате первый залп прошел мимо. Тогда Дэрроу заложил вираж вправо и, дождавшись, пока машина противника влетит в

перекрестье его прицела, выстрелил снова — на этот раз без промаха.

Оттесненные в сторону «Бритвами», которые пронеслись сквозь строй «Умбры», самолеты Каминского и Вилтри оказались в восточной части сражения. Они и опомниться не успели, как все девять синих противников налетели на них со всех сторон. И тот и другой принялись выписывать виражи и отстреливаться, а синие «Саранчи», как стайка встревоженных рыб, метнулись от них вбок.

Затем вражеские самолеты вновь пошли на сближение и, зайдя в атаку, выстроились в почти единую линию. Каминский рванул свою «Громовую стрелу» в сторону, а Вилтри, используя отклоняемый вектор тяги, выполнил невероятный кульбит, так что очутился точно на пути у противников.

В какую-то долю секунды он получил надежный сигнал о захвате цели ведущего самолета противника и тут же произвел выстрел из счетверенных зениток. Вилтри намеренно не убрал палец с

кнопки активатора стрельбы, чтобы получилась длинная разящая очередь. Первая «Саранча» сразу же взорвалась, а поскольку они шли плотным линейным строем, система наведения автоматически перенацелила орудия на следующий истребитель Архенеми, и он также разлетелся на куски.

Затем Вилтри, чтобы избежать столкновения с остальными машинами противника, пришлось заложить крутой вираж в сторону. Над его кабиной что-то мелькнуло, и он увидел, как Каминский, вращая свой самолет вокруг продольной оси, бросил его в самую гущу врагов, впервые заставив их рассыпать строй.

Каминский подбил одного из них, потом другого и, уже начав охоту за третьим, оказался к нему на шесть часов. Этой синей «летучей мыши» так хотелось поскорее оторваться от севшей ей на хвост «Громовой стрелы», что она сдуру выскочила в сектор огня орудий Вилтри, и он тут же сбил ее молнией из своих лазпушек.

Самолеты Каминского и Вилтри на

встречных курсах пронеслись мимо друг друга. «Саранчи» же, чей строй теперь был разорван, стали отдельными группами поспешно выходить из боя.

В небе над Студеными островами, 10.10

После тяжелого сражения группе Бланшера наконец удалось выйти из боя, и она получила краткосрочную передышку. Однако уже очень скоро новый водоворот воздушной битвы, продолжающейся на верхних небесных этажах, неумолимо затянул их. Превосходящие силы противника стали медленно оттеснять их к морской поверхности. Все ниже и ниже. Вдруг пылающие части реактивных двигателей, куски крыльев и покореженные обломки руля высоты какого-то разнесенного взрывом самолета просыпались сверху огненным дождем. Большой фрагмент фюзеляжа ударил в носовую часть «Громовой стрелы» Скальтера, чем тут же разрушил его лазерную батарею и содрал обшивку с правого турбовинтового двигателя. Пилот

в ужасе вскрикнул и стал лихорадочно крутить ручки на панели приборов, отчаянно пытаясь выровнять движение самолета. Раздался треск. Бросив взгляд на помятую носовую часть, Скальтер увидел, как там вовсю искрят порванные кабели лазерной установки. Он мгновенно деактивировал электробатареи и переключился на счетверенные зенитки.

— «Умбра Семь»! Внимание! — донесся встревоженный крик Бланшера.

Скальтер был настолько поглощен устранением возникших неполадок, что уже опасно долгое время вел свою машину, не меняя курса. Розово-лиловый «Адский коготь» появился внезапно, выскочив из клубов застилающего небо дыма, и сразу же открыл огонь.

Скальтер замер, сидя за бронированной обшивкой кабины, и несколько раз вздрогнул, когда рядом проносились вражеские снаряды. Он словно окаменел, парализованный страхом. Бланшер же был сейчас втянут в бой с двумя «Бритвами» и ничем не мог ему помочь.

В этот момент со стороны севера вдруг появился самолет Кордиаля. Ведя бешеный огонь, он пару раз пробил обшивку задней части «Когтя», и тот, забыв и думать о «Громовой стреле» Скальтера, устремился вниз, к самому морю, в надежде так уйти от преследования.

Кордиаль бросился за ним в погоню.

Оба самолета помчались над самой водой на высоте, не превышающей десяти метров, вздымая волны реактивными выхлопами. «Коготь» носился взад-вперед вокруг атоллов и выступающих из воды утесов, видимо твердо решив не взмывать над морской поверхностью, что в данной ситуации неизбежно сделало бы его легкой мишенью. «Громовая стрела» Кордиаля будто прилипла к нему, повторяя все виражи, минуя маленькие островки и остроконечные каменные зубья. Слыша, как шум их двигателей причудливым эхом раздается в отвесных скалах, пилоты на крутом вираже облетали очередной высокий утес, как вдруг на их пути неожиданно возникли две гигантские баржи, стоящие на якоре в укромной бухте.

Метнувшись вверх, самолет Кордиаля буквально в нескольких сантиметрах пролетел мимо воксовых мачт этих громадных посудин. «Коготь» же на бреющем полете пронесся над гаванью, едва избежав ураганного огня батарей «Гидр», расположенных на песчаных пляжах, и продолжил свой полет точно над береговой линией островного атолла.

Положив самолет на правое крыло, Кордиаль, не теряя ни секунды, устремился за противником. Пилот «Умбры» лишь усмехнулся, когда увидел, что они своим шумным пролетом распугали тысячи морских птиц, которые стаями поднялись с прибрежных скал.

«Коготь» метнулся влево и полетел над грядой низких, едва выступающих из воды островков. Следуя за ним как привязанный, Кордиаль услышал наконец долгожданный сигнал о захвате цели и тут же открыл огонь.

Самолет противника резко накренился и на полной скорости врезался в скалы, произведя ужасной силы взрыв. Кордиаль пулей пронесся мимо и радостно

оглянулся, чтобы понаблюдать, как на месте крушения появится раскаленный огненный шар.

В этот момент, на скорости семьсот километров в час, его самолет вдруг влетел в стаю птиц, в испуге взметнувшихся с одной из многочисленных выдающихся из воды скал. Каждая птица весила не менее килограмма, и они, как кованые молотки, обрушили град ударов на конус носовой части, разрывая в клочья стальную обшивку кабины. Две из них вывели из строя правый двигатель, а одна, пробив капсулу пилота и разнеся прицел, угодила Кордиалю прямо в лицо. Чудовищной силы удар вогнал защитные очки летчика глубоко в глазницы и мгновенно сломал ему шейные позвонки.

«Умбра Одиннадцать» с разгону врезалась в прибрежные скалы атолла и, разлетевшись на части, подняла огненный вихрь из смятых листов корпусной обшивки, кусков порванного кабеля и искромсанных частей фюзеляжа.

В небе над Студеными

островами, 10.45

Уже совершая широкий разворот, чтобы лететь на базу, звено Джагди обнаружило бригаду «Мучителей», которые, видимо, недавно вышли из боя и теперь направлялись в сторону моря Эзры. Самолеты «Умбры» устремились в атаку и изматывали противника до тех пор, пока не израсходовали почти все горючее.

Набирая высоту для захода на аэродром на Люцерне, они неожиданно увидели «Громовую стрелу» Марквола.

— «Умбра Восемь»! — закричала в воке Джагди. — Где, черт возьми, ты пропадал?!

— Точно не скажу, ведущий, — откликнулся Мар-квол, — однако, где бы это ни было, там летало ужасно много самолетов!

Остров Люцерна. Местная ВБ, 11.30

— Подготовить к взлету так быстро, как только возможно! — приказала Джагди, спрыгнув на жесткий настил ангара.

Ее четверка привезла с собой и Марквола. Согласно информации Командного Центра, группа Бланшера должна была прибыть минут через пять.

— Есть, мэм! — ответил командиру Рэкли.

Из-под днища машины Каминского струился дым, и главный механик был вынужден отвлечься, крикнув персоналу наземной службы немедленно окатить самолет водой из пожарного шланга. Снова повернувшись к Джагди, он указал рукой на пустые тележки для боеприпасов, которые стояли у края ангара.

— В последний раз наш заказ выполнили не до конца, командир, — сказал он. — Я связался с главным арсеналом базы, и мне сказали, что складские запасы уже на исходе. Этим утром они привезли нам столько, сколько обычно поставляют за восемь дней.

— Так пусть работают усерднее! — раздраженно заявила Джагди.

— Не думаю, что это возможно, мамзель. Боеприпасы на складах действительно подошли к концу. Теперь

тыловым службам приходится доставлять их напрямую с еще не разгруженных барж. Это-то и замедляет весь процесс.

— Я сейчас пойду и скажу им пару ласковых... — сказала Джагди и направилась в зал для инструктажа.

Уже на выходе из ангара она повернулась и крикнула:

— Пилоты! Не забудьте все, я повторяю: все — что-нибудь попить! Если сможете, поешьте, только немного, но жидкость для организма просто необходима!

Марквол слез с самолета и взял бутылку с питьевой водой, которую подал ему один из механиков. Однако, прополоскав рот, он все выплюнул, потому что хотел избавиться от неприятного привкуса резины, который остался у него после дыхательной маски.

— Как он в управлении, лучше? — спросил Рэкли. Марквол кивнул:

— Я хотел извиниться...

Рэкли энергично замотал головой:

— Кто старое помянет, тому глаз

вон, сэр.

— Я сбил третий самолет, — сказал Марквол. Главный механик усмехнулся и похлопал его по плечу:

— Ну вот видите, а вы говорите «проклятие»...

В зале для инструктажа Джагди связалась через вокс с оружейниками, но была вынуждена выслушать ту же историю, которую ей уже рассказал Рэкли.

— Вы что, думаете, мы можем сражаться, оставаясь на земле и лишь глядя на небеса?! — воскликнула Джагди и в раздражении бросила трубку.

Разговаривая по воксу, она внимательно смотрела на экран главного аудекса. То, что она увидела, более напоминало изображение надвигающегося тропического урагана на метеорологической карте, чем тактические проводки авиагрупп.

В зал вошел Вилтри. Он положил шлем на стол для совещаний и также подошел к экрану.

— Командный Центр сообщает, что мы их отбили, — сказал пилот.

— Командный Центр пусть поцелует меня в зад! Никого из них там не было!

— Нет-нет! — Вилтри указал рукой на южную часть экрана. — Я, кажется, понимаю, что они имеют в виду. В общих чертах, конечно. Смотри, вот это — то, что было единой мощной волной бомбардировщиков, которую Архенети бросил на нас на рассвете. Сейчас в небе, может быть, полно сражающейся авиации, но в основном это все же возвращающиеся на базу самолеты противника. У кого-то из них кончается горючее, кто-то летит обратно, поразив цель... Вот, взгляни на эту область, видишь? — Он похлопал по экрану чуть восточнее Зофоса. — Это все бомбардировщики средней дальности. Все они движутся на юг. А настоящую, единую волну мы все же отбили.

— Первую волну, — поправила его Джагди. — Массированные наступления вроде этого так просто не заканчиваются. Они вернутся сразу, как только дозаправятся и пополнят боекомплект.

Вилтри согласно кивнул:

— Конечно. У меня вообще ощущение,

что они теперь будут продолжать, пока не сокрушат нас. Тактику Архенели можно оценивать по-разному, но утонченной ее никак не назовешь.

— Это точно, — подтвердила Джагди. — Мы поднимемся в воздух, как только будут готовы самолеты. Пока не двинется вторая волна, будем охотиться за одиночными группами противника и контролировать какую-нибудь одну определенную высоту.

— Интересно, сможет ли Рэкли раздобыть несколько ракет на складе, как я его просил? — задумчиво протянул Вилтри.

— Ну, если найдет, считай, тебе крупно повезло! — рассмеялась Джагди.

— Понимаешь, с ракетами мы могли бы попробовать разыскать и подорвать их мобильный аэродром. Как бы много у них ни было «летучих мышей», но без него они не смогут их заправить и перезарядить.

— Да, пожалуй, ты прав, — согласилась Джагди.

Она подняла голову и взглянула на висящий на стене большой табель-журнал,

который вели работники наземной службы. Для каждого самолета бригады фиксировалось точное время взлетов и приземлений, полученные повреждения, выполнение ремонтных работ... За сегодняшний день в графе Ранфре зияла зловещая пустота.

— Думаешь, погиб? — понял по ее взгляду Вилтри.

Командир кивнула:

— В последний раз его видели примерно в шесть тридцать. Даже если допустить, что он экономил каждый грамм горючего, все равно к этому времени он уже никак не может быть в воздухе.

— Но может быть, он сел на какой-нибудь другой базе? — осторожно предположил Вилтри. — Или катапультировался, или...

Джагди оценила старания Вилтри. Она решительно подняла лежащий на столе стилус и написала напротив фамилии Ранфре: «Погиб на задании».

— Ты знаешь, это вот как раз то самое, о чем я неперестаю думать в

последние несколько дней, — сказал Вилтри негромко. — Я имею в виду, о смерти в бою...

— Не думаю, что ты такой один, — заметила Джагди.

Он отрицательно замотал головой:

— Конечно нет, но мой случай особый. Дело в том, что с официальной точки зрения гражданин Империума Оскар Вилтри уже давно погиб. Теперь я всего лишь... клочок бумаги, временный регистрационный номер.

— И?..

— Бри, не могла бы ты мне кое-что пообещать?

— Конечно, — не задумываясь ответила она.

— Ты еще не знаешь, о чем я попрошу. Сейчас я здесь, рядом с тобой, я горжусь, что летаю в твоей бригаде. И можешь быть уверена, так оно и будет, пока все это не закончится...

— Я знаю, — сказала она.

За свою жизнь она встречала совсем немного людей, столь преданных и ответственных, как Оскар Вилтри.

— Но после того как здесь все закончится, когда мы наконец победим... Я имею в виду, не сегодня, а вообще, сколько бы времени на это ни ушло... Не могла бы ты тогда забыть, что ты меня видела?

— Что это ты такое говоришь? — рассмеялась Джагди, но вдруг по его глазам поняла, что он очень серьезен.

Вилтри достал из кармана и развернул регистрационное свидетельство, выданное ему Мунитором.

— Не могла бы ты тогда забыть, что Оскар Вилтри вернулся из пустыни и летал в твоей бригаде? Ты ведь можешь записать в своем журнале, что этот временный регистрационный номер погиб на задании. Я очень прошу тебя, Бри: когда все закончится, позволь мне затеряться здесь, на Энозисе!

Командир недоуменно посмотрела на него:

— Ты действительно хочешь этого, Вилтри?

— Да, хочу. Видишь ли, дело не только во мне... Есть еще кое-кто... — Он

смущенно замялся. — После войны тут останутся люди, и им нужно будет помочь восстановить нормальную жизнь.

Джагди колебалась только одну секунду, затем взяла у Вилтри регистрационное свидетельство.

— Обещаю, — твердо сказала она.

Дэрроу остался в пещере ангара и, глядя на авральную работу механиков, тихо сидел в углу, привалившись спиной к холодной каменной стене. Руки у него больше не тряслись. Он сидел неподвижно. Если в нем сейчас и было какое-то движение, то оно было спрятано глубоко внутри. Там, в глубине его сознания, сейчас все бушевало и горело, наносило удары и стенало от боли, кричало в восторге и умирало в конвульсиях. Этим утром все это было. Но вот что странно: его память не сохранила ни одной четкой картины прошедшего боя. Лишь какие-то неясные, размытые образы... Терпкий запах горючего и фицелина... Громовые раскаты...

Невдалеке от себя он услышал, как несколько работников наземной службы

восторженными криками приветствуют нанесение третьей отметки на носовой конус самолета Марквола. Сам юноша при этом выглядел триумфатором. Дэрроу знал его всего ничего, но и этого было достаточно, чтобы понять: парень отчаянно жаждет славы.

Дэрроу задумался и вдруг понял, что, к своему стыду, не может сказать точно, сколько он сам успел сбить самолетов. Он закрыл глаза и попробовал представить их все по очереди. Так... Вчера ему первый раз подфартило... потом те бомбардировщики...

Выходило, что его победный список состоит уже из пяти сбитых врагов. Теперь он ас!

Подумав, Дэрроу решил, что Маркволу лучше об этом не знать.

Вдруг со всех сторон до него донеслись предупредительные сигналы. Это группа Бланшера, наполняя пещеру пронзительным завыванием своих двигателей, стала залетать наконец в северные ворота ангара. Дэрроу вскочил на ноги. Он тотчас заметил, насколько

сильно повреждена носовая часть самолета Скальтера.

Сам Скальтер не пострадал, хотя и выглядел довольно обескураженным. Джагди лично подбежала к его машине, чтобы оценить нанесенный ущерб.

— Лазерные орудия приведены в полную негодность, — заключил ведущий механик. — Потребуется не один час, чтобы установить на самолет новую систему. Что касается обшивки, ее заменим быстро, но, если вы непременно хотите в ближайшее время поднять машину в воздух, в бою пилоту придется обходиться только счетверенными зенитками.

— Что ж, значит, будет обходиться, — вздохнула Джагди.

Тут она обернулась и увидела, как от своих машин, опустив головы, к ней бредут Бланшер, Ван Тул и Зем-мик.

В ужасе она замерла. Занятая осмотром самолета Скальтера, она не заметила очевидного.

— А где Кордиаль? — спросила Джагди, боясь услышать ответ.

Милан Бланшер лишь покачал головой.

В небе над морем Эзры, 13.16

Вторая волна наступления двинулась на север примерно через час после полудня. Хотя день выдался ясный, последствия утреннего сражения не могли не сказаться на атмосферной видимости. Необычная матовая пелена заволокла небо до самого горизонта. Столбы дыма, которые, как при извержении вулканов, поднимались над Тэдой, Эзравилем и Лимбусом, были видны за сотни километров.

«Умбра» уже была в воздухе. Также были подняты в небо и все прочие бригады с авиабаз Люцерны, Змеиного Атолла, других островов архипелага. Перед вылетом техномаги благословили имперские самолеты и торжественно проводили их на священную битву.

Летчики «Умбры» набрали большую высоту — около пятнадцати тысяч — и сразу разбились на две группы. Вместе с Джагди летели Вилтри, Дэрроу, Дель Рут и Марквол, а «Громовая стрела»

Бланшера вела за собой самолеты Скальтера, Каминского, Земтика и Ван Тула. Снова на экранах их аупексов возникли устрашающие проводки мощной волны Архенеми, которая неудержимо двигалась на север. Еще утром Джагди услышала, как какой-то инспектор полетов в самый пик боевой активности оценил соотношение сил как одиннадцать к одному в пользу Архенеми. «Интересно, — подумала она, — каково же соотношение потерь?»

Теперь командование было готово ввести в бой последние резервы. После того как сегодня утром противник преподнес неожиданный сюрприз, среди местных летчиков была проведена срочная мобилизация, и теперь на всех аэродромах северного побережья, в любую минуту готовые к взлету, стояли боевые машины ВВС Содружества — в основном пульс-реактивные и поршневые самолеты. Джагди знала, что у этих устаревших моделей едва ли есть хоть какой-то шанс против современных машин с отклоняемым вектором тяги, но беда

была в другом. Если даже ослабленная волна бомбардировщиков Архенеми докатится до северного побережья — уже ничто не будет иметь значения.

Этим утром, несмотря на ужасные потери, бригадам Космического флота все же удалось отразить эту чудовищную волну. По некоторым районам северного побережья был нанесен удар, но далеко не с той силой, на какую атака была рассчитана.

Впереди был второй раунд.

На этот раз тактика противника изменилась. Теперь ударные группы истребителей Архенеми шли впереди бомбардировщиков, видимо рассчитывая рассеять соединения Космического флота и лишить их возможности препятствовать продвижению грозной волны.

Джагди уже увидела, как впереди появляются инверсионные следы. «Летучие мыши», не жалея газа, неслись навстречу имперским бригадам.

С востока до запада небо стали озарять вспышки взрывов. Кое-где уже

происходили первые столкновения. Тон сообщений из Командного Центра неожиданно стал почти надрывным.

Летчики «Умбры» через скопы в своих кабинах уже наблюдали приближение группы истребителей — около тридцати машин, стремительно идущих на высоте двенадцати тысяч метров.

— Чертовски быстро идут, — пробормотал в вокс Зеттик.

— Что ж, давайте тогда заставим их притормозить, — предложила Джагди.

Разбившись на пары, «Громовые стрелы» «Умбры» устремились вниз, открывая огонь, как только мчащиеся на север «летучие мыши» попадали в зону действия их орудий. Это была эскадрилья самолетов класса «Саранча»; темно-бордовые, желтые, позолоченные самолеты противника, приняв вызов, тут же взмыли навстречу их атаке.

Вилтри, уже на встречном движении, удалось поразить одну «летучую мышь», но Джагди пришлось ввязаться в бой сразу с двумя, оказавшимися у нее на пути. Получилось так, что курсы Дэрроу и

Дель Рут почти совпали, и они одновременно нанесли лазерный удар по одной и той же цели, разнеся ее на мелкие части. Самолету Марквола во время его первого прохода едва не отстрелили хвостовую часть, но он круто взмыл, спеша на помощь к Джагди.

Несмотря на отчаянные виражи и пируэты, две темно-бордовые «летучие мыши» прочно сели на хвост «Громовой стреле» командира «Умбры». Заложи она чуть более крутой вираж — и двигатели вполне могли бы заглохнуть.

— Никак не оторваться! — прохрипела Джагди в вокс, вся сжавшись в «замок», чтобы перетерпеть невыносимые перегрузки.

— Ведущий «Умбры»! Включай тормоза и уходи в сторону! — прокричал Марквол, когда его самолет с ревом проносился мимо.

Весь мир для Джагди сузился в серый туннель, когда она, разблокировав тормоза скорости, сначала бросила свою машину вниз, а затем, как бы подныривая под все еще разворачивающиеся «Саранчи», резко

ушла назад. Совершив этот сложнейший маневр, пилот тотчас включила отклоняемый вектор тяги и выровняла движение. Тут над ней, стреляя из пулеметов, пронесся Марквол, и враги в панике бросились врассыпную. Один метнулся вверх и сразу же исчез из поля зрения юноши, но за другим, ушедшим в пике, он решил начать погоню.

Пилоты звена Бланшера сбили по самолету уже в первые двадцать секунд сражения, хотя «Громовая стрела» Ван Тула тоже пострадала, получив серьезные повреждения крыла.

— Ты в порядке, Третий? — встревоженно спросил Бланшер.

— На четыре-А, — услышал он ожидаемый ответ.

По связи Милан отчетливо слышал голос Каминского:

— Огонь! Огонь! Огонь! Выбрать! Огонь!

Набирая высоту, Бланшер сбросил скорость и, подняв голову, увидел, как самолет Каминского, совершив неуловимый маневр, вышел на убойную

позицию и огнем из своих счетверенных зениток сбил уже вторую за этот вылет машину противника.

Те «летучие мыши», которым удалось уцелеть, почли за лучшее убраться восвояси. Марквол же вернулся из погони, так и не пополнив своего счета. Лишь только самолеты «Умбры» перестроились, имперские летчики увидели, как южнее и ниже появились передовые машины гигантской волны бомбардировщиков. Глядя в скопы, они обнаружили еще несколько групп истребителей сопровождения.

Тем не менее они начали атаку...

В небе над морем Эзры, 14.02

Батареи массированного строя бомбардировщиков открыли огонь, как только пикирующие истребители оказались на расстоянии выстрела. На нежном фоне неба, среди матово-желтых облаков тяжелые бомбардировщики противника, казалось, были выделены глубокой печатью. Четыре бригады «Громовых стрел» атаковали эти

гигантские караваны со смертельным грузом, а еще две бригады схлестнулись в поединке с «Бритвами» прикрытия.

Вилтри мог бы быть экспертом по борьбе с бомбардировщиками, и его знания и опыт помогли ему с первого захода поразить сразу две цели. Джагди последовала его примеру, нанеся урон одному из тяжелых рейдеров, после чего летящей за ней следом Дель Рут не составляло большого труда с ним разделаться. Дэрроу, который выбрал себе целью «Мучитель», буквально отстрелил часть его моторного агрегата. На какую-то секунду пораженный самолет завис в воздухе, а затем рухнул в море, будто в одно мгновение потеряв всю свою силу.

Дель Рут описала в небе перечеркнутую «S», а затем спикировала на сверхтяжелый бомбовоз, красный, как сырое мясо. Позади громадной машины болтались какие-то цепи, и Дель Рут не сразу поняла, что на них насажены человеческие черепа. Она заложила вираж и даже не стала ждать, пока вражеский самолет попадет в перекрестье ее

прицела. Сейчас промахнуться было почти невозможно. Она выпустила аж восемь лазерных разрядов в раздутые борта воздушного монстра и, уже отлетая в сторону, увидела, как разлетается на куски алюминоидная обшивка, когда сдетонировавший боезапас вакуумных бомб изнутри разрывал бронированный корпус.

Даже теперь, когда этот гигантский бомбардировщик горел и был фактически уничтожен, его турели все еще продолжали вести огонь. Внезапно Дель Рут ощутила, как ее «Громовую стрелу» встряхнуло, будто что-то со страшной силой ударило снизу по носовой части машины. На мгновение она выпустила рычаг управления, и самолет развернуло градусов на двадцать.

Ничуть не растерявшись, Дель Рут тотчас вернула контроль над ситуацией.

— Шестой, ты в порядке?

— Так точно, ведущий.

Дель Рут бросила взгляд на панель приборов и увидела, что там загорелись две аварийные лампочки, указывающие на повреждения правого зарядного устройства.

— В результате попадания снаряда получила легкое повреждение, — отрапортовала она.

Как Каминский, так и Земмик уже в первом заходе нанесли урон бомбардировщикам противника, но Бланшер, Скальтер и Ван Тул были перехвачены «Бритвами» прикрытия еще до того, как успели нанести удар. Ван Тулу пришлось описать в небе восьмерку, чтобы оторваться от багровой «летучей мыши», после чего имперский летчик тут же спикировал на другого противника, выкрашенного в черно-белую клетку, который в это время уже готовился атаковать машину Скальтера. Как только «клетчатый» самолет был превращен в ничто, Ван Тул скользнул в сторону тяжелого бомбардировщика и, зайдя к нему на семь часов, сразу открыл огонь.

Тут вновь появилась багровая «Бритва», от которой только что оторвался Ван Тул. Вражеский самолет почти вертикально спикировал на машину Скальтера и обрушил на «Стрелу» шквал

огня. Болтерные очереди прошили правый двигатель, среднюю и хвостовую часть ее корпуса, при этом разнеся почти целиком руль направления. В результате прямых попаданий был уничтожен ауспекс и пробита система охлаждения, потрескались боковые стекла белой кабины Скальтера.

— «Умбра Семь»! «Умбра Семь»! — в отчаянии закричал Ван Тул.

Ошеломленный Скальтер услышал его голос и обернулся. Его кабина быстро заполнялась синим дымом. Он растерянно перевел взгляд на разбитые приборы. На тех нескольких панелях, что еще функционировали, везде горели аварийные индикаторы: «Перегрев», «Утечка», «Недостаток давления», «Отсутствие энергоснабжения»...

— Скальтер, вы меня слышите?

Скальтер посмотрел вниз, и из его груди вырвался стон. По крайней мере одна из очередей попала в нижнюю часть его туловища. Он просто не мог поверить, что это кровавое месиво имеет к нему какое-то отношение. Он не чувствовал ног.

Он уже почти ничего не чувствовал...

— Скальтер!

— Все на четыре-А... — чуть слышно прошептал он. — Получил небольшое повреждение.

— Седьмой, если не можете лететь, катапультируйтесь, во имя Трона!

Из последних сил Скальтер протянул руку к рычагу управления. Тот уже вышел из строя и свободно болтался из стороны в сторону. Контроль над самолетом был утрачен. Разбитая машина просто летела по прямой. Он снова посмотрел вниз. Не было никакой возможности катапультироваться. Да и какой смысл?

Скальтер поднял взгляд. Тяжелый бомбардировщик, на который он нацеливался, все еще маячил впереди, продолжая свое движение.

Пилот положил руку на дроссель.

— За Энозис и Императора! — прошептал он и дал полный газ.

«Умбра Семь» резко ускорилась и с разгону протаранила левый борт тяжелого бомбардировщика. Гигантский огненный смерч поглотил оба самолета.

— Скальтер погиб! Скальтер погиб! — услышал Марквол ужасный крик Ван Тула.

Но чудовищные перегрузки не дали ему возможности ответить. Сейчас он совершал крутой разворот в мертвой петле, пытаясь таким образом оторваться от севшей ему на хвост розово-лиловой «Бритвы». Марквол ощутил, как задрожал его самолет, когда выпущенные противником снаряды сдирали стальную обшивку с корпуса. Тогда юноша внезапно заложил вираж, так что его душу чуть не вытряхнуло из тела, и тем самым заставил «Бритву» проскочить под его машиной. Теперь уже имперский летчик оказался сзади. Марквол знал: противник должен вот-вот уйти в отрыв. Но куда? «А куда бы ты сам рванулся?» — обычно в таких случаях вопросом на вопрос отвечала Джагди.

Марквол бросил самолет вправо, и «Бритва» в то же мгновение повторила его маневр. Прозвучал сигнал захвата цели. Марквол победно закричал, когда производил залп. «Двуглавый орел» еще не выпустил снаряд, а он уже знал, что попал

в цель. Розово-лиловая «Адская бритва» завертелась волчком и затем по спирали, как сухой осенний лист, полетела навстречу водной стихии. Марквол оставалось только надеяться, что кто-то еще видел этот его подвиг. Он от души надеялся, что...

— «Умбра Шесть»! «Умбра Шесть»! Доложите, что у вас?! — неожиданно донесся из вокса крик Джагди.

Хотя рядом не было никаких противников, носовую часть «Громовой стрелы» Дель Рут, казалось, разрывали снаряды. Мощные разрывы сотрясали корпус ее самолета и срывали с него обшивку.

— Ничего не понимаю... — начала она.

Все дело было в том повреждении зарядного устройства, которое имело место несколько минут назад. Возможно, произошел опасный нагрев в месте попадания, а может, с запозданием сдетонировал застрявший в зарядном механизме вражеский снаряд, но боекомплект начал взрываться. Истребитель Эггуилы уничтожали ее же

собственные снаряды! Джагди в ужасе наблюдала, как они взрываются один за другим, разрушая стенки корпуса, отрывая сопла двигателей... Последний взрыв вывел из строя радиатор.

Уже безнадежно разбитая, «Громовая стрела» Дель Рут стала быстро терять высоту.

— Эгги! Выходи из боя! Быстро! — срывала голос Джагди.

— Не могу! Приказ невыполним — рычаг заклинило! — крикнула в ответ Дель Рут.

— Катапультируйся, Эгги! Ради Святого Трона, катапультируйся!

Горящая машина стала стремительно удаляться. Джагди увидела яркую вспышку и темное пятно дыма. Далеко внизу раскрылся парашют — крошечная светлая точка на фоне холодных, цвета стали, морских волн.

Остров Люцерна. Местная ВВ, 15.20

Когда их самолеты заправляли горючим и боеприпасами, почти никто не

выразил желания разговаривать. Физическое и нервное утомление не могло не сказаться, но осознание потери близких товарищей угнетало даже больше. Их сердца ныли так же, как и суставы тел. У большинства пилотов были серьезно нарушены кровообращение и вестибулярный аппарат. Многим было трудно даже просто пройтись по ангару.

Они уже готовились взлетать, когда за несколько минут до шестнадцати ноль-ноль Командный Центр сообщил, что вторая волна бомбардировщиков окончательно рассеяна невдалеке от Зофоса. После четырех часов непрерывных атак движение боевых построений Архенети было практически остановлено, и противник вынужденно повернул назад.

Если готовится третья волна, они ее увидят в ближайшие часов пять...

— Что ж, тройка — счастливое число, — заметил Земмик.

— Вот только для кого? — спросил Камински, задумчиво глядя в небо.

В небе над Студеными

островами, 18.23

Они быстро вернулись. Словно стая изголодавшихся волков, которые почуяли, что у их жертвы иссякают последние силы. «А может, и сами в отчаянии», — подумала Джагди.

Третья волна бомбардировщиков поднялась над побережьем, когда уже начали сгущаться непривычно ранние для этого времени года сумерки. Казалось, она была не менее значительна, чем две предыдущие. И как только так выходит, что этих сукиных детей уже столько сбили, а их ряды все не редеют?!

Оставшиеся восемь машин звена «Умбра» взлетели с острова вместе еще с четырьмя эскадрильями «Громовых стрел» и, набрав высоту девять тысяч метров, стали кружить над архипелагом в ожидании приближения вражеских авиагрупп. Другие базы также подняли свои бригады.

В небе вытянулась длинная вереница самолетов.

Сражение началось в восемнадцать сорок пять. Сразу же стала ясна новая

тактика противника. Обескураженное упорным сопротивлением ВВС Космического Флота, командование Архенеми приняло решение направить передовые группы бомбардировщиков к островам архипелага, чтобы те, пролетая на низкой высоте, постарались уничтожить скрытые имперские базы. Затем с этих передовых позиций малые волны бомбардировщиков, видимо, должны были пересечь пролив Джабез и после островов нанести бомбовый удар по Тамуде. Уже теперь ослепительные всполохи ужасных взрывов подсвечивали сумеречное небо над самой южной частью островной гряды.

Имперские самолеты ворвались в боевые порядки бомбардировщиков, стараясь оттеснить их от островов, даже когда те уже начали сбрасывать свой смертоносный груз.

— Я не вижу истребителей, — сообщил Марквол.

— Будут тебе истребители, — отозвался Бланшер. Дэрроу сразу же сбил свой седьмой за этот день самолет и

затем, добавив газу, присоединился к Вилтри, который атаковал сейчас сверхтяжелый бомбардировщик противника. Задымленное небо прорезали десятки трассирующих очередей.

Джагди на крутом вираже развернула свою машину. Она не могла видеть, как сражаются Зетмик и Ван Тул, но прекрасно слышала их по связи. Бланшер же и Калинский сейчас атаковали тройку «Мучителей». Она почти уже начала заход на «Адский коготь», когда увидела эскорт «летучих мышей», несущийся к ним наперехват.

— «Летучие мыши» на два часа! Более двадцати! — крикнула Джагди.

Это были «Бритвы». Большинство — черного и красного цветов. Несколько светло-малиновых. Один жемчужно-белый.

Сам «убийца» и его «летный цирк» вступали в бой! Два истребителя его бригады сразу же атаковали и уничтожили две «Громовых стрелы» из Девяносто шестой бригады Космического флота, которые даже толком не успели среагировать на столь стремительные

действия противника.

— «Умбра»! Рассыпаемся! Немедленно в сторону! — приказала Джагди и, открыв дроссель, направила свою машину на главный, жемчужный самолет Архенети.

Его вираж в сторону оставил ее не у дел, но она, совершив крутой разворот, постаралась сесть ему на хвост. Враг не стал этого дожидаться и, использовав отклоняемый вектор тяги, резко ушел влево, так что оказался прямо под ее самолетом. В отчаянной попытке уйти от его атаки командир бросила свою «Громовую стрелу» вниз и, поднырнув, зашла к «Бритве» справа, но та, резко развернувшись, метнулась от нее куда-то влево.

На какое-то мгновение Джагди даже поверила, что ей удалось напугать знаменитого аса, но тут же с ужасом поняла, что это он сам хитрым маневром вывел ее под атаку двух своих малиновых истребителей. Бортовой номер Ноль-Два весь затрясся, когда мощные лазерные разряды прожгли его крылья. Джагди рванула рычаг управления и, выполнив

«бочку», постаралась зайти к «Бритвам» снизу, но они были не менее проворны, чем их командир, и упрямо держались у нее на хвосте.

— Трон Земли! — вскричала Джагди, отчаянно пытаясь уйти от преследования.

Развив скорость, намного превышающую все разумные пределы для столь густо заполненного авиацией неба, ее самолет чуть было не протаранил один из «Адских когтей», и ей пришлось облететь его снизу, теряя драгоценную в данной ситуации скорость. Еще один залп «Бритв» опалил ей хвостовой стабилизатор. Два других пробили сенсорные кластеры, и экран аус-пекса пару раз мигнул и затух. Используя отклоняемый вектор тяги, Джагди все же вышла из пике и начала набирать высоту, направив самолет между двумя «Мучителями», которые обрушили на него яростный огонь из своих турелей.

Видя ее отчаянное положение, Вилтри оставил уже изрядно потрепанный им сверхтяжелый бомбардировщик противника и, направив

свою «Громовую стрелу» сквозь вражеский строй, на полной скорости влетел в густую пелену дыма, где вел неравную борьбу ведущий самолет бригады.

— Джагди! Уходи влево! — крикнул он.

Та повернула, но малиновые «летучие мыши» умелым маневром преградили ей путь. Вилтри открыл по ним огонь, но безуспешно. Его система наведения еще не могла осуществить захват цели. Похоже, ему не успеть...

Бланшер и Каминский также бросили атакуемые ими бомбардировщики и спикировали в направлении Джагди. Тут Каминский впервые увидел жемчужно-белую «Бритву». Словно привидение, та внезапно появилась из густых облаков фицелина, изрыгая огонь из своих орудийных гнезд. Ужасный удар сотряс «Умбра Два», и в его хвостовой части появились огромные пробоины.

— Бланшер! — закричал Каминский.

Бланшер хотел было использовать отклоняемый вектор тяги, как он сам не раз учил Каминского, и так уйти от преследования. К несчастью, все

направляемые сопла уже были выведены из строя. Белая «летучая мышь» снова произвела залп, и на хвостовую часть самолета Бланшера обрушились волна огня и град трассирующих снарядов. Последние пробили баки ракетного двигателя «Громовой стрелы» и воспламенили ее гиперголическое топливо. Раскаленная зеленовато-белая струя вырвалась из-под обшивки стального корпуса. Самолет Бланшера начал резко терять высоту.

Не обращая на «белого убийцу» никакого внимания, Каминский бросил свою машину в пике вслед за «Умброй Два». Теперь самолет Бланшера был уже охвачен пламенем от носового конуса до самой хвостовой части.

— Прыгай! Прыгай, Милан, катапультируйся!

— Не могу! Я... я не могу... кабину заклинило!

— Бланшер!

«Громовая стрела» Бланшера уже больше не была похожа на самолет. Со стороны она, скорее, напоминала летящую

к земле комету... Метеор, неуправляемый огненный шар, настолько яркий, что на него было больно смотреть. Однако, пикируя рядом с ним, Каминский ни на мгновение не отводил взгляда. Он слишком хорошо знал, что такое огонь. Он также знал весь тот ужас, который испытывает пилот, находясь в горящей кабине.

Бланшер начал кричать. Видимо, огонь проник внутрь. Очень скоро то, что доносилось из вокса, перестало напоминать человеческий голос.

Каминский даже испытал облегчение, когда этот сгусток адского пламени наконец рухнул в море.

Обаркон с любопытством наблюдал за действиями имперского пилота, который принял странное решение и последовал за горящим самолетом своего ведущего. Как нелепо! Как будто он мог ему чем-то помочь!

Между тем это сделало его чрезвычайно легкой целью. Обаркон без промедления бросил свою «Бритву» в пике, сразу почувствовав, как гравитационные доспехи плотно облегли его тело, а

кардиоцентрифуги выровняли немного ускорившийся пульс. Он несколько раз моргнул, чтобы сфокусировать оптический прицел и установить оранжевый маркер на хвостовой части имперского самолета. Внимание-Цель обнаружена. Так... еще немного...

Внезапно в кабине зазвучал сигнал тревоги. Обаркон взглянул вверх и инстинктивно поднял носовой конус своей «Бритвы», тем самым выпуская из прицела уже захваченную цель. Несколько снарядов пролетело совсем рядом с его самолетом.

— Кому-то не терпится умереть, — пробормотал Обаркон.

Дэрроу быстро и уверенно шел на сближение. Он открыл огонь сразу, как только смог, но прекратил стрельбу, лишь когда оказался на выгодной для себя дистанции. Белая «летучая мышь» тут же ушла с линии огня и, развернувшись на вираже, полетела прочь.

Дэрроу также развернул самолет и бросился в погоню. Сегодня уже не будет как в прошлый раз, когда он, управляя

устаревшей машиной, был вынужден бежать без оглядки. Теперь он пилот «Громовой стрелы»! А вот этому сукиному сыну в белой «летучей мыши», который уничтожил почти все звено «Охота», а косвенным образом — и Хекеля, теперь придется от него побегать.

Дополнительное включение отклоняемых сопел и последовавшее за ним увеличение скорости все приближали и приближали Дэрроу к вражескому самолету, несмотря на все идеально исполненные противником виражи. Дэрроу дважды производил захват цели, но оба раза «Бритве» удалось ускользнуть. Теперь имперский летчик с нетерпением ждал свой третий шанс.

«Становится интересно, — подумал Обаркон, чей ровный пульс за последние минуты нисколько не изменился. — Этот, пожалуй, не лишен некоторых достоинств. Летает, вцепившись в небо». В любое другое время он бы с этим молокососом порезвился, но сегодня великий день, и впереди еще полно работы. Дуэль надо было заканчивать.

Белая «летучая мышь» скользнула вниз и, опустившись до высоты не более пятидесяти метров, принялась носиться над бухтами и фьордами со скоростью, которая Дэрроу в подобных обстоятельствах казалась абсолютно невозможной. Каждый поворот здесь таил опасность. Можно было запросто влететь в отвесный утес или задеть крылом выступ скальной породы.

Он держался на хвосте у «летучей мыши» так долго, как только мог, но затем был вынужден взмыть, потому что — он это точно знал — уже не было другого способа миновать выступающий впереди атолл. Белая «Бритва» сначала пропустила его над собой, а затем метнулась следом, тут же открыв огонь. Дэрроу попробовал вырваться, но поздно: «летучая мышь» уже словно приклеилась.

Внезапно появилась вторая «Громовая стрела» и выпустила по «Бритве» целую россыпь снарядов.

Это был Марквол.

В последнем вираже Вилтри использовал всю мощь своей машины и, как

только представилась такая возможность, снова произвел залп. Наконец-то ему удалось напугать малиновых «летучих мышей», так что они рванулись в сторону, прекратив преследование Джагди. Одна из них описала в небе петлю и, возвращаясь, уже готовилась вступить в бой с самолетом Вилтри.

— Уклоняйся! Уходи в сторону! — приказала Джагди.

Вилтри подчинился и, не обращая внимания на заходящего на атаку противника, бросил свою машину вслед за другой «Бритвой», стараясь сразу же выйти на убойную позицию. Между тем Джагди произвела широкий разворот и уже готова была прикрыть Вилтри от удара с тыла.

Вилтри открыл огонь, и малиновую «летучую мышь» тут же разнесло на части мощным взрывом.

Мгновением позже Джагди в лобовой атаке поймала в прицел другую «Бритву» и просто смела ее с неба.

Безнадежная атака Марквола тем не менее подарила Дэрроу несколько

драгоценных мгновений, за которые он успел оторваться от противника. Белая «летучая мышь» сразу же развернулась и устремилась навстречу «Умбре Восемь».

— Он мой! — крикнул Марквол. — У меня с ним личные счеты!

«Так же как и у меня, — подумал Дэрроу. — Но я не уверен, что нам удастся с ним поквитаться».

Марквол вновь открыл стрельбу, но «Бритва», выполнив поворот вокруг оси, скользнула под носовой конус «Громовой стрелы» и таким образом вышла из сектора его огня. Марквол тут же заложил вираж, что в данной ситуации было абсолютно верно, но белая «летучая мышь», использовав отклоняемый вектор тяги, уже подкорректировала свое движение в мертвой петле и буквально упала на него сверху. Из орудийных гнезд «Бритвы» прогремело несколько залпов.

Дэрроу в ужасе смотрел, как снаряды врезаются в обшивку средней части самолета Марквола.

Юный пилот судорожно потянул за рычаг управления. Он увидел, как

взорвалось сопло одного из двигателей, и ощутил дрожь в стальном корпусе «Громовой стрелы», когда сразу несколько пулеметных очередей прошили ее борта. Разрывные пули сыпались вокруг, и две из них повредили канистру с дыхательной смесью, также пробив радиатор. Две другие вывели из строя систему катапультирования и разметали по кабине куски парашютной ткани. Снаряд, угодивший в стальное сиденье, разлетелся шрапнелью, и один из осколков резанул по левой икре пилота. Другой, вылетев из-под сиденья, глубоко впился в его левое бедро.

Марквол дико закричал от боли и на мгновение потерял контроль над самолетом. Его «Громовая стрела» резко пошла вниз, но юноша из последних сил потянул на себя рычаг и снова выправил положение. Оглянувшись, он увидел, как липкая кровь стекает по внутренним стенкам его кабины.

Тем временем самолет Дэрроу закладывал вираж. Понимая, что после такой атаки машина Марквола представляет собой легкую мишень, Энрик

открыл дроссель и бросил свою «Стрелу» наперерез жемчужно-белой «летучей мыши», по ходу движения разворачиваясь, умышленно выставляя себя заманчивой для врага целью. «Бритва» тут же последовала за ним.

Подранок никуда не денется. Обаркон понимал, что сначала ему следует разобраться с более достойным противником. Особенно теперь, когда этот юнец совершил грубую ошибку и, позволив зайти себе в хвост, стал уязвимым для пушек предводителя летного эшелона.

Вновь на его сетчатке проявилась автоматическая система наведения. В середину выплыл оранжевый маркер...

Дэрроу на бреющем полете пошел над атоллами. Чтобы спасти Марквола, он выставил себя легкой целью. Бежать, спасая свою жизнь, конечно, не самый лучший способ сражаться с врагом, но он хорошо помнил слова Идса: «С отступлением всегда трудно смириться, но ты, как воин, станешь намного более совершенным, Энрик, если поймешь, что

иногда это просто единственный путь к победе».

— Давай! Отлично! Попробуй взять меня! — кричал, не помня себя, Дэрроу. — Ты не смог сбить меня прежде, ты не сможешь сбить меня и теперь!

Дэрроу понесся между островками и выступающими из воды скалами, выхлопной волной поднимая брызги с морской поверхности. Он летел на одном инстинкте, напрягая каждый нерв своего тела. Он понятия не имел, как будет облетать многочисленные препятствия. Времени для обдумывания не было вовсе: жемчужно-белая «летучая мышь» уже дышала ему в спину. «Бритва» выстрелила дважды, трижды, однако ни разу не попала в «Умбру Девять» и лишь выбила несколько каменных глыб из нагромождения островных скал.

Хм... Он и в самом деле летит, вцепившись в небо. Какое мастерство! Это напомнило Обаркону один случай, который произошел с ним над Маканайтскими горами. Теперь вот появился еще один щенок, в чьих жилах течет прометий

вместо крови.

Однако затянувшуюся игру нужно было заканчивать.

Внимание...

Цель обнаружена.

— Спокойной ночи! — сказал Обаркон, и его жилистые пальцы надавили гашетку.

Дэрроу услышал пронзительные гудки системы слежения.

— «Умбра Восемь»! Ради Трона!.. Долго мне его еще отвлекать?!

Жемчужно-белая «Бритва» начала стрелять.

Сразу два снаряда пробили хвостовой стабилизатор самолета Дэрроу.

Вандер Марквол уже бросился на помощь и, разогнав свою «Громовую стрелу» до скорости свыше девятисот километров в час, пролетал сейчас над плато одного из атоллов. Он молнией пронесся над самолетом Дэрроу и тут же открыл беспрерывный зенитный огонь по «летучей мыши», которая вдруг оказалась прямо перед ним.

Этим яростным залпам не требовался специальный угол отклонения.

Машина Обаркона сама влетела в огненный ураган, уже не имея никакой возможности изменить курс.

За доли секунды жемчужно-белая «Бритва» превратилась в нечто бесформенное. Ее пробитый во многих местах корпус стал разламываться на части. Из-за чудовищного давления образовались трещины, откуда, как струпья мертвой кожи, стали слетать листы стальной обшивки. Трассирующий орудийный снаряд мгновенно уничтожил пилота. Затем, произведя чудовищный взрыв, сдетонировали двигатель и батареи орудий.

Самолет Марквола нырнул в пелену огня и благополучно оказался на другой его стороне. Бешено крутящиеся куски жемчужно-белой обшивки разлетелись по сторонам и просыпались дождем на лагуну атолла.

— Теперь я ас! — крикнул Марквол.

В небе над Студеными островами, 19.30

Дэрроу снова взмыл в поднебесье, где

воздушный бой был в самом разгаре.

— Я уже думала, что мы тебя потеряли, Девятый, — донесся из вокса голос Джагди.

— Слышу вас хорошо, ведущий. У меня все в порядке. Самолет Маркволла получил повреждения. Я сказал ему лететь на базу.

— Вас поняла.

— Ведущий, он сбил «летучую мышь». Подстрелил «белого убийцу»! И надо сказать, мастерски сделал это.

Джагди лихо пронеслась на своем Ноль-Два сквозь шквал трассирующих очередей. За весь день это была пока единственная новость, услышав которую она улыбнулась.

Картина переполненного авиацией и всполохами огня неба напоминала сцены преисподней, изображенные на фризе древнего храма. Когда самолет Вилтри занял позицию левее и выше, Джагди бросила свою машину вниз, в самое пекло этого чистилища. Она начала мстить за Бланшера...

Остров Люцерна. Местная ВБ,

21.00

На остров почти опустилась тьма, и на аэродроме стало на удивление тихо. Третья волна Архенеми, так и не достигнув поставленной цели, была рассеяна полчаса назад, и внутренний голос подсказывал Бри Джагди, что четвертой уже не будет. По крайней мере не сегодня.

Когда она посадила свой самолет на аэродром, механикам чуть ли не пришлось вытаскивать ее из побитой «Громовой стрелы». Земтик и Ван Тул только что приземлились. Ван Тул харкал кровью. В бою его самолет потерял треть крыла. Вилтри и Каминский, совершенно без сил, уселись на настилы аэродрома, привалившись спиной к холодной стене ангара.

Едва переставляя ноги, Джагди подошла и подсела к ним. Она хотела что-то сказать, но не знала что, да и сил на разговоры уже не осталось.

Дэрроу вернулся последним. Он уже сбил пятнадцать самолетов противника. Трижды ас!

Выбравшись из машины, он бросил на

землю летный шлем и дрожащими пальцами осенил себя знамением аквилы — священного двуглавого орла.

— Командир! — вдруг громко воскликнул он. — Командир Джагди!

Та с трудом поднялась на ноги:

— В чем дело, Дэрроу?

— А где Марквол? — тихо спросил он.

В небе над проливом, 21.01

На высоте шести тысяч метров над проливом Джа-без, все еще продолжая свой ровный и уверенный полет, «Громовая стрела» «Двуглавый орел» — бортовой номер Девять-Девять — сжигал последние резервы горючего. Бескрайний океан раскинулся под ним.

В летном кресле, слегка свесив голову, неподвижно сидел Вандер Марквол.

Из вокса не переставая доносились какие-то скрипучие голоса:

— «Умбра Восемь»! «Умбра Восемь»! Говорит Командный Центр Люцерны. Вы нас слышите? Отвечайте!

Марквол не отвечал. Углекислота, ставшая понемногу вытекать из

поврежденной снарядом системы регуляции дыхания, уже полчаса как заполнила его кабину.

Однако, до конца верный своему предназначению, боевой самолет все еще продолжал лететь, и ночная мгла, понемногу сгущаясь над океаном, скрыла последние минуты его долгой и мучительной жизни.

Эпилог

Четвертой волны не последовало. Ни в тот день, ни в какой-либо другой. Хотя война в небе Энозиса продолжалась еще более трех недель, потери, которые понесли ВВС Архенеми, оказались настолько серьезны, что это, похоже, навсегда отбило у них охоту повторять подобные попытки.

Битва над Зофонианским морем, как теперь называют эти сражения в учебниках истории, не была последней в Энозианской войне, однако, несомненно, оказалась решающей. В последующие несколько недель лорд-мили-мант Хьюмел начал свое знаменитое контрнаступление, после чего, при поддержке сил подкрепления, прибывших из звездного скопления Хана, Имперская Гвардия высадилась на южном побережье и совершила впечатляющий рейд по тылам деморализованного противника. После месяцев ожесточенного сопротивления в 62-й день 774.М41 окончательно пали Ульи

Тринити. К тому времени верховный магистр Архенети Сек уже бежал с планеты. Согласно официальным сводкам, первым подразделением, которое ворвалось в Ворота Тринити, был танковый полк под командованием капитана Робарта Ле Гуина.

За все время воздушных боев над Зофонианским морем потери Имперских ВВС составили девятьсот сорок восемь сбитых самолетов против семи тысяч восьмисот сорока документально подтвержденных уничтоженных машин Архенети. Из всех авиабригад, которые участвовали в боевых действиях, высочайший средний показатель воздушных побед в расчете на одного летчика оказался у Сто первой бригады Апостолов, однако целых три летных соединения, включая «фантин XX», превзошли их по общему числу сбитых самолетов противника.

В одном из официальных документов, которые дошли до нас с тех, уже далеких, дней, есть запись о том, что пилот «Мародера» капитан Оскар Вилтри

геройски погиб в бою над одним из районов
Внутренней пустыни в 260-й день 773.M41
по имперскому летоисчислению.